

221

ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

ЖУРНАЛ ИСПАРТА УКРАИНЫ

№ 3

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
1925

ИСПАРТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (б) УКРАИНЫ

ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ КП(б)У
И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
НА УКРАИНЕ

№ 3 (12)

МАЙ—ИЮНЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
1925

Типография Государственного
Издательства Украины № 1
им. Г. И. Петровского, Харьков

Содержание

СТР.

ОТДЕЛ I. СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

1. Социал - демократический союз горнозаводских рабочих
(из истории ревдвижения в Донбассе) — Харечко . . . 5 — 49
2. Из истории рабочего движения на Криворожьи — В. Ва-
лявко 50 — 76
3. Очерки по истории „Спилки“ (окончание) — А. Риш . . . 77 — 107
4. Провал конференции Южно - Русских Социал - Демократи-
ческих организаций (1906 г.) — С. Яворский 108 — 128
5. В рядах Харьковской Социал - Демократической органи-
зации (1893 — 1900 г.г.) — Л. Фейнберг 129 — 159
6. Майские события 1900 г. в Харькове (по неизданным
матер.) — В. Руднев 160 — 170
7. Первомайская демонстрация 1900 г. (из воспоминаний) —
В. Матросов 171 — 180
8. Памяти товарища (материалы к биографии) Ю. Лутови-
нова — И. Николаенко 181 — 188
9. Ганна Хоперська — Э. С. 189 — 192

ОТДЕЛ II. МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

10. Редкий документ времен Коммуны 193 — 194
11. Из материалов социал - демократического союза горно -
заводских рабочих (циркуляры, листовки) 195 — 217
12. К событиям 1 - го мая 1900 г. в Харькове (листовки Харь-
ковской организации РСДРП) 218 — 223

ОТДЕЛ III. ХРОНИКА

13. Всеукраинское Совещание Истпарта (продолжение) . . . 224 — 237
14. Вокруг работы Истпарта (обзор) 237 — 243
15. Работа Запорожского Истпарта 244 — 245
16. Деятельность Харьк. Губистпарта 246 — 247
17. Письма в редакцию 248 — 250

Социал - демократический союз горно- заводских рабочих

(Из истории революционного движения в Донбассе 1900 — 1908 г. г.)

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНБАССА

Организованное рабочее движение, руководимое социал - демократией, возникает в Донбассе гораздо позже, чем в других, более старых, промышленных районах и городах. Первые даты, возникновения с. - д. групп, кружков и организаций относятся к периоду промышленного кризиса начала 1900 г.г. В этом нет ничего удивительного, так как только к этому времени Донбасс вырос в промышленный район первостепенного значения с крепким слоем в несколько десятков тысяч пролетариев, вышедших из среды крестьянства и прошедших через временную работу на заводах и шахтах.

Промышленное возрождение Донбасса началось с 70 г.г., когда в его недра широкой рекой потекли иностранные капиталы, когда громадный размах железнодорожного строительства в стране расширял с каждым годом рынок для металла и угля. И Донецкий бассейн просыпается от вековой дремоты. Его широкополые, ковыльные степи покрываются гигантами - заводами и шахтами, оборудованными по последнему слову европейской капиталистической техники, с тысячами и десятками тысяч рабочих.

Начиная с 70 г.г., когда было приступлено к разработке мощных залежей криворожской железной руды, Донбасс стремительно прокладывает себе пути на передовые позиции российской тяжелой индустрии. В 1869 г., когда был подписан договор на первую металлургическую концессию Юза, Донбасс добывал только 324 тыс. пудов чугуна и около 12 милл. пудов угля, в то время, как Урал добывал 13.402 тыс. пудов чугуна, а Домбровский бассейн около 20 милл. пудов угля. В общероссийской добыче чугуна и угля Донбасс занимал еще менее почетное место. Тогда борьба с Уралом и Домбровским бассейном за первенство казалась неосуществимой задачей. Но в течение 70 и 80 г.г. Донбасс перерезается железнодорожными магистралями, соединяющими его с крупнейшими городами страны, с морскими портами

и Криворожским железорудным бассейном. Создается как бы грандиозный металлургический комбинат неисчерпаемых залежей коксующегося донецкого угля и высокосортной железной руды. И уже в 1890 году в Донбассе (и на юге России) работает по металлургии пять акционерных предприятий с основным капиталом в 13,75 милл. рублей, производящих 13,41 милл. пудов чугуна, а добыча угля поднимается до 183,25 милл. пудов. В это время Донбасс по добыче угля оставляет за собой Домбровский бассейн, достигая 50% всероссийской добычи. По чугуну он догоняет Урал и становится весьма заметной величиной во всероссийском металлическом балансе.

Своими богатствами Донбасс привлекает внимание не только русской буржуазии, но и, особенно, европейской. Вслед за английскими капиталами широкой волной вливаются в Донбасс французские и бельгийские. Девяностые годы, годы величайшего по объему и темпу промышленного подъема в России, выдвигают Донбасс в ранг района тяжелой индустрии мирового значения. Акции предприятий Донбасса стоят твердо и высоко на мировых биржах в Лондоне, Париже, Брюсселе. В результате подъема в 1900 году в Донбассе (и на юге) работает по металлургии уже 21 акционерное предприятие с основным капиталом в 143,96 милл. рублей и с добычей чугуна в 91,55 милл. пуд., а добыча угля взлетает до 671,65 милл. пудов. К началу XX в. Донбасс обгоняет Урал по чугуну почти вдвое, а Домбровский бассейн по углю почти втрое. В общероссийской добыче Донбасс дает уже 53% чугуна и 68% угля.

Таким образом, за 30 лет концессионной промышленности Донбасс побивает всех своих конкурентов и приобретает первостепенное значение в хозяйстве страны, благодаря необычайно быстрому темпу развертывания своей промышленности. Достаточно сравнить, хотя бы только за 90 г.г., темп роста тяжелой индустрии в России и в Донбассе. За десять лет добыча угля по всей России возрасла на 173%, а в Донбассе на 266%; добыча чугуна возрасла по России на 222%, а в Донбассе на 600%. Еще выше темп роста добычи железной руды: по России — на 266%, а по югу — на 813%. Эта сказочная быстрота промышленного развития Донбасса поставила Россию по темпу развития тяжелой индустрии, по сравнению с границей, на первое место. В то время, как Франция увеличила свою выплавку чугуна за 1890—1900 г.г. на 58%, Англия на 13%, С. Штаты Сев. Америки на 76%, Германия на 61%, — в России она выросла на 220%. Производство железа и стали возрасло за это время во Франции на 42%, в С. Штатах на 50%, в Германии на 91%, а в России на 196%.

В общем, к началу 900 г.г., к моменту возникновения в Донбассе рабочего движения, руководимого социал-демократическими организациями, в основном промышленность сложилась такой, какой мы ее знали перед революцией 1917 года. К этому времени Донбасс был обо-

рудован всеми ныне существующими железнодорожными магистралями, за исключением Северо-Донецкой и Второй Екатерининской дороги, и имел около половины ныне существующих подъездных путей, что особенно способствовало развитию добычи угля и чугуна. Тогда уже работали металлургические заводы: Юзовский, Сулинский, Кадиевский, Торецкий, Дружковский, Петровский, Краматорский, Юрьевский (ДЮМО), Константиновский, Никополь-Мариупольский, Провиданс, Макеевский, Таганрогский, и за пределами Донбасса на донецком топливе: Брянский в Екатеринославе, Каменской и Гланцевский. Из машиностроительных заводов работали: Гартманский, Дебальцевский, Горловский, Краматорский. В каменноугольной промышленности также работали к началу 900 г.г. крупнейшие — ныне существующие — предприятия. Достаточно указать, что доля добычи предприятий, возникших до 1902 года с годовой продукцией свыше 1 милл. пудов, в общей добыче угля в 1912 году составила 91,6%. Донбасс вырос в крупнейший промышленный район с 120 тыс. рабочих, занятых только по добыче угля и металла, не считая железнодорожников и рабочих химических, керамических и др. производств.

Но нас в данном случае интересует состояние промышленности Донбасса в период зарождения социал-демократических организаций на заводах и в шахтах. Это относится к началу 900 г.г., когда донецкая индустрия вступила в полосу общероссийского и мирового промышленного кризиса. Общий кризис, начавшийся в 1899 году, с падением учетного процента и краха ряда банков и предприятий, дал себя знать в металлургической и каменноугольной промышленности только в 1900 г. В донецкой промышленности кризис начинается стремительным падением цен на чугун, железо и уголь. Летом 1900 г. цены на чугун падают с 70 — 80 к. до 50 — 53 к., а к концу года опускаются до 45 — 48 к.; в течение 1901 г. в Одессе чугун падает с 80 к. до 60 к., в Петербурге с 97 к. до 73 к. Цены на сортовое железо на юге России в конце 1900 г. падают с 1 р. 68 к. до 1 р. 40 к. в 1901 г.; цены на рядовой уголь в начале 1900 г. падают с 11 коп. до 9 к. и затем, понижаясь в конце 1902 года, скатываются до 6 — 7 к. С такой же неуклонностью в эти годы падали цены на высшие сорта угля, на кокс и антрацит.

Падение цен на уголь и железо, происходившее одновременно с таким же падением цен и на другие товары, развернулось в 1902 г. в общий кризис товарных цен. Создалась застойная рыночная конъюнктура. На заводах и рудниках скопились небывалые запасы металла и угля. Промышленность Донбасса не выдержала натиска кризиса цен. Началось падение производства. Выплавка чугуна с 92,5 милл. пудов в 1900 году постепенно падает до 83,4 милл. пудов в 1903 г. Количество действующих доменных печей идет на понижение от 35 с начала 1900 г. до 23 в конце 1902 г. В 1901 г. стояло за недостатком

работы 26 доменных печей и ожидалась в этом году выплавка чугуна в 88 милл. пуд., в то время как полная нагрузка заводов достигала 161 милл. пуд. Несколько менее чувствительно было падение производства в каменноугольной промышленности. Добыча падает только в 1902 г. до 654,9 милл. пуд. с 674,8 милл. пуд. — высшей точки подъема 1901 г.

Сокращение добычи угля и закрытие почти половины доменных печей вызывает массовый расчет рабочих. На доменных заводах в 1902 году работает на 27% рабочих меньше, чем в 1899 г., а на передельных заводах на 17% меньше, чем в 1900 г., что составляет, в общем, сокращение почти на 15 тысяч человек. На шахтах количество рабочих сокращается с 82.240 (в 1900 г.) до 76.031 (в 1902 г.). Таким образом, образуется многотысячная армия безработных, постепенно увеличиваемая новым притоком рабочих рук, гонимых из деревень хроническими недородами.

Вот что пишет по этому поводу „Южный Рабочий“: „В Екатеринославе, Харькове, Одессе, Николаеве, Мариуполе, Юзовке и др. местах — везде сокращение работ, увольнение рабочих десятками, сотнями, везде ужасы нужды и призрак голодной смерти встает в рабочих поселках. Заработная плата упала до последней степени; дошло до того, что на всем юге почти нигде не вырабатывают аккорда“...

„В Юзовке отменены ночные работы (раньше работа производилась безостановочно в три смены). Происходит постепенное увольнение рабочих небольшими партиями... В особенно широких размерах происходит увольнение в Екатеринославе; некоторые заводы, как например, вагонные мастерские Франко-русского Общества, пользуются этим случаем, чтобы заменить боевой и сознательный состав своих рабочих покорными сермягами“¹⁾.

Вследствие безработицы ухудшилось также положение работающих шахтеров и металлистов. Угроза быть выброшенным заставляла соглашаться на самые каторжные условия. Достаточно привести несколько цифр. За 12-часовой рабочий день средний заработок наиболее старательных рабочих шахтеров не превышал 25 руб. в месяц, обыкновенно же составлял 18—20 р. Юзовские металлисты сдельно вырабатывали до 37 рублей, поденные зарабатывали до 23 р. в месяц. Это — зарплата периода наивысшего промышленного подъема 90 г.г.

В период промышленного кризиса эта зарплата, номинально оставаясь на том же уровне, реально падала, вследствие роста дороговизны и повышения норм выработки. „На многих копях работы ведутся только в одну смену, на других не все шахты разрабатываются. Все это отразилось, конечно, на рабочей плате, которая понизилась на 30—35%, а местами и больше“²⁾.

¹⁾ „Южный Рабочий“, № 3, ноябрь 1900 г.

²⁾ И. - Р. Архив, дело Деп. Полиц., О. О. № 4, ч. 18, л. Г. 1898 г. Губернатор Келлер. „Записка по рабочему вопросу в Екат. губ.“ в мае 1902 г.

На Чулковском руднике зарплата понижается на 20 — 30%, а для глейщиков она падает за время кризиса, с 30 — 40 к. до 17 — 20 к. В Луганске понижают расценки и поэтому за 2 года кризиса зарплата слесарей упала с 80 — 90 р. до 35 — 40 р. в месяц. В общем, зарплата в Донбассе переживала кризис, аналогичный общероссийскому. Если зарплату фабричного рабочего в 1892 г. принять за 100, то для 1902 г. она будет равна 105. Но за этот же период цены на хлеб поднялись на 25%. Необходимо к этому реальному падению зарплаты добавить систему ордерной расплаты через обвешивающие и обмеривающие рабочих рудничные и заводские лавки, варварские жилищные условия, отсутствие нормальной медицинской помощи и даже зачатков страхования от увечья, — чтобы дополнить картину нищенской жизни рабочих.

Иностранный капитал, пользуясь бесправием русских рабочих, беспощадно повышал самыми зверскими мерами норму эксплуатации, не встречая никаких препятствий со стороны местной администрации и горной инспектуры, находившихся фактически на откупу у донецких промышленников. Совет съездов горнопромышленников был фактически единой властью на рудниках и заводах Донбасса и юга России; в его руках была судьба рабочих масс. Интересы высокого дивиденда, доходившего до 60 — 70% на основной капитал на многих акционерных предприятиях, превращали рабочие массы в колониальных рабов.

РАЗВИТИЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

С ростом промышленности Донбасса неразрывно связано развитие рабочего движения. В 70 и 80 г.г. неоднократно вспыхивали забастовки на заводе Юза (май — июнь 1875 г.) и на рудниках (в мае 1887 г. стачка шахтеров на руднике Французского Общества), сопровождавшиеся, обычно, разгромом конторских продуктовых лавок, трактиров и нередко рудничных и заводских контор и зданий. Причиной таких забастовок чаще всего была несвоевременная выдача зарплаты, выдача ее ордерами на ненавистную заводскую лавку, понижение зарплаты, большие штрафы и отсутствие человеческих условий существования. Забастовки возникали стихийно, неорганизованно и заканчивались почти всегда военными усмирениями и полицейской поркой.

В рабочем движении 90 г.г. необходимо отметить два замечательных события — холерный бунт в Юзовке в 1892 году и стачку на мариупольских заводах в июле 1899 г. За несколько недель до холерного бунта началась организованная подготовка к всеобщей забастовке на заводах и рудниках Новороссийского Общества. Был организован рабочими нелегальный стачечный комитет, руководителем

которого являлся заводский рабочий Александр Суворов¹⁾. Назначался даже день выступления. В массах шли разговоры о предстоящей забастовке. Настроение создалось повышенное, весьма напряженное. И в такой атмосфере нарастающей ненависти к угнетателям достаточно было случайного повода — принудительного отправления в барак холерной больной жены рабочего, — чтобы годами накопившееся недовольство вылилось в громадный погром трактиров и магазинов. Инициаторами погрома были наименее сознательные чернорабочие и шахтеры. Заводские рабочие пытались остановить погром, но безуспешно. Подготавливавшаяся стачка была сорвана. Закончился бунт жесточайшим военным усмирением и так называемой шуваловской поркой²⁾. Оказалось много заперотых до-смерти; несколько десятков было предано военному суду, приговорившему 8 человек, и в том числе Суворова, к смертной казни.

Если подготавливавшаяся юзовская стачка несвоевременно провалилась в погромное движение, то, спустя семь лет, такая же стачка на мариупольских заводах „Никополь“ и „Провиданс“ прошла уже от начала до конца организованно. Эта стачка, по пути организованного рабочего движения Донбасса, являлась большим шагом вперед, в сравнении с прошлыми „бунтами против машин“. Рабочие несколько дней дружно и упорно отстаивали предъявленные администрации через своих выборных письменно сформулированные требования. Начались аресты. Рабочие всем заводом выступили на освобождение арестованных. Казаки дали несколько залпов по безоружной толпе, и стачка была затоплена в крови рабочих. Мариупольская стачка по своей выдержке и дисциплинированности напоминает питерские стачки ткачей, которыми руководил „Союз борьбы“. Эта стачка указывала донецким шахтерам новые пути борьбы вместо прежних стихийных бунтарских выступлений.

В годы промышленного кризиса и безработицы стачечное движение по всей России пошло на убыль. Так, в 1902 году — год наибольшего обострения кризиса — число заведений, охваченных стачками снизилось до 123, а число бастовавших рабочих до 36.671, против 189 заведений и 97.498 бастовавших рабочих в 1899 г., но, вместе с тем, кризис и безработица обостряли классовые противоречия и все больше убеждали рабочие массы в безнадежности борьбы за экономические требования, пока на страже интересов капитала стоит царское правительство.

Все большие круги рабочих приходили к пониманию того, что главным врагом рабочего класса является верный пес капитала —

1) По воспоминаниям старого юзовского шахтера Лохмачева, получившего во время шуваловской порки 100 розог.

2) Отдал приказ о порке розгами и самолично руководил этой кровавой экзекуцией царский палач, екатеринославский губернатор Шувалов.

самодержавие. Рабочее движение стало принимать ярко выраженный политический характер, выливалось ли оно в стачки или демонстрации. Стачки приурочивались или к празднованию 1 мая или к 1 марта (день убийства народовольцами царя Александра II) или к 19 февраля (отмена крепостного права). В 1901 году началось демонстрационное движение с участием рабочих в студенческих демонстрациях. В этом же году на призыв социал-демократических организаций праздновать 1 мая откликнулись рабочие Петербурга, Тифлиса, Варшавы, Харькова, Киева, Одессы. Затем движение, все шире и шире разворачиваясь, прошло через рабочую демонстрацию в Екатеринославе в декабре 1901 года, грандиозную демонстрацию в Ростове в ноябре 1902 г. и развернулось под руководством социал-демократических организаций в марте — августе 1903 года в небывалые еще в России всеобщие стачки на юге (Ростов, Баку, Тифлис, Одесса, Киев, Елисаветград, Екатеринослав).

В эти же годы в Донбассе, вследствие сильнейшего обострения кризиса в металлургической промышленности, стачечное движение находилось под тяжелым прессом безработицы. Забастовок было мало, да и то они происходили частично, по цехам или отделам. Крупные стачки, сопровождавшиеся беспорядками, вспыхнули летом 1900 г. на Прохоровском руднике и в Макеевке. Затем, весной и летом 1902 г. происходил ряд стачек в Сулине, на Таганрогском металлургическом заводе и на Чулковском руднике, направленных против понижения расценок и повышения норм выработки. Все донецкие стачки этого периода, несмотря на бушевавшие вокруг Донбасса политические рабочие демонстрации, носили почти исключительно экономический характер.

Кризис и безработица придушили стачечное движение в Донбассе, но они же создали условия для того, чтобы в недалеком будущем стачку превратить в организованное революционное восстание. Удары кризиса выковывали и закаляли волю передовой части шахтеров к борьбе; они же и пробивали брешь в шахтерской отсталости, невежестве и пьянстве, расчищая пути и подготавливая почву для успеха революционной социал-демократической пропаганды.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ КРУЖКИ В ДОНБАССЕ¹⁾

Революционное социал-демократическое движение начиналось везде в России с организации пропагандистских социал-демократи-

¹⁾ В предлагаемом очерке использованы, главным образом, полицейские материалы. Историко-Революц. Архива в Ленинграде (архив б. деп. полиц.), корреспонденции подпольных изданий („Искра“, „Южн. Рабочий“, „Вперед“, „Пролетарий“, „Соц. - Демократ“ и др.), прокламации и воспоминания. Из них наименее надежными, требующими тщательной проверки воспоминаниями участников, являются полицейские материалы.

ческих кружков. На первых порах кружки эти возникали среди передовых элементов рабочего класса, прошедших боевую школу стачечной борьбы, а затем все глубже проникали в рабочие кварталы больших промышленных городов. Первые социал-демократические кружки среди рабочих стали возникать в столицах и промышленных городах, в том числе в Екатеринославе, Ростове и Харькове уже в первой половине 90 г.г. В Донбассе же, по имеющимся данным, такие кружки появляются почти на десятилетие позже — только в начале 900 г.г. Но это, конечно, вовсе не значит, что до этого времени никакой революционной агитации среди рабочих Донбасса не велось. Еще в 80 г.г. южные народовольцы пытались, хотя и безуспешно, поставить свою бунтарскую террористическую пропаганду¹⁾. Остатки таких народовольческих кружков, только тогда уже мирных, культурнических, обнаружил в 1900 г. П. А. Моисеенко на рудниках Юзовского района²⁾. Во второй половине 90 г.г. время от времени в Донбасс залетали прокламации и заезжали агитаторы от Екатеринославской и Ростовской социал-демократической организации. Но самостоятельные, сколько-нибудь политически оформленные с.-д. кружки появляются только с наступлением промышленного кризиса.

Чем же объяснить, что крупнейший в стране промышленный район с таким большим количеством рабочих, расположенный в таком передовом в революционном отношении треугольнике, как Екатеринослав, Ростов, Харьков, почти с 10-тилетним запозданием вступает на путь организованной классовой борьбы?

Основная причина заключалась в том, что подавляющее большинство рабочих рудников и заводов (за исключением высококвалифицированных), примерно 88%, были пришлыми из центральных губерний и крепко связанными с землей на родине. Для них работа в Донбассе была отхожим промыслом, большей частью лишь на зимний период и изредка на более длительный срок: на год или два. Бывали отливы и приливы рабочих. И летние отливы на полевые работы были настолько значительны, что ежегодно создавали весьма чувствительный кризис рабочей силы в Донбассе. Рабочие, на первом плане которых стояли интересы их маленького хозяйства на родине (иногда в соседнем селе), были настроены сугубо индивидуалистически и ни о какой совместной борьбе, угрожавшей срывом их нищенского заработка, они и слушать не желали. И только особо решительные и тяжелые нажимы предпринимателей втягивали их в стихийные выступления.

Не малое значение в отсталости классового сознания рабочих Донбасса играла долгие годы национальная вражда, разжигавшаяся при царизме с их дел мастерами, между местными крестьянами - укра-

¹⁾ „Летопись Революции“ № 2 1923 г., стр. 18 — 19.

²⁾ „Летопись Революции“ № 1 1924 г., стр. 205.

инцами и пришлыми — великороссами. Она систематически выливалась в самые дикие формы поножевщины между „хохлами“ и „кацапами“.

К этим основным причинам необходимо добавить повальную неграмотность и пьянство, разбросанность предприятий по степям, изолированность их от остального населения, представлявшую большое удобство для полиции в смысле слежки за неблагонадежными элементами. Но постепенно, из года в год, часть пришлых рабочих задерживалась на постоянной работе, отрывалась от земли и становилась в ряды заводских и рудничных пролетариев. Этот процесс образования пролетарских кадров быстрее развивался на заводах, где был выше заработок и требовалась квалификация, и медленнее — на шахтах. Два типа промышленных предприятий — рудники и заводы — создали два разных, по степени классовой сознательности и политической зрелости, отряда в рабочем движении Донбасса и всего горнозаводского юга. И в этом смысле весьма правильную характеристику социального положения и настроений шахтеров и заводских рабочих в период кризиса дает губернаторская „Записка“.

„Состав рабочих почти поголовно пришлый, в особенности в каменноугольных коях. Местные жители рабочими в шахты, за редким исключением, не идут, имея возможность применить выгодно свой труд при рудниках и шахтах извозным промыслом. Главный контингент рабочих дают губернии: Орловская, Курская, Черниговская, Рязанская, Костромская, отчасти Воронежская, а также белорусские — Минская и Могилевская.

„Значительно большая часть этих рабочих не порывает окончательно со своим первоначальным земледельческим бытом и смотрит на горнопромышленную работу, как на временную.

„Многие оставляют семейства свои на родине, высылают туда свой заработок и, проработав некоторое время, иногда несколько лет, возвращаются домой; но является все больше и больше таких, которые втягиваются в жизнь рудокопа и к земледельческому труду не возвращаются.

„Вообще элемент горнорабочих представляется менее опасным заводских и фабричных, в смысле склонности к беспорядкам или восприимчивости к разной пропаганде. С точки зрения интеллигентности, грамотности, он значительно ниже последних. Массовые движения в его среде происходят исключительно на почве несправедливых расчетов за труд или понижения заработной платы“.

Несмотря на мирный характер шахтеров, все же губернатор не исключает разных „возможностей“: „При всем том сейчас сказанное не исключает, конечно, возможности и крупных забастовок и массовых беспорядков среди них, каковые примеры имели место в прошлом году в нескольких пунктах“¹⁾.

¹⁾ Из вышеупомянутой „Записки по рабочему вопросу в Екат. губ.“.

Еще более пространную и яркую характеристику губернатор дает „застрельщикам беспорядков“ — заводским рабочим.

„Заводско-фабричные рабочие, как в горных, так и в машиностроительных заводах, отличаются от горнорабочих тем, что они в большинстве, окончательно порвали с земледелием. Специализировавшись на своем деле, приобрет известные привычки и некоторые потребности, которым условия земледельца удовлетворить не могут, они, даже в случае прекращения работ, не возвращаются в деревню, а остаются на местах в ожидании возобновления таковых. Если безработица затягивается, — они, израсходовав все свои сбережения, начинают сильно бедствовать и, будучи без занятий, часто предаются пьянству, разгулу, ложатся бременем на местную благотворительность, представляют удобную почву для пропаганды и готовый материал для организации уличных демонстраций, буйств и производства разных беспорядков.

„Нельзя не отметить одного, странного на первый взгляд, факта, относящегося к рабочим этой категории: чем лучше общие условия промышленности, чем более рынок нуждается в известном продукте, а, следовательно, соответственные фабрики или заводы усиливают производство, тем рабочие беспорядки более возможны. Рабочие менее дорожат своими местами и не боятся быть рассчитанными, зная, что их с удовольствием примут на какой-нибудь однородный завод или фабрику, где имеется недостаток в рабочих. Наоборот, когда дела в застое и производство сокращается, каждый рабочий боится подать повод к расчету и старается себя вести осторожнее“¹⁾.

В этом описании рельефно выступает темп пролетаризации заводских рабочих. А отсюда вытекает и их „готовность к восприятию навешанных извне брожений“, как изволит дальше писать губернатор в своей „Записке“:

„Этот элемент, в общем, более интеллигентный и, с точки зрения готовности к восприятию навешанных извне брожений, представляется более опасным. Есть некоторые промышленные заведения, состав рабочих которых уже зарекомендовал себя особою склонностью к протестам, забастовкам и проявляет постоянную готовность к участию в беспорядках (напр., железнодорожные мастерские в Екатеринославе, Константиновские и Мариупольские заводы, вагонный завод Гартмана в Луганске, трубопрокатный и штамповальный заводы в Екатеринославе и другие).

„Разные протесты, неудовольствия и волнения среди этих рабочих зачастую основаны не только на неправильностях расчета или на изменении расценок, дурном обращении с ними и тому подобное, а зиждятся на почве принципиальных вопросов о 8-мичас. рабочем

¹⁾ Там же.

дне, о праве представительства рабочих при обсуждении таких или иных мероприятий правительства, праздновании 1-го мая и т. д., или же, под влиянием пропагандистов социалистического лагеря, задаются еще более широкими, отчасти отвлеченными задачами, касающимися политического строя России, общности интересов рабочего класса с интересами учащейся молодежи, необходимости принятия участия в противогосударственных демонстрациях и проч. Указываемое течение еще не захватило большинства рабочих этого типа, но не подлежит сомнению, что оно все больше и больше распространяется и что, именно, в этой среде пропаганда легко может находить адептов, несмотря на то, что материальное и юридическое положение их в общем совершенно удовлетворительно“...

Эта характеристика с достаточной полнотой рисует рост революционной сознательности и организованной стачечной активности заводских рабочих. Губернатор этим весьма обеспокоен и заканчивает свою „Записку“ министру слезной просьбой усилить во что бы то ни стало „охрану заводов и рудников, в виду возможных беспорядков“, новыми казачьими эскадронами.

Промышленный кризис, сопутствуемый хроническими недородами на родине донецких рабочих, ускорял процесс пролетаризации и создавал благоприятную почву для революционной с.-д. пропаганды. Недоступный прежде для агитаторов, рабочий Донбасс, в период кризиса созревает и выделяет из своей среды передовиков, организующихся под руководством заезжих социал-демократов в кружки и группы. Первые кружки возникают на заводах в Луганске, Юрьевке, Юзовке, Сулине и Мариуполе.

Но прежде, чем перейти к кружкам, необходимо остановиться на той, хотя бы случайной социал-демократической работе, которую вели в Донбассе донской и екатеринославский комитеты.

По всем данным (и полицейским и по воспоминаниям донских и екатеринославских комитетчиков) на работу в Донбассе в '90 г.г. революционными организациями обращалось сравнительно мало внимания. Только из Ростова более или менее систематически залетали прокламации в Сулинский завод. В остальных частях Донбасса изредка распространялись листки приезжими агитаторами из Ростова и Екатеринослава.

По сообщению Зеликман, донской комитет первого „призыва“ еще в 1898 году ставил своей задачей наладить широко пропаганду на шахтах и заводах от Ростова до Луганска, рисуя себе ближайшие перспективы в таких ярких красках:

„Гораздо чаще и с бесконечно большой силой захватывали наши сердца и умы широкие планы наводнения рудников и шахт нашими листками и литературой, пробуждения масс от спячки, организации массовок, групповых занятий и в результате — в результате всем нам

мерещился мощный союз заводских рабочих и шахтеров, встающий на помощь движению петербургских и московских рабочих и грозно подступающий, с одной стороны, к стенам Ростова, с другой — к Луганску и Екатеринославу, для объединения в одну мощную пролетарскую южную группу“.

Но из этого грандиозного плана до ареста этого состава комитета удалось осуществить только обезд „царства шахт от Луганска до Таганрога“ и распространить несколько сот гектографированных листовок „Письмо к шахтерам“ и несколько тысяч прокламаций, полученных из Екатеринослава и Киева. Вот как Зеликман описывает впечатления и результаты поездки:

„Всюду были группы товарищей, ведущих строго законспирированную пропагандистскую работу, приветствовавших наш почин в снабжении их литературой и листками, обещавших нам поддержку материалами для листов и даже регулярную денежную помощь путем организации сборов среди сознательных товарищей. „Если бы вы знали, какие прекрасные, стойкие товарищи имеются среди рабочих публики на местах“, — восклицал радостно оживленный Франкфурт. Он двумя-тремя штрихами очертил нам фигуры этих товарищей, упорно и незаметно пролагавших пути к умам и сердцам забытых тяжелым, непосильным трудом шахтеров, и пред нашими глазами, как живые, вставали типы петроградских, московских, иваново-вознесенских и других передовых борцов пролетариата, разосланных администрацией с мест прежней партийной работы и нашедших непочатый край для агитации на заводах и рудниках Донецкого края“¹⁾.

В этих впечатлениях есть значительная доля преувеличения. Вряд ли тогда уже везде существовали группы социал-демократов. Пожалуй, более вероятным надо считать по этому поводу замечание корреспондента „Искры“:

„В 1898 году донским комитетом было распространено несколько тысяч листов (изданных в типографии киевского комитета) во всех крупных центрах Донецкого бассейна. Но вследствие мимолетности этой попытки листки не оставили заметного следа. До этого (т. е. до весны 1903 года) были производимы только разрозненные попытки распространения литературы и листов в Мариуполе и Юзовке екатеринославским комитетом и в Таганроге — донским комитетом (в Сулинском заводе и в Александро-Грушевском районе донской комитет работал более систематически)“²⁾.

Кроме того, в первом томе „Очерков“ Невского есть лаконичное замечание о связи донского комитета с шахтами в 1899 году. Эти связи, вероятно, относятся также к Александро-Грушевскому району.

¹⁾ „Летопись Революции“ № 3 1924 г., стр. 108 и 112.

²⁾ „Искра“ № 45, 1 августа 1903 г.

Еще слабее была связь екатеринославского комитета с Донбассом. В большом томе воспоминаний и материалов по „Истории екатеринославской организации“ есть только два указания на работу в Донбассе. Первое — в 1899 году екатеринославский комитет откликнулся прокламацией на июльскую стачку мариупольских заводов; второе — весной 1900 года представитель „Южного Рабочего“ Гинзбург из Екатеринослава направился в Юзовку, где попытался организовать связь с рабочими, а потому установил связь с ростовским комитетом, которому дал прокламацию¹⁾. Это было весной 1900 года. Повидимому тогда еще не было в Юзовке определенной социал - демократической группы, раз Гинзбург без явки только „пытался организовать связь с рабочими“.

Вот и вся работа двух старейших комитетов в Донбассе в ранний период.

Когда же возникли первые сколько-нибудь прочные кружки, имевшие оформленные связи с Екатеринославом или Ростовом?

Если верить на слово Зеликман, то такие кружки уже существовали в 1898 году. На деле же, при проверке, кто и когда из питерских и московских работников прибыл в Донбасс, выходит, что такие социал - демократические кружки возникли только со второй половины 1900 года.

Первый с. - д. кружок, повидимому, возник в Луганске с приездом туда в мае 1900 г. из Екатеринослава Норинского, бывшего ссыльного, участника питерского „Союза борьбы“. Норинский поступил на работу в Гартманский завод и там же немедленно стал подбирать кружок. Первым он завербовал своего помощника, паровозного кочегара Ткаченко. А этот втянул своего товарища Н. Н. Болдырева (железнодорожного табельщика). Затем вошла в кружок Любовь Моргенштейн и ее брат. В начале 1900 года в Луганск приехал через Полтаву вернувшийся из ссылки В. А. Шелгунов, товарищ Ленина по „Союзу борьбы“. С его приездом кружок от изучения литературы перешел к расширению связей на заводах и в городе.

Вот что сообщает Норинский: „Жизнь наша сделалась весьма интересной. Горизонты наши час от часу расширялись. Молодежь наша рвалась в бой. Чувствовался недостаток литературы (брошюр, листов). Пришлось подумать о получении транспорта литературы. У нас установились связи через Ткаченко с его братом Романом Федор. Ткаченко (разметчик завода Гартмана и паровозных мастерских), а, значит, с мастерскими. Болдырев расширил работу в жел. - дор. мастерских, где он служил. Люба Моргенштейн через брата имела связи с городом“.

¹⁾ „История екатеринославск. с. - д. организации 1889 — 1903“ под ред. Рубача, стр. 166.

Шелгунов связался с Полтавой, где тогда работал Мартов, для получения литературы и листовок. К маю 1901 года Гартманский кружок уже имел десяток членов и устроил закрытую конспиративную маевку. Но в конце мая Шелгунов и Норинский переезжают в Екатеринослав, и кружок лишается опытных руководителей. Несмотря на это, по сообщению Норинского, кружок продолжал работать.

„Покидая Луганск, мы были уверены, что семя, брошенное нами, не останется бесплодным. И, действительно, оставленный нами кружок с Любой Моргенштейн и другими не зачах. Он успел себя зарекомендовать, проработав более полугода до своего провала“¹⁾.

Далее, несмотря на провал этого первого кружка в конце 1901 года, его работа была подхвачена новыми товарищами. Гартманский кружок интенсивно проработал весь 1902 год и к ноябрю оформился под руководством екатеринославского комитета в луганский комитет Р. С.-Д. Р. П.²⁾.

В Мариуполе на металлургических заводах кружок организовался летом 1901 г. под руководством Шестакова А., прибывшего туда с явкой донского комитета. Он встретил на заводе только одного социал-демократа — Елену Б., кассиршу потребительской лавки, и вместе с ней стал работать над организацией кружка. Шестаков так описывает вербовку членов и работу кружка:

„На заводе у нас не было никаких связей, никакого знакомства с рабочими наших убеждений... Мне все же удалось набрать группу более трезвых молодых рабочих во главе с т. Чабан... Осторожно ощупывая один другого, мы все же доверились друг другу и вплотную обменялись мнениями по рабочему движению в Донбассе... Я дал своим новым друзьям несколько брошюр и взамен от них получил некоторые, мною ранее нечитанные. С этого дня между нами завязалась тесная связь, и когда я переселился с окраины города в одну из комнат казарм, наши встречи приняли постоянный характер. Большею частью собирались по 5-6 человек поочередно друг у друга, пили чай, спорили, обсуждали, что делать, как избавиться от дикого произвола царской полиции, свирепствовавшей на заводе и в стране, как добиться социализма. Наши планы, впрочем, не шли дальше буржуазной республики, которая нам обеспечила бы свободу борьбы за наше

¹⁾ „История Ек. с.-д. орг.“ стр. 277 — 278.

²⁾ Таким образом, совершенно не прав Гамбаров („Лет. Рев.“ № 4, стр. 52), утверждающий, что первый кружок в Луганске возник в декабре 1901 года. Вероятно, этот кружок образовался из остатков после провала кружка Норинского и Шелгунова. К тому же и Ворошилов вряд ли мог быть организатором этого кружка, так как в то время он работал на Юрьевском заводе машинистом на кране и принимал активное участие в Юрьевском кружке. (Дело Деп. Пол. О. О. № 5, ч. 8, л. Д. 1898 г. Донес. Курск. Г. Ж. У. за № 2494).

экономическое положение. Мои листки и брошюры между тем далеко разбрелись по обоим заводам, докатились до Мариуполя, попали на небольшой механический завод в самом городе, к учащимся, — и различные связи стали возникать одна за другой. Елена Б., токарь М. Дивнов, приехавший из Архангельска, и другие человек пять были тесно со мной связаны и дружно помогли разрабатывать, проверять связи, руководить чтением нелегальщины и легальных книг с налетом революционности, которые тоже стали циркулировать среди рабочих“¹⁾.

В конце января или в феврале 1902 г. Шестаков переезжает из Мариуполя в Юзовку, наладив связь мариупольского кружка с Ростовом.

В Юзовке Шестаков устанавливает связь по указанию из Екатеринослава и Ростова с определенными лицами. Это были „по преимуществу все мелкие ремесленники: портные, парикмахеры, сапожники, кое-кто из типографчиков, нашлось и двое-трое из интеллигентов — экстерничавших молодых людей — среди них известный работник Соня Берлин. Почти сплошь это была еврейская публика. Связей с окружающими рудниками, даже с самим Новороссийским заводом в Юзовке, ни у кого не имелось, и завязывать их этим товарищам было трудно“²⁾. Таким образом в Юзовке кружок возник, вероятно, в 1901 г., а может быть и еще раньше, летом 1900 г., когда Гинзбург пытался установить связь с Юзовкой³⁾.

На Юрьевском заводе (Дюмо) кружок существовал и вел пропаганду в мае 1902 г., но возник, вероятно, гораздо раньше. По полицейским данным, осенью 1902 г. в юрьевский кружок входили: учитель Рыжов С. М., учительницы — три сестры Крюковы (из них Рыжов и Анна Крюкова в сентябре переехали в Луганск и поступили учителями в Гартманский завод), учительница Шустова, прибывшая из Харькова, машинист Ворошилов, слесарь Антон Сложеник, рабочий Иуда Виногреев, фельдшер Вас. Соколов и конторщик Николай Иванов. Из всех участников кружка двое числилось уже под надзором полиции — Соколов „под негласным наблюдением, согласно отношения Деп. Пол. от 23 октября 1898 г.“, и Рыжов, „замеченный в знакомстве с учительницей В. В. Угаровой, подвергавшейся обыску“⁴⁾. Кружок был сильный, имел связи с Луганском и вел агитационную работу на соседних рудниках.

Юрьевский кружок был обнаружен полицией, благодаря неосторожной агитации Ворошилова. Дело было так. В мае 1902 г. к Воро-

¹⁾ „Пролет. Рев.“ № 1. 1921 г., стр. 157 - 158.

²⁾ Там же, стр. 159.

³⁾ В Юзовке еще существовала заводская группа из рабочих, связанная с Екатеринославским комитетом.

⁴⁾ Дело Деп. Полиц. О. О. № 5, ч. 3, л. Д. 1899 г. Донес. Екатер. Р. Ж. У. за № 7862.

шилову приехал старый знакомый рабочий Ануффриев и, случайно перелистывая лежавший на столе журнал „Родина“, обнаружил в нем три книжки, напечатанные фиолетовой краской. „Ануффриев спросил Ворошилова, что это за книжки. Ворошилов долго не хотел объяснить, но затем, когда они распили бутылку водки, рассказал, что в этих книжках пишут о бунтах, что призывают народ дружно соединиться против насилия правительства, при чем, прочел из одной из этих книжек стихи, в которых говорилось о соединении всех рабочих для борьбы с правительством...¹⁾“. После этого „распропагандированный“ Ануффриев, вернувшись на родину, донес на Ворошилова курским жандармам и за кружком было установлено по распоряжению из Екатеринослава полицейское наблюдение.

Не менее значительный кружок возник в 1901 г. на Щербинском и Нелеповском рудниках при участии бежавшего из Екатеринослава Г. И. Петровского. В руководящую группу нелегального с.-д. кружка входили: Петровский, П. А., Мойсеенко, руководитель морозовской стачки 1885 г., и А. В. Яровицкий, близкий друг Горького, работавший до этого активно несколько лет среди сормовских рабочих. В кружок входили, кроме того, несколько рабочих рудника и соседнего Нью-Йоркского завода сельхозмашин.

„В основу программы работы, по предложению П. А. Мойсеенко и, кажется, Г. И. Петровского, была взята программа екатеринославских марксистов, объединившихся вокруг начавшей выходить в 1900 г. в Екатеринославе газеты „Южный рабочий“. Программа проводила линию необходимости для пролетариата систематической упорной борьбы с самодержавием и капитализмом²⁾“.

Кружок держал связь и получал литературу из Екатеринослава. С отъездом в начале 1903 года Мойсеенко, а затем и Петровского их работу продолжали ученики — Дубовой (ныне старик, работает на Воляни³⁾, Михайличенко и Нестеров (бывш. члены Госуд. Думы).

Приехавший на Сулинский завод в начале 1902 г. с Урала И. Ф. Мазанов, бывший ссыльный, участник с.-д. кружка на Брянском заводе в 1895 г., находит уже подготовленную донским комитетом почву и быстро организует кружок, широко развернувший работу по распространению листов.

Такие же кружки, вероятно, существовали в период 1901—1902 г.г. и на других заводах и шахтах. На первых порах эти кружки занимались внутренней пропагандистской работой небольшими группами от 5 до 10 человек, и только потом, после более или менее твердого

¹⁾ Дело Деп. Полиц. О. О. № 5, ч. 8, л. Д. 1898 г. Донес. Курск. Г. Ж. У. за № 2494.

²⁾ „Летопись Революции“. № 1 1924 г., стр. 207—208.

³⁾ В настоящее время т. Дубовой работает в ЦКК КПУ.

соц. - демократического самоопределения, расширяли свои связи среди рабочих.

При этом одни из кружков, как, например, Луганский, Мариупольский, Сулинский, организованные социал-демократами, имевшими связь с Екатеринославским и Донецким Комитетом, быстрее переходили к расширению связей и агитации. А другие, как Юрьевский, возникали из кружков самообразования, руководимых местным учительством, и поэтому медленнее социал-демократических самоопределялись. Некоторые же кружки, как Щербиновский, хотя и организованные социал-демократами, испытывали на себе большое культуртрегерское влияние местной интеллигенции — инженеров (Прядкин) и врачей (Кавалеров).

Но, несмотря на все недочеты младенческой стадии развития кружков, из них постепенно выпестовывались первые ячейки революционной рабочей организации. В их задачу входило отобрать лучшие, передовые элементы рабочих, выковать из них кадры сознательных революционных социал-демократов для предстоящей массовой агитационной работы и для руководства нарастающим стачечным движением.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЮЗ ГОРНОЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ

Возникавшие, как грибы после дождя, с.-д. кружки на заводах и шахтах Донбасса требовали непосредственного и единого руководства. Ни Донской ни Екатеринославский Комитеты, занятые по преимуществу работой в городе, не могли уделить достаточно сил и внимания, чтобы обеспечить систематическое руководство быстро нарождавшимся социал-демократическим движением большого промышленного района. Поэтому еще зимою 1901—1902 г. на съезде южных комитетов зародилась идея „Союза“ и был намечен план создания „Летучего Донецкого Комитета“.

Необходимость требовала, в целях единства руководства, пренебречь существующими административными границами и объединить разбросанный по трем губерниям Донбасс в партийном отношении. Донской Комитет в составе: Гусева-Драпкина, Локермана (Адам), П. И. Тищенко, Ставского, Станчинского и др.¹⁾, как ближе стоявший в этот период к работе в Донбассе, взял на себя инициативу объединения и в январе 1902 года постановил организовать „Социал-Демократический Союз Горнозаводских Рабочих“, назначив его организаторами Иосифа Мошинского и А. Шестакова, работавшего в Мариуполе²⁾.

1) „Пролет. Рев.“ № 2, 1923 г., стр. 199.

2) В конце 1902 г., кроме Мошинского, в Комитет союза входили: Струмилин, Григоров, Богущкий и Елена Богущкая.

Организаторы немедленно приступили к работе. В течение зимы и весны велись переговоры с отдельными лицами и кружками, желавшими примкнуть к организации. Шестаков отправился в обезд по Донбассу. Закрепив связь с Мариуполем, он направился в Юзовку, где пытался через существующий кружок расширить связи среди рабочих заводов и шахт, но безуспешно. Тогда Шестаков созвал весною в Юзовке совещание при участии Мошинского, на котором было принято решение: „действовать несколько иначе, а именно — быстро завязать все связи с имеющимися на местах социал-демократами и, по их указаниям и при их участии, заняться массовым распространением литературы¹⁾“. После совещания Шестаков с частью юзовских товарищей отправился по Донбассу для установления намеченных связей. Удалось разыскать отдельных товарищей или группы в Славянске, Луганске, Дружковке на Жилловском руднике, Юрьевском заводе и Никитовке, дать им литературу и столкнуться насчет общего плана массового распространения листов.

В марте Союз вошел в сношения с некоторыми комитетами Р. С. - Д. Р. П. В июне конфиденциально было сообщено о возникновении Союза „Искре“ и „Рабочему Делу“. В течение лета 1902 г. Союз продолжал усиленную пропагандистскую и организационную работу в главных центрах Донбасса. К этому времени определились и формы организации Союза. Во главе Союза стоял комитет, соединявший в себе и литературную и техническую работу. Его исполнительным органом был „Летучий отряд“, члены которого являлись агентами комитета для связи с местными группами и для развозки литературы.

К осени, при финансовой поддержке капиталиста Н. Е. Парамонова в Нахичевани, устанавливается перевезенная Шестаковым из Екатеринослава собственная типография Союза. На „технику“ ставится выписанный для этого из Архангельска легальный товарищ Кустов с женой.

В октябре 1902 г. появляется первое печатное программное заявление Союза „К организованным товарищам“. В этом документе Союз заявляет о своей принадлежности к Р. С. - Д. Р. П., о том, что он исходит из принципов, намеченных манифестом Р. С. - Д. Р. П. 1898 г., и о том, что он берет на себя инициативу объединения всех разрозненных революционных сил горнозаводского юга²⁾.

Это был первый и последний листок Союза в 1902 г., так как вскоре типографию пришлось ликвидировать. Агитационная работа Союза затормозилась и стала развертываться только с конца января 1903 г., когда удалось установить другую, более мощную, типографию.

¹⁾ „Пролет. Рев.“ № 1, 1921 г., стр. 160.

²⁾ „Южный рабочий“ № 12, апрель 1903 г.

Распространение программного заявления Союза совпало с новой мощной волной рабочего движения на юге 2—14 ноября 1902 года. Забастовка Владикавказских железнодорожных мастерских стихийно развернулась во всеобщую стачку-демонстрацию крупных предприятий Ростова и перебросилась на линию дороги до Тихорецкой. Ростовская многотысячная рабочая демонстрация, с успехом выдержавшая несколько дней открытую атаку казачьих сабель и ружейной пальбы пехоты, заразила рабочие массы Донбасса энтузиазмом борьбы. Если Екатеринославская декабрьская 1901 г. стачка-демонстрация для Донбасса была крупным революционизирующим фактором, ускорившим процесс повсеместного возникновения социал-демократических кружков, то тем большую роль сыграла Ростовская демонстрация, наметившая новые пути революционной борьбы. Она пробудила донбассцев к скорейшему переходу от кружковщины к массовой агитационной работе.

После ростовской стачки и под ее непосредственным влиянием Луганский, Юзовский и Мариупольский с.-д. кружки перестроились в Комитеты Р.С.-Д.Р.П. под руководством Екатеринославского Комитета¹⁾. Вновь организованные комитеты, особенно Луганский, проявили кипучую деятельность по выпуску гектографированных листков.

Уже в начале декабря Луганский Комитет выпускает первую свою листовку: „Бюллетень о ходе забастовки в Ростовских мастерских Влад. ж. д.“ (перепечатка издания Дон. Ком.). За первой последовала другая листовка: „Ко всем луганским рабочим и работницам“ (Ростовские события 4—26 ноября 1902 г.). Написана была листовка просто, ясно с подчеркиванием политического значения выступления ростовских рабочих. Откликался Луганский Комитет листовками и на злободневные заводские темы, волновавшие рабочих. В феврале 1903 г. листовка обращалась „К рабочим механического отдела завода Гартмана“ по поводу понижения расценок, уничтожения раскладок и введения новой системы штрафов²⁾. Затем, в течение марта-апреля Луганский Комитет выпускает четыре нумерованных „Летучих листка“ на разные заводские темы.

Массовая агитация Луганского Комитета подняла на ноги полицию. Екатеринославские жандармы под руководством департамента полиции посылают в Луганск шайку филеров, и уже 7-го марта 1903 г. часть активных работников Луганского Комитета подвергается аресту. Арестованы: Моргенштейн, Яков Яковлев, Иннокентий, Скопинов и Крупницкая. По тем же агентурным данным, оставшиеся на свободе Бродский Янкель, Зискин, Алон и Дерман пытались при участии Агапова и Угаровой восстановить работу Луганского Комитета. Эта

¹⁾ „История Екат. с.-д. орг.“, стр. 352.

²⁾ Прокламация к рабочим механич. отдела завода Гартмана“, хранится в деле Деп. Полиц. О. О. № 5, ч. 8, л. К., 1898 г. „С.-д. кружок в Луганске“.

группа была крепко связана с ячейкой гартманского завода, в которую тогда (январь — май 1903 г.) входили: Ткачев, Нагих, Бондаренко, Куренев, Морозов, Бондарев, Медведев, Чукин, Асташев и др. Кроме того, членами ячейки были два провокатора — Варрес и Федорчук, по милости которых Луганская организация была почти разгромлена арестами в марте и мае 1903 г.¹⁾ 30-го мая последовал арест, во время которого у Бродского был захвачен гектограф и весь архив Комитета. От ареста уцелели Агапов и Уварова и отделались обыском: Перчихин, Цукублина, Дайнов, Шущер и Китаин. Их оставили как бы на „разводку“²⁾. Этими арестами был нанесен настолько большой удар, что организации трудно было в скором времени восстановить так энергично начатую работу.

Большая заслуга Луганского Комитета состояла в том, что он первый начал массовую агитацию, хотя бы только в масштабе Луганска. Несколько позже, но с большими техническими средствами и уже в масштабе почти всего Донбасса, приступил к агитации Союз. Массовая агитация Союза, прерванная типографским кризисом, возобновилась в начале 1903 года с небывалым размахом. Этому весьма способствовала изменившаяся общая обстановка.

В 1903 г. промышленный кризис сменяется оживлением в некоторых областях хозяйства. Безработица, душившая рабочее движение, стала постепенно рассасываться. Рабочий класс, поставленный в период кризиса и безработицы, под нажимом капиталистов и правительства, в нищенское бесправное положение, стремительно переходил в решительное наступление. По количеству стачек и числу участников 1903 год далеко превосходил годы кризиса: 550 стачек против 123 и 86.832 участника против 36.671 в предыдущем 1902 г.

Совершенно исключительное положение в рабочем движении 1903 г. занимают южные массовые стачки-демонстрации. Еще не успели затихнуть раскаты ростовской ноябрьской демонстрации 1902 г., как в марте поднялась новая волна, еще большей высоты и мощности. И опять ростовский пролетариат явился застрельщиком. Демонстрация, захватившая до 30.000 рабочих, была приурочена к годовщине героического акта первомартовцев-народовольцев. Стачка с начала до конца проходила организованно под руководством Донского Комитета и носила ярко выраженный политический характер.

На этом движение не остановилось. Промышленное оживление дало значительные результаты в первую очередь на нефтяных промыслах и транспорте. И уже в начале июля рабочие массы Баку пятидесятитысячной армией выступают на политическую демонстра-

¹⁾ Арх. Екатериносл. Истпарта, дела № 343 и № 165.

²⁾ Дело Деп. Пол. О. О. № 5, ч. 8, л. К. 1898 г. Донесение Екатерин. Ох. О. за № 889.

цию. Ее подхватывают тифлиссские железнодорожники. Движение быстро распространяется по всему Кавказу, принимая форму всеобщей забастовки с 80.000 участников. Под влиянием бакинских событий возникают всеобщие стачки в Киеве, Елизаветграде, Одессе, Николаеве и Екатеринославе. В июльском движении на юге принимало участие свыше 200 тысяч рабочих. Везде стачки носили определенно политический характер и проходили под руководством социал-демократических организаций. Стачки также почти везде кончались столкновением с войсками и расстрелом безоружной толпы рабочих.

В такой накаляющейся атмосфере стихийного революционного подъема в России и, особенно, на юге Союз развивал в Донбассе массовую агитацию. С января по апрель Союзом издано семь листовок различных названий в количестве 30 тысяч экземпляров. И за этот же период распространено „Летучим отрядом“ и местными комитетами Союза до 50 тысяч прокламаций своих и полученных от других Комитетов (О. К., Дон. Ком., Ек. Ком.). Листовками Союза были завалены в короткий срок почти все заводы, шахты и железнодорожные мастерские. Вот когда, только через пять лет, осуществлялся грандиозный план социал-демократического завоевания шахтеров, намеченный еще первым составом Донского Комитета в 1898 г. Агитация производила потрясающее впечатление по своему размаху на рабочих и на полицию.

Корреспондент „Искры“ дает довольно исчерпывающее описание отношения рабочих и прочего населения Донбасса к агитации Союза:

„Наибольшим успехом из семи листовок, выпущенных Союзом до 18 апреля, пользовались „Пауки и Мухи“ Либкнехта со сказкой „О попе и чорте“ в приложении (8 тыс. экз.), „Кто наши враги“ (6 тыс. экз.) и „Как до сих пор боролись шахтеры и заводские рабочие за лучшую долю и как действовать теперь“ (6 тыс. экз.). Сравнительно меньшим успехом пользовался листок „О безработице“, вследствие трудности темы и недоступности ее широким массам шахтеров. Весенний опыт дал прекрасные результаты: все население горнозаводского юга всколыхнулось, все заговорили о „социалистах“ и „афишках“ (так рабочие называют листки), появлявшихся, по их мнению, чуть ли не ежедневно у дверей каждого рабочего. Кто сам не мог прочесть „афишку“, тот с жадностью слушал, что говорят товарищи, которым удалось раздобыть листок. Многие хранили листки на память („кабы я знал“, говорил один шахтер: „кто пишет эти письма“ — тоже привившееся среди шахтеров название прокламации — „я бы снял с него портрет себе вместо образа“). Все пришло в движение — рабочие тщательно подбирали листки, полиция и служащие на рудниках и заводах стали производить целые облавы, чтобы не допустить среди рабочих распространения запретной литературы.

Если кто из рабочих и не слышал о „письмах“, то розыски полиции делали их еще более популярными среди массы. Особенно много содействовали этому и возбуждали интерес к „письмам“ попы, которые принялись усердно с амвона доказывать рабочим зловерность социализма и увещевали не читать прокламаций, раскидываемых „социалистами“. Облавы, производимые полицией, не дали особенно блестящих результатов, так как громадное большинство листов осталось в руках рабочих. Пропаганда духовенства была еще более на руку агитации „Союза“, который собирался по этому поводу выпустить специальный листок. Нужно, однако, сознаться, что для шахтеров листки „Союза“ оказались недостаточно понятными, и многое истолковывалось совершенно превратно. Гораздо лучше были поняты и больше имели успеха листки среди заводских рабочих, где сплошь и рядом приходится встречать вполне интеллигентных и сознательных рабочих, открыто именующих себя „социал-демократами“. Смута, произведенная листками „Союза“, создала крайне тревожное настроение на всем юге: шахтеры повсеместно стали готовиться к „бунту“, все ожидали небывалых беспорядков. В виду этого „Союз“ выпустил листок № 7, в котором предостерегал рабочих от буйства и так называемого „бунта“, поясняя вред подобных беспорядков на истории прежних волнений на юге¹⁾“.

Агитация Союза касалась общих вопросов положения рабочего класса, условий труда, кризиса, безработицы, раз'яснения — что является классовым врагом рабочих, как надо и как не следует устраивать стачки. На злободневные же вопросы, возникавшие на отдельных предприятиях, откликались гектографированными листовками местные Комитеты Союза.

ПРАЗДНОВАНИЕ ПЕРВОГО МАЯ

Первая попытка праздновать первое мая в Донбассе принадлежала Союзу. Решено было провести однодневную забастовку и демонстрацию. В этих целях Союз распространил на 15-ти заводах и 19-ти рудниках 5 тысяч листовок „Как праздновать первое мая“, 8 тысяч листовок с раз'яснением значения 1-го мая (с приложением „Рабочей марсельезы“ и песни „Первого мая“) своего издания и 5 тысяч майских листов О. К.

В общем было брошено в обращение на 34 крупных шахтах и заводах 18 тысяч майских прокламаций, не считая 7 тысяч майских листов, распространенных Донским Комитетом в Таганроге, Сулине и Александро-Грушевске.

„Однако, планы Союза, как сообщает корреспондент „Искры“, были осуждены на неудачу: кишиневский погром заставил его,

¹⁾ „Искра“ № 45, 1 августа 1903 г.

ввиду крайней некультурности шахтеров, отказаться от мысли устройства демонстраций. Повсюду — и в Мариуполе, и в Юзовке и в Луганске, — носились упорные слухи о еврейском погроме; полицейский пристав Левицкий в Юзовке, не стесняясь, угрожал, в случае демонстрации, погромом евреев; повсюду началось массовое выселение евреев; да и служившие на многих рудниках всячески стремились уехать на опасное время с шахт подальше; все готовилось к небывалому бунту. Организовать в такое время демонстрацию было слишком рискованно. „Союз готов был удовлетвориться огромной сенсацией, произведенной им по всему бассейну, тем более что сами власти повсюду спешили устроить внушительную военную манифестацию в день 1-го мая и в ближайшие праздники“¹⁾.

Погромное поведение полиции, подкрепленной войсками, заставило Союз отказаться от своих планов. Но майская агитация все же вызвала кое-где волнения и попытки праздновать 1 мая. В Таганроге местный Комитет, как сообщает тот же корреспондент „Искры“, решил организовать однодневную забастовку: весь день не работали на „малом“ заводе Вильде (800 чел.) и в некоторых цехах „большого“ металлургического завода. В Юзовке в течение всей пасхи и во все праздники перед 1 мая по улицам и, особенно, на базаре толпились огромные массы шахтеров и мастеровых в ожидании демонстрации; даже 1 мая, в будни, на „насыпи“ собралось много народу, и, несмотря на настойчивое требование полиции, толпа не расходилась, пока, наконец, полиция не оцепила и не переписала до 30 рабочих. В Мариуполе перед самым 1 мая вспыхнули, под очевидным влиянием майских листов, две стачки: одна — в листопрокатном цеху завода „Русский Провиданс“ (200 человек), другая в том же цехе на заводе Никополь-Мариупольского Общества (до 250 чел.). На „Провидансе“ забастовали из-за понижения расценок... Достаточно было искры, чтобы недовольство рабочих прорвалось наружу... Вслед за этим вспыхнула забастовка на Никополь-Мариупольском заводе из-за неаккуратной выдачи заработка; были выставлены, кроме того, и другие требования (напр., удаление нелюбимого мастера Висика и др.). Нагрянули власти, полицеймейстер обратился к толпе рабочих, собравшихся в огромном количестве (для обсуждения стачки), с речью, в которой доказывал, что он за рабочих. Тогда из толпы забастовщиков выступил оратор-рабочий, который произнес воодушевленную и обстоятельную речь в ответ на лицемерные увещания полиции. Он перечислил все преступления заводского начальства и полиции, подробно изложил и мотивировал все требования забастовщиков. Красной нитью в речи оратора проходила идея политической борьбы, неизбежность столкновения рабочих с правительством. Указывая на известные беспорядки в 1899 г., он призывал товарищей к борьбе за

¹⁾ „Искра“ № 45, 1903 г.

политическую свободу. Речь эта произвела огромное впечатление, и заводу управление, помня 13 июля 1899 г. (день избиения мариупольских рабочих), а также зимние волнения рабочих по поводу массового расчиста и выселения нескольких сотен рабочих семейств, поспешило удовлетворить требования забастовщиков. Кроме того, происходили частичные беспорядки и непродолжительные стачки на некоторых рудниках (напр., на Щеглинском руднике и друг. возле Луганска), кончившиеся кое-где разгромом контор и других рудничных зданий¹⁾.

Сорванное полицией празднование Первого мая не прошло бесследно для рабочих Донбасса. Многие тысячи рабочих только впервые узнали, что этот день является международным днем борьбы за основные требования рабочего класса. Агитация Союза пробудила и подняла новые пласты шахтеров к предстоящим классовым битвам.

Весенняя и майская агитационные компании Союза, отличавшиеся необычайной смелостью, быстротой и натиском, внесли большой переполох и сумятицу в ряды екатеринославских и донских жандармов. Департамент полиции бомбардировал их требованием „обнаружить и в корне пресечь преступную деятельность Союза“. Завязалась переписка по поводу Союза. В течение марта-апреля жандармы рапортовали всесильному департаменту всякие небылицы о неуловимом Союзе. В мае Донбасс наводнился филерами и шпионами. Жандармам удалось производством массовых обысков в Луганске, Юзовке, Мариуполе, Таганроге, Сулине и Петровском заводе нанести чувствительный удар по активу Союза. Были арестованы в Луганске: Крупницкая, Яковлев, Скопинов, Моргенштейн, Бродский, Дерман и др. за принадлежность к Комитету. В Юзовке — Овчинкин, Шурис и Альтшулер, за распространение прокламации Союза²⁾. Шестаков также был арестован по подозрению в принадлежности к Союзу, но через 5 дней освобожден и, преследуемый полицией, покинул Донбасс. В апреле на разных рудниках Славяносербского уезда за распространение прокламаций Союза были арестованы: Виктор Шевченко, Исая Кравченко, Захар Давриненко, Дьяченко, Корначев, Герасимов, Белоусов и Короткий³⁾. В Бахмуте арестован Липкин за распространение прокламаций. В общем было арестовано первой пачкой больше 30-ти человек. Но эти полицейские набеги, обычно сопровождавшиеся самыми дикими избиениями и пытками арестованных, не прекратили, а только сократили размах массовой агитации Союза.

1) „Искра“ № 45.

2) Дело Деп. Пол. О. О. № 5, ч. 8, л. Е. 1898 г., донесение Екатер. Г. Ж. У. за № 3089.

3) Эти товарищи входили в Алмазно-Юрьевскую группу и вели работу на рудниках: Брянском, Павловском, Шубинском, Жилевском, Орловском, Максимовском, Голубовском и Марьевском. Выдали эту группу своими „чистосердечными раскаяниями“ Шевченко и Кравченко (Архив Екат. Истпарта, дело № 175).

Социал-демократическое движение с каждым ударом полиции пускало все более глубокие корни в рабочие массы Донбасса. Теперь всемогущая жандармерия даже каленым железом не могла выжечь революционной пропаганды, глубоко захватившей рабочую мысль. Союз на время свернулся и стал готовиться ко 2-му партийному Съезду. После неудавшейся маевки Союз занялся созывом своего 2-го очередного Донецкого съезда, на котором обсуждались вопросы предстоящего Всероссийского партсъезда и были произведены выборы делегатов.

ОТНОШЕНИЕ СОЮЗА К „ИСКРЕ“

Как известно, в истории нашей партии 1900-03 г.г. являются периодом самой жестокой непримиримой внутрипартийной борьбы левого крыла партии — революционных марксистов — „искровцев“ — с правым оппортунистическим крылом, с так называемыми „экономистами“. Группа „Искры-Зари“ объединяла старую группу „Освобождения Труда“ (Плеханов, Аксельрод, Засулич и Дейч) и группу „стариков“ питерского „Союза Борьбы“ (Ленин, Мартов и Потресов). Среди „экономистов“ было три течения: группа, написавшая „Кредо“ и защищавшая линию либеральной рабочей политики (Кускова, Прокопович и К^о) и группа „Рабочего Дела“ и „Союза русских социал-демократов“ (Мартынов, Кричевский, Акимов-Махновец), а между ними болталась питерская группа „Рабочая Мысль“.

Русские оппортунисты, „экономисты“ разных оттенков, от правых „кредовцев“ до левых „рабочедельцев“, являлись одним из звеньев международного оппортунизма, выступившего на арену политической борьбы в 90 г.г. под фирмой бернштейнианства, миллерианства и английского тредъюнионизма. „Экономисты“ впервые формулировали свою точку зрения в 1897 г. в газете „Рабочая Мысль“, заявляя, что „борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на почве ежедневных насущных интересов и стачка, как средство этой борьбы — вот девиз рабочего движения“.

Годом позже нарождавшийся „экономизм“ дал точное выражение своей платформы в известном „Кредо“, авторы которого писали: „Основной закон, который можно вывести при изучении рабочего движения — линия наименьшего сопротивления... Линия наименьшего сопротивления у нас никогда не будет направлена в сторону политической деятельности... Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть ни что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву... Для русского марксиста исход один: участие, т.-е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности“. Здесь открыто бросается лозунг: „Политика — дело либеральной буржуазии“, т.-е. удел рабочего движения — плестись в хвосте этой буржуазии, борясь только за насущные интересы дня.

Вслед за „Кредо“ выступила группа „Рабочего Дела“, проповедывавшая тот же „кредовский“ либерализм, только подкрашенный некоторыми условными требованиями политической борьбы. А условия эти, по „Рабочему Делу“, заключались в том, что „политические требования, по своему характеру общие для всей России, должны, однако, на первых порах соответствовать опыту, извлеченному данным слоем рабочих из экономической борьбы. Только на почве этого опыта можно и должно приступать к политической агитации“. На деле это приводило к мелкой борьбе за кассы взаимопомощи, к тред-юнионизму, к подмене непримиримой классовой борьбы реформистскими иллюзиями.

„Экономизм“, как направление, по словам самого глубокого его критика Ленина, характеризуется: „в принципиальном отношении — опoшлением марксизма и беспомощностью перед современной „критикой“, этой новейшей разновидностью оппортунизма; в политическом отношении — стремлением сузить или разменять на мелочи политическую агитацию и политическую борьбу непониманием того, что, не взяв в свои руки руководство общедемократическим движением, социал-демократия не может свергнуть самодержавия; в тактическом отношении — полной неустойчивостью („Рабочее Дело“ весной в недоумении остановилось перед „новым“ вопросом о терроре и только полгода спустя, после ряда колебаний, высказалось в очень двусмысленной резолюции против него, волочась как и всегда, в хвосте движения); в организационном отношении — непониманием того, что массовый характер движения не только не ослабляет, а, напротив, усиливает нашу обязанность создать крепкую и централизованную организацию революционеров, способную руководить и подготовительной борьбой и всяким неожиданным взрывом и, наконец, последним решительным нападением“¹⁾.

Политические, организационные и тактические разногласия между „экономистами“ и „искровцами“ сводились, в конечном счете, к проблеме гегемонии рабочего класса в русском революционном движении. „Экономисты“ утверждали, что рабочий класс не дорос до такой ответственной руководящей роли. По этой линии полемика „искровцев“ была направлена, главным образом, по адресу „рабочедельцев“, этой самой влиятельной в местных организациях и самой опасной по своей псевдореволюционной фразеологии разновидности „экономизма“. В ряде статей „Искры“ и „Зари“, а, особенно, в „Что делать“ Ленина „рабочедельцы“ и прочие оттенки „экономизма“ были разбиты на-голову.

Борьба революционных социал-демократов „искровцев“ с „рабочедельцами“ не была только теоретической дискуссией о роли

¹⁾ Собр. соч., IV т., стр. 77.

рабочего класса в русском революционном движении. Это был бой за завоевание партийных организаций, руководимых до этого времени „рабочедельцами“ и иными разновидностями „экономизма“, вроде „рабочемысленцев“. Эта была борьба в конечном итоге за руководство быстро нарастающим революционным движением. „Искра“, беспощадно разоблачая оппортунизм „рабочедельцев“, стремительно вышибала их из одного Комитета за другим. Искры политической агитации, летевшие из-за границы, разгорались в России в пламя политических всеобщих стачек и демонстраций, помогавших местным партиям и рабочим раскусить гнилой орех рабочедельческого оппортунизма. Поэтому уже к осени 1902 г. больше половины Комитетов заявили о своей солидарности с „Искрой“, в том числе группа „Южного рабочего“, Екатеринославский и Донской Комитеты, под влиянием и руководством которых организовался социал-демократический Союз горнозаводских рабочих.

Союз, признавший в марте безоговорочно инициативу и устав О. К. по созыву съезда, публично заявляет о присоединении к „Искре“ 18-го апреля 1903 г. в своем обращении „Ко всем российским социал-демократическим организациям“.

В этом документе „Социал-демократический Союз горнозаводских рабочих со своей стороны полагает, что за последние 2 года направление, представленное „Искрой“ (и „Зарей“), по праву завоевало себе в соц.-дем. кругах доминирующее положение. Из всех революционных соц.-дем. органов „Искра“ наиболее полно и ярко сформулировала главные задачи Российской Социал-Демократии и ее программу; „Искра“ наиболее удачно наметила основные принципы и план партийной организации. Ее настойчивое подчеркивание важности всесторонней политической агитации, ее резкое осуждение так называемого „экономизма“ навсегда покончили с периодом идейного разброда. Особенно плодотворна борьба этого органа со всякими попытками затемнить основные принципы социал-демократии, его неустанное подчеркивание классового и, в то же время, общенационального характера рабочего движения, его энергичный протест против попыток внести в наше движение буржуазные элементы. Если мы находимся в настоящее время накануне действительного, а не фиктивного, объединения Партии, то главнейшая заслуга в этом принадлежит „Искре“. И это создало „Искре“ фактическое положение руководящего органа Партии“. Наряду, однако, с категорическими утверждениями, что „пора признать „Искру“ нашим руководящим органом“, обращение заканчивается некоторым „но“: „Социал-демократический Союз горнозаводских рабочих, отказываясь впредь до созыва съезда от обсуждения некоторых частичных разногласий своих с „Искрой“, воздерживается от критики тех или иных ее недостатков и, приветствуя заявление большинства Комитета, присоединившееся к „Искре“,

объявляет ее своим руководящим органом¹⁾. Что кроется за этими „частными разногласиями“ обращение умалчивает. Но, вероятно, именно эти „частные разногласия“, превратившееся на 2-м съезде в общие, привели делегата Союза и всю его верхушку в лагерь меньшевизма.

О том, что у руководителей Союза были какие-то колебания, говорит также запоздалость в опубликовании „Обращения“ (в апреле 1903 г., тогда как Екатеринославский и Донской Комитеты еще в ноябре 1902 г. присоединились к „Искре“²⁾). Шаткость позиции подтверждается и выпускавшейся Союзом литературой. Первые прокламации, изданные до марта, не отличаются четкостью политических требований. Только в листках, выпущенных в конце марта („Как до сих пор шахтеры и заводские боролись с хозяевами и как действовать теперь?“) и в апреле („Как праздновать 1-е мая“ и „1-е мая“) Союз решительно призывает к борьбе с самодержавием путем демонстраций. Так, в мартовской прокламации Союз на вопрос — „Как добиться рабочим свободной борьбы за лучшую жизнь“, отвечает: „Производить от времени до времени смотр своим силам путем открытых собраний и хождения по улицам с красными знаменами. Это так называемая демонстрация, так как посредством их мы показываем (демонстрируем) правительству нашу силу, чтобы принудить его дать народу свободу“³⁾.

Майский листок, разъясняющий международное значение 1 мая и призывающий шахтеров сделать его „и нашим праздником и нашим боевым днем“, заканчивается лозунгами: „Долой царское самовластие, да здравствует 1-е мая, да здравствует свобода, да здравствует 8-часовой рабочий день“⁴⁾.

Но, чтобы понять эволюцию взглядов Союза, необходимо обратиться к некоторым документам, указывающим на причины колебаний. На то, что у Союза до марта были колебания и что Союз имел связи с Екатеринославским рабочедельским „Комитетом рабочей организации“, есть некоторые полицейские указания. Хотя последние и требуют тщательной проверки, все же на них следует обратить внимание. В июльском донесении департаменту полиции Екат. губ. ж. у. сообщает: „В конце марта в центральной группе деятелей „Союза“

¹⁾ „Искра“ № 40, 15 мая 1903 г.

²⁾ Запоздание „Обращения“ объясняется тем, что до марта 1903 г. Комитет Союза путался и с рабочедельским „Красным знаменем“, куда посылал свои корреспонденции (№ 3, январь 1903 г.), и с организацией „Воля“, которая снабжала Союз большим количеством своих листовок. При этом необходимо принять во внимание, что „Воля“ на II съезде партии не была принята в РСДРП, как организация, ставившая „своей целью с'единение социал-демократов с социалистами-революционерами“. (Протоколы II съезда партии, стр. 288).

³⁾ Прокламация — „Как до сих пор шахтеры и заводские боролись“ ... хранится в деле Деп. Пол. О. О. № 5, ч. 27, л. Б., 1898 г.

⁴⁾ Прокламация „Первое мая“ хранится в Деле Деп. Пол. О. О. № 5, ч. 8, л. Е, 1898 г.

заяняли первенствующее положение два или три „искровца“, которые приняли все меры, чтобы окончательно разрушить существующую связь с „рабочей группой“ в Екатеринославе, присвоившей себе наименование „Екатеринославского Комитета“. И когда „рабочая организация“ послала названному Союзу в конце мая несколько сот экземпляров изданного ею известного воззвания „Лиса - проповедник и правда“, как это делалось и прежде, то в первых числах июня в Екатеринослав приезжал неизвестный „искровец“, выдавший себя делегатом „Союза“, который протестовал против присылки упомянутого воззвания, на издание которого „рабочая организация“ не спрашивала согласия у „Союза“. Кроме того, этот „искровец“ заявил Давиду Брагинскому и другим членам „Комитета рабочей организации“, что делаемые названной организацией воззвания совершенно лишние, так как „Союз“ принял программу „искровцев“, от которых и получает нелегальную литературу. В виду подобного заявления, „Комитет рабочей организации“ и командировал своего официального представителя, Василия Епифанова, который должен был на месте удостовериться в справедливости указанного заявления. Завязав связи с членами „Союза“, рабочими, при посредстве известного Григория Петровского, Епифанов собрал несколько сходов и из бесед с рабочими убедился, что большинство их против программы „искровцев“ и заручился их согласием на объединение с упомянутой „рабочей организацией“¹⁾.

Из этих данных совершенно достоверно только одно: именно, что Вас. Епифанов приезжал в Донбасс для связи в качестве делегата „Комитета рабочей организации“. Это подтверждается из двух источников: во - первых, из донесения Екат. охр. отд. от 20 апреля 1903 г., где указывается, что отколовшаяся от Екат. комитета группа „оппозиции“, „Комитет рабочей организации“, „послала для связи своих делегатов в Николаев, Херсон, Одессу, Воронеж и Вас. Епифанова в Союз горнозаводских рабочих“ (между прочим, в этом донесении екат. жандармы впервые сообщают департаменту свои догадки о том, что представляет из себя Союз²⁾).

¹⁾ Дело Деп. Пол. О. О. № 5 ч. 8, л. К, 1898 г., Донес. Екат. ох. отд. за № 889.

²⁾ „... Из имеющихся сведений об этом „Союзе“ видно, что он представляет обширную организацию, в состав которой входят почти все заводы и рудники Славяносербского, Бахмутского и Мариупольского уездов Екат. губ. и смежной территории Обл. Войска Дон., и в своем распоряжении имеет две хорошо оборудованных типографии, которые работают попеременно. Лица, входящие в состав центральной группы этого „Союза“, проживают, повидимому, на заводах и рудниках, группирующихся возле поселка Юзовка, и к их числу принадлежит крестьянин Харьк. губ. Иван Григорьевич Петровский, привлекавшийся в 1900 году к дознанию в Екатеринославе в качестве члена „Комитета“ местной социал - демократической организации и подлежащий, согласно высочайшему повелению, заключению в тюрьму сроком на 6 месяцев, но скрывшийся на одном из рудников близ пос. Юзово“.

(Дело Деп. Полиции О. О., № 5, ч. 8, л. И. Донес. Нач. Екат. ох. отд. за № 1138).

Во-вторых, в своих воспоминаниях Г. И. Петровский говорит, что: „В 1903 г. приезжал к нам на рудник (Шербиновский) Епифанов, ярый сторонник экономической линии, потом ставший меньшевиком, и читал доклад“¹⁾. Не известно только, связывал ли Епифанова с Союзом т. Петровский и был ли вообще т. Петровский в центре Союза, как на это указывают Екатериносл. жандармы. В своих воспоминаниях он об этом не говорит и вообще ничего не упоминает о Союзе, о существовании которого он, несомненно, должен был знать, так как за время пребывания т. Петровского в Шербиновке там несколько раз распространялись листки Союза.

Вероятнее всего, что в руководящем центре Союза с января по первую половину марта преобладали рабочедельцы и только во второй половине марта, с изменением состава центра, Союз определенно стал на искровскую точку зрения.

Какую же позицию занимали в это время крупные местные Комитеты Союза — Юзовский, Мариупольский и Луганский? О первых двух сведений нет. Луганский же Комитет, вступивший в Союз только в апреле 1903 г., судя по его прокламациям, не имел до вступления в Союз твердой искровской линии. В первых прокламациях („К рабочим механического отдела завода Гартмана“²⁾, февраль 1903 г.), выпущенных до мартовских арестов, как выше указывалось, звучал, хотя и осторожно, призыв к политической борьбе. Указывалось, что „полиция — усердная помощница всяких насилий“, что „правительство потакает всем капиталистам и чиновникам, устраивая кровавые бойни, как это было недавно в Ростове“ и, наконец, „что нам самим нужно бороться с врагами-капиталистами и правительством“. Но после мартовских арестов состав Луганского Комитета, вероятно, несколько изменился, и в апрельском „Летучем листке, № 4“³⁾ стала чувствоваться уже другая линия. В этом листке Комитет призывает рабочих к борьбе с капиталистами, путем устройства касс взаимопомощи, призывает рабочих вступать в партию, поясняя, что у партии „теперь уже в каждом городе есть свой Комитет, который организует в кружки рабочих и руководит их развитием“. Заканчивается листок таким призывом: „Итак, Луганский Комитет приглашает всех рабочих и работниц помочь ему в работе. Соединяйтесь в кружки и развивайтесь. И пусть нас не страшит ни тюрьма, ни Сибирь, ибо Иисус Христос пролил кровь за ближних и за блага людей и велел нам также проливать нашу кровь за благо людей“. Здесь уж, несомненно, пахнет „рабочедельством“ да еще с местным „иисусовским“ оттенком.

Луганская организация „болотила“, хотя, вероятно, и не больше, чем другие местные организации: в этом была не вина, а беда их,

¹⁾ История Ек. с.-д. орг., стр. 55.

²⁾ Хранится в деле Деп. Пол. О. О. № 5, ч. 8, л. К. 1898 г.

³⁾ Хранится в деле Деп. Пол. О. О. № 5, ч. 8, л. Е. 1898 г.

так как это происходило, главным образом, вследствие отсутствия дискуссионной литературы и опытных руководителей, которые помогли бы местным работникам разобраться в сложном переплете внутрипартийной борьбы. Но чем ближе было к партийному съезду, тем напряженнее становилась борьба и тем быстрее политически самоопределялись местные организации в искровском направлении.

СОЮЗ НА II СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

На своем очередном Донецком съезде, состоявшемся в июне или в начале июля 1903 г., Союз избрал двух делегатов и двух к ним кандидатов на II съезд Партии (первый — Мошинский - Львов, фамилия другого делегата неизвестна). Из протоколов партийного Съезда видно, что „один из делегатов (второй), по некоторым, чисто личным, причинам, на съезд не явился“¹⁾. Ни один из избранных кандидатов также не явился на съезд. Тогда Мошинский предложил Союзу признать своим вторым делегатом другого намеченного им товарища. На это предложение Союз прислал свое телеграфное согласие, но съезд, по предложению мандатной комиссии²⁾, не допустил на свои заседания второго делегата Союза, и Мошинский один³⁾, с правом двух голосов, представлял Союз на съезде партии.

При конституировании съезда партии на первых заседаниях право участия Союза в съезде было опротестовано, несмотря на то, что О. К. раньше внес Союз в первоначальный список организаций, имеющих право участия в съезде, согласно § 2 устава. Протест был передан на решение третейского суда в составе представителей Донского и Екатеринославского Комитетов, который вынес следующее решение: „Принимая во внимание: 1) что район деятельности Союза горнозаводских рабочих является весьма важным стратегическим пунктом для нашей партии; 2) что Союз горнозаводских рабочих, несмотря на исключительные трудности, пробил первую брешь для проникновения социал-демократии в этот район, завязав прочные связи во всех крупнейших центрах района, а с начала 1903 года вел даже энергичную агитацию, выпустив целый ряд прокламаций; 3) что

¹⁾ Протоколы II съезда Р.С. - Д.Р.П. „Прибой“ 1924 г., стр. 139.

²⁾ Резолюция мандатной комиссии: „Хотя никаких неблагоприятных отзывов о предложенном Горнозаводским Союзом делегате в Комиссию не поступило, но, ввиду того, что а) срок, установленный Организационным Комитетом для назначения делегатов, давно прошел, и что б) Комиссии удалось собрать лишь весьма скудные сведения о работе данного лица на месте, — второй съезд Р.С.-Д.Р.П. находит невозможным допустить на свои заседания предложенного делегата“ Там же, стр. 140.

³⁾ Местные организации Союза, в том числе и Луганская, своих делегатов на Съезд не посылали. Поэтому неправ Гамбаров, утверждающий, что от Луганской организации был на съезде Ворошилов („Летопись Революции“ № 4, стр. 53).

Союз мог бы представить с'езду важные для с'езда соображения об организации социал-демократической деятельности в отдаленных от городов промышленных местечках, — третейский суд считает нужным предоставить Союзу горнозаводских рабочих право полного участия на с'езде“¹⁾.

Союз был признан полноправным членом партийного с'езда. Его активное участие во внутрипартийной борьбе оказало несомненное влияние на решения с'езда.

Какую же позицию занимал Союз, в лице своего представителя, на партийном с'езде?

Уже из „Обращения“ по поводу признания „Искры“ известно, что Союз не по всем вопросам был солидарен с „искровцами“. И в этом Союз не был одинок. С некоторым „но“ признавали „Искру“ и группа „Южного рабочего“ и некоторые др. комитеты. Это и дало основание Ленину заявить в своей брошюре: „Шаг вперед, два назад“, что „à priori“ уже, на основании истории русской социал-демократии до с'езда, намечаются (для дальнейшей проверки и детального изучения) три главные группы: искровцев, антиискровцев и неустойчивых, колеблющихся, шатких элементов²⁾. В эту последнюю группу шатких полуискровцев, возглавляемую делегатами (Егоров, Е. А. Левин и В. Попов-Розанов) „Южного рабочего“, входил и двухмандатный делегат Союза. Шаткие элементы, или „центр“, проявили себя оппортунистически еще до раскола с'езда по вопросам устава (§ 1) и выборов центральных органов. „Центр“ или „болото“ солидаризировался с антиискровскими элементами (рабочедельцами и бундовцами), главным образом, тогда, „когда дело шло о проведении в жизнь конкретно-определенных планов искровской политики, когда дело шло о признании „Искры“ на деле, а не на словах только. Сюда относится инцидент с О. К., постановка вопроса о положении Бунда в партии на первое место, роспуск группы „Южный рабочий“, два голосования об аграрной программе и, наконец, голосование против заграничного Союза Русских Социал-Демократов („Рабочего дела“), т.-е. признание Лиги единственной организацией партии за границей“³⁾.

Нечего и говорить, что по основным спорным вопросам, расколовшим искровцев на большинство и меньшинство, искровское меньшинство (мартовцы) нашло себе верную опору в „болоте“, перекидывая через него мост к соглашению с от'явленными антиискровцами (Акимов и Мартынов). Образовался меньшевистский блок от мартовцев до рабочедельцев, представлявший правое оппортунистическое крыло в Р. С.-Д. Р. П. Союз принимал активное участие как в организации

1) Протокол II с'езда Р.С.-Д.Р.П., стр. 356.

2) Соб. соч., т. V, стр. 313.

3) Ленин. Собр. соч., т. V, стр. 418 — 419.

меньшевицкой фракции на с'езде, так и в отстаивании в последующие годы ее оппортунистической линии по организационным и тактическим вопросам.

ОТНОШЕНИЕ СОЮЗА К РЕШЕНИЯМ II С'ЕЗДА ПАРТИИ

На другой день после с'езда меньшевики, несмотря на свои торжественные заявления на с'езде о подчинении всем его решениям, повели на местах бешеную кампанию за изменение персонального состава редакции Ц. О. и Совета партии, чтобы обеспечить себе большинство. Одним из первых принял меньшевицкую резолюцию по этим вопросам Комитет Донецкого Союза. Она гласит:

„Принимая во внимание: 1) что резкие разногласия по организационным вопросам и раскол в редакции „Искры“ не только не содействовали об'единению и усилению партии, но разрушили все ранее сделанное „Искрой“ и О. К.; 2) что создавшаяся в это время атмосфера политиканства и недоверия грозит единству и цельности партии; 3) что, благодаря всему происходящему, центральные учреждения осуждены на умаление их авторитета партии, К. С. - Д. С.Г.З.Р. просит эти центральные учреждения принять все меры к улаживанию происходивших разногласий и к восстановлению посредством кооптации выбывших членов редакции в ее прежнем составе“¹⁾. Эта резолюция вызвала обмен письмами между редакцией Ц. О. (Ленин и Плеханов) и Союзом. Редакция поставила перед Союзом 8 вопросов, требующих раз'яснения сущности организационных разногласий и причин бойкота меньшинством центральных органов партии. Достаточно остановиться на трех вопросах:

„3. Как эти разногласия по организационным вопросам могли разрушать все ранее сделанное „Искрой“ и О.К.? В чем разрушение проявилось? Что именно разрушено? Нам это совершенно неясно, а между тем, если вы хотите предостеречь Ц. О. от какой-либо ошибки, то ваш долг раз'яснить нам, в чем вы видите нашу ошибку. Изложите дело с полной обстоятельностью, и мы внимательно обсудим ваше мнение.

„4. Каковы именно „резкие“ разногласия по организационным вопросам? Мы не знаем. (Мы просили Мартова, бывш. члена редакции „Искры“, изложить эти разногласия на страницах редактируемых нами изданий, но наша просьба пока не уважена).

„8. Считаете ли вы нормальным и допустимым, чтобы оставшиеся в меньшинстве члены партии отстранялись от работы Ц. О., от поддержки ЦК и повиновения ему, от поддержки партии денежными средствами и т. д.? 2).

¹⁾ Н. Шахов. „Борьба за с'езд“ (собрание документов). Женева, 1904 г.

²⁾ Там же.

Казалось, что следовало бы на „вопросы прямые дать ответы простые“. Однако, вышло совсем иначе. Ответ с большим запозданием, только в конце ноября 1903 года, был передан в редакцию Ц.О. через Мартова; при чем ответ, несомненно, подсказанный заграничными мартовцами, отличался адвокатской бойкостью и фракционной задорностью, не давая ни одного факта, подтверждающего обвинения в „политиканстве“ и введении „осадного положения“. В своем ответе Союз, проливая слезу о единстве, направляет свой удар на устав партии, принятый съездом, и всячески оправдывает дезорганизаторский саботаж меньшинством партийных центров. Чтобы доказать „юридически“ (если факты отсутствуют) существование „осадного положения“ в партии, „ответ“ в своей критике не стесняется извращением устава партии. В „ответе“ подчеркивается: „Вы внесли в устав ряд §§, которые должны сделать ЦК учреждением, подчиненным Ц. О. Мы не стоим вовсе за то, чтобы отрицать всякую возможность Ц. О. влиять на дело правильного руководства партией, но мы думаем, что задача централизации не решена, пока в России не будет создана группа практиков, не отделенных границами государства, достаточно сильная для того, чтобы быть руководителем партии... Мы не были противниками широких полномочий ЦК, но мы полагаем, что ЦК, если только он не преследует цели усиленной охраны или осадного положения, совсем не нужно для обеспечения своего влияния иметь неограниченное и беспартийное право распоряжаться даже наличным составом целых комитетов. Но такое право стало положительно опасным в руках ЦК, имеющего ограниченные цели поддерживать осадное положение... Мы считаем даже совсем излишним, как контроль Ц.О. над ЦК, какое бы то ни было наблюдение со стороны редакции над личным составом комитета, а при существовании того же „осадного положения“ считаем этот § положительно вредным“¹⁾.

Здесь поставлены точки над „i“. В этом „ответе“ явно выпирает знакомое старое — протест интеллигентской кружковщины против староискровского, а после съезда — большевистского, централистского принципа строительства партии. Отсюда вытекает и бесшабашное оправдание саботажа и нарушений постановлений съезда: „Меньшинство своим отказом от работы в Ц.О. и ЦК, как видно из ваших вопросов, ставит эти учреждения в затруднительное положение, и вы негодуете на него за это. Мы же находим вполне нормальным, что люди содействуют проведению только той политики, которую разделяют, и борются против той, которую считают вредной. Это их право, и никто не может их в том упрекнуть, пока они борются честными средствами“²⁾. Для меньшевиков, как видно, уже тогда постановления и решения партийного съезда были ничто, а „честные средства“ — все.

¹⁾ Там же.

²⁾ Там же.

Этот „ответ“ Комитета Союза редакции Ц. О. не оставляет никаких сомнений, что в послес'ездовской внутрипартийной борьбе Комитет занял ортодоксально - меньшевистскую позицию, будучи персонально связан через Мошинского с меньшевистским Донским Комитетом.

Эта позиция Комитета и его делегата на партийном с'езде получила одобрение в ноябре или декабре на III Донецком С'езде Союза. При этом необходимо отметить, что в этом вотуме меньшевистской линии Союза и его делегата принимали участие и представители Луганского Комитета. Повидимому, Луганская организация, вопреки утверждению некоторых историков, сама определилась как большевистская, гораздо позже, только в 1904 году, когда она, вследствие временной полицейской ликвидации Комитета Союза, работала под руководством большевистского Екатеринославского Комитета.

ПОСЛЕС'ЕЗДОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗА

Бурные волны всеобщих политических стачек - демонстраций на юге в марте — июле 1903 года только подготовили почву в Донбассе для массовой социал - демократической агитации. Сотысячные массы шахтеров и металлистов, находившихся в тягчайших, почти колониальных, условиях капиталистической эксплуатации, не поднялись на помощь ростовцам и бакинцам. Промышленный кризис 1900 — 1902 г.г., наступивший позже в тяжелой индустрии, еще продолжался, особенно в металлургической промышленности Донбасса. Летом и осенью 1903 г. горнозаводчики систематически снижали расценки, безработица с прежней суровостью душила шахтеров и особенно металлистов, этих застрельщиков стачечной борьбы. Искровский корреспондент в сентябре так описывает типичное для Донбасса положение рабочих на Юзовском заводе:

„В доменном цехе, несмотря на то, что было пущено три новых домны, число рабочих осталось прежним. За один рубль рабочие должны в течение 12 часов работать в адской атмосфере, температура которой доходит до 60°. Многие не выдерживают и падают в обморок. Их обливают водой и заставляют опять работать. При коксовых печах приходится работать в вечном огне. Жара и пыль невыносимые. Работа в две смены по 12 часов. Поденная плата за этот каторжный труд — 1 рубль. Рабочие терпят страшные притеснения от старшего десятника Шевченко, которого за лютость и свирепость прозвали „крокодилом“. Шевченко, кроме того, облагает рабочих целым рядом налогов в свою пользу. В механическом цехе заработки доведены до 70 коп. в день. То же и в токарном отделении. Число рабочих в котельном цехе сокращено вдвое, при сохранении прежней платы 1 рубль в день. Чернорабочие за грошевое вознаграждение

вынуждены работать сплошь всю неделю, не имея даже праздничного отдыха. Рабочие подрядчика Свинцова, работающие при нагрузке и выгрузке руды из вагонов, выгружают каждый ежедневно 6 — 7 вагонов (в вагоне 750 пуд.). Рабочий день — от 5 час. утра до 6 часов вечера. Получают за этот непосильный труд летом 80 коп., а зимой 60 коп. В кирпичном сарае работают девушки в возрасте 14 — 18 лет и мальчики. Каждый обязан сделать не менее 600 кирпичей в день, получая по 10 коп. с сотни. Не остается времени для завтрака и обеда. Особенно тяжело положение мальчиков, отбивающих шлак от старого кирпича. Летом и зимой приходится работать на дворе. Получают 30 — 40 коп. в день ¹⁾.

В „Последних Известиях“ (из листовки Союза „Чего мы требуем“) сообщается:

„На Карповском руднике условия труда каторжные. Инженер Фенин обращается с рабочими хуже скотины. По его настоянию сбавлены расценки. Владелец получил 1.800.000 рублей, а рабочим плату урезали: поденным на 5 коп., сдельным на 20 коп. с куба. В августе на Краматорском заводе была забастовка в модельном цехе. Требовали прибавки жалованья на 50%. Нашлись изменники (Цыганок — провокатор, Жорж, Котиков, Ящур, Козибудский и Першин), которые вышли на работу, и стачка была сорвана. Остальные взяли расчет и раз'ехались. Произведено много обысков и арестов. И в ту же ночь появились опять листки нашего Союза. Полиция в бешенстве. Завелись провокаторы: модельщик Цыганок, Сверлов, Хотеев и Шаев. Остерегайтесь этих Иуд, которые готовы продать товарищей за деньги“ ²⁾.

Голодные тиски кризиса, несмотря на весьма энергичную агитацию Союза, еще и в продолжение всего 1903 года не выпускали рабочее движение Донбасса за пределы частичных экономических стачек.

После неудавшейся майской демонстрации местные организации и центр Союза понесли большие потери, вследствие полицейских набегов. Только в июле удалось восстановить связи и возобновить массовую работу. К 14 июля выпускается в большом количестве листовка „О годовщине мариупольской стачки 1899 г.“, призывающая к отмщению за расстрел мариупольских товарищей. Тогда же издается программная прокламация: „Чего хотят социал-демократы“. В ней весьма удачно в популярной форме раз'ясняются основные программные требования партии и заканчивается она призывом: „Поднимайтесь же, товарищи, на борьбу с врагами. Собирайтесь вокруг красного знамени социал-демократии... Наши силы растут. Час падения царского самодержавия уже близок. Готовьтесь к решительной борьбе.

¹⁾ Искра № 50, 15 октября 1903 г.

²⁾ „Лет. Рев.“ № 2, 1923 г., стр. 242.

Присоединяйтесь к социал-демократической рабочей партии¹⁾. Призыв вступать в партию в революционной атмосфере южных стачек под ударами промышленного кризиса в Донбассе вызвал большой прилив новых сил. Кружки Союза организовывались на самых отдаленных рудниках и активно распространяли социал-демократическую литературу.

Осенью, в сентябре, под влиянием социал-демократической агитации и особенно под давлением нового общего снижения расценок, настроение рабочих было крайне приподнятое. Рабочие Юзовского завода и некоторых рудников требовали от Союза призыва к всеобщей стачке. Но, обессиленный и дезорганизованный очередными арестами, Союз не мог использовать боевого настроения. Дело ограничилось забастовкой на Юзовском заводе, где предварительно была проведена агитационная кампания. В первой половине сентября Юзовским Комитетом Союза было создано несколько сходок, на которых присутствовало до 50 — 80 человек заводских рабочих и ремесленников. На одной из таких сходок, продолжавшейся 4 часа, произносились речи на самые разнообразные темы: о рабочем движении в России, о милитаризме, о том, как держать себя на допросе, об антисемитизме, об Р. С.-Д. Р. П., и, в заключение, была принята следующая резолюция:

„Мы, все, присутствовавшие на сегодняшнем собрании, крайне возмущены и выражаем свое негодование и всю свою ненависть к царскому правительству за его гнусную роль в избиении евреев в Кишиневе и Гомеле, за массовое расстреливание наших товарищей рабочих-стачечников в Киеве и Екатеринославе, в Керчи и Батуме, в Одессе и Николаеве, в Елисаветграде и Ростове; за смертный приговор ростовским манифестантам в Таганроге. Мы выражаем полное искреннее сочувствие свое нашим товарищам в их геройской борьбе с ненавистным чудовищем — царским самодержавием, которое душит все живое, честное, стремящееся к братству и равенству всех народов. Мы клеймим такое правительство вечным позором. Смерть ему! Мы протягиваем всем угнетенным нашу рабочую руку в их борьбе с царским самодержавием“²⁾.

Вскоре после сходки, 17 сентября, вспыхнула забастовка в механическом и мелкосортном цехах Юзовского завода. Забастовало 200 человек. Стачка грозила перекинуться в другие цеха и сделаться всеобщей. Местный Комитет Союза поспешил выпустить две листовки с призывом к всеобщей стачке и послал своего оратора на собрание стачечников. Но заводоуправление, напуганное организованным выступлением рабочих, отказалось на этот раз от дальнейшего понижения расценок, и стачка на 6-й день прекратилась.

¹⁾ Хранится в деле Деп. Пол. О. О. № 5 ч. 8 л. Е. 1898 г.

²⁾ „Искра“ № 50.

Осеннее повышенное настроение подавало надежды Союзу вывести рабочих Донбасса на демонстрацию в годовщину ростовской ноябрьской стачки. Были выпущены по этому поводу листки: „Описание сходки 10 ноября 1902 года в Ростове“, „Памяти убитых 11 ноября 1902 г.“, „Ко всем“ (призыв к демонстрации).

В последней листовке Союз призывал: „Товарищи! Мы объявили войну всем угнетателям и в первую голову царизму. Мы ведем борьбу с деспотизмом, сея повсюду семена ненависти к нему. Посев этот даст обильную жатву: он даст ту сильную сознательную армию пролетариев, которая в решительную минуту вступит в открытый бой с самодержавием: этот решительный момент — революция. К ней, товарищи, мы готовимся, ради нее мы устраиваем демонстрации... На демонстрациях мы приучаемся к решительному бою, закаляемся для русской революции“¹⁾.

Но, несмотря на энергичную агитационную кампанию, Союзу удалось организовать внушительную политическую демонстрацию только в Таганроге. Демонстрация состоялась 9 ноября в 7 часов вечера. Рабочие, собравшись на Петровской улице, с красными знаменами и пением революционных песен прошли к театру, привлекая огромную толпу народа. Полиция, захваченная врасплох, почти отсутствовала. Околоточный, пытавшийся вырвать знамя, был отброшен демонстрантами. Оратор Союза у театра произнес речь о значении этой демонстрации в память ростовских товарищей, расстрелянных правительством, о борьбе с самодержавием и буржуазией. Здесь в толпе разбрасывались прокламации Союза „Ко всем“. Затем демонстранты пропели несколько раз „Марсельезу“ и „Варшавянку“ и разошлись до прибытия казаков. Урок этой, хотя и мирной, демонстрации не пропал бесследно в дальнейшей революционной борьбе таганрогских и донецких рабочих.

„За ноябрьской демонстрационной кампанией последовали новые полицейские разгромы Союза, и его деятельность значительно сократилась. Но все же до ноября, начиная с весны 1903 года, Союзу удалось развернуть необычайно широко массовую агитацию. По всему Донецкому бассейну разбрасываются десятки тысяч листов и прокламаций, организуются стачки и массовые сходки политического характера, на которых произносятся речи на политические темы“, читаем мы в отчете Союза за 1902-3 г.г. „Район деятельности Союза определяется списком шахт и заводов, охваченных печатной агитацией. Более или менее систематически листки Союза и местных организаций распространялись в Луганске, Мариуполе, Славянске, Таганроге, Юзовке и Бахмуте. Из крупных заводов отметим: 1) машиностроительные: Гартманский, Краматорский, Дебальцевский, Харьковский, Таганрогский и др.; 2) стекольные и химические в Славянске

¹⁾ Хранится в деле Деп. Пол. О. О. № 5 ч. 8 л. Е. 1898 г.

и Константиновке; 3) металлургические: Дружковский, Краматоровский, Константиновский, Макеевский, Таганрогский, Петровский, Юзовский, Никополь - Мариупольский и Русский Провиданс. Из рудников охвачено более 25 каменноугольных предприятий в районе Юзовки, Макеевки и Луганска.

„Число стачек, организованных союзом и его местными организациями (за 1^{1/2} года) достигало 10, с общим числом стачечников до 3.000. Число сходов — 15, с общим числом участников до 1.000. Союзом издано и распространено 13 листов и прокламаций в количестве 63.000 экз. Местными организациями Союза издано и распространено 17 прокламаций в количестве 3.020 экз. Кроме того, распространено 15.500 экземпляров изданий других организаций. Доход Союза по октябрь текущего года достиг 4.133 рубля 90 коп., расход 4.183 рубля“¹⁾.

В конце ноября или в начале декабря состоялся третий очередной съезд Союза. На нем были представлены Мариупольская, Луганская, Юзовская, Таганрогская и Славянская организации.

В порядке дня съезда стояли вопросы: доклад делегата II-го съезда партии, организационные вопросы и отчеты местных комитетов. По отчету делегата принята резолюция: „Рассмотрев доклад своего делегата на партийном съезде, Союз выражает одобрение его поведению“. Сюда же, вероятно, относится и одобрение резолюции и „ответа“ комитета Союза редакции Ц. О. По общим организационным вопросам, в результате обсуждения, принята резолюция: „В настоящий момент Союз обращает особое внимание на организационную работу. Предпочтение, оказываемое этой стороне революционной деятельности, не должно, однако, отражаться ограничением агитации экономической и политической“. Затем съезд выработал план агитации и программы занятий пропагандистских кружков, определил функции своего центрального учреждения (комитета) и постановил заменить прежнее название донецкой организации новым — „Донецкий Социал-Демократический Рабочий Союз“, а для местных организаций установил название „группы“ вместо „комитеты“. Союз перестраивался по принципу меньшевистской автономии, хотя об этом и умалчивается в кратком газетном отчете о съезде.

Не меньший интерес представляют доклады делегатов о состоянии местных организаций. В них как бы подводятся итог, с какими силами и ресурсами Союз остался после года массовой революционной работы и после многочисленных полицейских налетов. На поверку оказалось:

В Юзовке организовано в 4 кружках 35 заводских рабочих и намечены еще два кружка в 15 человек. Постоянных читателей неле-

¹⁾ „Искра“ № 52, ноябрь 1903 г. „Отчет С.-Д. Союза горнозаводских рабочих с января 1902 г. по октябрь 1903 г.“

гальной литературы — 75 человек. В ремесленной организации в кружках — 50 человек и постоянных читателей литературы — 50 человек.

На рудниках Юзовского района имеется 2 кружка с 24-мя членами, читателей нелегальной литературы — 40 человек. Имеются связи на кое-каких заводах района, но организации еще нет. За время деятельности Союза было 5 сходов, на которых присутствовало от 40 до 80 человек на каждой. Бюджет местной организации достигает 100 рублей в месяц.

В Таганроге имеется 10 кружков с числом членов около 100 и столько же читателей. В течение осени было 8 сходов с количеством участников от 80 до 150 человек. За время деятельности Союза было две забастовки и одна демонстрация. Бюджет организации — от 50 до 70 рублей в месяц.

В Мариуполе шесть кружков с 43 членами, читателей — 60. Весною местная организация провела стачку. Была одна сходка в 25 человек. Бюджет — 50 р. в месяц.

О Луганске и Славянске нельзя было представить точных сведений, так как в обоих городах перед съездом были провалы, и товарищи только начали восстанавливать порванные связи. В момент съезда в Славянске имелась всего одна группа из 5 человек, имевшая связи с местными заводами, а в Луганске два кружка с 25 членами¹⁾“.

Так закончил год своей большой революционной работы Донецкий Союз. В громадном промышленном районе с отсталым рабочим движением была вспахана целина, заложены основы революционной рабочей организации. Донбасс в области рабочего движения, так же как и в промышленном отношении, пробивался, преодолевая невежество и мелкобуржуазную ограниченность, на передовые позиции. Но Донецкий Союз, сделавший так много в 1903 г. для подготовки революции, в последующие годы не раз, благодаря своей меньшевистской закваске становился тормазом движения.

СОЮЗ И РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

Рабочее движение за период 1901 — 1903 г. г. прошло несколько циклов и развернулось до небывалой широты, напряжения и организованности в южных всеобщих политических стачках. Всем и в том числе правительству стало ясно, что движение 1903 года было генеральной репетицией перед надвигающейся революцией. В следующем цикле южные стачки неизбежно должны были вырасти во всероссийскую всеобщую стачку и затем в открытое вооруженное восстание. Царское правительство, не желавшее уступками революционному движению колебать устой своей кровавой дворянской диктатуры,

„Искра“ № 58, 25 января 1904 г. „Отчет о третьем очередном съезде Союза“.

стремилось другими средствами задуть нарастающую революцию. Не надеясь на казацкие нагайки и залпы пехоты, оно решилось в конце января 1904 г. на объявление войны Японии. В начале войны царский палач, шеф жандармов Плеве, говорил военному министру Куропаткину: „Вы внутреннее положение России не знаете. Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война“¹⁾. Конечно, основной причиной русско-японской войны были не благие пожелания шефа жандармов, а захватнические империалистические планы русского царизма на Дальнем Востоке.

Но Плеве был по-своему прав. Правительству удалось патристическим угаром, военными и осадными положениями задержать на год развитие революции. Количество стачек по России в 1904 г. во много раз уменьшилось против 1903 г. — 68 против 550, а число бастовавших рабочих уменьшилось с 86.832 до 24.904. Массовое движение сократилось и под влиянием войны и еще больше под давлением снова наступившего финансово-промышленного кризиса. Кризис вызвал огромную безработицу, и борьба рабочих за экономические улучшения еще с большей, чем прежде, очевидностью становилась безнадежной. Война и кризис с каждым днем беспощадными фактами растущей нищеты и голода доказывали рабочим массам, что только свержение самодержавия прекратит бойню на востоке и даст им возможность вести успешную борьбу с капиталистами.

Под этими лозунгами социал-демократическая организация вела весь 1904 год агитацию в рабочих массах. Условия революционной работы под эгидой военных и осадных положений и почти при полном затишье рабочего движения были неизмеримо тяжелее, чем в 1903 году. Это особенно чувствовалось в Донбассе, где, вследствие отсутствия больших городов, все участники организаций очень скоро попадали под „обстрел“ полиции. Поэтому Донецкий Союз уже в начале 1904 г. потерпел несколько катастрофических провалов. Союз лишился своего центра, и функции Комитета Донецкого Союза взял на себя Донской Комитет. Об этом упоминается в протоколах апрельской конференции Союза²⁾, это видно также из результатов обыска у арестованного члена Донского Комитета Мошинского³⁾.

Местные организации Союза систематически дезорганизовались арестами и провокацией. На той же апрельской конференции говорилось: „1904 год был одним из самых худых для Донецкого Союза. Целый ряд провалов, отчасти благодаря провокации, совершенно обессилили организацию, особенно Юзовскую и центр., и не позво-

¹⁾ С. Ю. Витте „Воспоминания“, I т., ГИЗ, 1923 г., стр. 239.

²⁾ „Искра“ № 99, 1 мая 1905 г.

³⁾ У Мошинского при аресте в Ростове 15 апреля 1904 г. обнаружены явки в Сулин, Луганск, Юзовку, Бахмут и Славянск (Дело Деп. - Пол., 7 делопр., № 1350. 1904 г.).

ляли установить работу на сколько-нибудь продолжительное время. Мешало и мешает до сих пор работе Союза отсутствие крупного культурного, интеллигентного центра, где бы можно было создать базис Союза и черпать силы и средства для борьбы“.

Несмотря на это, Донскому Комитету в 1904 г. удалось выпустить и распространить за подписью Донецкого Союза 13 прокламаций, направленных против войны, кризиса и безработицы. Все 13 листов были перепечатаны с заграничных изданий редакции новой „Искры“. Поэтому главные вопросы войны раз'яснялись в этих прокламациях — по-меньшевистски. Меньшевики подчеркивали династический характер войны, объясняя ее исключительно стремлением царя упрочиться на троне путем отвлечения внимания народа от внутренних событий. Большевики же тогда утверждали, что, кроме династических мотивов, в этой войне значительную роль играли и чисто, империалистические завоевательные стремления, желание заполучить новые рынки. Против такого большевистского понимания основных причин войны меньшевики вели тогда яростную борьбу.

Уже тогда меньшевики стали вносить в рабочее движение оппортунистическое оборонческое понимание войны, получившее завершение в 1914 — 17 г. г.

Агитация Союза, хотя и меньшевистская, об'ективно делала тогда революционное дело. Она звала рабочих Донбасса на штурм самодержавия, она укрепляла, несмотря на аресты, революционные организации рабочего класса.

Из местных организаций наиболее активно работали в тот период Юзовская и Луганская.

В материалах по истории Екатеринославской организации имеются следующие сведения о руководящем составе Юзовской организации:

„В начале 1904 г. Юзовскую организацию возглавлял коллектив, в который входили: в качестве организатора Гр. Паперно и члены-пропагандисты — Эмма Рыдник, Евгения Райх, Сима Бондарева, Ефим Косой, Федя Биркин, Волгин, бр. Заверткины под кличкой „Гусс“ и „Плутон“, Леонид Мазанов, Михаил Козинец и, в качестве секретаря, Маркович. Этот актив работал до большого апрельского провала, положившего начало „делу о привлечении 40 Юзовской группы организации Р.С.-Д.Р. П.“. После провала появляется в Юзовке Отто Ауссем¹⁾ в роли организатора. Создается новый актив в составе: Плахова М. П., Цыганенко Д., Подольского Я., Левандовского А., Брязкуна М., Малкина Л., Либушица, „Володьки“ и Евдокимова. Работа кружков значительно оживилась. Ауссем руководил четырьмя кружками, Левандовский — тремя, Володька — двумя и Плахов — двумя²⁾..

¹⁾ Ныне генеральный консул СССР в Париже.

²⁾ Материалы по истории Екатерин. с.-д. орган. большевиков 1904 — 1905 — 1906 г. г. Издание Истпарга 1924 г., стр. 93 — 96.

Юзовская организация в течение года (с конца 1903 г. по сентябрь 1904 г.) немилосердно трепалась арестами и провокацией. Корреспондент „Искры“ об этом пишет:

„В продолжение одного с лишним года у нас происходили совершенно непонятные аресты и провалы. Товарищи терялись в догадках, как их об'яснить, и, естественно, заподозривали то одного, то другого. Много честных и преданных делу товарищей невыразимо страдали от высказываемого им недоверия. Иные так и уезжали, измученные; другие, арестованные, напрасно зывали из тюрьмы о реабилитации. Пока настоящий виновник не был открыт, масса искала предателей и не верила никаким реабилитациям. Недремала и полиция, стараясь еще больше подлить масла в огонь“¹⁾.

„Наконец, в сентябре после проверки слухов и в результате тщательной слежки провокатор был обнаружен²⁾, выдав себя, благодаря глупой неосторожности. После провокационного ареста Ивана — нелегального рабочего, доставившего второй транспорт литературы из Ростова — юзовцы просили Дон. Ком. присылать литературу через своего человека, незнакомого в Юзовке. Два таких транспорта сошли удачно. Перед третьим провокатор в кабаке похвастал: „Из Ростова посуху щука плывет, мне сто кербелей несет“. Третий транспорт провалился, а через несколько дней он опять в кабаке хвастал большими деньгами и говорил: „Цыплят надо разводить и резать, а курицу на развод держать“. Никто больше не сомневался в его виновности. Окончательно провокатора разоблачили на заседании Комитета. Все были настолько возмущены затесавшимся в члены Комитета провокатором, что уже в тот же вечер двое рабочих стреляли в него и тяжело ранили. После того в ту же ночь Ауссем, Баркова и двое стрелявших бежали из Юзовки в разных направлениях“.

¹⁾ „Искра“ № 79, октябрь 1904 г.

²⁾ „К сведению товарищей. После тщательной проверки всех слухов о провокации, более года волновавших юзовских товарищей, Юзовская группа Донецкого Комитета настоящим доводит до всеобщего сведения, что все слухи, указывавшие как на провокаторов, на товарищей, работавших здесь под кличками Леонида, Николая, Миши и Самуила, совершенно ложны.

„Действительным провокатором, жертвами которого, между прочим, стали и вышеупомянутые товарищи, состоит Гавриил Евдокимов, слесарь центральной шахты Новоросс. О - ва Юзовка, значащийся в книгах юзовской полиции, как „секретный агент № 4“.

„Справками в первых источниках и выслеживанием его несомненно установлено, что более 50 товарищей и более десяти тысяч наших изданий выданы им полиции.

„Его приметы: выше среднего роста, брюнет, открытое широкое лицо, на первый взгляд производящее хорошее впечатление (русский простак, с душой нараспашку), маленькие усики, бороду бреет, коренаст, голос низкий, несколько грубоватый, походка слегка размашиста, любит выпивать, человек семейный, живет на 15 линии, дом № 21“. „Искра“ № 78, 20 сент. 1904 г.

Все же и в отмеченных неимоверно тяжелых условиях небольшой горсти энергичных работников удавалось продолжать агитацию и пропаганду.

„Кружки работали почти без перерыва. На редкие сравнительно массовые сходки собирались от 80 до 120 человек. Собрания эти проходили очень оживленно, выступало 5—6 ораторов, под конец происходил оживленный обмен мыслей и пелись революционные песни. Говорились речи о войне, о кризисе, об итальянской стачке, о цензовой и демократической конституциях, о всеобщей стачке и прочее.

„Зато организационную работу на заводах и рудниках поставить прочно все не удавалось. От времени до времени распространялись листки, которые Евдокимов не успевал или не смог „распространить“: „Пора“, „К солдатам“, „К запасным“, „Кризис, безработица, война“ и др., но числом немного — всего за лето тысячи три, остальное громадное большинство попало прямо в полицию.

„Сильно упали также наши денежные доходы: в последние месяцы они достигали не более 30—50 рублей в месяц“¹⁾.

Только к концу 1904 года Юзовская организация настолько окрепла, что поставила отдельно от Ростова самостоятельную „технику“ для Донбасса и взяла на себя инициативу по созыву донецкой партийной конференции и восстановлению центра Союза. При этом необходимо отметить, что с момента ареста комитета Союза Юзовская организация все время работала под непосредственным руководством меньшевистского Донского Комитета.

— Другие события за это время происходили в Луганской организации. Полицейский разгром союзного центра пошел ей впрок. Благодаря ему ей удалось эмансипироваться от меньшевистского Ростовского Комитета и связаться с большевистским Екатеринославским Комитетом. После некоторой внутрипартийной борьбы в Луганской организации, победили большевики, которые, в целях расширения своей работы на весь район шахт и заводов бывш. Славяносербского уезда, создали горный комитет РСДРП. Горный Комитет выпустил, независимо от Союза, свою майскую листовку и провел небольшую однодневную забастовку рабочих чугунно-литейного цеха Гартманского завода. Тогда же, в конце мая, была выпущена листовка по поводу волнений арестованных луганской тюрьмы. Революционная работа Луганской организации через Горный Комитет распространялась все больше и больше, захватывая большой район шахт и заводов. Луганская организация становилась для Донбасса цитаделью большевизма. Оттуда в последующие годы еще не раз приходилось большевикам обстреливать живучие, особенно на шахтах, меньшевистские позиции.

¹⁾ „Искра“ № 79.

Для рабочих Донбасса, как и для всей России, 1904 год, год войны и нарастающего кризиса, был годом тягчайших испытаний. Революционная пропаганда тихой сапой, без бурных стачек захватывала широчайшие массы и готовила их к баррикадным боям с самодержавием в 1905 году. Ужасы военной бойни, безработица, голодуха и революционная пропаганда развернули стачечное движение 1903 года в пролетарскую революцию 1905 года. И в этой классовой схватке пролетариат Донбасса был на передовых позициях, развив в целом ряде своих рабочих центров (в Горловке, Авдеевке и др. местах) революционную борьбу до вооруженного восстания.

(Продолжение в след. №)

Т. ХАРЕЧКО

Из истории рабочего движения на Криворожьи

(1903 — 1905 г. г.¹⁾)

РАЗВИТИЕ КРИВОРОЖСКОЙ ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Криворожская руда стала известна в России еще в начале XIX столетия. Близкое ее местонахождение от другого источника богатства — каменного угля в Донбассе — как будто заранее предугаживало колоссально-быстрое развитие мощной промышленности на юге России.

Но для того, чтобы привести в движение горные богатства Кривого Рога, понадобилось около 80 лет. Почти целое столетие прошло, пока начали разрабатывать криворожские железные рудники. Тяжелая русско-дворянская натура привыкла делать все не спеша: потянуться, зевнуть, почесать затылок, потом поговорить за обильным столом и опять заснуть.

Переписка одного министра с другим начиналась и затем приостанавливалась на долгие десятилетия, не претворяясь в живое дело. Так, напр., еще в ноябре 1803 года министр внутренних дел, граф Кочубей, сообщил министру финансов, графу Васильеву полученные им от статского советника Штерича сведения о том, что „вблизи Днепра открыты залежи каменного угля“. Для горных разведок был командирован чиновник, некий Пилипенко, который в октябре 1804 г. сообщил своим донесением министру финансов, что им также „обнаружены большие залежи железной руды близ Кривого Рога по берегу Ингульца и близ деревни Шестерни и что ее там находится великое изобилие разных видов“.

После этого сообщения про криворожскую руду забыли; лишь спустя 33 года (в 1837 г.) бессарабский генерал-губернатор по собственному почину приказал произвести геогностические исследования на

¹⁾ Настоящая статья касается только краткого периода с 1902 г. и по 1-е января 1906 г. Отнюдь не претендуя на полноту отражения всего революционного движения в Криворожском рудном районе, она должна послужить побудительным стимулом для дальнейшего и более подробного освещения истории Криворожья вплоть до Великого Октября.

границе Екатеринославской и Херсонской губерний. Исследователи также констатировали залежи руды в Кривом Роге. А спустя 2 года (в 1839 году) некий Кульшин сообщил в „Одесском Вестнике“ об этом открытии публике.

После этого „исследования“ опять производились в 1860-69-70 г. г. А руда продолжала лежать в недрах земли, пока один предприимчивый помещик Верхне-Днепровского уезда А. Н. Поль не взялся за практическую разработку криворожской руды.

Этот помещик заарендовал небольшой участок земли на 90 лет, поехал во Францию, раздобыл денег, и в 1881 г. разработка и добыча железной руды в Кривом Роге началась.

Французы, конечно, узнали, для какой цели Поль добывался во Франции денег и сами, последовали за ним в Кривой Рог, тоже заарендовали землю и стали добывать руду „в большом изобилии“.

Саксаганский рудник целиком принадлежал французам; рудник „Дубовая Балка“ принадлежал акционерному обществу, состоявшему из французских и русских капиталистов; за французами последовали предприимчивые бельгийцы, и спустя каких-нибудь 25 лет, в 1905 году, в Кривом Роге было уже 80 железных рудников. Все эти рудники принадлежали в это время 36 владельцам: французам, бельгийцам, полякам и русским.

Первоначальная разработка рудников и добыча руды производилась примитивным способом. Вся криворожская руда находилась под наносным пластом различной толщины — от 1 до 3 саж., местами доходя от 3 до 17 саж. мощности. Руда вскрывалась подрядчиками-грабарами числом около ста человек, имевших в своем распоряжении около тысячи грабарей и больше тысячи рабочих-мужчин. Грабари не только занимались вскрытием руды, но также подымали ее из карьеров при помощи конных рудоподъемников. Подземные работы также производились подрядчиками.

Криворожские рудники вначале разрабатывались без применения пара и электричества, а если механическая сила и применялась в первом десятилетии — с 1880 по 1890 г., то в незначительных размерах и то только там, где паровая установка требовалась для откачки подпочвенной воды. Механическая сила при разработке и добыче руды стала применяться лишь в 1890 г. и то не на всех рудниках, а лишь на тех, которые принадлежали акционерным обществам и компаниям.

Применение пара и электричества в рудном деле не было возможно по той причине, что весь рудный пласт находился неглубоко от поверхности; во-вторых, не было железнодорожных под'ездных путей, и руду приходилось доставлять на железную дорогу на расстоянии от 7 до 18 верст. Лишь после того, как в 1890 г. была проведена железнодорожная ветка Пятихатки — Карнаватка и Кривой

Рог — Николокозельск, стала возможной более интенсивная добыча руды, а, следовательно, и более полное применение механической силы. Эта железнодорожная ветка соединяла все криворожские рудники, которые находились на расстоянии от $\frac{1}{2}$ до 5 верст. К 1905 г. все эти рудники устроили подъемные пути, и погрузка руды стала производиться непосредственно на рудниках.

Криворожский рудный пласт тянется на расстоянии 120 верст, начиная от группы рудников Желтая Река, затем — с Терновского рудника, по реке Саксаган, до станции Николокозельск, по реке Ингулец.

Большинство рудников находилось на арендованной у крестьян земле, площадь которой равнялась 13.153 дес. Собственной земли у рудников было 3.332 дес. Аренда исчислялась с пуда добытой руды и колебалась от $\frac{1}{2}$ коп. до 3 коп. за пуд. Указанная арендная плата на землю — 3 коп. с пуда добытой руды — распространялась лишь на помещичьи земли, а не на крестьянские, так как крестьянам такой цены не давали, а если и давали, то не все рудники и, следовательно, не всем крестьянам, на землях которых находилась руда. Те же крестьяне, которые продавали свои земли в собственность рудопромышленникам, получали еще меньше: так как крестьяне недостаточно разбирались в ценах на богатые рудой земли, то стоило рудопромышленнику предложить крестьянину за его участок земли в 2—3 раза больше той, которая существовала на обыкновенную пахотную, как крестьянин с радостью соглашался, особенно в том случае, если получал чистоганом всю сумму. Так обстояло дело с теми крестьянами, которые имели собственную, главным образом, усадебную землю. Со всем иначе дело обстояло с обыкновенной пахотной землей. Она сдавалась от $\frac{1}{2}$ коп. до $1\frac{1}{2}$ коп. с пуда добытой руды. Но были и такие арендаторы, как Криворожское О-во, которое арендовало 21 дес. земли (Саксаганский рудник) на весьма большой срок и платило всего по 5 р. за десятину, независимо от количества добытой руды. Новороссийское О-во платило криворожанам только по $\frac{1}{4}$ коп. с пуда. Такая же плата была и на остальных пластах, как на Лимановском, так и Желтой Реке. В общей сложности по одному Кривому Рогу крестьянской земли было занято под рудники 2.686 десятин, а куплено по 1905 г. 1800 десятин. Приблизительно такова же, если не хуже, была картина и в других районах.

В общем, к 1905 г. по всему Криворожскому бассейну под рудники было занято крестьянской земли, не считая земли, проданной отдельными крестьянами в собственность рудников, 7.666 дес.; руды добыто на этой земле с 1900 г. по 1905 г., стало быть, за 6 лет, 446.617.428 пудов. Считая, что средняя плата с пуда добытой руды составляла $\frac{3}{4}$ коп., крестьяне должны были получить 33.497.130 руб., следовательно, они могли бы купить по существовавшей в средней

для Екатеринославской и Херсонской губ. цене на землю — 161 руб. за десят. — 208.056 десят. Но руда добывалась до 1905 г. не в течение 6-ти лет, а 20 — 25 лет; кроме того, в приведенный расчет входят лишь те рудники, которые действовали в 1904 — 1905 г. г.; если же принять во внимание, что всех рудников работало за это время от 40 до 64, а добыто на них руды за эти 25 лет в 2½ раза больше, чем приведенное выше количество, то мы получили бы колоссальную сумму, которая должна была бы содействовать значительному улучшению положения крестьянства на Криворожье. Однако, в действительности этого не было — крестьяне богачами не стали: немного улучшили свое положение лишь кулаки (отдельные из них стали очень богаты), но большинство крестьян попрежнему влачило жалкое существование, подрабатывая на рудниках¹⁾.

Общее количество рудников в Кривом Роге в 1905 г. было 80, но работали они не все; наибольшее число рудников работало в 1900 году — 64 рудника, в 1901 г. работало — 48 рудн., в 1902 г. — 41 рудн., в 1903 г. — 40 рудн., в 1904 г. — 47 рудников, в 1905 г. — 43 рудника.

Как шло развитие криворожской горно-рудной промышленности, свидетельствуют цифры, взятые по 10-летиям по Кривому Рогу, начиная с 1880 года:

Г о д ы	Добыча руды в пудах	Колич. рабочих
в 1881 г.	2.282.010	—
„ 1800 „	22.997.534	—
„ 1900 „	191.214.476	5.879
„ 1904 „	202.278.264	7.631
„ 1905 „	171.022.625	7.268

Последняя цифра за 1905 год указывает на сокращение добычи и уменьшение числа рабочих, но это не следует рассматривать, как тенденцию к понижению или приостановлению роста развития рудной промышленности. За 1905 год понижение добычи руды произошло по причинам революционного движения: начиная с октября и до конца 1905 г. на железной дороге и рудниках имело место забастовочное движение, что послужило причиной упадка производительности. Но об этом подробнее ниже.

Посмотрим теперь, какое положение криворожская горно-рудная промышленность занимала в системе промышленности всей

¹⁾ Все цифры, данные по развитию криворожской рудной промышленности, и другие сведения о рудниках взяты из „Бюллетеня Горнопромышленности Юга России“ за 1904 — 05 г.г.

России в целом, начиная с 1881 г. Положение это ярко рисуется следующими цифрами:

Годы	У р а л (в пудах)	Кривой Рог (в пудах)	Какое место зан. Россия в мир. доб.
в 1871 г. . .	28.504.052	—	—
„ 1881 „ . .	38.358.674	2.282.910	7
„ 1891 „ . .	56.268.178	22.997.534	6
„ 1900 „ . .	101.298.531	156.205.081	5
„ 1901 „ . .	107.688.080	111.301.490	6
„ 1902 „ . .	60.250.000	111.816.030	6
„ 1903 „ . .	55.962.956	149.536.638	6
„ 1904 „ . .	56.495.846	202.278.264	6
„ 1905 „ . .	72.488.876	171.022.625	6

Приведенные цифры показывают, что в 1901 году между Уралом и Кривым Рогом как бы происходит борьба из-за первенства, но уже с явным перевесом на стороне Криворожья. Зато со следующего 1902 г. Кривой Рог идет, за счет понижения производительности Урала, безостановочно вверх. Только один 1905 г. показывает незначительное повышение добычи Урала и значительное понижение Кривого Рога.

Понижение криворожской промышленности в 1901 году объясняется значительной приостановкой рудников: с 64 в 1900 г. до 48 в 1901 г. В последующие годы Кривой Рог увеличивает свою производительность не за счет увеличения количества рудников, а за счет более интенсивной их разработки и благодаря улучшению техники по добыче руды.

И действительно, до 1890 г. большинство рудников работало без применения механической силы; более или менее широко она начала применяться лишь с 1890 г., получая постепенно распространение на всех рудниках без исключения. Однако, рядом с механикой продолжала применяться и живая сила, напр., конные подъемники руды, которые окончательно были вытеснены только после 1905 г.

Как развивалось применение пара и электричества в криворожской горно-рудной промышленности, показывают нижеследующие цифры, взятые за 1900 по 1905 год:

Годы	Число рудн.	Число машин	Конные под'емн.	Число пар. лошад. сил	Число рабочих
1900	64	48 и 9 паров.	83	1.577	5.879
1905	43	01 м. и 5 электр., из них 13 пар.	63	3.618	7.268

Общее распространение технических усовершенствований на рудниках несколько тормозилось тем обстоятельством, что рядом с крупными рудниками работали также и мелкие частные рудники, на которых меньше всего было возможности применять технические усовершенствования, так как для этого требовались значительные запасы основного капитала, который у мелких предпринимателей, которым банки не давали кредит, отсутствовал. Этим объясняется, что большинство конных подъемников приходилось, главным образом, на мелкие рудники.

В 1905 г. оставшиеся 63 конных подъемника доживали свои дни. Они употреблялись только при с'емке наносного над рудой слоя пород, но уже не служили для под'ема руды. На крупных рудниках конные подъемники применялись лишь там, где хозяйственно они были выгодны и где не было смысла ставить машины.

Мировой кризис 1900 г., сильно отразившийся на металлургической промышленности, очень мало затронул горную промышленность Кривого Рога. В 1901 г. она сократилась как бы для того, чтобы произвести переорганизацию внутри самой себя, удешевить единицу своей продукции и тем самым, набравшись энергии, пойти верно в гору, как это действительно и произошло. Даже кризис чисто русский, вызванный русско-японской войной, тоже мало затронул ее интересы, а если и произошло сокращение производительности в 1905 году, то не из-за отсутствия спроса на руду, а совершенно по другим причинам.

Почти ту же картину приходится наблюдать при сравнении цифр вывоза руды на внутренний и внешний рынок. Так, в 1901 г. вывезено на внешний рынок 220.000 пуд., в 1902 г.—2.402.000 пуд., в 1903 г.—17.582.000 пуд., в 1904 г.—15.419.000 пуд., в 1905 г.—13.197.000 пуд. и в 1906 г.—18.765.000 пуд. Указанные цифры вывоза касаются только криворожской руды.

Вывоз на внутренний рынок за те же годы распределяется так: в 1901 г. вывезено 175,4 мил. пуд., 1902 г.—118,4 мил. пуд., 1903 г.—136,4 мил. пуд., 1904 г.—180,8 мил. пуд., 1905 г.—143,6 мил. пуд., 1906 г.—175,3 мил. пуд.

Сокращение вывоза на внешний рынок в 1904 и 1905 г.г. компенсируется увеличением вывоза на внутренний рынок. Сокращение же вывоза руды на внутренний рынок на 40 мил. в 1905 г. обусловлено причинами, указанными выше. Но эти 40 мил. пуд. были добыты и находились на складах. 1906 г. уже показывает колоссальный под'ем вывоза как на внешнем, так и на внутреннем рынке.

Таким образом, криворожская промышленность возникла и развивалась при самой благоприятной внешней и внутренней кон'юнк-

туре. Капиталисты концентрировали добычу руды все в меньшем количестве акционерных обществ, постепенно заводи́ли улучшенные способы добычи руды, успешно конкурируя с мелкими промышленниками и постепенно вытесняя их совершенно, в результате чего вся криворожская горно-рудная промышленность приобрела крупно-капиталистическую форму.

Кроме горной промышленности, в Кривом Роге и его ближайших окрестностях существовала мелкохозяйственная промышленность: 2—3 мелких маслобойных завода и столько же паровых мельниц. Но, конечно, эта промышленность не играла решающего значения для Кривого Рога, так же, как и те несколько десятков ремесленников, которые находились в самом Кривом Роге.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

Ж и л и щ е

Не лучше, а, может быть, хуже других условий работы были жилища рабочих. Кто бывал в то время на рудниках, тот это хорошо знает и помнит.

В большинстве это были земляные бараки, похожие более на могилы, чем на человеческое жилье. Обыкновенно они представляли собою 4-угольные ямы глубиной в 2—2½ арш., с деревянным сводом, засыпанным сверху землей. Свет в них проникал в 2 небольших окна, находившихся одно против другого в одном и другом причелке барака. От этого в бараке было так мало света, что едва можно было различать людей и большие предметы.

С одного конца барака в другой тянулись в два ряда по длине барака веревки, на которых всегда висели грязные мокрые портянки, кухонные тряпки, белье и прочее.

Вдоль барака тянулись длинные дощатые столы на столбиках, вкопанных в землю; вдоль стен, по обеим сторонам, были дощатые нары, часто из нестроганных досок; на нарах громоздились кучи грязного влажного тряпья: одежда, одеяла, рядна и мешки, набитые истертой соломой. За столами и нарами днем и ночью сидели и спали невероятно грязные рабочие.

В одном конце бараков стояла огромных размеров плита с огромными котлами, кастрюлями и сковородами; тут же находилась кадушка с помоями и разными отбросами; под нарами валялись мокрые грязные сапоги, постолы и лапти. От всего этого несло паром, гарью, человеческим потом и зловонием.

Если к этому добавить отсутствие деревянных или каких-либо других полов в бараках и принять во внимание ту грязь, какая существовала вообще в Кривом Роге во время дождливых дней,

особенно осенью и весной, то можно себе представить условия жилья криворожских рабочих.

В таких условиях жили рудокопы; в таких точно условиях жили и грузчики — второй контингент горнорабочих. Кроме того, были мастеровые и десятники, условия жизни которых были немногим лучше. Только за малыми исключениями — особенно большие семьи и квалифицированные рабочие, — жили по одному семейству; обычно же жили по 2—3 семьи в одном бараке. Ко всему этому необходимо добавить, что, несмотря на все эти отвратительные нечеловеческие жилищные условия, на рудниках совершенно не было бань.

И очень часто можно было видеть, что лошади, на которых выезжали владельцы рудников, находились в значительно лучших условиях, чем рабочие этих же рудников: конюшни были просторные, с деревянными полами и со многими окнами, всегда проветривались и были сухими, — людские же бараки были всегда сырыми и темными.

И недаром жена Непокойчицкого, директора рудника Колачевского, выхоленная, жирная особа, прохаживаясь однажды по эстокадам с целой оравой своих гостей, произнесла с полным сознанием своего достоинства такую фразу: „Вот — рабочая скотина“.

Да, рабочие находились в скотских условиях для того, чтобы капиталисты жили князьями, для того, чтобы они богатели и жирели на спинах рабочих. Но эти же скотские условия заставили темных рабочих пропитываться ненавистью к капиталистам, проникаться классовым самосознанием и утвердиться в стремлении повести решительную борьбу против капиталистов до победы над ними.

Начиная с 1900 г., жилищные условия для основного кадра рабочих на рудниках стали улучшаться. Рабочие переселились в каменные казармы, построенные из рудничного кварца и кирпича. Стены внутри были штукатуренные и белились. Света было достаточно, полы были во всех казармах цементные, кирпичные и очень редко деревянные. Но такого рода улучшение жилищных условий произошло на крупных рудниках, а на мелких еще долго оставались старые жилищные условия.

Условия изменялись постепенно. Рудокопы и грузчики переходили из барачных в казармы, а низший административный персонал и мастеровые переходили в домики, часто с деревянными полами. Дома строились на несколько семейных квартир; квартира состояла из двух маленьких комнат, при домиках строились погреб и сарайчики.

Наряду с этим улучшением начали постепенно строить и рабочие бани.

Для того, чтобы иметь представление, как медленно происходило улучшение жилищных условий для рабочих на криворожских руд-

никах, достаточно взглянуть на следующие цифры, хотя их, к сожалению, у нас очень мало:

Годы	Количество рудников	Число всех рабочих	Из них семейных	Количество бань
1900	64	5.879	474	12
1901	48	4.226	513	13
1902	41	4.177	537	14
1903	40	7.004	534	25
1904	47	7.631	552	18
1905	43	7.268	605	20

В общем, барачная система квартир для семейных рабочих сохранилась до последних дней существования капиталистов на криво-рожских рудниках.

Следует еще остановиться на одной категории рудничных рабочих — рабочих подрядческих. Про их условия жизни можно судить по одному тому, что и сами подрядчики жили в бараках, правда, значительно лучше устроенных. Они продолжали жить в барачных условиях до тех пор, пока с рудников не исчезли и сами подрядчики. Насколько мне известно, их не стало на рудниках перед империалистической войной. Эта категория рабочих находилась всегда в самом худшем положении как в отношении условий жизни, так и в смысле заработной платы.

Условия работы

Условия работы на рудниках были настолько тяжелы, что их даже трудно описать.

Работать приходилось в открытых карьерах во все времена года. Там, где велись подземные работы, рабочие работали без всякой одежды, в постоянной мокроте.

Вследствие плохих технических условий работы — без предохранительных мероприятий — несчастных случаев на рудниках бывало огромное множество; но сколько их было и сколько было смертельных случаев — об этом знают только рудники, хранящие гробовое молчание. Статистика несчастных случаев не велась, да она и не нужна была, так как все равно никто ничего не получал ни за увечье, ни за гибель во время работы. Государственного страхования нигде не было. На этом основании предприниматели привыкли ограничиваться несколькими десятками рублей в уплату увечному и сотнями двумя-тремя за убитого, лишь бы увечный или семья убитого ушли с рудника и могли добраться домой или в какое-либо другое место, подальше от рудника, дабы в дальнейшем не предъявлять свои претензии.

В лучших случаях пострадавшие „добровольно“ соглашались получить то, что предлагала контора рудника и затем отправлялись с сумой по людям, за милостыней, выставя напоказ свои изувеченные члены. Бывали смельчаки, которые пробовали судиться, но такие ничего не получали, а если и получали, то не больше того, что предлагала контора, так как судиться нужно было ехать в Екатеринослав, а это было связано с расходами, и в результате рабочий только проигрывал.

Работа производилась сдельно — от вагончика — по различным ценам, смотря по тому, какой твердости разрабатывалась порода и руда, и в зависимости от того, до какого места откатывались нагруженные вагонетки. Поэтому и цена за вагонетку колебалась от 17 до 30 копеек; но обычная средняя цена не превышала 22 коп. При этом за эту плату рабочие скупали и взрывчатые вещества: динамит, порох, капсюли, фитили, затравки, говяжье сало, инструменты и сталь для забурников, — все это шло за счет заработка рабочих.

Таким образом, при самых благоприятных условиях, рабочий вырабатывал около рубля — почти никогда больше; обыкновенно же ниже рубля, так что 80 — 90 коп. уже считалось хорошим заработком. Поденная плата на поверхности рудника составляла 40 коп. На сдельных работах рудокопы иногда зарабатывали и меньше, лишь изредка, и то на некоторых рудниках, получая расчет поденно по 40 копеек за 11-часовой рабочий день; еще реже оплачивали по 60 коп. за проработанный день каторжной рудничной работы. Совсем не редкостью было, когда рабочие зарабатывали по 20 и даже меньше копеек в день.

Очень часто какая-нибудь артель не вырабатывала даже на уплату за кормежку, которая колебалась от 6 до 8 руб. в месяц на человека. Бывали такие случаи, когда рабочим нечем было заплатить за взрывчатые вещества, и тогда всегда происходили скандалы между рабочими и администрацией рудников.

Такие скандалы очень часто оканчивались отказом артели в работе; рабочие уходили, будучи „должниками“ рудника и лавочников. Но ни предприниматели, ни купцы от этого обстоятельства не проигрывали. Рудникам даже было выгодно уволить с работы таких „должников“ и набрать новую артель рабочих, благо — безработных имелось всегда достаточно.

Задолжавшиеся рабочие бродили по несколько недель от одного рудника к другому, подкармливаясь у знакомых товарищей - рудокопов. На этот счет у рабочих рудников существовал обычай поддерживать кормежкой друг друга в то время, когда кто-нибудь „стрелял“¹⁾ без работы.

¹⁾ „Стрелять“ значило искать работы.

Самой тяжелой работой на рудниках была работа грузчиков. Там, кроме силы рабочего, требовались умение и ловкость таскать в вагон нагруженную тачку, тяжестью до 60 пудов. Если за тачку брался неумелый рабочий, то она при первом движении вперед опрокидывалась и опрокидывала самого рабочего. Если это случалось на погрузочной платформе, то дело кончалось еще благополучно; если же тачка опрокидывалась на мостике, то рабочий летел вниз под погрузочную платформу и получал значительные ушибы, а то и тяжелые повреждения. За такую адски тяжелую работу грузчик получал 1 руб. 20 коп. в день. Чтобы выработать такую сумму, грузчик должен был загрузить два вагона по 750 пуд., т. е. 1500 пуд. руды.

Мастеровые, как сказано было выше, тоже жили по баракам, работали по 11 час. в день, получая от 40 коп. до 1 р. 50 коп. поденно. Но в большинстве случаев мастеровые получали месячное жалованье: мальчишки и подмастерья получали от 12 до 20 руб. в месяц; квалифицированные мастеровые получали от 30, 35 до 40 р. в месяц, при бесплатной квартире, отоплении и освещении.

На некоторых особенно мелких рудниках мастеровые за воскресные и праздничные дни, когда необходимо было работать сверхурочно, не получали сверхурочной платы; за сверхурочные работы получали соответственную плату лишь поденные рабочие. Вследствие низкой заработной платы, рабочие охотно шли на сверхурочные работы, работая по 18 час. в сутки, не зная, таким образом, ни праздника, ни воскресенья.

Штрафы были узаконены, и штрафование рабочих вошло в систему. Штрафовались по несколько раз в день, и не было рабочего, который не был бы оштрафован. Штрафовали за всякую мелочь: за порчу и поломку инструментов во время работы, по вине рабочего, и т. п.

Однако были и случаи, когда из жалованья рабочих производили вычеты за порчу и поломку, происходившие во время работы не по вине рабочих. Особенно частые случаи подобного рода происходили на рудниках Копылова, известного издателя екатеринославской газеты „Приднепровский Край“.

На многих рудниках существовали рудничные магазины, торговавшие далеко не доброкачественными товарами, которые отпускались рабочим в кредит по заборным книжкам. Вследствие этого все жалование рабочих оставалось в конторе, и рабочие часто задалживались. Там же, где не было рудничного магазина, был частный магазин, где забор товаров рабочими производился также по книжкам, расчет же по ним производился обыкновенно конторой при получении жалованья.

После всех заборов по магазинам, вычетов и штрафов за месяц работы — у рабочего оставалось на руках, и то не всегда, несколько рублей наличными, которые он тут же пропивал. Затем, в понедельник, он опять запрыгался на целый месяц в работу и тянул лямку

до следующей полочки. И так проходила жизнь рудокопа изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Единственное его наслаждение было — напиться, чтобы позабыть о своей каторжной жизни.

Нужно упомянуть еще об одном факторе, который играл в жизни рабочего класса далеко не пустячную роль — обращение с рабочими администрации рудников. Тут упоминание „матери“ было всеобщим и обыкновенным явлением. Слово „вы“ презиралось и чуть ли не преследовалось. Начиная с конторы, мастерской и кончая курьером, везде произносились эти два слова: „мать“ и „ты“. Администрация доходила часто до мордобития. К такого рода воздействию часто прибегали и некоторые штейгера и десятники, у которых это было даже обычным приемом.

Вот один случай, великолепно характеризующий этот прием.

Однажды директор Арендаренко с рудника „Дубовая Балка“ вызвал к себе штейгера Кужелева и заявил ему: „Я слышал, что вы грубо обращаетесь с рабочими: мне на вас заявлена жалоба — вы бьете рабочих“. Тогда Кужелев ему ответил: „Это мое частное дело, как я обращаюсь с рабочими“. „А! Это — ваше частное дело? Хорошо. Вы свободны“.

Но не прошло нескольких дней, как к Арендаренко снова явился рабочий с жалобой на Кужелева за нанесенные последним побои. Арендаренко посмотрел на рабочего, — видит, что парень „хлесткий“, и говорит ему: „Это не мое дело, что вас побил Кужелев — это ваше частное дело с Кужелевым. Ни от вас, ни от Кужелева никаких жалоб я не принимаю“. Рабочий, конечно, сообразил, в чем дело, — нашел Кужелева и с удовольствием побил ему „харю“.

После этого происшествия Кужелев, как угорелый, вбежал в кабинет Арендаренка, рассказал о случившемся и потребовал увольнения рабочего с рудника. Но Арендаренко спокойно ему заявил: „Рабочего уволить я не могу, так как это ваше частное, господин Кужелев, дело с рабочим“. Рабочий остался работать, а Кужелев, пока Арендаренко служил на руднике, боялся пускать руки в ход; но после ухода Арендаренка Кужелев опять возобновил свои приемы.

Подобного рода инциденты происходили и из-за „ты“ между разного рода административными лицами и мастеровыми. Протестов и противодействий со стороны рабочих было очень много, и часто рабочие прибегали к защите своего человеческого достоинства в одиночку.

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

25 лет капиталистической эксплуатации, варки в капиталистическом котле и политического бесправия научили рабочего, как нужно вести борьбу с капиталистами за улучшение своего экономического и правового положения.

Первые экономические забастовки на криворожских рудниках начинаются приблизительно в первой половине 1904 г. Забастовки начались с отдельных артелей, затем они стали охватывать целые рудники. Первыми были забастовки на рудниках Копылова и Анонимного О-ва „Желтая Река“. Забастовки эти протекали мирно, без всяких эксцессов с чьей бы то ни было стороны, продолжались обычно 2—3 дня, редко затягивались до недели и оканчивались для рабочих безрезультатно.

В первой половине 1904 г., насколько мне помнится — в конце апреля месяца, вспыхнула забастовка на руднике „Желтая Река“, возникшая на почве низкой заработной платы. Забастовка продолжалась больше недели.

Директор рудника Размарица, он же компаньон Анонимного Общества, человек реакционный и крутого нрава, как подобает всякому родовитому русскому дворянину, не шел ни на какие уступки рабочим. Он принял все меры к тому, чтобы заставить рабочих приступить к работам. Часть рабочих приступила к ним после недельной канители; другая часть артели на прежних условиях начать работу не пожелала, и им предложили получить расчет и отправиться „на все четыре стороны“. Рабочие, конечно, отказались. Тогда Размарица стал им угрожать вооруженной расправой. Рабочие не испугались угрозы и, с наступлением „темной ноченьки“, пошли в наступление на его роскошный, только что отстроенный дом, твердо решив расправиться с Размарицей, „а потом — будь, что будет“. Стража, охранявшая дом, была разогнана, но когда рабочие ворвались в дом, то, кроме прислуги и жены в обморочном состоянии, никого не нашли. Размарица, задним ходом, через сад, добрался до первого мужика, сунул ему сто рублей и приказал во весь дух гнать лошадей на станцию „Желтые воды“. Убегая от рабочих, Размарица едва успел надеть башмаки и верхнее платье и на крестьянской телеге, на которой возилась руда, трясся до станции 7 верст.

Закончился этот бунт тем, что 18 рабочих были арестованы и просидели в тюрьме до октябрьского манифеста 1905 г.

Спустя несколько месяцев, во второй половине 1904 г., вспыхнула новая забастовка, уже значительно более серьезная по своим размерам. Она охватила несколько крупных южных рудников. В этой забастовке принимали участие также и мастеровые. Она проходила значительно более сознательно и организованно: был выработан ряд требований экономического характера, которые были предъявлены в письменной форме администрации рудников. Центром забастовочного движения на этот раз были рудники: Шмаковский, Дубовая Балка, Ростовский, Александровский и Сухая Балка. Требования были таковы:

1) Твердая, минимальная, гарантированная заработная плата в 1 руб. 20 к. на рудниках и 1 руб. 80 к. в шахтах. От 1 руб. 20 к.

до 2 руб. 50 коп.— заработная плата мастеровым и 80 коп.— заработная плата для поденных рабочих, занятых на поверхности побочными работами.

2) Уменьшение рабочего времени до 10 час. на открытом воздухе; 8-часовой рабочий день в сухих шахтах и подземных разработках; 6-часовой рабочий день при работах в мокрых шахтах и углублениях и выдача для таких работ прозодежды.

3) Полная отмена каких бы то ни было штрафов и вычетов.

4) Упразднение монополии на торговлю продуктами потребления для законтрактованных лавочников, упразднение рудничных магазинов и предоставление возможности торговать на рудниках любому торговцу.

5) Вежливое обращение администрации с рабочими.

„Дубовая балка“ выставила еще специальное требование об удалении с рудника штейгера Кужелева. Застрельщиками всей забастовки и были рабочие рудника „Дубовая Балка“.

Забастовка продолжалась больше недели и протекала следующим образом: днем рабочие находились в помещениях, а ночью выходили наружу, собирались на своем руднике и затем сходились все вместе для обсуждения хода забастовки и ее перспектив. После этого толпа бродила по ночам с одного места на другое в районе „Вечернего Кута“.

Забастовка возникла стихийно,— никакая партийная организация ею не руководила. Она протекала дружно: рабочим понравились „ночные прогулки“; администрация рудников и местные власти бессильны были что-либо сделать и не решались предъявлять к рабочим какие-либо требования с своей стороны. Конторы рудников не вступали ни в какие переговоры с рабочими и требования их удовлетворять не собирались.

В таком положении прошла неделя. Не видя никаких результатов, рабочие начинали нервничать, волноваться и поговаривать о том, что нужно прибегнуть к каким-нибудь действиям, чтобы побудить администрацию расшевелиться.

— „А то больно тихо стало на рудниках — нигде никого не видеть“ — говорили рабочие.

Дубовцы несколько раз делали засады, намереваясь поймать Кужелева, но он не попадался им в руки. Администрации, действительно, не видно было на рудниках. Разгуливавшая по ночам огромная орущая толпа наводила на них ужас. Полиция также не показывалась и ничем не реагировала со своей стороны.

Заканчивалась вторая неделя забастовки. Рабочие не видели никакого исхода. Администрация рудников, притаившись, молчала и не предпринимала с своей стороны никаких мер. Наконец, рабочие не выдержали и начали действовать.

На 11-й или 12-й день забастовки все бастовавшие рабочие собрались в обычное ночное время на территории „Дубовой Балки“ и приступили к обсуждению создавшегося положения. Послышались голоса, требовавшие разгрома конторы рудников и районных магазинов рудничных монополистов. Таким путем рассчитывали побудить администрацию вступить в переговоры с рабочими.

Вскоре начался и погром. Это была настоящая „Варфоломеевская ночь“ для лавочников. Два огромных магазина со складами, подвалами и чердаками были расхищены. Это был магазин Переверзева на „Дубовой Балке“ и магазин на „Вечернем Куте“ — два районных магазина, обслуживавших 5 огромных рудников и окрестных крестьян. В забастовке и разгроме магазинов принимало участие 1.700 человек.

С рассветом опять все улеглось, и к утру стало тихо, как будто ничего и не было. Если бы кто вздумал у громил произвести обыск, то ничего не нашел бы: все товары были зарыты в землю или спрятаны в рудниках.

После этого появилась администрация рудника, но вместе с ней пришла и полиция. Было вывешено объявление, требовавшее от рабочих прекратить „безобразия“ и приступить к работам.

Рабочие не сразу приступили к работе, но больше не громили, как раньше обещали. „Полежали“ еще сутки и на третий день молча пошли на работу, не удовлетворенные в своих требованиях капиталистами.

Я уже отметил, что забастовка проходила без руководства какой-либо партийной организации. Не существовало также забастовочного комитета. Забастовка, как началась неорганизованно, стихийно, так и окончилась — разгромом двух магазинов. Восставшие рабочие почти в продолжение двух недель не встречали ни поддержки, ни одобрения со стороны криворожских организаций: не появилось даже ни одной прокламации.

Между тем, забастовка происходила в самый благоприятный для рабочих момент, так как в 1904 г. было наибольшее оживление криворожской рудной промышленности. Об этом красноречиво говорят вышеприведенные цифры. И, возмись за руководство этой забастовки партийная социал-демократическая организация, она (забастовка) могла бы охватить все рудники и, быть может, хотя бы частично, закончилась бы в пользу рабочих.

Только летом 1905 г. возникла забастовка на руднике Акционерного Общества „Криворожских Железных Руд“, или, как он еще назывался, „Рудневая Балка“, в которой с.-д. организация приняла активное участие, после чего в этой части рудников организация завоевала большое влияние среди рабочих.

Забастовка на этом руднике возникла из-за затопления шахты, вследствие преступной непредусмотрительности администрации руд-

ника (затоплено было 5 чел. рабочих). На этом руднике работало около 200 человек рабочих, и среди них было несколько членов партии: тов. Казакевич — машинист, Чеботарев — весовщик и еще кто-то.

Забастовавшие рабочие устроили грандиозные похороны погибших, при чем на похоронах были представители Криворожской и Долгинцевской организаций отдельных рудников Вечернекутской группы, выступившие с революционными речами и красными знаменами. От имени Криворожской организации выступил Алексей Кац и еще кто-то из приезжих.

Эти похороны стали известны всему криворожскому району, несмотря на то, что нигде о них не писалось. Однако, хотя забастовка приняла резко политический характер, но так как она касалась лишь одного и притом незначительного рудника и возникла внезапно, то поддержки от других рудников она не получила и закончилась на другой или третий день после похорон.

В том же 1905 г. возникла экономическая забастовка на Донецком руднике, но без участия Криворожской организации. Продолжалась она недолго и закончилась для рабочих безрезультатно.

В июне 1905 г. вспыхнула забастовка на станции Долгинцево в железнодорожном депо, из-за квартирных условий. Она возникла по инициативе Долгинцевской социал-демократической организации и шла под ее руководством. В ней принимали участие и эс-эры. Присоединилось к забастовке около 1000 человек рабочих. Благодаря принятым властями решительным мерам и тому, что движеницы не присоединились к деповцам, забастовка скоро была ликвидирована. После этого было уволено 13 человек рабочих, в том числе члены Долгинцевской организации: Иван Кудлай, Федор Нетребя, Мовша Монастырский (с.-д.), Антон Базиленко (с.-р.) и другие.

Поскольку в криворожском районе работали социал-революционеры, дело не обошлось без террористических актов. В 1904 г. на станции Долгинцево был убит в своем кабинете начальник депо Иосиф Котляревский. В том же году имело место покушение на убийство машинистом Петько инженера Игнатовича на „Дубовой Балке“.

Печатники, в небольшом числе имевшиеся в Кривом Роге, также внесли свою лепту в общерабочий протест. Как раз накануне событий 9-го января они объявили трехдневную забастовку, носившую политический характер. Конечно, большого значения она иметь не могла.

Так происходила борьба рабочего класса в криворожском рудном районе и на прилегающей железной дороге. Она проходила неорганизованно, — это была лишь репетиция предстоящего выступления. Пролетариат только готовился к настоящей, доподлинной борьбе с самодержавием и с буржуазией.

Слабость забастовочного движения в Криворожском районе в 1905 г. объясняется следующими основными причинами: 1) крестьянским составом рабочих и 2) слабостью и малочисленностью партийной организации, которая только начала зарождаться в 1903 — 1907 г.г. Но хотя забастовки большей частью возникали стихийно и проходили часто без организованного руководства, тем не менее, отдельные члены партии, рассыпанные одиночками по территории рудников, несомненно имели влияние на движение в криворожском районе.

ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ¹⁾

По единогласному утверждению всех рабочих-старожилов Криворожья, партийные работники впервые появились здесь в 1902 году. Тогда же появились и первые социал-демократические листовки и прокламации.

В 1902 г. слесарь т. Монастырский стал распространять социал-демократические прокламации на ст. Долгинцево. В 1903 г. тот же Мовша Монастырский основал там первый социал-демократический кружок и был его руководителем. Кружок состоял из 12—13 человек рабочих депо: слесаря Алексея Мигасенко, кузнеца Карпа Гуляева, кузнеца Андрея Посвященного, токаря Афанасия Фоменко, слесаря Ивана Блинова, кузнеца Антона Чеботарева и других, фамилий которых никто не помнит. Этот кружок занимался исключительно самовоспитательной работой.

Весной 1904 года тов. Монастырский был арестован, и кружок прекратил свое существование. Но, очевидно, по недостаточности улик, тов. Монастырский, спустя несколько месяцев после ареста, был освобожден, и работа кружка возобновилась. Состав кружка изменился: некоторые участники отошли, но вместо ушедших пришли другие, так что кружок количественно даже возрос. Пополнили его следующие товарищи: кузнец Федор Нетреба, низший служащий. Иван Кудлей, телеграфист Михаил Покора, Иосиф и Тимофей Бессарабовы и другие. Обновленный таким образом кружок начал более

¹⁾ Всем материалом по Криворожской партийной организации я обязан случаю сведшему меня через 7 лет революции со многими активными участниками Криворожского революционного движения в 1903—4—5 г.г. Это дало мне возможность получить кое-какие исторические документы и в совместной беседе воскресить в памяти много забытого и выяснить много для меня лично неизвестного. Таким образом, все сведения, какие здесь изложены мною, являются результатом коллективной работы многих криворожских работников в прошлом и настоящем. За их правильность отвечают нижепоименованные товарищи: Ф. Нетреба, С. Шаранов, А. Фоменко, И. Бессарабов, Тенюк, Д. Раппопорт и В. Валякко — члены КП(б)У и принадлежавшие к другим партиям: т.т. Фридшон, А. Комарь, Ф. Убизский, П. Анистрат, Шаблей, Вдовин, Л. Пикман и Гончаренко — все рабочие Криворожья.

активно проводить свою работу и превратился в организационный центр: наладились более регулярные связи с Екатеринославом и чаще стала поступать литература и прокламации, которые распространялись не только в Долгинцеве, но и на рудниках; завязалась связь с рудничными рабочими; были приняты меры к снабжению членов организации оружием.

В 1904 — 5 г. г. Долгинцевская организация имела уже в своем распоряжении целый ящик револьверов и несколько десятков бомб, хранившихся у деповского рабочего, тов. Тимофея Бессарабова.

Работа продолжалась до июня 1905 г. и завершилась забастовкой деповских рабочих (см. о ней выше), после которой были уволены 13 человек, из них многие члены организации. Это вызвало распад Долгинцевской организации.

Наряду с Долгинцевской организацией, существовала также и Криворожская городская с.-д. организация, которая возникла в 1903 г. Начало этой организации положила покойная ныне тов. Татьяна Рейниш, которая прибыла специально для этой цели в 1903 году в Кривой Рог.

Характерным отличием Криворожской организации от Долгинцевской было то, что в первой преобладали интеллигенты и партийные профессионалы, в то время как во второй — Долгинцевской — не было ни одного интеллигента, а только рабочие с производства.

Первый с.-д. кружок в Кривом Роге состоял из товарищей: Татьяны Рейниш, студента Браиловского, Хаима Дамского, профессионала, и рабочих — Антона Комаря, Филимона Убизского, Павла Анистрата, Федора Дикого, Дмитрия Михайличенко и Моисея Лисовского. Затем, в том же 1904 г. кружок пополнился тов. Мироном Самойловичем Пикманом (кличка Леонид), печатником Левиным, лесным приказчиком Коневским и другими менее активными лицами.

Руководителями кружка были, главным образом, Татьяна Рейниш, затем Браиловский и Дамский. В 1904 г. прибавился еще Лева Волынский (псевдоним).

Работа Криворожского кружка была значительно шире Долгинцевского. В апреле 1904 г. доставлены были из Екатеринослава первомайские листки. В половине апреля состоялась массовка за Брянским рудником (Лихмановской конторой), на которой присутствовало около 100 человек (вместе с партийцами). Это была подготовка к празднованию 1-го мая, но празднование не состоялось, так как спустя несколько дней после массовки были арестованы Татьяна Рейниш, Федор Дикий, Антон Комарь и Левин, которые вскоре после 1-го мая были освобождены. Означенный арест был произведен для срыва первомайского праздника.

Затем, в середине и в конце 1904 года происходили одиночные аресты, которые также заканчивались освобождением арестованных.

В Долгинцеве был арестован, как уже упоминалось, тов. Монастырский, в Кривом Роге — Убизский. Работа организации сводилась, главным образом, к устной агитации, но иногда печатались на гектографе прокламации; изредка получалась из Екатеринослава нелегальная литература.

До осени 1904 г. в Криворожской и Долгинцевской организациях не было никаких разногласий. Но осенью 1904 г. в Кривом Роге на квартире у тов. Даманского приезжий товарищ сделал доклад о II съезде партии. Доклад длился около 8 часов. На докладе присутствовали все с.-д. Криворожской организации и отдельные члены Долгинцевской организации. От северных и южных рудников почти никого не было, так как доклад состоялся внезапно, без соответствующей подготовки, и поэтому не представлялось возможности пригласить представителей районных рудничных ячеек.

После этого доклада в верхушке Криворожской организации появилась трещина. Непосредственно в Криворожской организации в 1905 г. большевистское течение представляла Татьяна Рейниш; а меньшевистское — Алексей Кац. В Долгинцеве большевистское течение представлял тов. Монастырский.

Как Криворожская, так и Долгинцевская организации стремились распространить свою работу на рудники. Криворожская организация в этом отношении больше успевала, главным образом, потому, что она имела в своем распоряжении интеллигентные силы и партийных профессионалов, которых не было в Долгинцеве. Тем не менее авторитет Долгинцевской организации был не меньше Криворожской (каждая из указанных организаций возникла самостоятельно; узнали про существование друг друга и затем связались лишь благодаря Екатеринославу, откуда та и другая организации получали литературу и с которым обе поддерживали постоянную связь).

В 1904 г. на руднике „Дубовая Балка“ долгинцевскими руководителями при помощи тов. Фролова была организована ячейка из пяти человек. В эту ячейку входили т.т. Фролов, старший и младший, Василий Валявко, Иван Наливайко и один машинист, работавший на подъемной машине на Ростковском руднике. Ячейка возникла после поступления на рудник „Дубовая Балка“ Фролова старшего, который и стал руководителем этого кружка.

Литературу кружок получал очень редко и в незначительном количестве, при чем она бывала всех социалистических направлений: то с.-д., то с.-р., случалась даже и анархическая. „Искра“ попадалась очень редко, еще реже „Вперед“ и „Пролетарий“, а если и попадал какой-нибудь номер этих газет, то его трудно было читать — до того он был замусолен и с протертыми дырами... Да их и трудно было читать малограмотному рабочему: гораздо легче было слушать агитатора, который говорил на понятном для нас языке. Кроме това-

рища Фролова, в этой ячейке бывали и другие агитаторы из Долгинцева (как теперь удалось выяснить по фотографии, бывал у нас на руднике и Монастырский).

В 1905 г., по приезде Каца и других работников в Кривой Рог, были организованы ячейки на руднике Колачевского и, кажется, в „Веселых Тернах“. Членами кружка на руднике Колачевского были т. т. Василий Приймак и Лев (кличка): оба работали машинистами — Приймак на электрической станции, а Лев на подъемной машине (остальных членов организации не удалось выяснить). Какова была работа этого кружка и количественный состав его — неизвестно.

Третий рудничный кружок в том же 1905 г. был организован тем же Кацом на руднике „Рудневая Балка“. Кружок был небольшой — вероятно, не больше 5—6 человек. Я лично знал троих членов этого кружка: Козакевича — машиниста, Чеботарева — весовщика и еще кого-то третьего (не помню фамилии).

Если посмотреть на карту расположения всех этих ячеек, то мы увидим, что их дислокация была удивительно правильна: при надлежащем образом развернутой революционной работе организация могла бы овладеть всеми рудниками Криворожья. Но, к сожалению, работа проходила очень вяло.

Причин этому было довольно много. Несмотря на то, что численностью организация была значительна, достигая 75 человек по криворожскому району, тем не менее она всегда оставалась без денежных средств, что служило основным тормозом в ее работе. Другим значительным недостатком являлось незначительное число партийцев, непосредственно работавших на предприятиях. Вся тогдашняя организация состояла из сырой партийной массы, требовавшей большой обработки; сил для такой обработки не было; постановку печатной пропаганды еще труднее было наладить, собирать же большие рабочие собрания в криворожских условиях не представлялось возможности, так как это вызвало бы неминуемый провал. Легальных возможностей русское рабочее движение вообще не знало и не имело. Поэтому приходилось медленно, но упорно добиваться своего теми способами, какие имелись в наличии. А это, бесспорно, тормозило работу в целом.

Но были причины иного характера. Несомненной ошибкой было то, что в течение двухлетней работы не было создано единого долгинцевско-криворожского партийного комитета. За работу брался каждый, кто проявлял инициативу. Она велась крайне несогласованно и поэтому была мало успешна. То незначительное количество работников, способных выполнять агитационно-пропагандистскую работу, какое было в Криворожской организации, не использовывалось надлежащим образом. Не велась даже воспитательная работа среди членов партии. Большинство оставалось на таком низком уровне

развития, что не было способно на серьезную партийную работу. Больше гнались за количеством, нежели за качеством.

Таким же образом обстояло дело с литературой. „Искра“ получалась редко, нерегулярно и в недостаточном количестве, как равно и другая литература. А отсутствие своей нелегальной типографии лишало возможности организацию выпускать прокламации и воззвания в большом количестве и распространять их среди широких рабочих масс. Рабочие плохо знали про существование организации, что, в свою очередь, сказывалось на успешности ее работы, особенно когда организация пыталась предупредить рабочих от вредных выступлений, как, например, во время криворожских погромов.

Теперь несколько слов по поводу большевиков и меньшевиков в Криворожской организации и разногласий между ними.

В 1905 г. большевистская часть Криворожской организации состояла из Татьяны Рейниш и еще кого-то; в Долгинцеве были — Монастырский, Покора и Кудлай. Однако, рядовые члены организации мало знали о разногласиях. Знали только, что в партии существуют два каких-то течения, но в чем их сущность — никто не знал, за исключением разве верхушки организации. А все оттого, что эти вопросы никогда не разбирались в кружках. Для большинства членов организации они выяснились только во время революции 1905 г. или позже. Я, напр., узнал об этом более подробно только в начале 1906 г. в Херсонской тюрьме, где сидел вместе с Татьяной Рейниш и тов. Покорой, затем основательно разобрался во всем, будучи в ссылке в Холмогорах.

Ясно поэтому, что провести определенную линию в Криворожской организации между большевиками и меньшевиками не представляется возможным даже при наличии живых членов тогдашней организации и теперешних членов КП(б)У.

События 9 января Криворожская организация отметила только тем, что было распространено сотни три прокламаций, отпечатанных на гектографе неким Сергеем вместе с тов. Пикманом.

Весной того же 1905 года в Кривом Роге была организована Левой Волынским и создана руками тов. Пикмана нелегальная типография, в которой была отпечатана первомайская прокламация. После этого она (типография) ничего организации не доставила, кроме хлопот. То и дело приходилось перетаскивать ее с одного места на другое. Вначале она находилась на квартире у одной беспартийной модистки, сочувствовавшей партийной организации; затем ее перетаскивали к папироснику Зильберману. Когда ее перетаскивали — дело было глубокой ночью, — тов. Пикман и Коневский, к несчастью, встретились с каким-то босяком, который заподозрил их в том, что они тащат краденое, и настойчиво стал требовать себе часть „добычи“, грозя в противном случае позвать городского; в виду того, что товарищи никак не могли

от него отвязаться, хотя тов. Пикман и грозил ему испорченным револьвером, пришлось отдать ему часы тов. Коневского и рубль деньгами.

После этого случая типография пролежала без действия до декабря 1905 г. и затем была перевезена на рудник Колачевского и сдана на хранение, а не для работы, машинисту Льву. Дальнейшая участь ее мне неизвестна.

Комитет Криворожской организации в 1905 году состоял из Татьяны Рейниш, Дамского, Михайличенко, Каца, Браиловского. На III съезде, который происходил весной 1905 г. в Лондоне, Криворожская организация своего представителя не имела, но на Екатеринославскую конференцию, происходившую перед этим съездом в 1905 году, Криворожская организация послала 2-х человек: Татьяну Рейниш и Антона Комаря.

Наряду с социал-демократической организацией существовала также и эс-эровская организация. С какого года она возникла на Криворожьи, мне не удалось выяснить, но существование ее в 1904 г. безусловно установлено. В Криворожьи центром эс-эровской организации была ст. Долгинцево; руководителем ее был, главным образом, учитель Поляков и другие учителя ст. Долгинцево. Эта организация также распространяла свою работу на рудники, по железной дороге и на ближайшие села, расположенные вокруг Криворожья. Судя по тому, как ими была охвачена работа на рудниках, с одной стороны, и по селам — с другой, можно сказать, что главное внимание их было сосредоточено на крестьянстве. Эс-эры имелись на „Дубовой Балке“ на рудниках, расположенных около Широкого и вокруг Николо-козельска, и, главным образом, в Широком, Петрове, Желтой и Зеленой. Каковы были эти организации по численности и кто были их руководителями, нам неизвестно. Но, как сказано выше, до событий 1905 г. вся эс-эровская организация в целом занимала незначительное место среди рабочих на рудниках, и работа ее здесь почти ни в чем не сказывалась.

Таково было состояние партийных организаций в Кривом Роге в 1905 г. Других организаций здесь не было, и только после событий 1905 г. появились максималисты. Буржуазные партии если и были, то работали, главным образом, среди интеллигенции, занимавшей видные должности, государственные и частные, а также среди интеллигенции, занимавшейся свободными профессиями. Об их работе до революции 1905 г. нам поэтому ничего не известно.

Зато все, какие только были в России, еврейские национальные партии имели в Кривом Роге свое представительство, несмотря на то, что еврейского пролетариата в Кривом Роге было очень немного. Несколько больше было различных ремесленников и вообще бедноты, перебивавшейся с хлеба на квас.

Самая сильная еврейская организация была объединенная — серповцы и эс-эс, лидером которых считался тогда в Кривом Роге наезжавший время от времени тов. Новаковский. Затем шли „Цей-рей-Цион“ и сионисты. Значительное место занимал также „Бунд“. Кажется, был также „Поалей-Цион“, но, наверно, утверждать не берусь. Работа этих организаций дальше местечка Кривого Рога не шла и выражалась лишь в непрерывных спорах одной организации с другой. Вот почему, когда началась революция, то они не знали, что им практически делать, да и нечего было делать, так как еврейский пролетариат потянулся к русским рабочим и вместе с ним творил революцию, а руководители остались не у дел.

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 г. НА КРИВОРОЖЬИ

Революционные события в криворожском районе начались, как свидетельствует об этом обвинительный акт по делу 31 участника этих событий, с того, что существовавшие партийные организации в Долгинцеве стали собирать кучками рабочих и служащих и агитировать за необходимость воспользоваться манифестом и устроить съезд рабочих и служащих Екатерининской железной дороги, чтобы обсудить их материальное положение и добиться необходимых улучшений быта и условий труда на Екатерининской дороге. В ноябре 1905 г. эта агитация увенчалась успехом. Железнодорожной администрации были предъявлены требования объявить рабочим и служащим Долгинцевского узла о назначении выборов представителей на съезд Екатерининской железной дороги в Екатеринославе для обсуждения вопросов, касающихся улучшения их материального положения. Железнодорожная администрация не смела противиться этому требованию партийных организаций, которые дружно были поддержаны всеми рабочими, и выборы по всему узлу состоялись.

Собравшиеся на съезд в Екатеринославе делегаты, сразу перешли к обсуждению политических требований. Съезд принял постановление о присоединении к Всероссийскому Железнодорожному Союзу и о проведении всеобщей железнодорожной забастовки с целью добиться созыва Учредительного Собрания.

По возвращении делегатов со съезда на ст. Долгинцево немедленно был организован стачечный и агитационный комитеты. Как в тот, так и в другой входили и с.-д. и с.-р. Нельзя сказать, однако, чтобы комитеты составлялись на строго паритетных началах; они выбирались персонально, и если с.-р. оказалось больше в агитационном комитете, то только потому, что на стороне эс-эров было больше интеллигентов, — главным образом, долгинцевские учителя, — тогда как в с.-д. организации по преимуществу были рабочие.

Главным руководителем движения на ж.-д. узле стал долгинцевский учитель, эс-эр Алексей Поляков.

Забастовочный комитет состоял из того же Полякова, Федора Нетребы (с.-д.), Ивана Кудлая (с.-д.), Мовши Монастырского (с.-д.), Михаила Покора (с.-д.), Антона Базиленко (с.-р.), Никифора Иващенко, Григория Иженка, Семена Жилы, Григория Маевского, Михаила Ивахненка, Василия Кошеля, Филиппа Ступака, Филиппа Соляника, Ивана Верченка, Василия Геронкина, Михаила Авдеенка (партийная принадлежность их всех неизвестна). Секретарем комитета был Никифор Иващенко и Иван Пирогов, оказавшийся впоследствии провокатором.

В агитационный комитет входили также Поляков, Георгий Дудлов — с.-р., Георгий Тищенко — с.-р., Николай Левченко — с.-р., Никандр Левченко — с.-р., Анна Бутенко — с.-р., — все учителя, Александр Шейкин — с.-р., студент сельско-хозяйственного института, Мовша Монастырский — с.-д. (б), Михаил Иванович Покора — соц.-дем. (б), Иван Кудлай — с.-д. (б), Федор Нетреба — соц.-дем. (м) и другие.

Несмотря на то, что существовало два комитета, строгого разграничения в их работе не было. Как один, так и другой следовали указаниям и директивам Екатеринбургского железнодорожного стачечного комитета, а также Всероссийского Жел.-дор. Союза и Петроградского Совета Рабочих Депутатов.

Комитеты развернули свою работу в первых числах декабря (8 декабря состоялась грандиозная демонстрация). Долгинцевский стачечный комитет организовал также свои филиалы — районные железнодорожные стачечные комитеты.

С момента образования комитетов вся власть на железной дороге перешла фактически в руки революционных рабочих.

Понятно, что вся работа комитетов направлялась с.-д. и с.-р. организациями. Первейшей работой организации было превратить возникшую железнодорожную забастовку во всеобщую. Кроме того, необходимо было вовлечь в революционное движение и широкие крестьянские массы. С этой целью партийные организации развернули широкую агитационную работу как на рудниках, так и в окрестных селах.

С возникновением железнодорожной забастовки Криворожская организация оставила местечко Кривой Рог и всю свою работу перенесла на рудники, агитируя среди рудничных рабочих за присоединение к всеобщей забастовке. В значительной части пришли на помощь Криворожской организации и железнодорожники, которые ринулись на рудники. Вся мастеровщина единодушно присоединилась к забастовке. Присоединилась и часть горнорабочих; другая же часть их устремилась „ко двору“: из 7.268 человек осталось на рудниках

2.268 человек, а 5.000 рабочих потянулись в деревню, пользуясь тем, что железнодорожники обеспечили им бесплатный проезд.

Среди крестьян также велась энергичная агитация за поддержку всеобщей забастовки. Поддержка эта должна была выразиться в доставке бастующим железнодорожникам продовольствия. Агитация оказалась успешной: начала поступать мука, зерно и картофель. Крестьяне собирались также в большом количестве на народные митинги в Долгинцево и на рудниках.

Наряду с этим велась также энергичная работа по организации Всероссийского Рабочего Союза, в который принимались и рудничные рабочие. Насколько успешна была эта работа, точно неизвестно, так как никаких сведений об этом не сохранилось; во всяком случае она была незначительна, так как она проводилась недостаточно организовано.

Между тем организации так были заняты работой, что позабыли про полицию и жандармерию. Спохватились только 17 декабря и поспешили на ст. Долгинцево обезоружить жандармов. Одновременно из Екатеринослава последовало распоряжение образовать боевые комитеты и был брошен лозунг в рабочие массы: „Вооружайся, кто может“. В Долгинцеве ограничились тем, что стачечный комитет назвался боевым комитетом.

Большая часть рабочих с рудников потянулась по домам с надеждой получить землю и мало думала обо всем происходившем. Однако, другая часть — настоящие пролетарии — вооружалась, чем только могла, и стала готовиться к бою. И хотя воевать не пришлось, но подготовка к борьбе сыграла свою организующую роль.

Следует еще остановиться на характере агитации с. - р. и с. - д. (м), с одной стороны, а с другой — с. - д. (б).

Агитация, исходившая из уст с. - р. и с. - д. (м), была не особенно решительна. Крестьянам не рекомендовалось явочным порядком захватывать помещичью землю и таким путем вовлекать в движение широкие крестьянские массы. Совершенно другие призывы исходили от незначительной группы товарищей: Райниш, Монастырского, Кудлая и Покоры; их выступления отличались тем, что они призывали крестьян к насильственному захвату помещичьей земли, желая тем самым вовлечь крестьян в активное участие в революции. В рабочем вопросе эс - эры и меньшевики старались не обострять отношений рабочих с буржуазией, боясь оттолкнуть ее от участия в революции, тогда как большевики предостерегали рабочих от надежд на буржуазию.

Основное, что было в работе криворожско - долгинцевской большевистской части с. - д., это то, что они точно и ясно формулировали перед рабочими и крестьянами их классовые интересы и чистый принцип классовой борьбы. Они не затушевывали классовых противоречий и не дурманили рабочих и крестьян пресловутым „союзом

всех общественных сил“, а говорили, что только рабочие совместно с крестьянами победят русский царизм, свергнут иго помещиков и в дальнейшем — гнет капиталистов.

В этом их большая заслуга перед революцией. Вторая заслуга криворожских большевиков состояла в том, что они стремились захватить инициативу и руководство массами в свои руки, тогда как меньшевики, наоборот, стремились передать инициативу и руководство в руки буржуазии, а самим быть „сбоку - припеку“, к тому же — вопреки желанию рабочих масс.

Кроме того, большевистская часть смотрела будущности прямо в глаза и рассуждала так: если революция будет развиваться дальше, то, держа инициативу в своих руках, мы сумеем направить ее в желательном для нас направлении; если же она не победит, то рабочие и крестьянские массы не будут, по крайней мере, заражены буржуазным влиянием, надеждами на буржуазию, а будут надеяться в дальнейшей борьбе исключительно на самих себя.

Так велась работа Криворожской партийной организации во время открытой революционной борьбы, продолжавшейся с первых чисел ноября до 24 декабря 1905 года. В ночь под 24 декабря на ст. Долгинцево поступила перехваченная телеграмма, которую принял дежурный член стачечного комитета тов. Нетребя. Телеграмма гласила: „Предлагаю немедленно арестовать всех зачинщиков забастовки, ждать моего прибытия“. Следовала подпись: „Начальник карательной экспедиции — такой - то“.

После этой телеграммы все поняли, что революция подавлена и что недалеко от ст. Долгинцево находятся враждебные ей силы. Многие участники революционного движения остались мужественно ждать своей участи; другие, наиболее активные руководители революционного движения, скрылись.

Отряд 24 декабря не прибыл в Долгинцево, а задержался у Верховцево. Эшелон остановился у семафора, и солдаты цепью охватили поселок и станцию. Тут они задержали проходившего как раз Полякова, у которого нашли револьвер... Дело его кончилось бы плохо, если бы железнодорожные служащие и рабочие единодушно не заявили, что это местный учитель, никакого участия в забастовке не принимавший. Ношение револьвера Поляков объяснил тревожным временем. В результате он был освобожден, и даже револьвер, отобраный у него, пообещали ему возвратить после регистрации у местного жандарма. Прибывший отряд никого не арестовал и проехал дальше, а Поляков благополучно скрылся. В ночь под 25 декабря эшелон прибыл на ст. Долгинцево и тотчас же арестовал 26 человек. Солдаты карательной экспедиции ходили после этого по перрону вокзала, срывали часы у железнодорожных рабочих и служащих и избивали сопротивлявшихся,

Вслед за Поляковым скрылись и другие активнейшие руководители стачечного комитета и организации — Нетреба и Монастырский. Арестованы же были следующие товарищи: Антон Базиленко — 26 лет, Никандр Давидович Иващенко — 25 лет, Григорий Петрович Ищенко — 32 лет, Семен Александрович Жила — 26 лет, Иван Александрович Пирогов — 27 лет (оказавшийся провокатором), Григорий Евстигневич Маевский — 43 лет, Михаил Григорьевич Ивахненко — 32 лет, Филипп Давидович Ступак — 34 лет, Григорий Филимонов — 25 лет, Николай Игнатьевич Левченко — 26 лет, Никандр Игнатьевич Левченко — 27 лет, Григорий Федорович Семергеев — 18 лет, Михаил Афанасьевич Овдеенко — 21 года, телеграфист-большевик Михаил Иванович Покора — 22 лет, Кузьма Давидович Геронин — 22 лет, Аким Алексеевич Индюченко — 26 лет, Кузьма Данилович Саломоненко — 27 лет, Пантелеймон Иванович Цветенко — 31 года, Василий Абрамович Кошель — 22 лет, большевик Иван Акимович Кудлай — 35 лет, Филипп Диомидович Соляник — 32 лет, Григорий Гаврилович Дулов — 24 лет, Иван Васильевич Верченко — 27 лет, Илларион Иванович Евдокимов — 28 лет, Анна Васильевна Бутенко — 23 лет, Александр Ефимович Шейкин — 23 лет, студент сельскохозяйственного института.

Все они судились в Екатеринославе военным судом.

После первого отряда прибывали еще вооруженные силы, направлявшиеся в села и деревни и производившие там „нарезку земли крестьянам“, только не на участках, принадлежащих помещикам, а на крестьянской земле. Рудничные пустые казармы рабочих превратились в крестьянские тюрьмы, где творилась жестокая расправа.

Так кончилась в Кривом Роге революция 1905 года.

В. ВАЛЯВКО

Очерки по истории „Спилки“

(Продолжение ¹⁾)

АРЕСТЫ И ПРОЦЕССЫ „СПИЛКИ“

(1905 — 1907 г. г.).

Департамент полиции и киевская охранка впервые узнают о „Спилке“ летом 1905 года. В каталогах охраны такая организация не числилась, и Кулябко — начальнику киевского охранного отделения — пришлось поэтому заняться теоретическими изысканиями. В донесении жандармскому управлению Кулябко, сообщая о расколе Рупа и выделении из нее особой группы („Спилки“), следующим образом определял позицию последней: „Ближайшей задачей этой группы было соединение сознательного пролетариата в единое целое, создание централизованной пролетарской партии в России и воспрепятствование к затемнению классового сознания украинского пролетариата, т. - е. воспрепятствование отвлечения его в сторону буржуазно-радикальной „самостийной Украины“. Для более успешного осуществления этой задачи организаторы, с одной стороны, приняли меры к привлечению остальных пролетарских элементов из революционной украинской партии в свои ряды, как отдельных лиц, так и отдельных организаций; с другой стороны, считали в высшей степени важным войти в переговоры с Российской социал-демократической партией о вступлении в ее ряды на началах автономии. Для обсуждения этого вопроса партией был созван второй очередной с'езд (дело идет о с'езде Рупа. А. Р.), на коем была одобрена и принята теоретическая часть Эрфуртской программы и изменено название украинской революционной партии, которая с этих пор стала именоваться „Украинская Социал-Демократическая „Спилка“ Российской Социал-Демократической Рабочей Партии“.

Далее Кулябко препровождал программу Рупа, принятую на ее втором с'езде и филерские наблюдения, на этот раз без теоретических отступлений. Таким образом, по записям Охранки УСД и „Спилка“

¹⁾ См. *„Лет. Рев.“* № 2 (11), 1925 г.

оказались одной и той же организацией, и во всех крупных процессах периода 1906—1907 г.г. арестованные спильчане и уэсдеки фигурировали как члены одной организации. Такого взгляда охранка и департамент полиции продолжали держаться вплоть до 1908 года.

Охранку приводили также в смущение связи уэсдеков с украинскими радикалами и демократами, и в 1907 году, подготавливая крупнейший процесс, в котором, наряду со спильчанами, фигурировали члены Ц. К. УСДРП, охранка, жандармы и прокуратура долго колебались, обвинять ли их за принадлежность к социал-демократической или украинской радикальной партии. В судебных делах сохранился любопытный документ, указывающий, между прочим, как фабриковались в те времена политические процессы. В деле по обвинению группы уэсдеков и спильчан (дело Квасницких) имеется проект, представляющий собой совершенно гордые, сформулированные пункты обвинения, на которые судебные заседатели должны были дать свои ответы. В этом проекте, сестряпанном при ближайшем участии киевской охранки, обвинение предъявлялось за принадлежность к украинской радикальной партии.

Для охранки и суда вопрос о программе партий, с которыми они вели борьбу, являлся, очевидно, делом второстепенным, и о „малорусском“ революционном движении, они, находясь в самом сердце Украины, знали только одно: что оно—крамольное. Когда в разговоре одного адвоката с прокурором было указано, что в процессе свалены в одну кучу лица разных политических убеждений, не имеющие между собой ничего общего, прокурор заявил: „Важно только одно—хотят ли они устроить революцию, а остальное не имеет никакого значения“.

Первые крупные аресты среди спильчан произошли после декабрьских дней 1905 года. В телеграмме департамента полиции от 11 декабря 1905 года Кулябко доносил: „Арестовано 17 украинцев, пять спилковцев, десять демократов“. Из спильчан был задержан Канавец (Кавун) и, одновременно, близкий к ним доктор Мережинский, на квартире которого, обычно, происходили заседания Г. К. „Спилки“. Главный Комитет „Спилки“ не был затронут арестами, зато провинциальные организации были выкошены основательно, и на февральской конференции „Спилки“ и провинциального бюро отсутствовало около половины местных групп и комитетов.

Следующие массовые аресты и обыски среди „спилковских“ организаций начались с августа 1906 года. 18 августа, после продолжительных филерских наблюдений, был произведен обыск в помещении киевской украинской газеты „Громадська Думка“. Охранка искала технического секретаря Главного Комитета — „Цыганку“, которая, по ее сведениям, имела постоянную явку в „Громадській Думке“. Во время обысков в редакции газеты и на квартирах были

арестованы, кроме Марии Виноградовой, в лице которой охранка подозревала „Цыганку“, Винниченко — под фамилией Мусияновича, Владимир Степанковский, Андрей Жук, Лола — под фамилией Воронова, Хохлич, Ефремов, братья Квасницкие, редактор газеты Матюшевский и ряд других лиц. В руки охранки, между прочим, попал протокол объединенного совещания украинских радикалов и демократов, где имелись сведения о выборах партийной Рады, при чем кандидатами ее были выставлены те же Жук, Виноградова, Винниченко, Ефремов, Степанковский, которые подозревались в принадлежности к „Спилке“.

Аресты 18 августа дали в руки охранки ряд адресов в селах и провинциальных городах, и она начала распутывать сложный клубок этих сведений, постепенно вовлекая в дело десятки новых организаций и лиц. Уже в августе в ее руки попали адреса и явки ряда провинциальных организаций „Спилки“; 8 сентября Киевское Жандармское Управление отдало приказ почтово-телеграфному ведомству о задержании корреспонденции адресатов „Спилки“¹⁾.

Одновременно у адресатов Главного Комитета охранка приказала произвести обыски и поступить „по результатам“. К тому же времени провалилась центральная явка Главного Комитета для сношения с провинцией и Ц. К. У слушательницы зубо врачебных курсов Жука в Киеве — Б. Ходаковой (переписка шла на ее имя по адресу школы) был произведен обыск. Далее, один за другим, в течение сентября, октября и ноября, следовали провалы явок в большинстве городов района „Спилки“²⁾.

18 октября были арестованы в Киеве у себя на квартире два активных работника „Спилки“: член Главного Комитета Станислав Завадский (Павел) и студент Иосиф Сорокер, работавший, главным образом, в Сквирско-Васильевском районе. Их арест дал в руки охранки ряд новых адресов и явок в Полтавской, Черниговской и Подольской губ. К ноябрю 1906 года охранка располагала, таким образом, десятками адресов, по губерниям, входящим в район „Спилки“.

В январе в Киеве был арестован сотрудник „Киевской Мысли“ Александр Скрынников, с материалами, устанавливавшими его связь со „Спилкой“. Обрадованная охранка поспешила признать в Скрын-

¹⁾ Дзика в Василькове, Зингаренко в Ржищеве, Маркана в Бердичеве, Ямпольского в Черкассах, Кернес в Шполе, Цейтлина в Фастове, Бронислава Берзина в Белой Церкви. — Авт.

²⁾ К 5 октября охранке становятся известными явки в Звенигородске, Коростышеве, Тараще, Умани, на Городищенском сахарном заводе. Во второй половине октября проваливаются адреса в Волынской губернии и устанавливается наблюдение за Ржешевским в Житомире, Давидом Бродским в Бердичеве, Пашковской в Ровно. Несколько позднее охранке становятся известными адреса явки в Подольской губернии, в Тульчине, зубной врач Шаргородский, в Виннице — Яновский, в Житомире — Линдер и почтальон Перигорончук, в Хмельнике — Мазур, в Каменец-Подольске — книжный магазин Бандельмана. — Автор.

никове раньше „секретаря Григория“ (Григория Долженко), а затем и самого Ларина. Но Григорий и Ларин продолжали благополучно здравствовать на воле, и жандармам пришлось отказаться от своей версии.

Перехват переписки предоставил в руки полиции богатейший материал о деятельности „Спилки“. Охранка, жандармы и департамент полиции получили в свое распоряжение почти все циркулярные письма „Спилки“, переписку с Ц. К., многие десятки адресов. Арест Завадского, Сорокера и Скрынникова дал жандармам ряд документов, говоривших об организационной деятельности „Спилки“ (денежные отчеты, явки, отчеты с мест и т. д.).

Подавленное огромным материалом, Киевское Жандармское Управление решило в срочном порядке разделаться хотя бы с частью разработанных охранкой связей. Белыми нитками шит был процесс с разношерстным составом обвиняемых (сюда вошли и спильчане, и уздеки, и просто украинские радикалы). К суду по первой части 126 ст. Уг. Улож. были привлечены: братья Ефим и Александр Квасницкие, Константин Хозлич, Владимир Винниченко, Андрей Жук, Владимир Степанковский и спильчане: Святослав Завадский, Иосиф Сорокер, Геня Кирнес, Авинегдор Цейтлин, Сарра Шац, Александр Скрынников и Зельман Зингаренко.

К концу декабря 1906 года предварительное следствие было закончено и направлено прокурору Киевской Судебной Палаты. Обвиняемые, содержащиеся в Лукьяновской тюрьме (в Киеве) постепенно, один за другим, стали выпускаться под залог на свободу. Но дело все же затянулось надолго. В июне 1907 года прокурор Судебной Палаты обратился к Жандармскому Управлению с просьбой ускорить дело, находившееся уже 9 месяцев в производстве.

Жандармы никак не могли определить, что же такое „Спилка“, есть ли у нее программа, кого из спильчан нужно привлечь к суду, а кого — в административном порядке. Начальник Жандармского Управления, полковник Ковалевский, за разрешением своих сомнений обратился к Кулябке и просил прислать ему программу „Спилки“. Но Кулябка, и то только после третьего напоминания, ответил, что программы у него нет и что „общество“ „Спилка“ является самой опасной организацией в пределах Юго-Западного края и малороссийских губерний и вошло в Российскую Социал-Демократическую Партию на автономных началах.

Большое затруднение для жандармов представлял перевод с украинского языка на русский захваченных при обыске документов. Одно время жандармы пришли даже к выводу, что перевод украинских документов в России невозможен. Признанный эксперт по украинским и еврейским погромным делам, редактор „Киевлянина“, Пихно, отказался переводить, сославшись на недосуг. Но, нако-

неп, хотя с большим трудом, нужный эксперт был найден, и к октябрю 1907 года дело было передано в Судебную Палату. Суд состоялся в начале 1908 года. Винниченко, Степанковский и Жук успели скрыться — первые два за границу, во Львов, а Жук, впоследствии был задержан. Дело об одном из Квасницких, не явившемся на суд, также было выделено, и он впоследствии был присужден к крепости. Наиболее тяжкий приговор постиг спилчан. Завадский, Скрынников, Сорокер и Цейтлин были приговорены к ссылке на поселение. Украинец Хохлич получил полтора года крепости, Зингаренко — 2 года, Шац — единственная из обвиняемых — была оправдана.

Распутывание клубка спилковских связей, между тем, продолжалось. Отдельные провалы, перлюстрация писем в почтовых конторах и работа провокаторов дали к ноябрю в руки охранки и жандармов добрую сотню явок. В ноябре Департамент Полиции предложил Киевскому Жандармскому Управлению выяснить по обнаруженным адресам действительных революционных деятелей, чтобы произвести одновременно ликвидацию по всем пунктам, в момент, когда по местным условиям ликвидация внесла бы „непоправимое расстройство в организацию этого дела“.

25 ноября по губерниям, входившим в район „Спилки“ Киевское Жандармское Управление отдало приказ: „Выяснить связи по адресам и быть готовым в недалеком будущем к ликвидации „Спилки“ по распоряжению Департамента Полиции“. Дело у жандармов было, однако, еще не совсем слажено. В декабре продолжают поступать в охранку новые провинциальные адреса и явки — по Черниговской губернии (Корюковка, Ичня, Глухов) и другим районам. Ликвидация откладывается, и только 5 января 1907 года Киевское Жандармское Управление обращается в Департамент Полиции со следующей телеграммой:

„В виду большой интенсивности предвыборной агитации членов общества „Спилка“, прошу разрешения ликвидировать адресатов Киевской губернии“.

Департамент Полиции в телеграмме, посланной 10 января за подписью директора Департамента Полиции Трусевича, дает требуемое разрешение.

„Разрешаю ликвидировать „Спилку“ — писал Трусевич. — Одновременно с Киевской губернией надлежит ликвидировать группы других губерний, о чем надлежит снестись с подлежащими начальниками управлений, указав им день и час ликвидации. Сегодня сообщено об этом в Полтаву, Чернигов, Каменец-Подольск, Житомир, Харьков, Курск, Кишинев и Гродно. По окончании ликвидации войдите в обсуждение вопроса о том, кого из обысканных, могущих попасть в выборщики, можно передать судебному следствию по одной из статей Уголовного Уложения. Если имеете сведения о деятельности

„Спилки“ и в других местах, снесите с местными властями об одновременной ликвидации и этих групп“.

В пояснение телеграммы Трусевича нужно указать, что связи по Харьковской губернии были захвачены у эсдеков и радикалов; в Бессарабской губернии в руки охранки попали две явки „Спилки“ — в Бельцах и Сороках, остальные адреса были взяты при обысках и арестах и случайно попали в число спилковских связей.

12 января Киевское Жандармское Управление уведомило Департамент Полиции, что ликвидация назначена на 18 января в 5 часов утра, при чем дополнительные адреса были посланы по Казанской, Могилевской и Минской (Гомельский район) губерниям¹⁾.

Ликвидация не дала полиции ожидаемых результатов. Правда местные власти уже от себя произвели ряд дополнительных обысков и арестов — пользуясь собственными агентурными и всякими иными сведениями.

Так, в городе Василькове было задержано до двадцати человек, десятки обысков были произведены в Чернигове, Полтаве и других более крупных городах. Все же удар по организациям был сравнительно невелик. Своими адресатами „Спилка“ выбирала, преимущественно, благонадежных, с полицейской точки зрения, людей. Обыск у таких лиц редко мог дать полиции прямую связь с партийной организацией. Большинство обысканных, за отсутствием каких бы то ни было данных, было оставлено на свободе. Нельзя сказать, чтобы и момент, выбранный Департаментом Полиции для массовых обысков, был особенно удачным. К середине января предвыборная кампания была почти повсеместно закончена, и дело шло, таким образом, об охране собраний выборщиков от крамольных покушений.

¹⁾ Чтобы судить о размерах этой, единственной в своем роде, ликвидации, достаточно привести только список пунктов, где она проводилась. По Черниговской губернии были даны адреса для обысков и арестов в Бахмаче, Ичне (4 адреса) Глухове (4 адреса), Корюковке (2 адреса) Клинцах (2 адреса), Новгород - Северске (2 адреса), Кролевце, Чернигове, Нежине, Любиче, Дубровне, Городне (4 адреса), Репках, Сновске, Козельце, Сураже, Новозыбкове. В Подольской г. — в Тульчине, Виннице, Жмеринке, Каменец - Подольске, Хмельнике, Проскурове, Немирове, Могилеве, Летичеве, Дунаевцах и т. д. В Волынской г. — в Ровно, Житомире, Ковеле, Новгород - Волынске, Бердичеве. В Полтавской г. — в Лубнах, Полтаве, Ромнах, Переяславе, Прилуках, Кременчуге, Гадяче, Хороле и др. В большинстве городов было указано несколько адресов, при чем указания давались и о сельских явках. Особенно многочисленны были обыски и аресты в Киеве и Киевской г. В Киеве не пощадили даже кадетов. Обыскано было их избирательное бюро с секретарем Диденгофом, вспомнили также об украинских эсдеках и радикалах. В провинции провалы произошли и в ряде сел. Так, в Сквирском уезде, в селах Деловшине, Спищенцах, Пархомовщине были арестованы крестьяне, державшие связь с партийными организациями. — *Автор.*

Еще раньше, в декабре 1906 г., были произведены аресты в Житомире, провалившие спилковскую типографию¹⁾.

В период избирательной кампании жандармам удалось также состряпать в районе „Спилки“ несколько десятков мелких процессов, интересных потому, что они говорят о широте района, охваченного „Спилкой“ и о проникновении ее организаций и связей в глубь украинской провинции²⁾.

Но с особой энергией охранка охотилась за типографиями Главного Комитета „Спилки“. К началу избирательной кампании во II Государственную Думу общеспилковская типография была поставлена в Киеве, о чем охранка знала из перехваченных писем Ларина. В декабре охранке удалось захватить только часть типографского материала, находившегося на квартире одного рабочего. 28 декабря 1906 года полиция накрыла рабочую сходку по Фундуклеевской улице в доме № 76. В числе задержанных оказался рабочий Шуринов. Обыском, произведенным у него на квартире, были обнаружены две корзины типографских принадлежностей, предвыборные воззвания „Спилки“ в большом количестве экземпляров и т. д. Шуринову было предъявлено обвинение только в хранении, и через три месяца он был выпущен под надзор полиции.

Через непродолжительный срок охранке удалось напасть на след действующей типографии „Спилки“. 13 февраля 1907 года Кулябко имел возможность послать Департаменту Полиции радостную весть: „Сегодня по агентуре и по наблюдению в доме № 2 по Мало-Владимирской улице арестована на полном ходу, во время

¹⁾ Обысканы и задержаны были С. Р. Сосновская, племянница Меленевского, у которой находилась явка Житомирской организации, Бродская и работавшие в типографии Стырт, Фельдман и студент Кранц. При обысках в типографии и на квартирах была найдена переписка с Меленевским, большое количество избирательной литературы, набор подготовлявшихся к печатанию прокламаций („Буряки“) и воззваний Волынского избирательного Комитета РСДРП. Суд над арестованными состоялся в Киевской Судебной Палате 6 апреля 1907 года. Из обвиняемых Сосновская и Бродская были оправданы, а три работника подпольной типографии были приговорены к заключению в крепость от 2 до 3 лет. — *Автор*.

²⁾ В одном из сел Житомирского уезда был задержан во время раздачи крестьянам листовок профессионал Спилки Кошель - Батулин, приговоренный в июне 1907 г. Киевской Судебной Палатой к ссылке на поселение. В Житомире в декабре 1906 г. был арестован со складом Спилковской литературы Б. Трендвейс. Особенно много провалов было на Черниговщине.

В октябре 1906 года был арестован организатор Новозыбковско - Клинцовского района Савва Моспан (Тарас) с материалами, обнаружившими его связь с районной подпольной типографией. Еще ранее был задержан другой профессионал Спилки Мих. Сычев, у которого были отобраны протоколы конференции северного района Черниговской губ., указывавшие на связь между Стародубской, Унечской, Суражской, Клинцовой, Новозыбковской, Зимховской, Селиновской и Новгород - Северской организациями. В Конотопе были взяты

печатания прокламаций „О земле“ роскошно оборудованная типография Главного Комитета Украинского Социал - Демократического Союза „Спилка“.

В типографии арестовано четверо нелегальных, назвавшихся евпаторийскими мещанами — Коганами и Степанидой Василенко. Захвачено до 10.000 свежееотпечатанных прокламаций. По связям у арестованной Мелиховой захвачено 7.000 экземпляров „О земле“ и готовая бумага, у учительницы Павловской — нелегальная литература“.

Нелегальные Коганы были наборщики типографии Г. Элькин, И. Клейман и Цивья Слуцкая, нелегальная Василенко — Мария Епифанова. Возможно, что провалу типографии отчасти помогла и провокация, так как в донесениях охранки Департаменту Полиции имеются указания, что охранке накануне провала стало известно, что взятая под наблюдение Мелихова должна отнести в типографию 3 фунта типографской краски. Связь с типографией, надо полагать, дали шпионам члены технической группы при Главном Комитете, поддерживавшие общение с ней. Связями с типографией ведала Рахиль Рабинович — позднее технический секретарь Главного Комитета. Ее личность также удалось установить охранке, которая, однако, не подвергла Рабинович ни аресту, ни обыску в надежде, что с ее помощью удастся установить дальнейшие связи Главного Комитета. Дело первой типографии Главного Комитета слушалось 30 мая 1907 года в Киевской судебной палате. Приговор по делу был, сравнительно мягким. Из обвиняемых только Элькин был приговорен к ссылке на поселение, Клейман — к

во время избирательной кампании с типографией на ходу Федор Сисекин, Ал. Попков, Степан и Анна Месники. В Нежине были взяты за распространение избирательных листовок „Спилки“ Сердюк и Н. Хайкин, в Новозыбкове — Фейга и Нюра Шапиро, в Глухове со Спилковской литературой — районный работник Спилки М. Голубцев и в с. Ворошее Глуховского у. М. Юдин, в Крюкове во время избирательной кампании — профессионал Слезовский. Все эти работники заплатились ссылкой на поселение или длительным заключением в крепости.

В Киевской губернии ряд процессов был возбужден по Черкасскому уезду за хранение спилковской избирательной литературы. В Черкассах же во время избирательной кампании полиция напала на след Моисея Урицкого, приехавшего из административной ссылки. Урицкому и ряду других товарищей удалось, однако, скрыться от ареста. В местечке Фастове, за выступление на митинге во время провозов депутатов Государственной Думы, Сахно и Федорова, была арестована одна из работниц фастовского района — Хана Куцина. В Сквирском уезде в с. Стромове был задержан с прокламациями „Спилки“ „Буряки“ в сентябре 1906 года ряд крестьян — Петриченко, Климчук и другие. В Умани, при перевозке подпольной типографии, на железнодорожной станции были арестованы в тот же период Магзанник, Верхляцкий, Ткачук, Ривка, Бризгал и Царевский.

Все эти аресты произведены были только по Киевской, Черниговской и Полтавской губ. — район деятельности Киевской Судебной Палаты, материалами которой пользовался автор. — А. Р.

4 годам крепости, Мария Епифанова — к 2 годам, Цивья Слуцкая — к одному году. Вера Мелихова, приговоренная только к 3 месяцам крепости, была затем сослана в административном порядке.

Провалы и аресты, последовавшие во время избирательной кампании во 2 Государственную Думу и непосредственно после нее, только слегка потрепали спилковские организации. Так, в Полтавской губернии уже после выборов состоялась губернская конференция, на которой был избран делегат на Лондонский съезд партии. Уездные организации были представлены на ней довольно полно и, несмотря на то, что киевской охранке было известно о созыве конференции и приезде на нее Ларина (вследствие провала письма из Полтавы, в котором Ларин приглашался на конференцию), собрание накрыть не удалось и конференция проработала дня два в ж.-д. слободке, куда шпики боялись ходить, опасаясь избиений со стороны рабочих. Конференция заседала, между прочим, и на квартире провокатора — железнодорожника Манько, который, очевидно, в то время не совершил еще своего грехопадения. Исполнительная комиссия, избранная на предыдущей губернской конференции, работала исправно, имея в своем распоряжении двух постоянных работников, об'езжавших район и ведавших преимущественно крестьянской работой. Крепкая организация имелась в городе Полтаве, особенно среди железнодорожных рабочих. Весной 1907 года массовые митинги в ж.-д. депо и мастерских были обычным явлением.

Таково же положение было в этот период и в Черниговской губернии, с большинством организаций которой автору пришлось столкнуться весной 1907 года. Организации были слабо связаны между собой, но, тем не менее, каждая из них была достаточно устойчива — Конотопская с сильным ядром ж.-д. рабочих, имевших особый комитет, Новозыбковская, Черниговская, Шостинская, Семеновская и другие насчитывали каждая свыше 100 членов и легко собирали довольно многочисленные массовки.

К весне 1907 года Главный Комитет „Спилки“ состоял из кооптированных Григория Ткаченко (Николай), работавшего еще с лета 1906 года, Рахили Рабинович, которая, как оказывается, была хорошо известна охранке по делу о провалившейся типографии „Спилки“, Арнольда Риша, избранного в Главный Комитет полтавским губернским союзом. Финансовую и техническую работу нес Иосиф Сорокер, привлеченный еще ранее по делу „Спилки“ и освобожденный под залог. Фактическим секретарем, ведущим руководящую работу, был в то время Николай, Арнольд же об'езжал район в связи с подготавливавшимся к весне общеспилковским съездом. Из других выбранных членов Главного Комитета П. И. Тучапский почти совершенно не вел организационной работы, Киреенко, как депутат Государственной Думы, находился в Питере (Ленинграде), Меленевский переехал

туда же и работал в думской фракции, Грицько, Долженко и Александр Подольский были в тот период на Лондонском с'езде.

В то время ряд легальных социал-демократов уже начинал прорывать связи с подпольем. Профессионалов в районе „Спилки“ было очень мало, и местные организации были часто предоставлены самим себе. По данным отчета, захваченного при обыске депутата Озоля, профессионалов „Спилки“ имелось к весне 1907 года по одному в районах Бобринской в Волынской губернии, в Сквирско-Васильевском районе, Белой Церкви, Конотопе, Ячине и два-три в Полтавской губернии. Организации небольших провинциальных городов, поскольку во главе их не стояли ответственные работники, были часто политически беспомощны и не могли развивать связей в районе.

Работа того периода сводилась к проведению очередных кампаний — весенние и летние сельско-хозяйственные стачки, „бураковая“ кампания, кампания думских наказов.

Благодаря киевским связям, удалось добыть некоторую сумму денег на содержание типографии, и последняя была вновь поставлена в марте — апреле 1907 года. За короткий период удалось выпустить ряд прокламаций в десятках тысяч экземпляров.

В составе Главного Комитета произошли некоторые изменения. К маю 1907 года Николай Карпо и Рахиль решили отойти от работы. Основным мотивом была усталость и непрерывная работа в течение целого года. К 25 мая они переехали в дачную местность Гробы, вблизи Киева, захватив с собою все провинциальные явки, которые Рахиль с помощью Николая должна была зашифровать. Секретарем Главного Комитета остался Арнольд, который привлек к работе Галагана — „Левка“ — и оказавшего раньше большие денежные услуги „Спилке“, директора киевского отделения Московского Купеческого Банка — Рашевского, который в прошлом был связан с революционными народническими кружками и считал себя социал-демократом. Левке были поручены связи с типографией. Рашевский взял на себя заведывание денежными делами Комитета, т.-е. фактически нес значительную часть расходов по содержанию типографии.

Первой (очевидно, по связям с Рахилью и Карпо, находившимся под негласным надзором полиции) была арестована типография Главного Комитета. 2 июня на Паньковской улице в доме № 25 был произведен обыск, обнаруживший, по словам охранки, хорошо оборудованную типографию. Типография, как писал в своем донесении Кулябко, была взята на полном ходу при печатании прокламаций „Рабочим на сахарных заводах“. В руки жандармов попал большой прокатный станок, наборные кассы, свыше семи пудов шрифта и около десяти тысяч свежееотпечатанных прокламаций. В помещении типографии были арестованы хозяин квартиры, гимназист Мельников и двое рабочих — Федор Медущенко и Афанасий Бондаренко. Позднее на улице был

задержан третий работник типографии — Виктор Раковский. По свежим следам полиция произвела затем обыски по связям Рахили и Карпо. Эти связи и привели к даче в Гробах, где 3 июня были арестованы Рахиль и Ткаченко под фамилией Семена Орлова. Сорокеру удалось скрыться; он был задержан в Киеве спустя некоторое время.

На квартире Рахили и Ткаченко жандармы собрали огромную добычу: около двухсот явок, буквально по всем городам и местечкам района „Спилки“. Многие из явок были зашифрованы, но тут же была разыскана и книжка, служившая шифром. Насколько полны были сведения охранки, можно судить по ее донесению департаменту полиции: „своевременно по агентурным сведениям, а также сведениям полученным со стороны (документ захваченный при обыске у Озоля. А. Р.), стало известно, что в число членов Главного Комитета Украинского Социал - Демократического Союза „Спилка“ входят „Арнольд“, как представитель полтавского губернского союза, „Карпо“, в ведении которого находилась финансовая часть, „Николай“ — с функциями заведующего техникой, „Рахиль“ — в качестве секретаря Главного Комитета и Сергей Михайлович (кличка П. И. Тучапского. А. Р.), коему вначале принадлежала доминирующая роль в Комитете, а в последнее время передавший свои полномочия Арнольду. Фактически двигателями пропагандистской работы по уходе Сергея Михайловича остались Арнольд, Карпо, Рахиль и Николай“.

Все эти сведения были более или менее верны, за исключением сведений о Сергее Михайловиче, который никуда не уходил и просто не вел в то время организационной работы.

Рахиль и Карпо охранке были известны, оставалось разыскать Николая и Арнольда. 30 мая был задержан приехавший в киевский район Альберт Ретлинг, бежавший из саратовской тюрьмы. Охранка решила, что он есть Николай, и долго придерживалась этой версии, покуда эксперты по почерку не признали ряд инкриминируемых Николаю документов написанными рукой Ткаченко. На след Арнольда удалось напасть при арестах двух работников, присланных Центральным Комитетом, — Чистякова и Волгина. У них были взяты мандаты и явки за его подписью. 4 июня Арнольд под фамилией Слущкого был задержан вместе с приехавшим с Лондонского с'езда Бочкаревым (организатор Новозыбковско - Клинецевского района), пред'явившим фальшивый паспорт на имя Хохрева.

Теперь департамент полиции и охранка приняли все меры к розыску неуловимого Баска и Ларина, чтобы пополнить ими процесс. Еще в мае питерской охранке удалось напасть на след Баска - Меленевского, который был прописан по паспорту австрийского подданного Хомика. Кстати сказать, Меленевский был задержан во время обыска в думской фракции, но тут же был отпущен, как иностранный корреспондент. Установление личности Меленевского затянулось, а он

тем временем, после ареста социал-демократической фракции, переехал в Финляндию и таким образом избежал дальнейших преследований. К началу июня департаменту полиции удалось напасть и на след Ларина. Заведывающий особым отделом департамента полиции одновременно с сообщением о письме Баску, найденном у Озоля, передавал киевскому жандармскому управлению, что по источникам, „которые не должны быть обнаружены“, Ларин после Лондонского съезда имеет приехать в Новороссийск или Крым.

Для создания дела о Главном Комитете „Спилки“ жандармское управление располагало, таким образом, всеми нужными данными. Вначале жандармов останавливал вопрос, как быть с лицами, арестованными по захваченным явкам, а также по связям между „Спилкой“ и думской фракцией. Чтобы выяснить второй вопрос, киевское жандармское управление командировало в Питер (Ленинград) ротмистра Иванова с поручением разыскать дополнительные материалы.

Новое осложнение в дело внес арест Грицька Долженко, вернувшегося с Лондонского съезда. Грицько после июньских провалов начал вновь собирать растерянные связи „Спилки“, для чего связался с Ращевским и с Галаганом, который после июньских арестов исполнял секретарские обязанности. От имени разгромленного уже Главного Комитета Долженко обратился к организациям „Спилки“ с предложением о созыве широкой областной конференции и с новым проектом организации области. Меншевистское окружение, в котором он находился на Лондонском съезде, оказало на него влияние, и в написанном им циркуляре, наряду с обычными политическими и сельскохозяйственными кампаниями „Спилки“, были выдвинуты вопросы „об организации бирж труда в связи с обострившейся безработицей и о всяческом ином использовании легальных возможностей“. В августе месяце им было созвано немногочисленное совещание из работников ближайших районов. Собрание происходило на квартире Ращевского, и было захвачено полицией. Все арестованные за исключением Ращевского к которому из-за его „общественного положения“ киевский губернатор не решился применить репрессий, были подвергнуты в административном порядке трехмесячному аресту. Долженко жандармы решили присоединить к делу о Главном Комитете. Грицько, однако, обманул надежды жандармов и 17 августа бежал из Лукьяновского участка, перепилив решетку. Охранке удалось перехватить впоследствии его письмо к Центральному Комитету, в котором он сообщал о своем побеге, жаловался на развал организации, на полное отсутствие работников в центре, которым можно было бы передать связи, и просил о присылке хотя бы одного ответственного лица, которое бы продолжало работу Г. К. Эта просьба осталась, однако, неудовлетворенной, и Грицько, задержавшись еще на некоторое время в Черниговщине, уехал в Москву, порвав со „Спилкой“.

К концу 1907 года жандармы отказались от мысли раздуть дело „Спилки“ в один грандиозный процесс, и оно было передано в Киевскую Судебную палату, где разбиралось 8 марта 1908 года. Арнольд Риш, Рахиль Рабинович, Иосиф Сорокер, Виктор Раковский, Федор Медущенко, Афанасий Бондаренко, Сергей Волгин и Григорий Ткаченко были присуждены к ссылке на поселение. Несовершеннолетний Никита Мельников, который на суде старался произвести впечатление заблудшей овцы, был приговорен к отдаче в колонию для малолетних преступников. По отношению к Алексею Чистякову суд нашел смягчающие вину обстоятельства, и он был приговорен к одному году крепости.

Одновременно с розысками центра шла ликвидация провинциальных организаций „Спилки“.

Уже 3 июня по губерниям Киевской, Подольской, Полтавской, Черниговской и Волынской киевское жандармское управление отдало распоряжение о немедленных обысках и арестах по всем явкам, найденным у Рахили Рабинович и Ткаченко. Улов жандармов и на этот раз был невелик. По Волынской губернии были произведены обыски по пятнадцати явкам, но, за отсутствием всяких данных помимо обнаружения адресов, ни один из обысканных не мог быть привлечен к судебному следствию, и дело в отношении большинства этих лиц окончилось ничем. Таковы же были результаты обысков и по Черниговской губернии. Здесь в руки жандармов попало 37 явок, среди них много сельских и на сахарных заводах. Начальник черниговского жандармского управления по собственному усмотрению произвел массовые обыски в Чернигове, Глухове, Конотопе, Шостке и Новгород-Северске. В заключение он вынужден был в ответе руководившему обысками киевскому жандармскому управлению заявить, что „при обысках не добыто достаточно данных для привлечения кого-либо из вышеупомянутых лиц к формальному дознанию“. В виду „вредной политической деятельности“ черниговское жандармское управление ходатайствовало лишь о высылке Варвары Полуботок, одной из активных работниц черниговского с.-д. комитета. Полуботок впоследствии пошла в административную ссылку.

По Подольской губернии, где было произведено несколько десятков обысков, жандармское управление также вынуждено было заявить, что обстоятельств, доказывающих работу по организации преступного общества „Спилки“ или какой-либо другой революционной партий не обнаружено. Полная неудача постигла жандармов и в Полтавской губернии, где было произведено до двадцати обысков. По Киевской губернии сорок четыре произведенных обыска дали впоследствии основание для высылки в административном порядке ряда лиц. Массовые обыски были произведены и в самом Киеве. Снова по старой памяти принялись за украинских радикалов и уэсдеков.

Всего в Киеве, по сообщению уэсдековского „Слова“, было произведено в „июньские дни“ 1907 года свыше 150 обысков и арестов, не принесших, впрочем, как мы видим, „Спилка“ существенного вреда. Наряду с массовыми налетами жандармы и полиция прибегали и к более систематическим методам ликвидации. В тот же период, когда провалился Главный Комитет и его связи, полицией и жандармами был создан на местах ряд процессов. По Киевской губернии основательно был выкорчеван летом 1907 года Сквирско-Васильковский район, при чем аресты не пощадили лучших, наиболее крепких и сознательных сельских работников. В их числе был захвачен делегат Лондонского съезда Петр Зима. Ряд арестов был произведен и в местечке Ходоровке и в Черкассах, где был взят с материалами районный работник „Спилки“ Милославский. Захваченные работники заплатились за свои грехи во время избирательной кампании и за свою роль в сельско-хозяйственных забастовках.

Были произведены аресты и в Черниговской губернии — в Конотопе и Сосницах¹⁾.

В Полтаве по делу полтавского комитета с.-д. был арестован и пошел на поселение Виктор Зеленский, спилковский профессионал²⁾.

К концу 1907 года были арестованы почти все районные работники „Спилки“. В Лукьяновской тюрьме, служившей центром для всех этапов Волынской, Подольской и Черниговской губерний, один за другим поселялись профессионалы „Спилки“, выносившие на себе главную часть ее массовой работы.

Провинциальные тюрьмы были тоже переполнены арестованными по делам „Спилки“, преимущественно сельскими учителями и крестьянами.

Перечислить все административные репрессии, которые полиция изо дня в день обрушивала на организации, дело чрезвычайно трудное. В течение всего 1907 года каждая неделя приносила новые сведения о массовых обысках и арестах в городах, местечках и селах. К началу 1908 года из небольших провинциальных тюрем стали периодически выходить все новые этапы политических, высылаемых в

1) В Конотопе пошли в ссылку на поселение Гавриил Кащенко и Максим Галатей, руководившие работой конотопской организации. Оба они вместе с гимназистом Иващенко были арестованы в Гомеле на вокзале при попытке отправить груз, который показался ж.-д. жандарму подозрительным. В корзинах оказалась типография Новозыбковского - Клинцовского района и ряд прокламаций на думские темы. В связи с работой в Конотопе был арестован, и другой спилковский работник, Александр Гук, сосланный впоследствии в административном порядке. В Сосницах были взяты А. Оринич и Т. Вадерик с печатью, гектографом и прокламациями — А. Р.

2) В. Зеленский эмигрировал впоследствии в Париж, где он стал плехановцем. В начале империалистической войны Зеленский был убит на франко-германском фронте, куда его бросила, как многих других эмигрантов, патристическая агитация Плеханова. — А. Р.

места более или менее отдаленные. Однако, разбить такую разветвленную организацию, как „Спилка“, в условиях, когда каждый ее работник встречал сочувствие в рабочей, крестьянской и даже обывательской массе, было довольно трудно. После июньских провалов Полтавская губернская организация, Новозыбковско-Клинцовский, Волынский район и ряд других продолжают существовать почти самостоятельно, сохраняя свои связи и не сокращая размеров своей городской работы.

Гораздо большее влияние, чем полицейский террор, имел начавшийся перелом в крестьянстве, терявшем веру в организацию и начавшем, под влиянием столыпинской реформы, усиленно расслаиваться. Затем началась экспроприаторская полоса в городах, вызванная усиливающейся безработицей и тем внутренним разложением в революционном движении, которое сопутствует отливам революции. Стала постепенно отходить интеллигенция и полуинтеллигенция, причалившая в 1905 г. к социалистическому кораблю, когда все говорило за то, что ему предстоит большое и благополучное плавание. Тем не менее областная организация к концу 1907 года все еще не была разбита, и в связи с этим был сделан ряд попыток возродить „Спилку“ и ее центральный орган.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГРУППА „СПИЛКИ“

После августовских провалов 1907 года (арест Грицька и сходки на квартире Рашевского) единственным уцелевшим лицом оказался Николай Галаган, о котором охранка знала, но которого почему-то все время оставляла на свободе. Грицько за короткое пребывание в Киеве привлек группу молодежи и использовал городские связи для провинции. Секретарем этой группы была одно время Эсфирь Уманская („Надя“). Связь с районами поддерживалась, хотя и слабая. Так, с Васильевской уездной организацией поддерживалась переписка, посылались литература и т. д. В Новозыбковско-Клинцовском районе в начале сентября состоялась районная конференция, на которой были представлены Новозыбков, Клинды, Мглин, Злынка и Семеновка. В сохранившихся протоколах конференции состояние работы характеризуется следующим образом: „Вследствие отсутствия руководства и реакционной волны, организации были оторваны друг от друга и работа шла чрезвычайно вяло. Но в некоторых местах сохранились довольно стройные организации. Почти везде имеются довольно солидные связи в деревнях. Финансовое положение плачевно“. Интересен также порядок дня конференции. Сюда вошли: избирательная кампания в 3-ю Гос. Думу, вопрос о борьбе с анархическими тенденциями, вопрос о профессиональных союзах, биржах труда, кооперации и т. д. Был избран районный комитет, при чем

конференция высказалась за необходимость восстановления Главного Комитета.

Из других уцелевших районов можно отметить Волынский. Начиная с середины 1907 года, он продолжал существовать почти самостоятельно, сохранив свою организацию вплоть до 1910 года. Район этот делился на следующие четыре подрайона: 1) Бердичев - Казатин, 2) Житомир, 3) Хмельник - Летинев, 4) Любарь - Мирополь - Полонное. Сохранилась и Полтавская губернская организация, которая в этот период вела подготовительную работу к выборам в 3-ю Гос. Думу и завязала переговоры по этому поводу с уездскими и бундовцами. Существовал и Южно-Киевский район с организациями в Черкассах, Шполе, Златополе, Звенигородке и др.

Связи были сохранены настолько, что „Спилка“ к октябрю 1907 года при выборах на общерусскую конференцию могла представить мандат от имени 4744 членов организации.

За период по октябрь 1907 года Киевской группой, вероятно, при содействии Меленевского, с которым она сохранила связь, а также с помощью киевского комитета партии, были выпущены прокламации: „К селянам“ и „К сельским рабочим“. Обе прокламации были напечатаны в типографии Киевского комитета в сравнительно небольшом количестве — в 20 тысяч экземпляров. Они были выпущены в связи с избирательной кампанией в 3-ю Гос. Думу. Первая из прокламаций дает указание, как проводить выборы и организовывать на местах крестьянские избирательные комитеты, и является до известной степени перепевом того, о чем „Спилка“ писала во время выборов во 2-ю Государственную Думу. В прокламации даются советы крестьянам созывать волостные, уездные и губернские избирательные совещания из представителей сельских комитетов. Советы эти не имели большого практического значения хотя бы потому, что на местах не было крепкой организации, которая руководила бы этим делом. В листке „Сельским рабочим“ давался обычный лозунг „Спилки“ — готовиться к борьбе с работодателями, организовывать сельские забастовочные комитеты, закладывать стачечные кассы. Письмо, написанное от имени Главного Комитета, давало указание местным организациям относительно думской кампании и ряд практических советов, как оградить сельских выборщиков от полицейских преследований.

Работа оставшейся в Киеве группы продолжалась недолго. Уже к началу октября 1907 года вновь наступает полоса обысков и арестов в Киеве и районах. 6-го октября, в донесении департаменту полиции, Кулябко сообщал: „Вследствие предписания, ликвидированы выясненные связи по „Спилке“. Произведено 56 обысков. Арестов не произведено в виду появления холерных заболеваний среди арестованных, так как даже ранее арестованные в силу необходимости

освобождены из-под ареста“. Провалились к тому времени также явка и адреса для переписки в зубо-врачебной школе Жука. Перлюстрация переписки дала в руки полиции адрес Волынского районного комитета в Бердичеве. В связи с провалами явок, департамент полиции предложил киевским властям принять меры против школы Жука, „в виду той роли, которую она играет в революционном движении“. Школа, насколько помнится, была через некоторое время закрыта.

6-го октября были произведены обыски у присяжного поверенного Дмитрия Мияковского, Б. Хазанович, студента Льва Хвастовского, секретаря киевского союза портных Ивана Сахарова и аптекарского помощника Арона Озика. Мияковского Кулябко характеризовал, как „деятельного члена „Спилки“, поддерживающего тесную связь с секретарем Главного Комитета „Надей“ и студентом Николаем Галаганом“. У Мияковского были найдены в переписке указания на предстоящий приезд в Киев Баска-Меленевского. О Хвастовском у охраны имелись сведения, как о лице, поддерживающем связь с иногородними организациями; об Озике — как с содержателе явки. Из обысканных Мияковский, Хазанович и Сахаров были арестованы, Галагана же охранка почему-то снова пощадила.

В Киеве во время октябрьских обысков опять были сильно потрепаны уэдеки и радикалы, которых охранка так или иначе считала причастными к „преступному сообществу“ „Спилка“. Во время повальных обысков в Полтаве была захвачена уэдековская типография. Сильно пострадала Васильковская организация „Спилки“, начавшая восстанавливаться после июньских провалов.

Попытки возродить руководящий орган „Спилки“ были возобновлены в ноябре 1907 года. В первой половине ноября в Киев приехал Басок-Меленевский, о котором охранка продолжала переписываться с департаментом полиции. Извещенная о приезде Баска, полиция произвела ряд безрезультатных обысков. Одно время ей удалось взять его под наблюдение, но, в конце концов, он все же ускользнул из-под ее надзора. В Киеве к приезду Баска в 20-х числах ноября было устроено совещание спилковских работников, часть которых приехала из районов. Совещание состоялось в уединенном месте на Ирпене, вблизи Киева, и должно было прерваться, так как один из делегатов (от фастовского района), который на совещании присутствовал, оказался провокатором. Всего собралось до 20 человек. Успели обсудить два вопроса: об избирательной кампании в 3-ю Гос. Думу и об организации области. О характере совещания говорит обращение к местным организациям, захваченное при аресте одного из спилчан в декабре 1907 года.

„Вследствие сыска, — заявлялось в обращении, — члены Главного Комитета были лишены фактической возможности руководить областной работой... Случайно находившиеся в это время работники из

районов сочли своей обязанностью сделать все возможное для предупреждения полного распада областной организации. Эта группа поставила себе ближайшей целью восстановить и сохранить старые связи с районами, подготовить общеспилковский съезд и учредить центральный орган путем ли выборов его на общеспилковской конференции или путем районного представительства. Мы думаем, что в данном случае мы не пошли против партийной дисциплины, а наоборот, сделали все, что должны были сделать, как члены партии, в момент подобного рода затруднительных обстоятельств. Само собой разумеется, что задача данной группы по восстановлению временно приостановленной работы не идет в разрез с задачами Главного Комитета, как высшего областного центра“.

Право на то, чтобы представлять область, было формально дано группе, о которой упоминается в обращении еще ранее. Примерно в октябре, за подписью Грицька и Баска было получено в Киеве на имя Жени (Енты Хорол) письмо, в котором они заявляли, что Главный Комитет, избранный на ноябрьской конференции 1905 года, вынужден по независящим от него обстоятельствам сложить свои полномочия. Для сохранения связей и дальнейшей работы „Спилки“ необходим был, как заявляли авторы письма, обслуживающий центр, и поэтому Главный Комитет передавал свои функции Центральной группе, которая объявлялась официальным представителем „Спилки“ и Главного Комитета.

В Центральную группу после упомянутого нами ноябрьского совещания вошли Антип (Барановский), Константин (студент Абрам Френкель), Наум (студент Леон Гольденфарб), студент Дубянский и другие. Из них многие, в том числе Френкель и Гольденфарб, еще в 1906 году входили в техническую группу и секретариат „Спилки“.

Как оказалось впоследствии, в Центральную группу затесался провокатор. Это был Антип (Барановский), вначале состоявший секретарем группы, а затем передавший секретарские обязанности Константину (Френкелю). Барановский, после отказа от секретарствования, переехал в Кролевецкий уезд Черниговской губ. и здесь якобы руководил крестьянской работой. Подозрения в провокации Антипа возникли позднее, после провалов в 1909 году, однако, по данным охраны конца 1907 и начала 1908 г. г., можно полагать, что его предательская роль началась значительно раньше. Но даже и не прибегая к провокатору, охранка все время могла держать под наблюдением Центральную группу, большая часть состава которой ей была известна по слежке в 1906 и 1907 г. г.

Дни группы были сочтены. 8 декабря на улице был арестован студент Дубянский, у которого при обыске был найден текст обращения к местным организациям. Кроме того, у Дубянского были найдены записи об отъезде Антипа и несколько явок. На квартире у

него же был обнаружен типографский шрифт и набор готовившейся прокламации о памятнике Шевченко. Дубянский был предан суду. В начале января он бежал из участка.

Все циркуляры, рассылавшиеся секретарем Константином почти в тот же день становились известными охранке. Так, в подробном докладе о деятельности „Спилки“ Кулябко пишет: „около 15-го января сего года, Константин уведомлял иногородние организации, что в распоряжении Центральной группы имеется в достаточной степени нелегальная литература... каковую рекомендовал приобрести иногородним группам, при чем для явки за нелегальной литературой указал писчебумажный магазин Быстрицкого, но в виду ареста его 17-го января сего года, Константин разослал новую явку „Александровская больница, сказать — я хочу заболеть еще раз тифом“. По получении этой явки был командирован в Александровскую больницу служащий в отделении Самсон Демидюк, которому „Александра Титовна“ обещала „приготовить библиотечку“. У Александры Титовны (надзирательница больницы Барановой) был произведен обыск, не давший никаких результатов. Кулябко сообщал впоследствии, что в день обыска Константин разослал извещение о том, что „хотя явка в Александровскую больницу слегка провалилась, но за неимением подходящих квартир, явка остается прежняя с переменной лишь пароля“.

Охранка, под видом члена организации, снова послала своего агента — околоточного надзирателя Миненко. Самым интересным моментом здесь является то, что агент заявил, что он прибыл из Кролевца, т. е. из того района, где „работал“ Антип. Очевидно, он представил достаточно веские данные о себе, потому что недавно обысканная Баранова без всяких сомнений вручила ему другую явку по Васильковской улице № 46, где жила одна из спилковских работниц, Ольга (Гафт). На явку, вместо Миненки, пошел прежний филер Демидюк, встретившийся с Константином, с которым вел продолжительную беседу, и с Ольгой. Достаточно осведомленный Кулябко решил покончить с этим делом. Первого марта на вокзале был задержан собиравшийся выехать в район Константин (Френкель), сопровождавший его Гольденфарб, его сестра и Цецилия Десслер. 3 марта Кулябко телеграфировал департаменту полиции: „Арестовал на вокзале при выезде из Киева секретаря Центральной группы „Спилки“ Константина, оказавшегося Абрамом Френкелем. Ликвидировал его связи. Арестовано 6 человек. При обысках найдены: печать Центральной группы „Спилки“, прокламации, чистые паспортные бланки и уличающая переписка“. Кстати, о паспортных бланках. Еще 23 сентября 1907 года Кулябко извещал департамент полиции, что знает, где хранятся печати для явки паспортов. В „настоящее время — заявлял он — по агентурным соображениям, таковые печати не могут быть изъяты, лица с такими паспортами будут арестовываться“.

В числе арестованных оказались, помимо задержанных на киевском вокзале, Софья Десслер, у которой было найдено письмо Константина, обращенное к Николаю Михайловичу (Галагану), вместе с запиской „Лии“ (Елизаветы Эйнгель), которая вероятно, была связана с типографией киевского комитета. „За определенную плату,— писала Лия,— мы беремся сделать вам набор и даем вам наши типографские принадлежности для напечатания, а двух человек для печатания и квартиру вы сами доставите“. Письма Константина к Николаю Михайловичу не сохранилось, но в нем, очевидно, излагалась просьба о том, чтобы были предприняты практические шаги для напечатания листка. Эйнгель была арестована позднее, а Галаган, известный охранке, как Николай Михайлович, и шедший под филерской кличкой „Акуловый“, был оставлен после обыска на свободе „за неказательство материала“.

На квартире Хан Духовной и Берты Гройг была найдена печать Центральной группы, паспортные бланки и архив организации. При обыске у Константина было обнаружено небольшое количество провинциальных явок и шифр для сношений с губерниями и с Центральным Комитетом.

Гольденфарб, Софья Десслер, Френкель и Елизавета Эйнгель были привлечены к суду по первой части 102 ст. угол. улож. (за принадлежность к Центральной группе „Спилки“. В начале 1909 года их дело разбиралось киевской судебной палатой. Френкель и Гольденфарб были приговорены к ссылке на поселение, Десслер и Эйнгель были оправданы.

Попутно с делом Центральной группы, по обнаруженным связям был произведен ряд обысков и арестов. Имея в своем распоряжении адреса для спилковской переписки, охранка проследила Наума, обезжавшего южно-киевский район и подготавливавшего созыв районной конференции. В январе такая конференция была действительно созвана. Филеров в Черкасы прибыло больше, чем делегатов. Были задержаны только три делегата— от Черкасс, Звенигородки и Лебедина. В виду того, что делегатов не удалось задержать с личным (совещание не состоялось), они отделались сравнительно легко, получив высылку в Вологодскую губернию. Массовые обыски были произведены в январе также в местечках Шполе и Златополе. В первом из них было арестовано 15, во втором 12 человек. Расправа с ними произошла в административном порядке. В Клинцах явка привела к обнаружению Сарры Фарберовой и группы лиц, дело о которых было выделено в особый процесс Новозыбковско-Клинцовского района „Спилки“. По Волыни дело обошлось сравнительно благополучно. Здесь в руки охранки попала фамилия одного из местных активных работников, который не был обнаружен, и адрес для переписки с Новгород-Волынском.

К чему сводилась работа Центральной группы „Спилки“ и ее районов в 1908 году? В ее распоряжении находились связи с Ново-зыбковско-Клинцовским районом, Кролевцом, Черкасами, Васильковым. Ко времени провала готовился созыв Волынской районной организации. Сохранились также остатки Подольской районной организации в Виннице, Баре, Каменец-Подольске и т. д. Полтавская губерния, в связи с провалами, обособилась и вела работу самостоятельно. Организации на местах были численно не велики, разрознены, связи с селом постепенно терялись; Центральная группа располагала лишь двумя-тремя работниками, пригодными для объезда районов. Работа ее сводилась к распространению листовок и небольших библиотечек, главным образом, из брошюр, изданных явочным порядком. () своей типографии, при отсутствии средств, нельзя было мечтать.

По мере утраты крестьянских связей, содержание прокламаций, литературы и круг вопросов, которым уделяла внимание Центральная группа, стал заметно приближаться к интересам города. Большое значение, напр., приобрел вопрос о профсоюзах. Центральная группа выпустила по этому поводу особый листок. Она пыталась связаться с железнодорожным союзом. В проекте воззвания к членам железнодорожного союза проводилась та точка зрения, что общий союз рабочих и служащих вреден для классовой борьбы. „Они (служащие) не в силах сознать общности своих интересов с интересами всего пролетариата и поэтому скорее или охотнее подчиняются влиянию буржуазии, чем пролетариата... Те „служащие“, которые окажутся способными отрешиться от мелкобуржуазных партий и расстаться со своими предрассудками... будут радостно приняты в ряды социал-демократов. Те же, кто не способен на такой шаг, пусть организуются в свои союзы служащих... Объединяйтесь же, железнодорожные служащие, в свои пролетарские организации под руководством вашей рабочей социал-демократической партии. В самостоятельных организациях вы будете сильнее, чем в мелкобуржуазных союзах, где вас связывает по рукам и ногам ограниченность мелкобуржуазных программ“. Воззвание это, вероятно, отражало и точку зрения Киевского Комитета, который вел с эс-эрами борьбу за влияние на железнодорожников. Вопросы нейтральности профсоюзов и роли политической партии в профдвижении здесь порядком спутаны, но, во всяком случае, ясно что „Спилка“ не придерживалась чисто меньшевистских взглядов в этой области.

Центральной группе приходится заниматься распространением литературы не собственного издания, а получаемой от Центрального Комитета. Литература имела, поэтому, часто лишь довольно отдаленную связь с деревней. Только местные организации по конкретным поводам издавали время от времени свои листки, имеющие прямое отношение к селу. Здесь можно отметить хотя бы прокламацию бер-

дичевской организации „К рабочим на сахарных заводах“, выпущенную в конце 1907 г. В переписке Центральной группы с местами больше всего внимания уделяется организационным вопросам и избирательной кампании в Государственную Думу. В одном из циркулярных писем Центральной группы сообщается о том, что правление германской социал-демократической партии предоставило Центральному Комитету сто тысяч марок на избирательную кампанию, при чем деньги будут распределены между теми организациями, которые активно поведут работу. Организации приглашались представить сведения о ходе предвыборной агитации. В другом циркуляре местным организациям предлагалось, в связи с предстоящими выборами, укреплять работу на селе.

Правительство не торопилось с выборами в 3-ю Думу. Когда момент выборов настал, ни центрального органа „Спилки“, ни большинства ее местных организаций уже не существовало. Впрочем, отдельные соц.-дем. и сохранившиеся группы некоторое участие в избирательной кампании приняли. Широких возможностей для предвыборной агитации третье-июньский закон не давал. Мы говорили уже о бойкотистских настроениях на селе. Они были довольно сильны и в городе среди рабочих. Так, в Полтавской губернии рабочие не участвовали в выборах на 16 крупных предприятиях.

В некоторых городах агитация велась вокруг отдельных кандидатов (бундовец Торговец в Житомире). На Волыни выборы в 3-ю Государственную Думу проводил волынский районный комитет, который не имел никаких указаний из центра о том, какой линии следует держаться. До Житомира удалось довести около сорока выборщиков рабочих и крестьян. Из левых выборщиков была созвана предварительная конференция, на которой был принят социал-демократический наказ. Несмотря на разгром организаций, прежняя работа и связи сыграли свою роль во время выборов. По данным „Слова“ (№ 20 за 22 сентября 1908 года), по Полтавской губернии прошло в выборщики 2 социал-демократа и 12 левых. „Слово“ указывало, что среди левых многие были социал-демократы — из них 4 социал-демократа от одного только Кременчугского уезда. По Киевской губернии прошло, по официальным данным, в выборщики 2 социал-демократа и 1 левый (сведения вряд ли правильные, так как по одним только Черкасам прошел спильчанин и уэсдек). По Черниговской губернии прошло 5 левых выборщиков, по Подольской 9. Еще показательнее цифры о числе левых уполномоченных от крестьянских волостных сходов. Сведения приведены тем же „Словом“. Полтавская губерния дала 25 социал-демократов и 88 левых, Черниговская губерния — 55 левых, Киевская — 45 левых, Подольская — 24 левых. Обозначение „левый“, конечно, весьма условно, но оно все же очень

показательно для того, чтобы определить настроения и взгляды крестьянских выборов.

Арест Центральной группы „Спилки“ был последним ударом, временно оборвавшим еще теплившуюся жизнь областной организации. „Спилка“, однако, обнаружила большую живучесть. За ее возрождение, одновременно с двух концов, принялись уцелевшие работники на Украине и группа спильчан, эмигрировавших за границу.

ПЕРИОД „ПРАВДЫ“ И ПРОВИНЦИАЛЬНОГО БЮРО 1908 — 1912 Г.Г.

Летом 1908 года по инициативе Баска - Мелиневского и спильчан, находившихся за границей, был организован ряд „групп содействия“ за границей (в Цюрихе, Жене, Париже, Вене, Львове), которые ставили себе целью помочь возрождению „Спилки“. В ведение этих групп входил сбор денежных средств, транспорт литературы через границу, поддержание связей в районе „Спилки“ и т. д. Спильчане полагали, что объединения района можно будет достигнуть тем же путем, как и в начале 1905 года, т. - е. путем создания своего нелегального печатного органа. Через группы содействия в Цюрихе и Вене велись переговоры с рядом лиц о привлечении их в редакцию „Правды“, которую решила издавать заграничная группа спильчан. Переговоры эти велись вначале с Семковским, который был привлечен в редакцию „Правды“, и только впоследствии с Троцким была образована редакционная коллегия в составе самого Троцкого, Баска, Иоффе и Скобелева. Фракционный состав групп содействия не был исключительно меньшевистским. Сами спильчане, хлопотавшие о возрождении подпольной организации, считали себя в этот период „партийцами“. Кроме них в группы содействия входили местами и большевики - партийцы (в венской рабочей группе — большевик Вегман).

Но уже с 4 - го номера „Правда“ отбросила подзаголовок „Спилки“ и превратилась в орган „объединенцев.“ Издание ее из Львова было перенесено в Вену. Связи со спилковскими организациями газета тем не менее сохранила и в течение нескольких лет под ряд помещала отчеты о деятельности местных кружков и комитетов „Спилки“.

Районом, откуда началось восстановление областных связей „Спилки“ на Украине, были Волынская и Подольская губерния. Как мы уже говорили выше, одной из немногих уцелевших организаций была Волынская. В Житомире из союза учащихся средних учебных заведений летом 1907 года выделилась группа во главе с А. Росновским, решившая заняться социал - демократической работой. Организация имела свою печать, гектограф и небольшую нелегальную библиотеку. Были возобновлены связи с рабочими и ремесленниками, удалось организовать небольшой кружок железнодорожных рабочих. Житомирская группа работала по тем временам довольно интенсивно,

выпустила первомайский листок, программу минимум с.-д. и прокламацию „К рабочим и работницам Житомира“. В апреле 1908 года было образовано волынское районное бюро „Спилки“ для восстановления и организации провинциальных групп. Летом 1908 года житомирская группа прочно связалась с бердичевской, где в то время оставался один из работников „Спилки“ — Д. Бродский. В районную организацию, кроме Бердичева и Житомира, вошли небольшие группы и из Новгород-Волынска, Кореца, где имелаась крупная фаянсовая фабрика, местечка Полонная, местечка Мизочь, Андрушевского сахарного завода и т. д. (Связь райорганизации с селом носила случайный характер и осуществлялась, главным образом, через учеников фельдшерской школы; там учились, преимущественно, дети крестьян.) В этой школе Росновским велись кружки, и зимою 1908 года было проведено несколько дискуссий по аграрному вопросу, на которых присутствовало по 30 — 40 человек.

Осенью 1908 года организация получила первое письмо от заграничного бюро „Спилки“ за подписью Баска, посланное по поручению редакции „Правды“. В нем указывались мотивы издания „Правды“ и заявлялось, что организация займет „межфракционную позицию“, борясь за единство партии.

В конце 1908 года районный комитет выпустил письмо к деревенским работникам под заглавием „Что делать теперь в деревне“. В письме рекомендовалось направить все силы на организацию и просвещение сельско-хозяйственного пролетариата.

Конец 1908 года ознаменовывается новой попыткой воссоздать областное объединение, на этот раз в гораздо более широком масштабе. К сожалению, инициатива этой попытки принадлежала вернувшемуся из-за границы Антипу (Барановскому), который использовал свои связи и объезды в провокационных целях. В ноябре — декабре Антип появился в Житомире, пред'явив мандат, в котором значилось, что он является представителем заграничной группы „Спилки“ и делегируется в Россию для созыва общеспилковской конференции. На мандате была печать Киевского комитета РСДРП и подпись секретаря этой организации. Личность Антипа вызвала подозрение у некоторых работников „Спилки“, но пред'явленные им полномочия и несомненная связь с заграничной группой „Спилки“ заставили от этих подозрений отказаться. В январе 1909 года Антипу удалось организовать областную конференцию. Судя по протоколам этой конференции, обнаруженным при обыске студента Такуева, одной из вероятных жертв Антипа, в апреле 1909 года на ней присутствовало всего 18 человек, при чем были представлены Гомель с Гомельским районом, Шостка и Воронеж (сахарный завод), Кролевец с районом, Бердичев, Житомир, Новгород-Волыньск и заграничная группа „Спилки“ (т.-е. тот же Антип).

Состав конференции не помешал Антипу настоять на том, чтобы был избран Главный Комитет, облеченный всеми полномочиями. В протоколе по этому поводу было сказано, что конференция избрала Главный Комитет, предоставив ему право кооптации. Конференция выразила пожелание, чтобы в недалеком будущем был созван общеспилковский съезд. В письме, выпущенном вслед за созывом конференции, заявлялось, что в январе, по инициативе заграничной группы „Спилки“, была созвана общеспилковская конференция, которая работала ряд вопросов, касающихся возобновления работы в области. „Конференция эта выбрала главный комитет, поручив ему создание областного органа (печати — А. Р.), вокруг которого могла бы начаться работа в области. На первом же своем заседании Главный Комитет принял ряд решений для проведения в жизнь постановлений общеспилковской конференции... Решения конференции посланы в редакцию „Голос социал-демократа“ с предложением выделить из своей среды коллегию для редактирования спилковского органа“¹⁾. Организации на местах призывались к тому, чтобы напрячь все усилия и добыть средства на издание проектируемой газеты.

Антип оказался не только провокатором, но и ярким ликвидатором. Он выступил на конференции резко против объединенческой линии, которую заняли спилковские организации и „Правда“. Под его влиянием была принята следующая резолюция о работе на местах: „Насущной задачей социал-демократа в России в данный момент, в связи с изменившимися социально-политическими условиями страны, является коренное изменение форм работы в направлении сочетания нелегальных форм с легальными. Исходя из этого, социал-демократы должны обратить особое внимание на работу в области профессионального, кооперативного и культурно-просветительного движения рабочих. Отказавшись от организационного закрепления за собой означенных форм движения, она должна стремиться к распространению социал-демократического влияния на них. Не останавливаясь на этом, она должна развить широкую деятельность вокруг Государственной Думы, стараясь привлечь внимание рабочих масс к последней“...

Резолюции конференции, пересланные за границу, очевидно, возымели свое действие, и летом 1909 года от имени не существующего Главного Комитета „Спилки“ был издан единственный номер „Известий Украинского Союза“, в котором были помещены статьи Мартынова, Дана и других вождей ликвидаторства.

Другим результатом „организационной“ деятельности Антипа явилась слежка за всеми работниками, которые были ему известны.

¹⁾ Один этот факт обращения в стан ликвидаторов за редакционной коллегией для областного органа „Спилки“ достаточен, чтобы судить о политической физиономии злополучной конференции и вообще эпигонов „Спилки“. — Редакция.

Еще при посадке на конференцию такая слежка была установлена за предполагаемым житомирским и за бердичевским делегатом. Сама конференция, однако, была пощажена, вероятно, благодаря двойной игре или предварительному уговору Антипа с охранкой. Но местные организации были взяты под тщательное наблюдение. В результате был произведен ряд обысков и арестов. Так, в Житомире в апреле 1909 года весь актив житомирской организации подвергся обыскам. Были арестованы руководители организации — Росновский и Малиновский. В феврале и марте 1909 года Антип продолжал еще рассылать свои циркуляры местным организациям, а затем исчез, переменив, очевидно, свое амплуа.

Связи с заграничной группой спилчан не ограничивались одним только Антипом. В феврале 1909 года в Россию приехал Басок, о чем Антип, вероятно, не знал. Басок самостоятельно связался с организациями Волынского-Подольского района и в течение долгого времени поддерживал с ними переписку и пересылал литературу. После возвращения во Львов им была написана на украинском языке под псевдонимом Ивана Гильки брошюра „Экономия“ и издан листок от имени Волынского-Подольского района „Спилки“ под заглавием „Что делать сельским рабочим“.

Жизнь продолжала мерцать в подпольных организациях Волынского-Подольского района до 1910 года. В первых числах апреля 1909 года в Виннице состоялась конференция подольских организаций. В ней приняли участие представители одной городской и шести сельских организаций. В повестку дня был внесен ряд вопросов — об экономическом положении, о праздновании первого мая, доклад об общерусской конференции и т. д. Из отчетов с мест выяснилось, что условия для работы на селе благоприятны, главным образом, среди сельско-хозяйственных рабочих, положение которых значительно ухудшилось. Конференция постановила оказывать всяческую поддержку „Правде“. В заключение был избран комитет подольских организаций в составе пяти человек — из них 3 сельско-хозяйственных рабочих („Правда“ № 4 за 2 июня 1909 года).

В 5 номере „Правды“ приведены сведения о состоявшемся совместном заседании Подольского и Волынского районных комитетов, на котором было выражено пожелание, чтобы „Правда“ продолжала придерживаться линии, взятой в первых ее номерах. В корреспонденции из Бердичева сообщалось о том, что рабочие охотно подписываются на „Правду“ и проявляют интерес к социал-демократической литературе. Письма из Волынского-Подольского района продолжали и в дальнейшем появляться на страницах „Правды“ во все время ее существования. В конце 1909 года была снова сделана попытка созвать конференцию Подольского района в Виннице. Но в Винницу приехало всего три делегата.

Организации медленно умирали. Районы, в связи с общей политической обстановкой и условиями работы в крупных городах, постепенно распадались. После выборов в III Государственную Думу прошел год почти полного затишья. Осенью 1910 года группа работников снова взялась за восстановление областной организации. В Киев переехал Росновский, который встретился здесь с бывшим секретарем житомирской группы Малиновским. Вместе с Давидом Бродским, переселившимся в Васильков, они образовали провинциальное бюро „Спилки“ и связались в лице Баска с заграничной группой спилчан. В отчетной корреспонденции, помещенной в № 21 „Правды“ от 25-го июня 1911 года, указывалось на начавшееся оживление в работе и сообщалось о получении 200 экземпляров „Правды“ для распространения в районе. Легальных возможностей, по словам корреспонденции, в районе никаких не было, связи с селом отсутствовали. О размерах работы говорит и количество первомайских листов, распространенных в районе. Листки — всего 500 экземпляров — были получены от Киевского комитета. Связи провинциальной группы в то время ограничивались Васильковым, Фастовым, Житомиром и Бердичевом. Время от времени производились об'езды районов, главным образом, Росновским. Единственный провал того времени — арест приехавшего из-за границы спилчанина Козака, намеревавшегося организовать переправу транспорта нелегальной литературы (Козак был вскоре освобожден и уехал обратно за границу).

От имени Провинциального Бюро в конце 1911 года в „Правде“ было помещено воззвание: „К товарищам спилковцам“. Приводим ниже это воззвание, так как оно в достаточной степени характеризует и общую обстановку работы и надежды уцелевших групп спилчан:

„Черные годы разрозненности, бессилия и апатии остались позади. Зарубцевались наиболее тяжкие раны, нанесенные рабочему люду его торжествующими врагами. Ослабление проклятой безработицы, которой казалось конца края не видать, позволило рабочему чуть-чуть разогнуть спину — и он сразу почувствовал себя смелее и бодрее. Оживление в промышленности уже дало решительный толчок к стачечному движению. Крепнут профессиональные союзы. Одновременно поднялось и политическое настроение. Среди масс снова повышается интерес к газете, к Думе, к свободной мысли, к революционному слову. Среди передовых рабочих, в тягчайшие годы реакционного разгула не перестававших чувствовать и сознавать себя социал-демократами, растет тяга к партийной организации. Восстановление Р. С.-Д. Р. П., под знаменами которой рабочий класс совершал свои революционные походы, становится снова

ясно сознанный задачей передового слоя рабочих. Не только в столицах и в южных центрах рабочего движения, но и у нас, в районе старой „Спилки“, мы видим те же самые признаки возрождения под'ема. Пока что они сказываются, главным образом, в городах, но отсюда оживление передается и в деревню — на экономию, на сахарный завод. Но уже и сейчас, на первых шагах нашей работы, мы наталкиваемся на необходимость областной организации, которая могла бы приспособиться к местным условиям, оставаясь в то же время нераздельной частью общепартийной организации. Наша дореволюционная работа в районе „Спилки“ показала нам, какие крупные плоды может дать классовая социал-демократическая агитация в деревне. С того времени естественный процесс классового расслоения крестьянства, подталкиваемый кулаческой аграрной политикой Столыпина, сделал новые завоевания. Быстро растут кадры сельского пролетариата. Нещадной эксплуатации подвергаются они в экономиях, где все шире применяются машины, вытесняя живой человеческий труд. В белых невольников превращают рабочих свекло-сахарные плантации и сахарные заводы. И все молодое дореволюционное поколение сельского пролетариата почти не знает, что такое протест, что такое организованный отпор, что такое планомерная борьба за достойную человеческую жизнь. Какой бы вопрос социального законодательства не поднимался, сельско-хозяйственный пролетариат неизменно обходят, точно покойника. Экономии, эти пшеничные фабрики, не знают ограничения рабочего времени. Свекловичных рабов не коснется государственное страхование. И это продолжится до тех пор, пока сельский пролетариат не возвысит свой голос.

Неотложный долг наш — внести в его среду свет классового сознания. Нужно строить профессиональные союзы, по необходимости нелегальные, с сильным центральным ядром, которые в подходящий момент могли бы привести в движение всю массу для борьбы за лучшие условия труда. Передовые элементы необходимо объединять в партийные группы; группы эти тесно связывать между собой и с городскими социал-демократическими организациями. Необходимо издание приспособленной для нашего района социал-демократической литературы: газетной, брошюрной и прокламационной. И мешкать нельзя: нужно, чтобы в час нового приюта провинция не отставала от столиц и сельский пролетариат от городского. Первым приступом к делу должно явиться сплочение социал-демократов — работников

нашего района, ныне рассеянных по разным углам без всякой связи друг с другом. Воссоздать партийные ячейки из старых социал-демократических элементов, не утративших ни энергии, ни веры в свое дело, и из новых товарищей по оружию — без различия фракций и идейных течений — таков первый шаг, к которому призывает товарищей Провинциальное Бюро „Спилки“, организованное по инициативе некоторых партийных работников Волинского района. Задача Провинциального Бюро — чисто техническая: восстановить сношения, натянуть связи, дабы могла собраться хотя бы узкая спилковская конференция, которая поставит дело воссоздания нашей областной организации на более прочные основы. Эта работа даст нам вместе с тем возможность принять участие в подготовке широкой общепартийной конференции, созыв которой представляет в настоящее время острую потребность, сознанную всеми мыслящими элементами партии.

Связывайтесь же с нами, товарищи спилковцы, — либо непосредственно, либо через заграничное бюро Центрального Комитета, либо через редакцию „Правды“. Условливайтесь с нами о шифре, сообщайте адреса для переписки, явки, адреса для пересылки литературы. Мы призываем также и спилковцев-эмигрантов притти нам на помощь путем сбора средств и доставки литературы. Откликнитесь же, товарищи, — дело не ждет!“

Редакция „Правды“, с своей стороны, выражала полную готовность оказывать „Спилке“ всяческое содействие в ее стремлении воссоздать украинскую областную организацию партии.

Призыв Провинциального Бюро остался без ответа. Нужна была длительная, кропотливая работа для того, чтобы раньше всего возродить местные организации, а затем уже приняться за их объединение. Первый состав Провинциального Бюро распался сам собой. Один из его работников, Малиновский, временно совсем отошел от организации, Росновский связался с Киевским комитетом РСДРП. Провинциальное Бюро было восстановлено лишь летом 1912 г. В него вошли: вернувшийся из-за границы Арн. Риш, Росновский и Николай Гаврилов (Никодим) — последние активные работники Киевского комитета.

В 1912 году расхождения между большевиками и меньшевиками чувствовались очень резко. Так как „Спилка“, по правдистской традиции, рассматривалась как междофракционная организация, а также, в виду разногласий между членами Провинциального Бюро, решено было организационно не примыкать ни к меньшевистскому Организа-

ционному Комитету (хотя состав руководящего ядра был определенно меньшевистский), ни к большевистскому Ц. К.

Связи с провинцией к 1912 году несколько расширились. При помощи об'ездов, в которых, помимо членов Провинциального Бюро, принимал участие и близко стоявший к нему Иосиф Левик, удалось установить связь с Фастовым, Васильковым, Лубнами, Кременчугом, Черниговом и т. д. Организация просуществовала несколько месяцев и затем незаметно распалась. Отдельные ее члены связались с местными с.-д. организациями. Во время выборов в IV Гос. Думу работники „Спилки“, без предварительного сговора между собой, проводили кампанию в ряде городов и местечек бывшей спилковской области. Росновский для этой цели выехал в Черкассы и Смелу, Малиновский — в Брусилев, Риш и Бродский — в Васильковский уезд.

Связи с границей, в частности с Баском, поддерживал в течение всего этого периода Росновский. От имени Провинциального Бюро, но без его ведома и санкции, Басок в мае 1912 года издал еще одно воззвание „До всіх спилчан“. На воззвании этом лежал явно ликвидаторский штамп. Призывая к партийному единству, к работе среди сельского пролетариата и организации нелегальных ячеек на селе, листок, в то же время, рекомендовал обратить все внимание на организацию профсоюзов и просветительных товариществ на селе. Такие организации, по мнению автора письма, должны были стать основой и для нелегальной революционной работы. Воззвание „До всіх спилчан“ было последним официальным документом, выпущенным от имени „Спилки“.

ЗНАЧЕНИЕ „СПИЛКИ“¹⁾

Спилка, по своей идеологии, была меньшевистской, а в последний период своего существования (1908 — 1909 г.г.) — даже ликвидаторской. И в вопросах тактики (выборы в Гос. Думу, избирательные соглашения) и во внутрипартийных вопросах она проводила оппортунистическую, анти-большевистскую линию. Правда, в этой линии не было достаточной стойкости и твердости (мы это видели по вопросу об уставе, об отношении к профорганизациям, к вооруженному восстанию, к которому „Спилка“ вела энергичную техническую подготовку), но невыдержанность, шаткость никогда не может, конечно, быть поставлена в заслугу рабочей политической организации.

¹⁾ Оценка „Спилки“, данная в заключительной главе т. Ришем, не удовлетворила редакцию. Поручить переработку этой части статьи самому автору не было возможности, вследствие его отъезда в пределы СССР. В виду этого редакции пришлось взять на себя некоторые редакционные коррективы, имеющие целью уточнить формулировки т. Риша. Редакция.

Заслуги „Спилки“ лежат совершенно в иной области. „Спилка“ правильно подошла к работе среди крестьянства и к увязке этой работы с деятельностью в среде городского пролетариата. Тут она преодолела специфические особенности меньшевизма, который, как известно, шел мимо крестьянства, не умел понять его роли и значения в революции. Вторая заслуга „Спилки“ лежит в плоскости национальной: в ее попытке (и попытке удачной) соединить воедино борьбу украинского, русского и еврейского пролетариата, в ее умении, ставши на почву национальной культуры, тем не менее избежать шовинистических настроений и уклонов.

„Спилка“ не имела своей национальной программы, никогда не выпячивала, что она является украинской организацией в кавычках, но, и тем не менее, сама не сознавая этого, она была зародышем социал-демократической партии Украины. Ее рост не вышел за пределы Правобережья и Полтавской губернии главным образом потому, что ко времени ее возникновения Харьковская и Екатеринославская организации были крупными центрами социал-демократического рабочего движения с тяготеющими к ним ближайшими районами. Работа среди городского пролетариата стояла в этих организациях на первом плане и затемняла, до известной степени, значение работы среди крестьянства. Реакция как раз приостановила дальнейшее развитие „Спилки“ именно в тот период, когда она стала все шире распространять свое влияние на ряд смежных районов.

После же реакции 1907—1910 г.г. „Спилке“ уже не удалось восстановить своих организаций. Революционный подъем начался преимущественно в городах и к 1912 г. был еще не настолько силен, чтобы вызвать ответное движение на селе. Помимо этого, само село после революции 1905 г. значительно изменилось. Крестьянство, под влиянием столыпинской реформы, расслоилось и классовые противоречия обнаружились гораздо резче. Изменилось положение и внутри партии.

Воссоздание областной организации требовало систематической, кропотливой работы и раньше всего — времени. Ход событий оборвал эту начинавшуюся работу и только в 1917 году та смычка в борьбе городского и сельского пролетариата, которую пыталась установить „Спилка“, была осуществлена совершенно иным способом — путем общего выступления крестьянской армии и городского пролетариата против царя и капиталистического строя.

АРНОЛЬД РИШ

Провал конференции южно-русских социал-демократических организаций в 1906 году

(Воспоминания)

Политика царского правительства по отношению к революционным партиям весной и летом 1906 г. еще не приобрела достаточной уверенности и репрессии в массовых размерах почти не практиковались. Правда, карательные экспедиции жестоко расправлялись с крестьянскими волнениями и с восстаниями рабочих и солдат. Но это не была последовательная система вылавливания организаций и отдельных революционеров, впоследствии введенная Столыпиным.

С одной стороны, правительство не совсем еще было уверено в беспочвенности Государственной Думы. Не успели также возвратиться в русло привычной деятельности жандармские и полицейские органы, порядочно таки потрепанные шквалом революции. Работа органов охраны была в значительной степени дезорганизована, несмотря на солидную поддержку, которую начал им оказывать Союз Русского Народа.

С другой стороны, и революционные организации, в непривычной атмосфере полулегального существования, в значительной степени растеряли свои конспиративные навыки, запустили „связи“ и, что важнее всего, утеряти, до некоторой степени, чувство действительности, увлекшись легальными возможностями. Кроме того, большое число революционных работников успело легализоваться и было известно жандармерии.

Поскольку дело идет о юге, то к лету 1906 г., когда с полной очевидностью определилась необходимость возвращения к нелегальным условиям работы, пришлось восстанавливать подпольный аппарат буквально сызнова. Если вспомнить при этом еще и то, что атмосфера „общественного сочувствия“, окружавшая работу революционеров до 1905 г., сильно разрядилась после обнаружившегося пролетарски-классового характера революции, и буржуазная интеллигенция перестала питать симпатии к „фантазерам“ и „демагогам“ — социал-демократам, то картина существования наших организаций станет более или менее ясной. Приходилось приспособливаться к новым условиям работы, гораздо более трудным, чем до 17 октября 1905 г.

Наша партия, возвратившаяся со Стокгольмского С'езда „объединенной“, на деле не имела действительного центра, и перед ней стояла задача восстановить хотя бы элементарные связи между разрозненными и рассеянными организациями. К тому же, в эпоху „свобод“ полулегальные социал-демократические группы и организации начали возникать даже в самых маленьких городишках и в рабочих поселках. Связать между собой эти ячейки представлялось в тогдашних условиях делом необычайно трудным, в виду неоформленности даже губернских комитетов, с одной стороны, и начавшегося правительственного террора, с другой. Руководить всей этой массой больших и малых организаций из Петербурга, где находился Центральный Комитет партии, нельзя было и думать. В комитет Крымского Союза в это время только изредка попадали директивные письма ЦК и, кажется, только один раз приезжал представитель ЦК — тов. Игорь (Гольдман).

Зато нужно сказать, что ни в Крымской, ни в других южных организациях в это время почти не замечалось фракционной борьбы. Меньшевизм в эту эпоху не достиг еще той степени оформления, которая впоследствии так резко отделила его от большевистского течения. Логика революционной борьбы вынуждала меньшевиков в 1905—6 г.г. воспринимать ярко революционные методы борьбы. Так было, по крайней мере, на юге. В частности, в Крыму добрые традиции Севастополя не позволяли укорениться методам оппортунизма. Члены Крымской организации, меньшевики чистой воды, принимали участие в восстании на крейсере „Очаков“, а меньшевистский комитет Крымского Союза неоднократно обсуждал и решал вопросы восстания во флоте, захвата железных дорог, взрыва Сивашских мостов, проекты крестьянских восстаний и многое другое, что сейчас в наших глазах мало вяжется с обычным представлением о меньшевистской тактике. При таких условиях естественно, что в организациях даже не поднимался спор из-за методов действий или из-за фракционных кандидатур на с'езды и конференции. Несмотря на огромное преобладание меньшевиков, обе фракции жили дружно, вернее, почти не проявляли себя в качестве фракций.

Летом 1906 г. была задушена „Южная Народная Газета“ — последняя попытка борьбы с реакцией в легальных рамках. Эта газета была создана Крымским Союзом РСДРП для пропаганды социал-демократических взглядов и тактики и просуществовала около трех месяцев. Успех ее был огромный. Так как в Симферополе в то время еще не было введено военное положение, то газета распространялась по всей Таврической губ. и доходила даже до Екатеринослава. Печаталась она в количестве до 12.000 экз., что, конечно, было в то время огромной цифрой для такого города, как Симферополь. Усиленно читалась газета и в селах северных уездов Таврической губ., но

особенным успехом пользовалась она в Севастополе и Керчи, где она распространялась контрабандой, в виду военного положения, и продавалась в больших количествах из-под полы.

Потребность в объединении и в создании хотя бы временного областного центра ощущалась не только местными работниками. ЦК также чувствовал свое бессилие охватить своим руководством широко разросшуюся, но недостаточно оформленную партию¹⁾. Он охотно шел на некоторую децентрализацию, и проект создания руководящих коллективов в крупнейших промышленных районах пользовался в то время большой популярностью. Юг, как наиболее активный, настойчиво добивался сформирования у себя областного центра и первый приступил к осуществлению этой мысли. Уже в июле 1906 г. была созвана областная конференция. Но, вследствие неприезда представителей некоторых крупных организаций, конференция объявила себя частным совещанием, руководящего коллектива не избрала, и ограничилась созданием Информационного Бюро²⁾.

1) Речь всюду идет о меньшевистском ЦК, избранном на Стокгольмском Съезде.
Редакция

2) О деятельности и связях Информационного Бюро имелись довольно подробные сведения в Департаменте Полиции. При чем сведения эти, очевидно, получались от какого-то центрального информатора, а не с мест, так как Деп. Полиции любезно сообщил их Харьковскому Губ. Жанд. Управлению и Нач. Харьк. Охр. Отделения.

Приводим одно такое сообщение с указанием адресатов Информ. Бюро и его условных обозначений. Насколько материалы, сообщенные жандармом, соответствовали действительности, установить не удалось.

Редакция

НАЧАЛЬНИКУ ХАРЬКОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.

В дополнение к сообщению от 21 сего августа за № 16491, Департамент Полиции уведомляет, что „Информационное Бюро в Харькове“, по полученным в Департаменте сведениям, рассылает извещения южным организациям об открытии своих действий и о том, что обязанностью Бюро является, как оповещение о директивах Центрального Комитета, резолюциях его и других организаций, так и о всех фактах, сообщенных в Бюро. Успешное функционирование Бюро в настоящий момент важно более, чем когда бы то ни было. Возможно же оно лишь при условии энергичного содействия всех организаций, как в форме присылки денег, так и корреспонденций. Посылают адреса явок, писем и телеграмм. Явка: Садовая, 6, парадный ход, квартира доктора В о ж е е в с к о г о, спросить Ольгу Эдуардовну, сказать: „От Каратая Каратаевича, ответ — ладно“. Адреса для писем: Сумская, Университетская клиника, Хозяйственный корпус, Марии Саввишне С о к о л о в о й; Сумская, Университетская клиника, Екатерине Ивановне Ш у л ь ц. Для телеграмм: Каразинская, 4, Анне Ч е н ч; этот же адрес для денег — Анне Генриховне. Предлагает следующие условные телеграммы: 1) Объявлена забастовка. 1) Покупка совершается. 2) Забастовка осуществлена. 2) Покупка сделана. 3) Забастовка прекратилась.

На это Бюро была возложена задача связаться со всеми южными социал-демократическими организациями, информировать их о ходе партийной работы и о директивах ЦК и параллельно с этим вести работу по созыву полномочной конференции южных организаций.

3) Векселя опротестованы. 4) Восстание солдат. 4) Абрам едет. 5) Восстание солдат продолжается. 5) Абрам выехал. 6) Восстание окончено. 6) Абрам будет. 7) Вооруженное частичное выступление пролетариата. 7) Высылайте товары. 8) Массовое вооруженное выступление пролетариата. 8) Высылайте деньги. 9) Восстание крестьян. 9) Высылайте векселя. 10) Дума собралась. 10) Дядя приехал.

Означенные извещения разосланы по следующим адресам:

1) Екатеринослав, Воскресенская, 30, кв. 1. Эсфири Ильинишне Венгеровой.

2) Ст. Железная, Курско — Харьков — Севастопольской железной дороги, почтовое отделение „Нью-Йорк“, Екатеринославской губ., Ивану Тривинскому.

3) Киев, Бибиковский бульвар, 9, секретарю редакции „Вестника Сельского Хозяйства“.

4) Ст. Константиновка, Курско — Харьков — Севастопольской железной дор., заводская аптека, Я. М. Перли.

5) Кременчуг, Екатеринославская, аптека Левина, помощнику провизора Райку.

6) Луганск, Преображенская площадь, 165, И. М. Пузановой для Наума.

7) Мариуполь, Митрополитская, собств. дом, Л. Гр. Стоянской.

8) Мелитополь, Александро-Невская улица, д. Топервеха, Елене Ивановне Кравцовой.

9) Полтава, Железнодорожные мастерские, Ивану Григорьевичу Зверкову для Никиты.

10) Симферополь, Пушкинская, д. Кеблера, Х. Грановскому.

11) Старобельск Харьковской губернии, Абрамовой для Владимира.

12) Сумы, Лебединская, 29, Виктории Григорьевне Коваленко.

13) Ялта, Южный берег Крыма, Общество Взаимного Кредита, Павлу Доминикиевичу Скогемари.

14) Ростов Н/Д., Малый проспект, д. Гутермана, Лившицу для Лизы.

15) Екатеринослав, Литейная ул., д. Заславского, Виктору Григорьевичу Мошквичу.

16) Одесса, Торговая, д. Сегала, Г-же Горелик для Макса.

17) Гомель, Аптекарский магазин Мунвеза.

Вследствие сего, Департамент Полиции предлагает Вам, милостивый государь, тщательно выяснить относящиеся ко вверенному Вам району адреса, а равно фактических получателей корреспонденций, и установить за ними бдительное наблюдение, не разбрасывая, однако, таковое за кругом их знакомства, за исключением случаев, когда установится положительная их принадлежность к преступным организациям. О результатах расследования и дальнейшего наблюдения Департамент просит немедленно поставить в известность, не приступая к производству обысков и арестов без предварительного по сему поводу сношения с Департаментом; если же в круг наблюдения войдет редакция какой-либо газеты, то, по получении разрешения на производство общей по настоящему делу ликвидации, подтвердите оную также следственным действиям.

Кроме того, имются сведения, что Бюро крайне нуждается в денежных средствах и просит организации высылавать таковые по адресу: Харьков, Каразинская, 4, Анне Генриховне Ченч.

Впрочем, очень скоро главные работники Информационного Бюро были арестованы, и из перехваченной переписки жандармы узнали о готовящейся новой конференции.

Приводим здесь текст перехваченного жандармами письма Информационного Бюро Юга:

„Дорогие товарищи, мы отвечали на ваше сообщение о готовящейся вами конференции и приводили, как мнения Харьковского Комитета, так и Крымского Союза. Мы же сами, как Бюро, считаем безусловно необходимым созыв конференции и полагаем, что без нее граничит с невозможным объединение юга, даже правильная постановка осведомленности едва ли мыслима, целый же ряд провалов еще усугубляет тяжесть положения, но мы считаем, что невозможно созвать конференцию в такой малый срок; для ее подготовки при данном положении вещей в организациях необходим месяц — минимум. Назначить ее раньше 25 сентября значит только сорвать ее. Кроме того, нам кажется, что частное совещание было совершенно право, предложив дело созыва конференции поручить Информационному Бюро. Оно ведь является занятым исключительно своей работой и, поэтому, естественно, лучше выполнит ее. Кроме того, это единственное учреждение, имеющее хоть кое-какие связи и постоянную переписку, в особенности, после присоединения к нему южно-технического Бюро ЦК. У Бюро имеются наиболее верные адреса организации, из каждого же отдельного комитета могут быть и отмененные адреса. Опыт последней попытки созвать конференцию при вмешательстве товарищей из ЦК даже, но отдельно от Харьковского Комитета, показал, к какой это приводит путанице. Вы решили созвать конференцию, если мы не желали вмешиваться, чтоб не создать хаоса, но теперь мы убеждаемся, что и вы созвать ее не можете, и предлагаем поступить следующим образом. По получении от вас соответствующего ответа, мы напишем всем организациям с прилагаемым вами порядком дня, может быть, дополненным нами, т. е. пересмотренным в Бюро, запрашиваем организации, назначив срок для ответа, хотя бы телеграммой, на согласие назначить ее на 25 сентября. Если мы получим от наиболее крупных организаций утвердительный ответ, мы приступим к подготовке работы. Если принять во внимание, что в Горловском, Константиновском Комитете у секретаря провалились незашифрованные адреса и явки юга, что тоже произошло в Юзовке, что кое-какие адреса попали при случайном провале, бывшем раньше здесь, то вы согласитесь, что необходим будет обезд юга, как для укрепления связи, восстановления аппарата для сношений и т. д., так и для действительной подготовки конференции. Мы это и предпримем по получении ответа от вас и денег для нужных расходов по обезду. Теперь о месте конференции. Нам хорошо известны квартирные условия у вас, и мы не представляем себе возможным созыв конференции там. Совсем не то здесь. Благодаря крупным связям, именно у Бюро в новом составе, этот вопрос особой трудности не составит, и, если будет достаточный срок, мы ее подготовим хорошо и с этой стороны, но это не важно — если вы имеете какие-либо особые возможности, пусть место будет назначено вами, и мы, разезжая по югу, будем передавать вам специальную явку. Если вы целиком согласны с нами, будьте добры, немедленно телеграфируйте одно слово „согласен“. Если же настаиваете на том, чтоб она была у вас, то телеграфируйте „согласен, куплю дачу“. Если же совершенно не согласны и будете созывать сами, минуя нас, используйте только наш способ для сообщений. Телеграфируйте „подождите“. Ждем немедленного ответа.

„Информационное Бюро Юга“.

В средних числах сентября на заседании комитета Крымского Союза было прочитано письмо, полученное от Информационного Бюро

южных организаций о том, что 25 сентября в Харькове состоится конференция южно-русских социал-демократических организаций¹⁾. Предстояло избрать делегата и провести утверждение его кандидатуры через местные комитеты. Выбор пал на меня. К сроку удалось снестись с уездами и 24-го я выехал из Симферополя. Слежки за мною, очевидно, не было.

25-го утром я вышел из Харьковского вокзала, вскочил в пустой вагон конки и поехал на явку.

Пришлось долго покружить по городу и пройти несколько проходных дворов, и только после того, когда стало совершенно очевидным, что „хвоста“ за мной нет, я отправился на явочную квартиру. Здесь мне указали, что первое заседание конференции состоится в помещении комитета партии Народной Свободы, по Плетневскому переулку.

Вскоре после полудня началось заседание. Из прибывших товарищей некоторых я знал по прежней работе, в том числе Мартына

¹⁾ Интересно проследить, как металась полиция, стремясь установить день созыва южной конференции. Сначала сведения у нее были правильные.

18 августа Департамент Полиции телеграфировал:

„Сведения Левиткова (Начальник Одесского Охранного Отделения) Южная конференция соберется Харькове 25 сентября НР 3679 За вице-директора Васильев“.

Но вскоре у охранников возникает сомнение насчет места и даты открытия конференции. 22 сентября Деп. Полиции запрашивает Харьков:

„В дополнение телеграммы 5 сентября имеются указания, что конференция созывается Киевским и Екатеринославским Комитетами 25 сентября повидимому в Екатеринославе. Примите меры выяснению места и лиц, кои отправляются конференцию делегатами местных организаций. О последующем телеграфируйте“.

И следом за этим летит следующая телеграмма, также от 22/9.

„Телеграфируйте подтверждается ли агентурным сведением приготовление конференции 25 сентября, также насколько освещена деятельность и информационное бюро № 3781. За вице-директора Васильев“.

23-го сентября охранка отвечает:

„Петербург, Директору Департамента Полиции.

На № 3781 телеграммы. Точных указаний на созыв конференции 25 сентября и именно Харькове не имею. Также не получал от других отделений и жандармских управлений сведений о командировании делегатов. Однако Харькове наблюдается необыкновенный наплыв неблагожелательного элемента развить наблюдение за которым нет возможности. По деятельности информационного бюро пока обнаружено 4 члена, незначительные их связи. . . . освещение затрудняется, так

(Розанова¹⁾), явившегося в качестве представителя ЦК. Знал я также тов. Фомина, незадолго перед этим об'езжавшего южные организации. Немного знаком мне был и тов. Мирон. Остальные, человек 15, были мне неизвестны. Только после представления делегатами мандатов я узнал, что на конференции присутствуют представители всех промышленных центров Украины и, вдобавок, делегат от Белгорода.

Заседание началось обычным в те времена спором, следует ли ему об'явить себя полномочной конференцией, или считать себя частным совещанием. Действительно, добиться идеального представительства всего огромного района было тогда очень трудно, если не невозможно, и чрезмерная строгость едва ли была уместна. К тому же факт присутствия на собрании представителей Киева, Харькова, Одессы, Екатеринослава, Крыма, Луганска, Таганрога, Полтавы и Елисаветграда сам по себе был достаточно значителен, и ясно было, что более полного представительства все равно не собрать: представительство на конференции оказалось избранным довольно демо-

как все средства направляются по наблюдениям за лицами, готовящимися по сведениям к покушению на генерала Пешкова . . . а также на обнаружение участников организации и совета общестуденческих депутатов, готовящихся к восстанию в октябре месяце“.

Этот документ ясно показывает, что охранка накануне конференции ничего также не знала о Бюро и не могла дать о нем сведений. В ответ на эту телеграмму департамент полиции в тот же день 23/9 телеграфировал.

„Получены точные сведения, что место конференции тот город, где заседает бюро окончательный срок 25 сентября. Делегат Одессы установлен. Будет сопровождаться наблюдением. Примите с своей стороны все меры выяснению для ликвидации конференции во время заседаний в конце такового. Заблаговременно телеграфируйте департаменту в выбранном вами дне и часе ликвидации для своевременного распоряжения о ликвидации в других местах № 3869“.

За вице - директора Васильев.

Здесь уже есть точное указание и нить — это делегат Одессы, который сопровождается наблюдением в Харьков. 24 сентября одесская охранка телеграфировала.

„23 поездом № 12 выехал Харьков конференцию делегат Ройзман Абрам организации Павел сопровождении филеров Бедило Бондаренко. Встречайте 5508. Ротмистр Левдиков“.

Ройзмана „встретили“ достойным образом и сопровождали до цели его путешествия — бюро „Народной свободы“, где и было назначено открытие конференции.

Тут захватить конференцию было уже делом нехитрым и нач. охраны мог с полной уверенностью и категоричностью 26 сентября сообщить Департаменту.

„Петербург Директору Департамента Полиции.

На № телеграммы 3869 сегодня ликвидирую конференции \ на заседании час определить не могу № 4142“.

¹⁾ В. Розанов — меньшевик, в 1919 г. был арестован по делу Нац. центра.

кратическим путем, что было, конечно, затруднительно во времена Столыпинского террора; мандаты также оказались у всех в порядке. В конце концов, решено было считать себя конференцией и приступить к выработке порядка дня.

Порядок дня оказался чрезвычайно обширным. Помимо вопросов объединения южных организаций, в повестку были поставлены главнейшие вопросы тактики партии в деревне и в армии. Фигурировал, если не ошибаюсь, и вопрос о создании советов рабочих депутатов.

Часам к шести решено было первое организационное заседание закрыть и на завтра собраться в квартире присяжного поверенного Вальца по Чеботарской ул.

Представитель Информационного Бюро, тов. Тимофеев, конспиративно сообщил каждому делегату в отдельности место завтрашнего заседания и адрес ночевки. Разошлись мы по одиночке, и нужно сказать, что слежки за помещением мы не заметили. Как оказалось впоследствии, мы в этом ошиблись. Полиции было известно место заседания, но она умышленно не произвела ликвидации, так как надеялась на последующих заседаниях захватить конференцию в полном составе и со всеми документами.

Мне пришлось идти ночевать на квартиру д-ра Бреслава. Д-р Бреслав проживал по Харьковской набережной, на углу Рыбной ул. Здесь же помещалась и принадлежавшая ему лечебница. Хозяева оказались гостеприимными и нелюбопытными. Меня отвели в какой-то кабинет во втором этаже, и я улегся спать.

Часа в два ночи меня разбудил стук в дверь. Появился не то сам доктор, не то кто-то из его близких и шопотом сообщил мне, что в нижнем этаже идет обыск. Хотя паспорт у меня был настоящий и выданный на мое имя, так как осенью 1905 г., после известной „амнистии“, я легализировался, все же серьезным вопросом была причина моего присутствия на квартире у доктора. Ни имени, ни родословной моего хозяина я не знал и на вопросы полиции, конечно, не мог бы дать удовлетворительного ответа. Приходилось думать о бегстве.

Обыск внизу, повидимому, приближался к концу, и полиция, естественно, должна была подняться в верхний этаж. Я выглянул в окно. Во дворе никого не было. Дом оцеплен не был. Тогда я решил рискнуть — раскрыл окно, снова закрыл его и по карнизу и водосточной трубе спустился во двор, благо, дом был не высокий и второй этаж отстоял от земли настолько близко, что даже при падении разбиться было мудрено. Тихонько подошел я к воротам. Калитка оказалась открытой, и у ворот никого не было. Очевидно, полицейские находились внутри парадного подъезда, так как во дворе было довольно холодно. Я быстро вышел на улицу и направился в сторону Кузнечной, туда, где теперь находится электрическая станция. За мною никто не пошел. Всю ночь я пробродил по улицам Харькова,

а утром отправился к одним знакомым. Только впоследствии, через много лет, я узнал, что полиция разыскивала не меня, а, кажется, брата жены доктора, находившегося под надзором полиции.

Часа в два дня я отправился на Чеботарскую улицу. У дома, где согласно указанию, полученному накануне, должно было состояться второе заседание конференции, ничего подозрительного я не заметил. На мой звонок вышел, если не ошибаюсь, сам хозяин квартиры, присяжный поверенный Вальц, в сопровождении тов. Тимофеева, и, после обмена условленным паролем, ввел меня в зал, где находились почти все делегаты. Со вчерашнего дня прибавилось несколько человек, видимо, опоздавших на первое заседание. Мы сидели, обмениваясь впечатлениями и ожидая, пока соберутся все прибывшие.

Меня удивило, что тов. Мартын, вопреки всем правилам конспирации, принес с собой толстую тетрадь, размером в писчий полулист; как оказалось, это был отчет о работе ЦК и соображения о перспективах его дальнейшей деятельности. Мне как-то пришло в голову, что такую тетрадь, пожалуй, трудно будет уничтожить в случае налета полиции. Об этом своем соображении я сообщил некоторым товарищам, которые всецело согласились со мной, но, так как сделать ничего было нельзя, мы решили на всякий случай уничтожить хотя бы наши мандаты, которые были уже нам не нужны и в случае ареста могли оказаться лишней уликой. Мандаты и другие находившиеся при нас бумаги мы изорвали в мелкие клочки. Действительно, впоследствии жандармам так и не удалось восстановить ни одного документа.

Было уже время открывать заседание. „Мартын“ пригласил всех садиться и начал переключку собравшихся. Идя к столу, находившемуся по середине зала, я случайно заглянул в окно и был поражен необычайным оживлением на улице, показавшейся мне малолюдной, когда я шел на собрание. Бежали мальчишки, размахивали руками женщины, и прохожие останавливались, обернувшись лицом в сторону, идущую к центру города. К окну бросились и другие товарищи. Через секунду причина суматохи стала ясна. Мимо дома промчался и остановился отряд конных городских, за ними подкатило несколько извозчиков, на которых мелькали „слишком знакомые“ серые шинели. Беглым шагом подошли пешие городские и бросились в ворота дома. Мы были в ловушке¹⁾. Думать о бегстве было

¹⁾ Описание захвата конференции мы находим и у другой стороны в письме Начальника Харьковского Охранного Отделения в Департамент Полиции.

бесполезно, хотя часть товарищей и бросилась к черному ходу. Но здесь им загородила дорогу рослая фигура пристава, за которым виднелась целая стая полицейских фигур. Оставалось только уничтожить все документы и письма. В одну секунду пол покрылся обрывками и клочками бумаги. „Мартын“ со своей толстой тетрадью оказался в истинно беспомощном положении. Он метался с нею по комнате, пока, в растерянности, не сунул ее куда-то в диван или в мягкое кресло. Конечно, полиция нашла ее там в полной неприкосновенности. Эта тетрадь дала в руки жандармерии немало материала для суждения о характере работ и о намерениях конференции.

Нас согнали в соседнюю комнату, выстроили у стены и начали переписывать. Жандарм довольно поверхностно обыскивал нас и отбирал документы и бумаги. У стола полицейский пристав и жандармский ротмистр задавали нам вопросы: „кто, откуда и как сюда попал?“. Уже стоя толпой, мы постановили никаких ответов и показаний жандармам не давать и разрешили только т. Авсеенко, делегату от Белгорода, прибывшему на заседание последним и застигнутому полицией в передней, заявить, что он приехал к присяжному поверенному Вальцу за советом, так как т. Авсеенко был уже привлечен к суду за какое-то белгородское дело.

Паспорт у меня был легальный, а кроме того, была в запасе доверенность от издательства „Южный Курьер“ на закупку в Харькове бумаги. Керченская газета „Южный Курьер“ была переведена в Симферополь, чтобы избавиться от закрытия вследствие введения в Керчи военного положения; в газете работала своя публика, которая и снабдила меня, для легальности, доверенностью и удостоверением о службе в издательстве.

Процедура переписи и составление протокола длилась несколько часов. Было уже совершенно темно, когда меня вызвали в переднюю, велели одеться и сдали под расписку двум городовым. На улице все еще стояла толпа, с любопытством глазевшая на выводимых арестованных. Меня усадили на извозчика и дали вознице адрес Холодногорской тюрьмы. Это последнее обстоятельство меня немного утешило. Холодногорская тюрьма, или, вернее, арестантские роты, была построена сравнительно недавно и была мне известна как учреждение со сравнительно мягким режимом. Кроме того, Харьковская губернская тюрьма — это старое, зловонное и зараженное здание — внушала мне

должно состояться в помещении бюро партии народной свободы, было учреждено наружное наблюдение за определившимися некоторыми из участников предстоящей конференции и за помещением бюро народной свободы. С поездом в 5 часов утра 25 сентября прибыл в Харьков, под наблюдением наружных агентов Одесского Охранного Отделения, делегат конференции Абрам Срулев Гершов Ройзман, который также немедленно был принят моими агентами. К часу дня 25 сентября наружное наблюдение отметило приход наблюдаемых по конференции именно в

омержение еще в те времена, когда, проходя мимо нее, я заглядывал в ее угрюмые железные ворота.

Городовые сели—один рядом со мною, другой напротив—и оба отстегнули застёжки револьверных кобур. Это было для меня новостью. Сколько раз мне ни приходилось попадаться в руки полицейских, таких предосторожностей по отношению к политическим не предпринимали. На мои расспросы городовые также не отвечали, что было противно общепринятому представлению о добродушии городских, в противоположность непреклонной дисциплинированности и суровости жандармских унтер-офицеров. Сказалась, очевидно, новая столыпинская эра и пропаганда черносотенства среди чинов городской полиции.

* * *

В конторе тюрьмы меня принял помощник начальника (фамилию забыл)—маленький человечек в больших высоких сапогах. Держался он, вообще говоря, вежливо. Но застал я его в состоянии явного возбуждения. Перед ним стоял увезенный немного раньше меня екатеринославский делегат Торопов, который настойчиво требовал, чтобы ему позволили взять с собой в камеру нож и часы и, кроме того, чтобы его обязательно посадили в компании с каким-нибудь товари-

помещение бюро партии народной свободы, где заседание длилось до 9 часов вечера, после чего многие из участников были разведены по квартирам.

К утру 26 сентября был определен некоторый порядок дня конференции, но конспирировалось место собрания и указывалась лишь улица и время начала заседания. В виду строгой конспирации места собрания и возможности разделения членов конференции на частичные заседания, мною было решено ликвидировать заседание 26 сентября, о чем и было донесено срочной телеграммой за № 4142.

Около 5 часов пополудни в самый разгар заседания, начавшегося около 12 часов дня, назначенный наряд полиции, подойдя к дому № 23 по Чеботарской улице, куда, по указанию наружных агентов, были приведены члены конференции, несомненно собравшиеся в квартире присяжного поверенного В а л ь ц а, известного члена местного социал-демократического комитета, был введен в названную квартиру, сняв предварительно патруль—дворника этого дома Лариона Степанова А м п и л о в а. Смущенные появлением полиции, члены конференции принялись быстро уничтожать весь наличный материал, разрывая его, пережевывая и проч. Некоторая медленность пристава 5 участка Коронеевского помогла им в этом и только появление вслед за приставом помощника моего, ротмистра Свицерского, положило конец уничтожению вещественных доказательств. Некоторые из участников бросились бежать из квартиры, но были задержаны. На заседании оказались следующие лица, назвавшиеся: 1) Абрамом Яковлевым Елькиным, прибывшим из Челябинска, 2) Николаем Ивановым Кирияновым, прибывшим из Петербурга, 3) Семеном Яковлевым Левкович, прибывшим из Симферополя, 4) Иоселем Мовшевым Берковым Шур, прибывшим из города Купысь, Могилевской губернии, 5) Валентином Ивановым Батыревым, не указавшим местности, откуда прибыл, 6) Александром Евгениевым Кожевниковым, прибывшим из Москвы, 7) Степаном Михайловым Поляковым, прибывшим из Одессы, 8) Дмитрием Семеновым Авсеенко, прибывшим из Белгорода,

щем. Дело дошло уже до того, что Торопов заявил, что не пойдет в камеру, хотя бы его пришлось тащить туда силой. Требование было явно невыполнимое и могло окончиться скверно для упрямого товарища, и, кроме того, оно с первого же дня обостряло наши отношения с тюремной администрацией. Я, вместе с подвезенным тем временем киевским делегатом Поляковым, уговорил, наконец, Торопова не создавать с первого же дня конфликта, явно безнадежного и по ничтожному поводу, и нас, наконец, записали и развели по камерам.

Одиночный корпус харьковских арестантских рот существует и по сие время, а потому нетрудно восстановить стратегию жандармов, рассадивших нас таким образом, чтобы совершенно изолировать друг от друга и, в то же время, создать впечатление, что мы попали в атмосферу полного одиночества и что самое лучшее для нас — это начать давать откровенные признания. Жандармы упустили только из виду, что в нашем лице они встретили отнюдь не новичков, а, в большинстве случаев, опытных тюремных сидельцев.

Первой моей мыслью было каким-нибудь путем снестись с товарищами и попытаться сговориться по поводу единой тактики. В тюрьме было довольно тихо, и уже скоро я различил отдаленный стук. Очевидно, начались обычные тюремные переговоры через стены и канализационные трубы посредством выстукивания шифрованной

9) Львом Акимовым Мирлес, прибывшим из Киева, 10) Вениамином Юфудовым Койч, прибывшим из Луганска, 11) Никитой Федоровым Колениченко, прибывшим из Тамбова, 12) Нафтулом Иолевым Перель, прибывшим из м. Бричан, Хотинского уезда, 13) Абрамом Срулевым Ройзман, прибывшим из Одессы, 14) Владимиром Николаевым Розановым, прибывшим из Петербурга, 15) Зусь Айзиковым Добромельским, прибывшим из Елизаветграда, 16) Григорием Васильевым Тороповым, прибывшим из Тулы, 17) Василием Андреевым Морозовым, прибывшим из Пензы или Москвы. Из членов местной социал-демократической организации участвовали: 18) присяжный поверенный Борис Яковлев Вальц, 19) приват-доцент Харьковского Университета Тимофей Ефимов Тимофеев (донесение № 380), 20) студент-технолог Дмитрий Николаев Суров, по кличке наружного наблюдения „Пролет“ (донесения: № 133 от 16 января 1904 года, № 1719 от 1 июля 1905 года, № 2566 от 8 июля 1906 года), 21) сын купца, студент Харьковского Университета Михаил Исааков Уманский и 22) бывший студент Киевского Университета Валентин Павлов Фомин

При беглом осмотре отобранного материала обнаружены все признаки заседания конференции и командированных делегатов, почему по делу этому возбуждается формальное дознание в порядке ст. 1035 по обвинению участников по 126 ст. Уголовного Уложения. Весь материал передан в Харьковское Губернское Жандармское Управление.

Обысками по явкам делегатов обнаружен серьезный материал у Лидии Филипповой Коршуновой и Марии Орестовой Габель, которые также арестованы; у дантиста Гирши Яковлева Шварца обнаружен неизвестный молодой человек без вида на жительство, назвавшийся рижским мешанином Менделем Ицковым Палиным.

Об изложенном доношу Вашему Превосходительству в дополнение к телеграмме моей от 26 сего сентября за № 4150.

Подполковник (подпись)

азбуки. К сожалению, у меня не было ни одного твердого предмета, которым я мог бы попытаться начать перестукиваться с соседями. Ясно было только одно — полной изоляции жандармам создать не удастся.

Посадили меня в одиночку первого этажа с невысоким окном с матовыми стеклами и с необыкновенно частой решеткой. В конце, над дверью, горела керосиновая лампочка. Железная койка, привинченная к стене, была спущена, и на ней лежал подозрительного цвета мешочный матрац. Ни постельного белья, ни подушки у меня не было. Не дали и хлеба, так как привезли нас уже после ужина.

Сверх ожиданий, постель оказалась „ненаселенной“, и я хорошо проспал ночь, положив голову на фуражку. Часов в 8 утра принесли хлеб и кружку кипятку, а приблизительно через час открылась форточка двери, и показалось лицо молодого человека, почти лысого. За ним виднелась фигура надзирателя.

— Я библиотекарь, моя фамилия Виляцер. Не хотите ли получить книжку в библиотеке? — проговорил молодой человек.

На пол упала сложенная в трубочку бумажка. Я попросил дать мне для чтения все, что угодно. Окно закрылось и я схватил записку. В ней сообщалось, что вчера привезли 7 или 8 человек, арестованных в квартире Вальца, перечислялись их фамилии и указывались номера камер, в которых они сидели.

В записке говорилось, кроме того, что можно заглядывать в дверные волчки, когда идешь на прогулку или в уборную.

Первый опыт такого ознакомления с тюрьмой я проделал, когда пошел в умывальную. Оказалось, что умываться нужно в помещении, в конце коридора, где, как выяснилось потом, легко можно было столкнуться с другими заключенными, которых выпускал надзиратель второй половины коридора.

Ясно было, что режим в тюрьме далеко не строгий, если арестованные могут состоять тюремными библиотекарями и даже разговаривать с политическими заключенными. Фамилию Виляцер я слышал и раньше. Это был один из членов Информационного Бюро южно-русских социал-демократических организаций, арестованный еще летом. Если такого заключенного, тесно связанного по делу с нашей конференцией и арестованного за подготовку к ней, допускают к сношениям с нами, ясно было, что особенных строгостей нам в тюрьме ожидать не приходится. Беспокоила меня только мысль, не доберутся ли жандармы по моим следам до Крымского Союза. Впрочем, уезжая на конференцию, я уничтожил дома, в Симферополе, все, что могло дать так или иначе какую-нибудь нить, по которой можно было добраться до организации.

Действительно, потом оказалось, что дома у меня абсолютно ничего компрометирующего не было найдено. Начальник Таврического

Жандармского Управления, в своем донесении Харьковскому Охранному Отделению, объяснял свою неудачу тем, будто моя жена была предупреждена о моем аресте раньше, нежели об этом было уведомлено местное жандармское управление. На этом основании жандармы учредили за моей женой слежку, когда она выехала из Симферополя в Харьков. К счастью, обыск у меня не дал никакого материала жандармам, и ни один человек в Крыму, в связи с моим провалом, не пострадал.

Кроме товарищей, привлеченных по делу об „Информационном Бюро“, в тюрьме было очень немного политических. Сидел там Виктор Иванович Рапп, не помню уже по какому делу,— кажется, по литературному — и несколько эсэров. Наша группа была, таким образом, одной из первых, которой предстояло „обновить“ одиночную тюрьму, почти пустовавшую со времени октябрьских дней 1905 года.

Сидели, правда, в особом корпусе „аграрники“: крестьяне, привлеченные за участие в аграрных волнениях 1905 — 1906 г. г. Но, не говоря уже о том, что тюремная администрация совершенно не желала рассматривать крестьян, как политических, и содержала их в общих уголовных камерах на обычном арестантском режиме, сами крестьяне дичились политических и подозрительно относились к нашим попыткам войти с ними в сношения и толкнуть их на борьбу за лучшие условия тюремного сидения. Среди крестьян преобладали люди средних лет, замкнутые, темные хлеборобы, жегшие помещичьи имения в твердой уверенности, что царь разрешил громить панов. Суровое обращение тюремной администрации окончательно запугало их, а память о казацких нагайках и порках, которым их подвергли при усмирении, заставляла держаться настороженно. Вскоре их отправили в ссылку. Уходили они мрачно и молчаливо и на наши пожелания счастливого пути не отвечали, тем более, что конвойные угрожающе пощелкивали затворами, направляя дула винтовок в окна наших камер.

Режим тюрьмы оказался, в конце концов, довольно сносным. С одной стороны, в нашей группе не было тюремных новичков все мы на своем веку достаточно побывали в тюрьмах и умели быстро ориентироваться во всех положениях; с другой, в Холодногорской тюрьме чувствовались следы разложения, внесенного во все институты царского режима революционным 1905 годом. По рассказам тюремных старожил, незадолго до нашего прибытия одиночный политический корпус представлял собой настоящую гостиницу со спиртными напитками. Выдержанной партийной публики среди заключенных в это время не было. Сидели кое-кто из редакторов и проф. Гредескул — кажется, за подписание Выборгского воззвания. Остальные тюремные сидельцы были, по большей части, анархисты — мелкие экспроприаторы. Камеры стояли открытыми день и ночь, надзиратели

приносили заключенным вино и водку, а помощники начальника тюрьмы выпивали сообща с арестованными. Из всех этих вольностей мы застали только право свободно получать газеты и снисходительное отношение надзирателей к беседам заключенных между собой через окна и дверные глазки.

Вообще, с надзирателями установились самые дружественные отношения. Меня на третий день перевели в четвертый этаж и поместили в чистую, светлую одиночку, обращенную окнами в сторону степи. Камеру эту мне отрекомендовал надзиратель с литературной фамилией — Арцыбашев, приветливо нас встретивший и в первый же день попросивший „книжечку для чтения“.

Без допроса мы просидели свыше месяца. За это время жандармы, очевидно, успели снестись с городами, откуда мы приехали делегатами, запросили о нас Департамент Полиции, и, когда начали вызывать на допрос, было совершенно ясно, что жандармам отлично известно, с кем они имеют дело. Они знали, что им удалось захватить южно-русскую конференцию, но, повидимому, они искали более глубоких корней. Сам по себе захват двух десятков революционеров, по большей части, людей с большим стажем и со связями в рабочей среде, являлся для правительства большой удачей. Но жандармерии хотелось нащупать местные организации, разгромить рабочие кружки и руководящие коллективы.

На допрос меня вызвали как-то часов в 11 утра. В конторе ждали два жандарма, которые усадили меня в экипаж с опущенным верхом и повезли на Епархиальную улицу, где тогда помещалось жандармское управление. В кабинете меня ожидали невысокого роста офицер, отрекомендовавшийся ротмистром Финке, и некий товарищ прокурора. После формальностей — заполнения бланка, допросного листка со сведениями об имени, звании, возрасте и т. д. — ротмистр вежливо спросил меня:

— Ну-с, что вы можете сказать по поводу вашего присутствия на конференции?

— Ничего.

— Вы признаетесь, что были делегатом на этой конференции?

— Никаких показаний я по этому вопросу давать не намерен.

— Как вам будет угодно. Ну, а что вы знаете о других лицах, арестованных вместе с вами в квартире Вальца? Имеете в виду, что вы затягиваете время вашего пребывания в тюрьме.

— От каких бы то ни было показаний я вообще отказываюсь.

— Вот как! Напишите об этом в допросном листе, — со сдержанной злобой сказал жандарм.

Крупными буквами я вывел на бумаге приблизительно следующее: „От показаний отказываюсь“ — и расписался.

Товарищ прокурора — человек очень грузный и, повидимому, тучеломный — не принимал участия в нашем диалоге.

Меня снова усадили на извозчика и через полчаса сдали тюремной конторе.

Такие же приблизительно ответы дали на допросе и прочие товарищи. Жандармам оставалось собственными средствами докапываться до истины. Особенно интриговало их выяснение личности арестованных, предъявивших документы, по проверке оказавшиеся фальшивыми. Таких среди нас было немало, и полиции пришлось затратить не менее трех месяцев для того, чтобы расшифровать наших нелегалов.

Вскоре установлена была личность тов. Торопова, оказавшегося Никольским А. А. Ларин оказался Агаревым - Бузановским, Поляков — Елтуховским. Некоторые нелегалы сами раскрыли себя, так как на воле следы их давно уже были замечены и не было смысла затягивать следствие бесполезной игрой в прятки.

Единственно, что интриговало жандармов, это личности т. т. Мирона и Батырева. Оба эти товарища, когда распределяли нас по тюрьмам, посажены были в арестный дом, где, конечно, надзор был гораздо слабее, нежели в Холодногорской или губернской тюрьмах. На следующий же день им удалось во время прогулки перелезть через тюремную стену и бежать. Теперь уже незачем скрывать, что т. Мирон был не кто иной, как нынешний председатель Центросоюза т. Хинчук.

Наступили выборы во II Государственную Думу, и, в связи с этим, начали расти и надежды политических заключенных если не на полную амнистию, то хотя бы на сравнительную мягкость наказания. Нам предъявлено было обвинение по ст. 126 Уг. Улож., что могло означать от 1 года крепости до ссылки на поселение с лишением прав. Отделаться годом крепости было, конечно, заманчиво. Да и сами жандармы, требуя нас по тому или иному поводу на допрос и наталкиваясь на неизменный отказ от дачи показаний, больше уже не злобствовались, а давали понять, что не исключена возможность освобождения нас на поруки. Среди заключенных началась настоящая эпидемия подачи заявлений о медицинском освидетельствовании, для того, чтобы добиться выхода на свободу по болезни. И, действительно, некоторым это удалось. Уже месяца через 2 — 3 после ареста были выпущены на поруки т. т. Фомин, Тимофеев, Суров и даже член ЦК — Розанов.

Период, предшествовавший открытию II Думы, мы ознаменовали голодовкой. Требования наши сводились к допущению общих прогулок и к увеличению их продолжительности. Кроме того, мы заявили, что желаем сидеть по два-три человека в камере. Конечно, все эти требования были, в сущности, совершенно излишними. Общение

между нами существовало. Часовые добродушно смотрели на то, как мы из камеры в камеру передавали книги и вещи или как с утра до вечера, подставив табуретки, стояли у окон и беседовали друг с другом или с гуляющими по двору товарищами. Но в нас кипела жажда борьбы и хотелось хоть чем-нибудь проявить свой протест.

Голодовка длилась пять дней и увенчалась полным успехом. Приезжал к нам прокурор харьковской судебной палаты — знаменитый Хрулев, являлся и жандармский полковник Рыковский. Голодовка наша стала известна в городе, заговорили о запросе в Госуд. Думе, когда она соберется. Губернские власти, очевидно, не бывшие в курсе высшей политики Столыпина, испугались и уступили. Отныне нас на прогулку и в баню выпускали целыми толпами. Ко мне в камеру переселили другого заключенного по нашему делу тов. Елькина. Одинокое заключение превратилось в фикцию, над которой потешалось само тюремное начальство.

Когда депутаты II Думы начали съезжаться в Петербург и выяснилось огромное преобладание в Думе левых элементов, среди жандармов и тюремной администрации началась настоящая паника. Начальник тюрьмы на наши требования тех или иных льгот совершенно серьезно отвечал, что на-днях будет новая амнистия, и мы все выйдем на свободу. Жандармы прекратили допросы и, в ответ на различные обращения заключенных, просили немного обождать. Вся тюрьма лихорадочно ждала амнистии, так как нам из газет было известно, что социал-демократы и социалисты-революционеры в первый же день намерены выступить с требованием освобождения политических заключенных. Правда, судьба I Думы и октябрьских „свобод“ была свежа у всех в памяти, но состав II Думы ясно говорил, что революция далеко не сдала еще своих позиций, и казалось вполне вероятным, что царское правительство дрогнет перед всенародным осуждением его политики или, по крайней мере, постарается найти компромисс.

Одной недели оказалось достаточно, чтобы рассеять иллюзии всей России... и — нашей тюрьмы. Правительство Столыпина взяло „твердый курс“, и мы, глубоко пережив разочарование, снова примирились со своей участью.

Борьба царского правительства со II Думой и с взбудораженной Россией быстро нашла отзвук у харьковского начальства. Все чаще начали привозить по ночам в нашу тюрьму арестованных. По большей части, это была учащаяся молодежь эсэровского направления или лица совершенно неопределенного социального положения, попавшиеся в экспроприациях.

Революционный подъем 1905 года выбросил на поверхность, наряду с действительно революционными элементами, немалое количе-

ство авантюристов и людей, не нашедших истинного революционного пути и запутавшихся в полубандитском-полуанархическом экспроприаторстве. Учрежденные Столыпиным военно-полевые суды были упразднены II Думой. Но, вместо них, с неменьшим усердием и свирепостью стали посылать на виселицы сотни людей военно-окружные суды.

В Харькове не существовало управления военного округа, а потому все арестованные экспроприаторы ждали прибытия выездной сессии киевского военно-окружного суда. Однажды часов в 10 вечера товарищи, сидевшие в камерах, обращенных окнами в сторону города и тюремных ворот, сообщили, что к тюрьме под'ехала закрытая карета необычайного вида и из нее вывели неизвестного человека. Действительно, через несколько минут мы услышали, как в нижний коридор ввели нового арестанта.

Дело было уже после проверки, и в тюрьме было тихо. Кто-то из арестованных, сидевших в нижнем коридоре, крикнул из двери: „Товарищ, кто вы?“ Тогда вновь пришедший громким голосом, разнесшимся по всему зданию, ответил: „Анархист, приговоренный за экспроприацию к смертной казни“.

Я еще сейчас помню охватившее меня волнение. Надо думать, что это же чувство разделяли все заключенные, так как затихшая было тюрьма наполнилась шумом и гулом голосов. Первый смертник в тюрьме — это было жуткое напоминание о борьбе, шедшей за стенами тюрьмы, это был отзвук свирепствующей реакции, и казалось страшным, что не сегодня — завтра этого человека, сидящего рядом с нами, поведут вешать.

Всю ночь тюрьма не могла успокоиться, а к утру через нашу секретную почту, через надзирателей и тюремного зубного врача Судова, охотно исполнявшего наши поручения „на воле“, полетели записки к харьковским адвокатам и общественным деятелям с просьбой довести до сведения Государственной Думы о смертном приговоре в Харькове и, если понадобится, внести запрос. Целую неделю тюрьма нервничала, и только на восьмой день стало известно, что Государственная Дума помогла и смертный приговор отменен.

Однако, ликовали мы недолго. На воле широко практиковались экспроприации, и тюрьма наполнялась все новыми и новыми сидельцами, преимущественно экспроприаторского типа. Экспроприаторы вместили в себе много черт уголовщины, причудливо перемешанной с смутной идеологией анархизма, густо окрашенного авантюризмом. Если судить по экспроприаторам, попадавшим в нашу тюрьму, то это были, по большей части, темные выходцы из среды городского мещанства; но попадались и рабочие — молодые парни, по неопытности и революционной горячности бросившиеся на путь ограбления бакалейных торговцев и казенных винных лавок.

Следующая сессия военно-окружного суда принесла с собой ряд новых смертных приговоров.

На этот раз наша тюрьма увидела в своих стенах две виселицы. Где-то на дальнем дворе, у стены, где складывались дрова, повесили ночью двух экспроприаторов. Некоторые из нас слышали в тюрьме перед рассветом какой-то необычный шум, но так как сами осужденные почему-то не крикнули товарищам, что их ведут на казнь, или, быть может, им просто заткнули рты, то никто не обратил внимания на происходившее. Только на следующий день мы узнали о том, что произошло ночью. Впечатление было подавляющее. Тюрьма весь день молчала, как пришибленная, но протестовать было уже поздно, да и невозможно.

Невозможно потому, что незадолго до этого над нами была произведена процедура жестокого „усмирения“, очевидно, задуманная и осуществленная администрацией и жандармерией „в плановом порядке“.

Началось с того, что в тюрьму явился вновь назначенный тюремный инспектор, некий Захаров, и обратил внимание на слабость режима и на „распущенность“ заключенных. Вина наша заключалась в том, что мы не вставали при его входе в камеру, а на стенах наших камер красовались портреты Маркса и других деятелей и вождей революционного движения.

Был отдан строгий приказ „подтянуть тюрьму“. Сначала запретили общие прогулки, затем ввели свидание через решетку и притом один раз в неделю. Потом нам запретили иметь своего старосту, следившего за приготовлением пищи и, наконец, запретили иметь и свой котел и посадили на арестантскую баланду. Меры эти были явно нелепы и не нужны: смысл их был явно провокационный, и мы решили сначала стать на путь легального протеста — просили вызвать к нам прокурора судебной палаты.

Но, очевидно, и этот господин был в заговоре с остальными и медлил с приездом. А, между тем, репрессии продолжались. Шаг за шагом отнимались у нас наши льготы и вводились меры строгой изоляции, абсолютно бессмысленные в отношении нас, так как следствие по нашему делу уже было закончено, целый ряд товарищей по делу были на свободе, и со дня на день должна была последовать передача дела в судебную палату.

Тогда мы постановили прибегнуть к обструкции. В назначенный час вся тюрьма загрохотала, застучала в двери, стала бить стекла и вышибать дверные форточки. Мы с тов. Елькиным, за неимением других орудий, во всю мочь били в дверь платяной щеткой и каблуками сапог. Шум и треск стоял адский, изо всех дверей неслись крики: „Давай прокурора!“. Надзиратели бегали, как зачумленные. Уголовные из корпуса „ночного раз'единения“ кричали в окно: — В чём дело? Нужно ли и нам начинать?

Так длилось с четверть часа. Вдруг в коридорах послышался топот множества тяжелых ног. Раздалась офицерская команда, и в камеры начали врываться вызванные тюремным начальством конвойные солдаты — вместе с надзирателями и помощниками начальника тюрьмы. Началось жестокое избиение. Озверелая солдатня била прикладами, ручками револьверов, сапогами, связывала заключенных и, высоко подняв, изо всей силы бросала на асфальтовый пол. Тюрьма огласилась воплями и стонами. Перед моей камерой остановилась солдатская орава, и я услышал грубый оклик офицера: „Отворяй!“. Но, к моему изумлению, наш надзиратель Арцыбашев громко сказал: „Ваше благородие, в моем коридоре никто не стучал“. Коридор Арцыбашева, вернее, находившаяся в его ведении часть коридора, начиналась как раз с моей камеры. Мы с товарищем Елькиным, приготовившись было к расправе, вздохнули свободнее. Действительно, солдатская банда прошла мимо нашей камеры, и через мгновение на другой стороне нашего коридора раздались крики избиваемых.

Что заставило нашего надзирателя поступить таким образом, я не знаю. Отношения, правда, у нас с ним были хорошие, но взятки он у нас не брал и впоследствии на наши расспросы отмалчивался. Очевидно, нервы не выдержали.

После избиения в тюрьме был введен настоящий каторжный режим. Часовым был отдан приказ стрелять в окна, если покажется голова заключенного у решетки. Нас опять перевели на строгий одиночный режим и запретили даже выписывать продукты „с воли“.

Но таков уж был царский режим, что для проведения его мероприятий никогда не находилось добросовестных исполнителей. Через месяц все снова отмякло. Только жестоко избитые товарищи долго еще жаловались на боль во всем теле, а один из них, тов. Агарев, кажется, даже заболел вскоре туберкулезом. Нас поодиночке стали вызывать в жандармское управление, чтобы объявить об окончании следствия. Дошла очередь и до меня, и, по примеру всех товарищей, я спросил у ротмистра Финке, намерен ли он выпустить меня на поруки до суда. К моему удивлению, оказалось, что мое, личное, дело еще не закончено и для того, чтобы дать обо мне окончательное заключение, жандармам нужно навести справки в Екатеринославе о моем прошлом.

Обстоятельство это встревожило меня гораздо больше, нежели все пред'являвшиеся мне до сих пор обвинения. Дело в том, что с Екатеринославом у меня было связано дело о захвате и защите ст. Нижне - Днепровск от войск, наступавших со стороны Севастополя. В Нижне - Днепровск я был командирован в декабре 1905 года екатеринославским советом рабочих депутатов для того, чтобы, вместе с вооруженной дружиной, захватить станцию и отрезать доступ войскам по железной дороге к Екатеринославу. Станция была, в конце

концов, взята, а дело о захвате станции Екатерининской железной дороги в Екатеринославе и Донбассе рассматривалось впоследствии военно-окружным судом, и 32 участника восстания были приговорены к смертной казни. Если бы Екатеринославская жандармерия узнала по моей фотографии комендаита ст. Нижне-Днепровск, то участь моя была бы решена. Я провел тяжелых две недели, пока, наконец, меня снова вызвали к ротмистру Финке. К моему удивлению и радости, я не нашел у него прежней непримиримости.

Дело мое оказалось законченным, и ротмистр, вспомнив о моем прошении об освобождении „по болезни почек“, предложил внести залог в 500 руб. для того, чтобы он мог освободить меня на поруки.

Эту болезнь почек я одно время чрезвычайно удачно симулировал по инструкциям находившихся на воле товарищей-врачей. Вначале эта „болезнь“ не принесла мне никакой пользы; теперь же я ухватился за этот повод и сообщил на волю об открывшейся перспективе освобождения. Ждать пришлось все же около месяца. За это время жандармы, тоже „по болезни“, освободили на поруки ряд товарищей, в частности — Мирлеса, Елькина, Авсеенко и Бузанского. Наконец, меня снова вызвали к ротмистру Финке и объявили, что за меня внесли залог в 500 рублей государственной рентой и что я освобожден под надзор Таврического жандармского управления.

В середине апреля 1907 года надзиратель Арцыбашев как-то к вечеру торжественно открыл дверь моей камеры и провозгласил на весь коридор: „С вещами в контору!“. Под прощальные крики товарищей и под градом поручений „на волю“, я понес в контору свою корзинку. Здесь меня ждал жандарм, который свез меня в полицейское управление и сдал под расписку полицмейстеру Бессонову. Мне велено было явиться на следующее утро для получения проходного свидетельства, и я очутился, наконец, на свободе на улицах Харькова.

Обвинение, предъявленное нам, было сформулировано по ст. 126 Уг. Улож. Но уже в августе, проживая под надзором полиции в Симферополе, я был вызван в жандармское управление, где мне, под расписку, было объявлено, что я привлекаюсь не только по ст. 126, но и по ст. 102 Уг. Улож. Ст. 102 означала минимум — ссылку на поселение, а при некоторой строгости суда — и каторгу до 8 лет. По ст. 126 еще имело смысл, для сохранения легальности, рискнуть годом крепости. Но каторга показалась мне слишком дорогой ценой.

Так как обвиняемые по ст. 102 при столыпинском режиме на свободе не разгуливали, то мне неизбежно грозил новый арест. Я предпочел поэтому снова перейти на нелегальное положение, а затем эмигрировал за границу.

С. ЯВОРСКИЙ (ЛЕВКОВИЧ)

В рядах харьковской соц.-дем. организации¹⁾

(1893 - 1900 г.г.)

I

Осенью 1893 г. я поступил в Харьковский Университет. В конце того же или начале 1894 года я был принят в имевшуюся уже тогда здесь социал-демократическую организацию, основанную Ф. А. Липкиным-Череваниным, из которой впоследствии образовался первый Харьковский Комитет Росс. С.-Д. Р. П., и пробыл в ней до первого своего ареста в октябре 1900 г. Таким образом, я непрерывно проработал здесь около 7 лет.

При отсутствии особенно ярких впечатлений за первый период моей жизни в Харькове (до 1898 г.), когда работа организации носила еще почти исключительно кружковой, пропагандистский характер, мне крайне трудно восстановить детали и последовательность событий за этот период.

Появление в № 1 (6) „Летописи Революции“ материалов о начальном периоде харьковской соц.-дем. организации (до I-го съезда Партии), а также воспоминаний А. Гинзбурга в „Истории Екатеринославской соц.-дем. организации 1889—1903 г. г.“ заставляют меня, однако, взяться за перо, чтобы, с одной стороны, их дополнить, с другой — исправить вкравшиеся в них неточности и ошибки. Я и теперь не беру на себя задачи дать свои личные воспоминания в форме хронологически-последовательного изложения относящихся к этому периоду фактов, я пишу лишь заметки о жизни харьковской соц.-дем. организации, освещая те моменты, которые могут представлять интерес для истории соц.-дем. движения.

Я приехал в Харьков с уже вполне определившимися социал-демократическими симпатиями и тяготением к теории марксизма. Однако, насчет применимости марксистской теории в чистом ее виде к русской действительности, как и насчет некоторых пунктов программы группы „Освобождения Труда“ (например, о роли террора)

¹⁾ Ст. тов. Фейнберга дает чрезвычайно интересный материал по истории харьковск. орг. доискровского периода. Несмотря на то, что этот период уже неоднократно освещался на стр. „Лет. Рев.“, редакция помещает и эту статью, как содержащую много новых дополнительных данных.

у меня оставались еще некоторые сомнения. В Харьков я приехал с твердым намерением выяснить прежде всего эти свои сомнения и, таким образом, окончательно определить свое общественное мировоззрение, чтобы затем вступить в действительную, революционную организацию. В университете я скоро сблизился с товарищем по курсу, юным студентом Ефремом Тартаковским (рано умершим), а через него и его сестру Бэлу Михайловну, с ее будущим мужем — рабочим-ювелиром Михаилом Владимировичем Лурье, впоследствии организатором и вдохновителем группы „Рабочее Знамя“. Он был в то время членом харьковской соц. - дем. организации. Приглядевшись ко мне, он скоро предложил мне вступить в организацию.

Я с радостью ухватился за неожиданное для меня предложение „неистового Михаила“ (это был человек с большой энергией и громадным темпераментом, вечно горевший революционным энтузиазмом); для меня неожиданными были и факт существования в Харькове вполне сформировавшейся соц. - дем. подпольной организации и — еще более — столь быстрое „открытие“ ее мною и лестное для молодого студента приглашение вступить в ее члены.

Физиономия и характер первой харьк. соц. - дем. организации (периода 1892 — 1898 годов), равно как и принципы, положенные в основу ее строения, совершенно правильно обрисованы в заметке т.т. Л. Николаева, Е. Левина и В. Маркова (первый являлся старейшим после Ф. А. Липкина членом организации, почему и получил конспиративную кличку „Эмбрион“). Поэтому останавливаться на этих вопросах мне не приходится. Мне хотелось бы здесь только подчеркнуть, что первоначальный, „школьный“ характер организации (мы в шутку нередко называли ее впоследствии „социалистической академией“) вызывался, с одной стороны, совершавшимся в то время резким поворотом в развитии русской социалистической мысли, с другой, определялся уровнем классового самосознания пролетариата Украины.

Социалистическая интеллигенция в России к тому времени уже разочаровалась в народничестве, но все еще склонна была видеть в русском марксизме лишь „добросовестный перевод с немецкого“, все еще сомневаясь в применимости революционного учения Маркса к „самобытным“ основам русской жизни с ее общиной, артелью и пр. Недоверие к силам рабочего класса и политическая пассивность крестьянства питали еще симпатии к террору, как основному методу революционной борьбы с самодержавием.

Мы, молодые студенты из Западного края и Польши (Я. Е. Левин, И. Ромм, А. Стессель, А. Малиновский), имели в этом отношении некоторые преимущества в виде кой-какого, правда, довольно ограниченного, опыта удачной пропагандистской работы среди западно-русского (еврейского и польского) ремесленного и фабричного пролетариата. Но мы все же чувствовали потребность прежде всего

подвести под свои соц.-дем. симпатии прочный фундамент марксистского учения, выработать цельное и прочное общественно-философское мировоззрение, уяснить себе дальнейшую экономическую эволюцию России (знаменитый вопрос о „судьбах капитализма в России“) и, таким образом, навсегда покончить с неопределенностью и неясностью идейной позиции тогдашней интеллигенции. „Академия“, как нельзя более, соответствовала этим стремлениям. В кружках организации было очень серьезно поставлено изучение „Капитала“ Маркса, равно как и теории исторического материализма, которую мы проходили очень углубленно, нисходя до философских корней марксизма¹⁾.

1) В своих воспоминаниях т. Ц. Зеликсон-Бобровская, попавшая уже не в интеллигентские кружки 1892—1897 г. г., а в кружок пропагандистов-руководителей рабочих кружков 1899—1900 г. г., дает о занятиях в нем такой отзыв: „Занятия (в кружке) были так серьезно поставлены, так много давали, что, я уверена, и сейчас сделали бы честь любой партийной школе, даже не в провинции, а в Москве“.

Уместно будет здесь же напомнить об одном раннем литературном выступлении организации, доказывающем высокую теоретич. квалификацию нашей группы. Я говорю о „двух письмах к Н. К. Михайловскому“, автором которых является Ф. А. Липкин-Череванин, ныне перепечатанных в № 23 „Былого“. Письма эти, по справедливому выражению редакции „Былого“ (см. № 23, стр. 102), были „настоящими голосами из подполья, отражавшими, еще до прихода вождей, как смотрит широкая масса адептов нового учения на разрешение наиболее острых вопросов русской жизни“. В этом было их несомненное и крупное историческое значение. Но ред. „Былого“ не совсем права в своем утверждении, что авторы писем не имели полномочий. Как уже упомянуто в записке Л. Николаева, Е. Левина и В. Маркова (см. № 1 (6) „Лет. Рев.“), оба письма были предварительно обсуждены и одобрены организацией, хотя, из конспиративных соображений, были посланы не от имени соц.-дем. организации, а от имени безымянных „марксистов“. Записка в № 1 (6) „Лет. Рев.“ и письмо в редакцию Ф. А. Липкина-Череванина, напечатанное в № 25 „Былого“, уже ответили на вопрос редакции, раскрыв и установив с несомненностью, „кто именно и при каких условиях оттачивал в своем революционном подполье эти первые полемические стрелы против ветеранов старой публицистики“. Мне остается только удовлетворить историческую любознательность редакции насчет того, кто является издателем „Двух писем“ и в какой типографии они напечатаны. Издателем правильнее всего будет считать харьк. соц.-дем. организацию, напечатаны же они не Лахтинской типографией группы народолюбцев, в чем справедливо сомневается и „Былое“, а рабочим-революционером Моисеем Лурье, впоследствии членом группы „Рабочее Знамя“, умершим эмигрантом в Лондоне. (См. воспоминания о нем Д. Гершановича в сборнике „К 25-летию I съезда Партии 1923 г.“).

С Моисеем у организации была связь через своего члена Михаила Лурье, который и передал ему „Два письма“ для напечатания. Полагаю, что типография, в которой напечатаны „Два письма“, явилась зачатком типографии „рабочих революционеров“ (издавших позднее брошюру о циркуляре Витте и некоторые другие), а затем и типографии группы „Рабочее Знамя“.

„Два письма“ изданы были, насколько мне известно, в небольшом числе экземпляров, но все же получили довольно значительное распространение в Петербурге, Москве и Зап. крае. Мне известно, например, что виленская соц.-дем. организация радостно встретила это первое по времени публичное исповедание веры русских марксистов (если не говорить о заграничных изданиях группы „Освоб. Труда“) и отзывалась о них с большим одобрением.

Харьковская организация ставила себе как раз те задачи, которые стояли перед первыми русскими социал-демократами из среды революционной интеллигенции. Подчеркнутая законспирированность ее также в наших глазах являлась большим достоинством: перед всеми нами был печальный пример молодых студенческих народовольческих и марксистских кружков, чуждых конспиративных навыков и принципов старых революционеров „Народной Воли“ и потому лопавшихся, как пузыри, не успев не только развить сколько-нибудь заметной пропагандистской или агитационной работы в трудовых массах, но даже сформироваться и выяснить себе свою собственную физиономию (см., например, в том же № 1 (6) „Летописи Революции“ дело б. харьковских студентов — Ф. Зандберга¹⁾ и др.).

Пусть эти принципы организацией и сильно утрировались, грозя опасностью замыкания в себе, превращения в революционную секту: для первоначального собрания и идейного оформления революционных сил в духе марксизма эти организационные принципы были вполне пригодны. На первых порах к тому же — пока не развернулась широкая, массовая работа — они нас не слишком стесняли. Эта черта — конспиративный ригоризм — была у первой харьковской с.-д. группы общей с некоторыми другими провинциальными группами того времени, например, с киевской; даже правила конспирации, принятые у нас, были те же, что и у киевской группы (смотри Б. Эйдельман „К истории возникновения Р. С.-Д. Р. П.“ в сборнике „I Съезд Р. С.-Д. Р. П.“, стр. 36-37). Связей в рабочей среде у нас, как и у киевлян, в то время было очень мало, и потому у некоторых получалось впечатление конспирации впустую. Более горячие натуры не выдерживали и покидали организацию, переселяясь в более оживленные промышленные центры. Так, скоро ушел от нас ювелир Михаил Лурье, переселившись сначала в Одессу, а затем в Белосток и основавший здесь вместе со своим братом Мойсеем одну из первых соц.-дем. типографий, а позднее — организацию „Рабочего Знамени“. (Туда же, впрочем, влекли его и некоторые не вполне выяснившиеся программные и тактические разногласия с организацией. Являясь марксистом, он в то же время оставался большим поклонником П. Лаврова и Н. К. Михайловского, сильно симпатизировал Р. Р. С. и пр.). Другие уходили из организации по окончании университетского курса и, переезжая в другие города, примыкали к местным соц.-дем. организациям. Так, талантливый член организации Арон Павлович Лурье, переехав в Питер, примкнул к местному „Союзу борьбы за освобождение рабочего класса“ (1895—1896), а затем вместе с другим б. членом харьковской организации И. М. Роммом — к основанной

¹⁾ Федор Михайлович Зандберг, мой близкий товарищ по гимназии, был арестован в 1893 г., будучи студентом 1-го курса, и умер в Харьковской тюрьме от оспы.

М. Лурье группе „Рабочего Знамени“ и т. д. Оставшиеся в Харькове члены терпеливо, хотя и с трудом, несли на себе конспиративную тяготу до тех пор, покуда работа, все более и более расширяясь, не начала переходить в открытую агитацию среди харьковских рабочих масс. Но тогда изменился и весь характер организации, и последняя приблизилась уже к обычному типу комитетов Р. С. - Д. Р. П.

Другим моментом, наложившим свою печать на характер первой харьковской соц.-дем. организации, был, повторяю, низкий уровень классового самосознания местного пролетариата. Харьков в начале 90-х годов являлся еще, преимущественно, городом ремесла и мелкой и лишь отчасти — средней промышленности. Крупная промышленность только лишь зарождалась: громадный Паровозостроительный, Бельгийский и другие машиностроительные заводы развернулись лишь во второй половине десятилетия. Единственным крупным центром скопления пролетариата являлись местные жел.-дор. мастерские, но жел.-дор. рабочие были еще тесно связаны с местным мещанством (а также с пригородным крестьянством), из среды которого они вышли; многие владели еще своими домишками, коровами и огородами и по психологии близки были к этому мещанству. Пролетариат ремесленных заведений и мастерских еще не помышлял о борьбе за улучшение своего положения и, конечно, еще глубже был проникнут предрассудками того же мещанства. Об этом свидетельствует в своих воспоминаниях и старый рабочий—наборщик Б. Линцер, так характеризующий рабочую среду одной из наиболее крупных харьковских типографий Зильберберга (1893 — 95 г. г.): „с первого же момента я почувствовал особую, специфическую атмосферу, насыщенную антисемитизмом, алкоголем, религиозными предрассудками и безразличием ко всему“ („Л. Р.“ № 1 (6), стр. 99). Здесь не было еще той восприимчивой рабочей массы, ждавшей лишь прихода пропагандиста или агитатора, чтобы начать борьбу за свои классовые интересы, какая имелась уже в главных центрах крупной промышленности (Москве, Питере, Варшаве, Лодзи, Риге, отчасти — Киеве, Екатеринославе).

Таким образом, первые годы, по крайней мере до 1896 года, внимание организации было направлено, главным образом, на теоретическую подготовку своих членов, на усвоение ими основ марксизма и коллективную разработку вопросов теории в применении к русской действительности. Внешняя работа сводилась почти исключительно к пополнению организации новыми членами из рядов, главным образом, студенчества, и к привлечению одиночек из среды рабочих. К 1895 — 1896 г. г. организация состояла из 3 — 4 соц.-дем. кружков, объединяемых центральным кружком, через который предварительно проводились все программные и тактические вопросы. Состав этих кружков выяснен в № 1 (6) „Лет. Рев“. Я повторяться не буду.

Распространению идей марксизма среди учащейся молодежи способствовали нередко устраивавшиеся студенческие вечеринки, на которых читались рефераты по волновавшим молодежь вопросам и разгорались горячие споры между сторонниками и противниками нового революционного учения. Хотя мы старались из конспиративных соображений не выступать открыто на этих вечеринках, но мы все же вмешивались в прения, стараясь дать им определенное направление и выясняя в них наиболее выдающихся, склоняющихся к марксизму, интеллигентов, чтобы затем втянуть их в организацию. Особенно оживились эти дебаты после появления знаменитой книги Бельтова - Плеханова „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“, „Критических заметок“ П. Струве, статей Тулина - Ленина, книг Туган - Барановского и пр. Чем дальше, тем все больше симпатии учащихся склонялись в сторону марксизма, а мы все чаще выходили победителями из дебатов.

Связей в рабочей среде у организации вначале совсем не было (если не говорить о ювелире М. Лурье), и мы усиленно принялись за отыскание таковых. Первым подлинным рабочим, с которым мне удалось познакомиться через Катю Рискинд (в 1895 г.), был наборщик Борис Линцер. Он и жена его Соня были уже тогда люди довольно развитые, с общественными стремлениями, но на беду Борис был убежденным сторонником рационалистически-толстовского учения и, поэтому, отрицательно относился к революционной борьбе. На то, чтобы переубедить его мне пришлось потратить чуть ли не год упорного труда. Я привожу это, как свидетельство того, с каким трудом давался каждый, даже самый маленький успех среди рабочих в те времена. Но, раз убедивши т. Линцера в необходимости и неизбежности революционной борьбы, мне уже не пришлось много тратить времени на дальнейшее обучение его основам марксизма, и в его лице мы приобрели весьма ценного, преданного и энергичного работника, пользовавшегося к тому же в качестве старого, „солидного“ рабочего большим весом в рабочей среде. Благодаря ему, его жене Соне и Кате Рискинд, нам скоро удалось создать в городском районе целый ряд рабочих кружков из наборщиков, печатников, картонажников, конвертниц, белошвеек, ювелиров, табачников, конфектниц и т. п. Работа в этих кружках первые годы носила чисто пропагандистский характер. Останавливаться на этом мне здесь не приходится, так как внутренняя жизнь их достаточно обрисована в № 1 (6) „Летописи Революции“.

Перед рабочими массами организация открыто не выступала, печатная агитация путем выпуска листовок и брошюр считалась еще преждевременной. Однако, это не мешало членам наших рабочих кружков, путем устной пропаганды в мастерских, неустанно, изо дня в день, будить классовое самосознание своих товарищей, а при

случае вести и агитацию на почве экономических нужд и требований. Руководителями рабочих кружков являлись члены организации — интеллигенты — Л. Николаев, И. Ромм, А. Стессель, М. Кириллов и друг. Члены рабочих кружков в свою очередь организовывали подготовительные кружки из спропагандированных ими рабочих и до поры до времени сами руководили ими. Лучшие из них после некоторой подготовки привлекались в рабочие кружки, непосредственно связанные с организацией. Таким образом, скоро в городском районе у нас была уже целая сеть таких кружков из ремесленников и фабричных рабочих и работниц. Одновременно расширялись и наши связи среди заводских рабочих. Мне трудно восстановить историю возникновения и развития заводских кружков, так как в первом периоде (до зимы 1898 — 1899 г. г.) мне лично пришлось работать, главным образом, среди городских рабочих. Насколько могу теперь вспомнить, дело обстояло так. Вначале, в заводской среде у нас были только единичные связи, и первый кружок с участием заводских рабочих носил смешанный — ремесленно-заводской характер. Образован он был зимой 1895 — 1896 г. г. (см. воспоминания Е. Рискинд), в него вошли рабочие жел.-дор. мастерских Семенов и Воейков, пользовавшиеся уже влиянием в рабочей среде, но ведшие свое дело очень осторожно, особенно — т. Семенов. Одновременно высланный из Ростова за революционную пропаганду рабочий Давиденко (не могу теперь сказать определенно, был ли он так или иначе связан с нашей организацией или действовал независимо от нее), совместно с прибывшим оттуда же слесарем Зоткиным, организовал кружок из спропагандированных молодых рабочих: учеников жел.-дор. мастерских — Матросова, Библика, Бунякаина, Ракицкого, который собирался до 1896 г. Затем Давиденко скрылся со сцены и кружок завязал связи с студентом-технологом А. Селивестровым. О деятельности А. Селивестрова и его кружке организация была прекрасно осведомлена через рабочего Семенова и через своего члена Нестора Иванова, поддерживавшего с А. Селивестровым самые тесные отношения, но до времени не считала нужным привлекать их в свой состав. В 1897 г., после отъезда А. Селивестрова из Харькова, члены кружка Бунякин и Матросов введены были организацией в кружок, куда уже раньше вошли Семенов и Воейков, а также рабочий завода Гельферих-Саде, Винниченко и др. Кружком руководил студент-медик И. М. Ромм, а после его переезда в Питер — интеллигент Липкин (брат Ф. Липкина-Череванина), еще позднее — технолог М. Кириллов¹⁾. В таком виде,

¹⁾ М. Кириллов, арестованный в 1899 г. в Москве, выказал большую слабость, подтвердив показания предателя Всева. Кв. Руднева, оговорившего целый ряд лиц, и, кажется, дополнив их еще новыми данными. Справедливость требует, однако, сказать, что после этого он еще в тюрьме покушался на самоубийство. Перед революцией 1905 г. он, по слухам, был убит в Екатеринославе при перестрелке рабочих с казаками.

лишь несколько меняя свой состав, кружок просуществовал, повидимому, до 1896 г. К этому времени наши связи среди заводских рабочих стали сильно расширяться, организации удалось связаться почти со всеми более или менее крупными заводами (Паровозостроительный, куда перешел на работу Семенов, Гельферих - Саде, Трепке, Пильстром, Бельгийский и друг.). Таким образом, центр тяжести работы организации мало-по-малу переместился из ремесленно - городского района в фабрично-заводской. Этому сильно способствовал первый провал организации летом 1898 г., когда жандармерии удалось разгромить почти все городские рабочие кружки, а вместе с ними — проследить и захватить один из кружков самой организации. Из интеллигентов арестованы были: Л. В. Николаев, А. И. Стессель, П. И. Фомин, В. Я. Павлов, Е. Сысоева - Левина и др., а из более видных рабочих — Б. Линцер, Н. Романенко, Н. Федоров, Т. Курило, Л. Батуров, работницы: Н. Певзнер, С. Гринштейн, Л. Геффен и др.

II

Благодаря крепкой конспирации, провал этот не приостановил соц.-дем. работы в Харькове. Руководящая соц.-дем. организация уцелела и продолжала свою работу. Заводские рабочие кружки провалом совершенно не были задеты и продолжали расти и развиваться, особенно в железно-дорожных мастерских, где вокруг стачечной кассы успела organizоваться довольно крупная боевая организация, мало-по-малу об'единившая вокруг себя не только революционную молодежь, но и „солидных“, влиятельных рабочих. Хотя организация пропагандистских кружков среди заводских рабочих проходила гораздо труднее, чем среди городских рабочих, зато работать с ними было гораздо легче: среди них было довольно много людей с общей подготовкой, начитанных, прошедших воскресные школы и курсы, которых, после сравнительно краткой подготовки в кружках, можно было прямо привлекать к революционной работе. В связи с общим оживлением рабочего движения в России, ростом крупной промышленности в Харькове и расширением связей среди заводских рабочих, организации становилось уже тесно в рамках узкой кружково-пропагандистской работы, и решено было перейти к открытой массовой агитации, на первых порах — на почве повседневных экономических нужд рабочих, путем выпуска и распространения на заводах агитационных листов. Принципиально наш центр (по своему составу, как сказано, интеллигентский) давно уже стоял за переход к массовой агитации. Когда появилась известная виленская брошюра об агитации, она была обсуждена и в основных чертах одобрена организацией. Но переход к агитации, как известно, на первых порах нередко встречал сопротивление со стороны рабочих

кружков, воспитывавшихся до того в чисто-пропагандистском духе, и на этой почве во многих городах образовалась „рабочая оппозиция“.

В связи с вопросом о рабочей оппозиции, считаю не лишним рассказать подробнее о нашей поездке в Вильну (хотя об этом инциденте уже рассказано в воспоминаниях Ю. О. Мартова и в № 1 (6) „Летописи Революции“).

Весной 1895 года в Вильне в связи с резким и решительным переходом местной соц.-дем. организации к массовой агитации образовалась рабочая оппозиция во главе с резчиком Гордоном. Оставшись без интеллигенции и прослышав (через упомянутого уже брата Михаила Лурье — Моисея) о существовании в Харькове богатой интеллигентскими силами социал.-дем. группы, она обратилась к нам с просьбой делегировать им на помощь несколько интеллигентов. Они прислали нам длинное послание, автором которого являлся, конечно, Гордон; критикуя виленцев за переход к экономической борьбе с хозяевами (по преимуществу мелкими хозяйчиками), Гордон ядовито писал: „они затевают ссоры с женами своих хозяйчиков и воображают, что ведут классовую борьбу“. Организация делегировала в Вильну А. П. Лурье, И. Ромма, Е. Левина и меня. Разделив между собой кружки из членов рабочей оппозиции, но поддерживая в то же время связи с местной соц.-дем. организацией, мы довольно скоро ориентировались в положении и повели определенную линию на откол от оппозиции большинства рабочих (сам Гордон и его ближайшие приверженцы были неискоренимы). Это нам в значительной степени удалось: к концу лета было созвано совещание из представителей соц.-дем. организации и оппозиции, на котором и произошло соглашение с большей частью последней. Из представителей виленской организации на этом совещании припоминаю А. Кремера, („Александр“) и Ю. О. Мартова, описавшего этот эпизод в своих „Записках соц.-демократа“. Как видно из сказанного, мы не случайно проводили лето в Вильне, а были командированы туда харьковской организацией по специальному приглашению „оппозиции“. Наше отношение к последней также не совсем правильно охарактеризовано Мартовым: мы уже тогда определенно склонялись к массовой агитации.

Разразившаяся в 1896 году знаменитая общая забастовка петербургских ткачей, руководимая Петербургским Союзом Борьбы за Освобождение Рабочего Класа, окончательно укрепила нас в необходимости перехода от кружковой пропаганды к агитации в массах, показав зрелость русского рабочего движения. Но наши связи на харьковских фабриках и заводах были тогда еще недостаточны для широкого выступления, да и объективные экономические условия здесь были еще не вполне благоприятны для этого. Только к осени 1897 — зиме 1898 г. относятся первые попытки перехода организации

к массовой агитации¹⁾. В начале 1898 г. организация выпустила свой первый листок к харьковским рабочим, раз'яснивший необходимость организации для борьбы путем стачек за улучшение положения и за политические права (конкретного содержания листка припомнить не могу). Листок был выпущен на гектографе от имени „группы социал-демократов“ в небольшом числе экземпляров. При распространении его мы натолкнулись на неожиданное для нас, хотя обычное и в других городах препятствие: члены наших кружков из числа рабочих жел.-дор. мастерских категорически отказались распространять отпечатанный уже листок, считая, что открытое выступление организации преждевременно и может погубить с трудом организованные кружки. Сообщаемый мною факт противоречит утверждению Е. Рискинд, что листок был выпущен под давлением ж.-д. рабочих. Думаю, однако, что утверждение это лишь — проявление „непроизвольной ретроспективной ретуши“, которой авторам воспоминаний, по справедливому мнению Л. Д. Троцкого, так трудно избежать, особенно при изложении событий, отделенных от нас десятилетиями. Ближе, повидимому, к истине т. Бунякин, по словам которого „листок вызвал критическое отношение всего кружка, пришлось внести некоторые редакционные поправки, чтобы яснее было понимать рабочей“ массе. Быть может права т. Рискинд, что выпуска листка требовал рабочий Семенов, самый факт отказа жел.-дор. рабочих распространить листок не подлежит сомнению: я хорошо помню, как центральная наша группа (в то время — исключительно интеллигентская) в виду этого отказа экстренно собралась для обсуждения создавшегося положения; решено было во что бы то ни стало в ту же ночь распространить листок и в жел.-дор. районе, хотя бы и собственными силами (на других заводах листок был распространен нашими кружковыми рабочими). Для разбрасывания листка были немедленно командированы Н. И. Иванов („Булочник“) и я. Около 3-х часов ночи мы вдвоем направились в район жел.-дор. мастерских и здесь на рассвете разбросали и рассовали листок около жел.-дор. мастерских, по дворам, населенным рабочими, на жел.-дорожном мосту и пр. Рабочие уже шли на работу и успели, повидимому, разобрать листок раньше, чем спохватилась полиция. Правда, благодаря такому несовершенству распространения и благодаря плохой технике, этот первый листок получил, сравнительно, слабую известность, но все же произвел впечатление среди рабочих, о нем всюду говорили, а главное — лед уже был сломан, и наши рабочие уже больше не сопротивлялись распространению агитационной литературы. На первых порах выпуск листка оказался, однако, фактом изолированным: дальнейшему выпуску

¹⁾ Нам кажется, что освещенное достаточно полно самим т. Фейнбергом теоретическое и „сектантское“ направление харьковской организации явилось также немаловажной причиной позднего ее перехода от пропаганды к агитации. Редакция.

их помешало отсутствие сколько-нибудь сносной техники, а затем — частичный провал организации летом 1898 г. Организации и в ближайшие годы не удалось сколько-нибудь удовлетворительно наладить печатную технику, и это, наряду с остатками утопических взглядов первого периода ее существования (см. записку Л. Николаева, Е. Левина и В. Маркова), обрекало в значительной мере на бессилие многие из ее начинаний. А планы у организации были широкие и вполне целесообразные. В 1898 — 1899 г. г. организация не раз пыталась, не довольствуясь кружковой работой, перейти к более или менее широкой политической пропаганде и агитации. Так, по поводу издания закона 2 июня 1897 г. нами была написана агитационная брошюра для рабочих¹⁾, но издать ее в сколько-нибудь значительном количестве нам так и не удалось.

Одной из серьезных причин нашей слабости на практике служили наши доктринерски-строгие требования к кандидатам в организацию, оставлявшие за бортом ее нередко энергичных и преданных работников. Так, сознательно были оставлены нами за пределами организации многие способные и рвавшиеся к революционной работе молодые интеллигенты. Эта молодежь или уезжала в другие города, или делала попытки образования различных кустарнических революционных организаций, в роде детски-наивной „Лиги разума и справедливости“, быстро попадавших, по своей неопытности, в руки охранке.

Позднее, в 1899 — 1900 г. г. из таких оставленных нами за бортом соц.-дем. интеллигентов П. И. Шумову удалось организовать харьковскую группу „Рабочего Знамени“ (насколько помню, сюда вошли: студент-медик Берлин, врач Цынкин, кажется, также покойный Владимир Семенович Бобровский и друг.), но ни одной из этих групп ни разу не удалось прочно стать на ноги и составить нам сколько-нибудь серьезную конкуренцию.

Необходимо сказать несколько слов о „рабочей оппозиции“, наиболее ярким выразителем которой в Харькове явился высланный из Иваново-Вознесенска рабочий Махов и его товарищи. Не берусь точно охарактеризовать его политические взгляды, так как лично с ним знаком не был. Знаю, что это был очень активный пропагандист и агитатор, признававший, однако, только борьбу на почве экономических требований и особенно восстававший против допущения соц.-дем. интеллигенции к руководству рабочим движением, отводя ей чисто служебную роль. Махову удалось организовать вокруг себя группу рабочих, преимущественно ремесленников, и привлечь группу молодых студентов во главе с известной радикальной деятельницей Е. Трутовской. Но приемы работы Махова настолько противоречили

¹⁾ Написана она была мной совместно с покойной Я. С. Левиной - Сысоевой, автором рассказа „Мститель“ (№ 3 „Южного Рабочего“) и друг., обладавшей несомненным литературным талантом.

хотя бы самой элементарной конспирации, что рабочие, по свидетельству жандармов, иногда задавали себе даже вопрос, не кроется ли тут провокация. Конечно, группа быстро провалилась, не оставив прочных корней в харьковской рабочей массе¹⁾. Несколько сродни этой группе по своим тенденциям, но совершенно чуждавшаяся подпольной борьбы, была группа старых, пользовавшихся уважением в рабочей среде „солидных“ рабочих из бывших народовольцев и соц.-дем., группировавшихся вокруг рабочего Кондратенко, и организовавшая легальное „Общество взаимопомощи ремесленников“. Вокруг общества группировались старые, нередко очень культурные рабочие, избегавшие революционной борьбы и предпочитавшие подполью чисто легальную работу. Нашим рабочим, несмотря на некоторые попытки, не удалось добиться в этом обществе влияния, и до революции обществу не удалось сыграть роль профсоюза, в каковое оно превратилось лишь после революции.

Другой причиной невозможности для нашей организации развернуть все свои силы была ее оторванность от соц.-дем. организаций, работавших в других городах. Организация не считала возможным установить с ними прямые и постоянные связи, допуская лишь сношения через отдельных членов организации от случая к случаю (главным образом, для добывания нелегальной литературы). Этим и объясняется, что организации других городов имели о нас очень неясные, смутные представления. Так, организатор первого съезда партии Б. Эйдельман еще в 1921 году считал ее „крайне молодой и мало практически работающей группой с какими-то неопределенными планами“. В. Акимов-Махновец, наоборот (см. его статью „I Съезд Р. С. - Д. Р. П.“), не соглашаясь с тов. Эйдельманом, характеризует организацию, как „заслуживающую полного доверия, имевшую право на влияние в деле объединения партии“. Но он, в свою очередь, не совсем прав, приписывая организации отрицание необходимости централизации соц.-дем. работы в данный момент. На самом деле, организация с самого своего зарождения являлась горячей сторонницей централизации. Из записки Л. В. Николаева и друг. (см. „Летопись Революции“ № 1 (6) видно, что уже очень рано харьковская организация пыталась распространить свое влияние на другие промышленные центры: так она сначала через своих членов А. А. Богданова и П. И. Фомина пыталась связаться с тульской соц.-дем. группой, а затем (1897 г.) выделила из своей среды значительную группу для образования ядра московской организации (Ф. А. Липкин-Череванин, Л. Л. Никифоров, И. Ванеев, М. Кириллов, Шамет, Б. В. Авилов). Группа успела в Москве завязать связи с рабочими, но вскоре попала в сети московской охраны. Таким

¹⁾ Только в 1901 г. она снова дала о себе знать. Так, по свидетельству корреспондента „Рабочего Дела“, она в это время составила заметную конкуренцию партийному комитету, расстроив празднование 1 мая.

образом, только быстрый провал этой группы, благодаря предательству б. статистика Всева. Кв. Руднева и М. Кириллова, помешал осуществлению задуманного плана — перенесения центра организации из Харькова в Москву и Питер, с целью образовать в столице ядро будущей единой соц.-дем. партии. Следует, конечно, признать, что организация переоценивала свои силы, что для выполнения такой крупной исторической роли, как создание центральных с.-д. организаций, недостаточно было одной теоретической выдержанности, что организационные принципы, которых держалась группа, являлись причиной того, что, при относительно богатстве ее интеллигентскими силами, в ней было слишком мало людей, прошедших суровую практическую школу политической борьбы и на деле доказавших свою способность руководить классовой борьбой русского пролетариата. Но во всяком случае ясно, что харьковская организация была очень далека от отрицания необходимости (хотя бы даже в данный момент) централизации соц.-дем. работы. Гораздо ближе к истине тот же т. Махновец, когда он ниже говорит, что записка, переданная представителем организации т. Эйдельману в ответ на приглашение на первый съезд партии, хотя и представляла собой небольшую испсанную четвертушку бумаги, впервые формулировала тот план строительства партии, который впоследствии был разработан и приведен в исполнение группой „Искры“. Содержание записки, насколько могу припомнить, в существенных чертах сводилось к тому, что при данных условиях съезд может явиться лишь попыткой чисто механического объединения разномыслящих и к тому же мало влиятельных местных групп, между тем, как для создания действительно единой партии, заслуживающей этого названия, необходима прежде всего — общность политической программы и единство тактической линии. Записка кончалась указанием, что такая задача может оказаться по плечу лишь сильной своей сплоченностью и общностью программы и тактики объединенной петербургско-московской организации.

Конечный абзац (подчеркнутые слова) настолько врезался мне в память, что привожу его почти дословно, ручаясь, если не за отдельные выражения, то за точность смысла его. В тот момент мы еще надеялись, что такая сильная и идейно выдержанная организация может быть создана членами нашей группы, выделенными для работы в Москве и Петербурге. Таковы были истинные причины отказа нашего от участия в первом съезде. Что у нас, членов харьковской организации, было в то время еще очень мало практической опытности в революционной работе и во всяком случае гораздо меньше, чем у организаторов съезда, это неоспоримо. Но планы у нас были, как уже сказано, очень определенные, и сводились они к овладению руководством рабочим движением в Москве и Петербурге и созданию,

затем, действительно единой партии. Этот свой затаенный план мы противопоставляли конкретной попытке организаторов первого с'езда, и только наличность его дала нам решимость отказаться от заманчивого приглашения принять участие в осуществлении исторического дела, все значение которого было для нас совершенно ясно.

Лицом, ведущим переговоры с т. Эйдельманом от харьковской организации, был автор этих строк. К сожалению, за давностью времени, я не могу установить всех деталей наших переговоров. Нам, харьковцам, было известно, что инициатива созыва с'езда исходит от киевского Союза Борьбы и киевской же группы „Рабочей Газеты“, что, кроме них, в организации с'езда принимает участие еврейская соц.-дем. организация, что приглашены еще петербургские и московский Союзы Борьбы. Виленцев мы знали, как прекрасных практиков соц.-дем. движения, вполне разделяли тактическую точку зрения, выраженную ими в знаменитой брошюре „Об агитации“ и пр. Но в то же время мы считали виленцев несколько беззаботными насчет идейной выдержанности соц.-дем. программы и, кажется, на этот счет не ошибались. Петербургский и московский Союзы Борьбы, как нам было известно, после крупных провалов (1895 — 1897 г. г.), находились в руках мало опытных деятелей склонных к тому же крайнему сужению характера русского соц.-дем. движения („рабоче-мыслительство“, экономизм — достаточно наметились уже перед с'ездом). Физиономия группы „Рабочей Газеты“, успевшей выпустить только 1 — 2 номера, была нам мало известна. К тому же т. Эйдельман явился к нам без веских рекомендаций (он обратился к нам через киевского рабочего Коссовского, жившего на квартире у Б. Линцера; переговоры с т. Эйдельманом я вел, именно, на квартире Б. Линцера). Это заставило меня, очевидно, быть недостаточно откровенным в беседах с т. Эйдельманом. К тому же, я ясно понимал, что наша точка зрения окажется неприемлемой и даже малопонятной для тех, кто, как киевляне или виленцы, были настолько поглощены практической работой, что для них теоретические разногласия, хотя бы они касались основных вопросов партийной программы, отходили на второй план. Именно из этих соображений я, повидимому, воздерживался в своих беседах с т. Эйдельманом от полного выявления нашей принципиальной позиции и наших собственных планов создания партии. А т. Эйдельман, повидимому, относился с таким предубеждением к нам, как к крайне молодой группке, что наши планы о создании объединенной петерб.-московской организации превратились в его голове в план создания чего-то в роде курско-брянской группы (т. Эйдельман уверяет даже, что он „хорошо помнит о сообщенном ему, будто бы мной, плане создания такой группы“). Каюсь, что я так неудачно наметил перед т. Эйдельманом наши принципиальные расхождения, но думаю, что в этом непонимании часть вины

все же лежит и на т. Эйдельмане. Могу только сказать, что я лично, как и вся организация, перенес тяжелую борьбу с самим собой прежде, чем отказаться от заманчивого и увлекательного предложения участвовать в I съезде партии. Обдумывая теперь наше решение, я должен признать, что мы совершили тогда политическую ошибку. Правда, мы верно оценили реальные силы организаторов съезда и местных соц.-дем. групп: они оказались и идейно и практически не на высоте той громадной исторической задачи, которую они на себя взяли; они оказались не в силах выработать партийную программу, и даже составление Манифеста партии **принуждены** были поручить уже тогда совершенно постороннему для партий лицу — П. Струве. Когда избранный на съезде Ц. К. партии был арестован, не успев ни разу собраться, то участвовавшие в съезде организации оказались не в силах выделить новый Ц. К., и партия, как единая организация, фактически перестала существовать. Но мы недооценили той морально-политической силы, которая таилась в самой идее единой социал-демократ. партии: даже создание фикции партии сыграло крупную историческую роль, дав возможность впервые открыто развернуть перед массами соц.-дем. знамя и начать кристаллизацию вокруг него всего, что было живого и сильного в рабочей массе и в революционной среде. Пусть для фактического создания единой партийной организации с выдержанной программой и тактикой потребовалось целых 5 лет — партия все же родилась в 1898 г. Если бы мы могли тогда предвидеть, что из наших попыток создать партию собственными силами ничего не выйдет, мы, конечно, не отказались бы от участия в съезде. Но мы поняли это только годом-двумя позже, после провала нашей московской группы, и только тогда харьковская организация примкнула к партии, переименовавшись в Харьковский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Нарушая несколько хронологию, должен тут же исправить ошибку в воспоминаниях А. М. Гинзбурга о неудачной попытке группы „Южного Рабочего“ восстановить партийное единство (весной 1900 г.) путем созыва представителей местных групп. Попытка эта, несомненно, отличалась большой стремительностью, но подготовка к новому съезду была еще менее серьезна, чем в 1898 г. Тов. А. Гинзбург утверждает, что инициаторами съезда (инициативной группой „Южного Рабочего“) было разослано 6 экземпляров письменного обращения группы с приглашением на съезд, в том числе и в харьковскую группу. Такого письменного обращения мы не получали и о затеваемом съезде, насколько могу припомнить, даже не знали. Тов. Гинзбург, повидимому, прав, что члены харьковской организации отнеслись „очень сдержанно“ к идее созыва съезда для нового механического объединения местных групп. Возможно, что отдельные члены группы и высказывались в этом духе в личных беседах с ним (я лично таких бесед не припомню,

хотя т. Гинзбург должен был бы вести их прежде всего именно со мной). Письменного обращения от инициаторов съезда мы, повторяю, не получали и потому официального ответа в духе отказа от участия в съезде мы во всяком случае не давали. Должен сказать, что к тому времени мы уже в значительной мере разочаровались в возможности создания собственными силами ядра будущей партии. Мы переходили в то время к широкой, массовой агитационной работе, что особенно ярко сказалось в майские дни того же 1900 года. К тому же и формально организация приняла наименование Харьковского Комитета Р. С. - Д. Р. П.

Не могу, поэтому, с уверенностью сказать, каков был бы на этот раз наш ответ на приглашение принять участие в съезде, если бы мы его получили. Чрезвычайно любопытно, что и В. И. Ленин, которого, согласно воспоминаниям А. Гинзбурга, предполагалось привлечь к съезду персонально, „отнесся к идее съезда, если не отрицательно, то во всяком случае — уклончиво, считая, что партия не может быть восстановлена путем объединения существующих комитетов“. В. И. Ленин „считал необходимой предварительную идейную подготовку партийной среды, и в первую очередь, — создание общероссийского партийного органа, который собрал бы вокруг себя все идейные силы партии“. Несомненно, конечно, что только группе „Искра“ с ее крупными организаторскими, интеллектуальными и литературными силами, имевшими к тому же богатый опыт руководства революционной борьбой, и пользовавшейся заслуженным авторитетом в революционной среде, могло удасться выполнение исторической задачи создания дееспособной и идейно выдержанной действительно единой соц. - дем. партии, которую себе ставили харьковцы. Кстати, скажу здесь, что с мыслью о создании общепартийного политического органа носилась в 1899 г. и харьковская организация. В необходимости его особенно убеждал организацию полный идейный разброд в рядах номинально - единой, но ничем фактически не объединенной партии, чисто кустарнический характер работы большинства местных организаций, явный уклон значительной части местных комитетов и групп от революционного марксизма в сторону ревизии марксизма, в сторону берштейнианства и его российского проявления — экономизма и рабочемыслительства. В практической работе этот уклон сказывался сужением задач рабочей партии, уклонением от широкой политической борьбы.

Но собственных сил харьковской группы было, конечно, недостаточно для создания общеполитического органа, и вот в декабре 1899 г. группа командиров меня в Москву и Петербург для переговоров о создании такого органа. Мы рассчитывали на помощь нашей московской группы во главе с Ф. А. Череваниным и на отдельных б. членов организации, живших в то время в Питере. Но по приезде в Москву я узнал о полном провале всей нашей московской группы,

а в Питере — об аресте т. Б. Авилова, через которого мы рассчитывали завязать связи с некоторыми из марксистских литераторов (Б. В. Авилов был сотрудником легальных марксистских журналов, выходивших около этого времени в Петербурге — „Начало“ и др.). Прямых связей с столичными соц.-дем. организациями у нас, харьковцев, тогда не было, и потому, после некоторых неудачных попыток завязать их, мне пришлось вернуться ни с чем.

III

Эти неудачи в осуществлении наших широких планов заставили организацию на время сосредоточиться на более узких, местных задачах. Провал городской ремесленной организации, как уже сказано, ускорил перенесение центра тяжести нашей работы в фабрично-заводские районы. В зиму 1898 — 1899 г. нам удалось связаться, помимо главной опоры — жел.-дор. мастерских, почти со всеми, сколько-нибудь крупными, металлообрабатывающими заводами, а также и с крупными фабриками — конфетными, табачными, канатным заводом „Новая Бавария“ (под Харьковом) и пр.

К 1 мая 1899 г. организация распространила на всех крупных фабриках и заводах и во многих ремесленных мастерских первомайскую прокламацию, отпечатанную типографией „Рабочей Газеты“. Прокламация впервые была за подписью Харьк. Комитета Р. С. - Д. Р. П., но из-за этого, помнится, в самом Комитете возникли разногласия, и на части распространенных листов подпись, если не ошибаюсь, была даже срезана. Прокламация была встречена рабочими с большим сочувствием, поговаривали о том, чтобы бросить 1 мая работу, но эти попытки не удались из-за отсутствия единодушия. 1 мая 1899 г., как и в 1898 г., было ознаменовано только небольшими загородными собраниями, в которых участвовало по несколько десятков рабочих.

Прокламация сильно взбудоражила жандармов; произведено было несколько десятков обысков и арестов среди рабочих, многие из них были высланы, но раскрыть корни и нити жандармам на этот раз не удалось.

Осенью 1899 г. рабочими, без всякого призыва со стороны, была объявлена забастовка на почве экономических требований на Бельгийском заводе. Экстренно собранная в роще около „Стрельны“ центральная группа нашей организации решила издать к бастующим агитационный листок, текст которого был мной тут же написан и встретил полное одобрение группы. Это был один из первых написанных мной агитационных листов, на составлении которых мне, впоследствии, пришлось некоторым образом специализироваться¹⁾.

¹⁾ В особенности во время работы в Баку, куда я был выслан в 1901 г. и где пробыл до 1904 г.

Кроме выпуска листка, организация поддержала забастовку материально путем сбора, организованного среди сочувствующей публики. Сбор превысил 1000 рублей — по тому времени довольно значительная сумма. Успех этой забастовки еще более подбодрил нас и укрепил нашу решимость перейти от пропаганды к агитации.

Вскоре после забастовки на Бельгийском заводе, под влиянием устной агитации сознательных рабочих, на некоторых машиностроительных заводах возникло движение за сокращение рабочего дня с 11½ час. до 10½ часов, каковой был установлен на более крупных заводах. Требования рабочих были скоро удовлетворены, при чем до стачки дело не дошло.

К этому времени организация уже успела, в значительной мере, принять иную физиономию, более приспособленную к новым, ставшим перед ней, практическим задачам. Все расширявшаяся работа в рабочих районах требовала новых сил. Наши старые интеллигентские силы значительно оскудели, благодаря арестам в Харькове и Москве, переездам в другие города и полному уходу от революционной работы отдельных членов, а пополнять их путем долголетней обработки в кружках было уже немислимо. Зато организация начинала обростать довольно многочисленной интеллигентской периферией, привлекавшейся нами к исполнению целого ряда практических функций: сбору денег („Кр. Крест“), ведению пропагандистских кружков, расширению связей среди рабочих, распространению литературы и пр. ¹⁾

В 1899 г., воспользовавшись притоком свежих интеллигентских сил, мы организовали ряд пропагандистских кружков из рабочей молодежи. Такие кружки велись, между прочим, С. А. Алексеевым, Ц. Зеликсон, Ал. Горовицем и др. В качестве наиболее активных и выдающихся их членов припоминаю рабочих: Борисенко, Гайденко, бр. Никитиных, Робертса, Шейко, Желабина, Каменева. Эта рабочая молодежь вела почти открытую агитацию среди рабочих. Одновременно наши старые рабочие — Матросов, Воейков и др. — сгруппировали эту молодежь вокруг себя в самых мастерских и образовали здесь центральную группу, куда входили: Зоткин, Воейков, Матросов, Бибик, Засс, Буткин, Беланов и др. Еще раньше была организована стачечная касса с нелегальной библиотекою при ней, привлекавшая несколько десятков

¹⁾ Из среды этой периферии была выделена группа наиболее активных и способных человек в 15, из которых были организованы кружки для дальнейшей теоретической их подготовки и выработки из них будущих руководителей организации. В качестве наиболее выдающихся из них назову подававшего большие надежды и проявлявшего в то время большую энергию молодого студента Александра Боровича, Михаила Серебрякова, преданную работницу Цец. Зеликсон и др. К ним примыкают студенты: В. Дудавский, Ф. Захаров, А. Далматовский, Е. Шкловский, А. Самойлов и др. Большое содействие сбором денег, хранением литературы оказывала организации Е. Ф. Щестакова, дом которой превратился некоторым образом в клуб периферии, но куда частенько заходили и члены Комитета.

членов. Группе удалось скоро распространить свое влияние не только на молодежь, но и на широкую массу рабочих и сильно раскатать ее. Прежние апатия и индифферентизм рабочей массы стали все более исчезать и сменяться боевым настроением. Массы готовились к выступлению. К этому времени связи организации, несмотря на отсутствие организационного оформления, были уже широко раскинуты по всему городу и по окрестностям (кроме Харькова, были связи с Н. Баварией, Люботиным и некоторыми более дальними узловыми жел. - дор. станциями).

Агитация на почве экономических требований уже давно не удовлетворяла организацию, чувствовалась необходимость выдвижения общеполитических лозунгов и вместе с тем пропаганды социалистических идей.

Немалое оживление в рабочую среду внесла волна общестуденческих забастовок весны 1899 г. Студенческие сходки нередко превращались в открытые политические демонстрации, находившие живой отклик в рабочей массе.

В демонстративных проходах высылаемых студентов сотнями принимали участие и революционно настроенные рабочие, зачастую даже совершенно не связанные с нашей организацией. Это значительно облегчало нашу задачу.

Наступила весна 1900 г., близилось 1 мая. Организация решила на этот раз выступить открыто и использовать первомайский праздник для широкой агитации за общеполитические лозунги: 8-часовой рабочий день, международное братство и политическое освобождение пролетариата. Очень кстати, поэтому, было предложение т. Андрея (Абрама Гинзбурга), частенько наезжавшего в Харьков, доставить нам первомайскую литературу, подготавливавшуюся к печати группой „Южн. Рабочего“. Для переговоров по этому поводу с группой нами был командирован в Екатеринослав О. Ерманский, бывший в то время членом нашей организации. Нами получено было около тысячи экземпляров первомайской брошюры, а позднее несколько тысяч первомайских листков. Литература была распределена по районам и отдельным заводам через наши рабочие кружки, а там, где их не было, — через отдельных рабочих. Тут впервые обнаружилось, насколько широки стали наши связи — гораздо шире, чем предполагала организация. Литературы доставлено было больше, чем могло быть распространено в Харькове, и вновь поступающие транспорты направлялись уже в провинцию, главным образом, на узловые жел. - дор. станции — Синельниково, Лозовую и, отчасти, в шахтерские районы. С этой целью некоторые из наших рабочих предприняли поездки туда с литературой в пасхальные праздники. Другая часть майской литературы была разослана мною багажом по адресам местных рабочих, доставленным, главным образом, нашей жел. - дор. организацией.

В самом Харькове литература была удачно распространена почти на всех фабриках, заводах и мастерских и произвела колоссальное впечатление.

Накоплявшаяся и долго сдерживаемая революционная энергия рабочих масс прорвалась бурным потоком и вылилась в неожиданную для нас всеобщую первомайскую забастовку и открытую уличную политическую демонстрацию. 22 апреля за городом было устроено рабочее собрание, на котором выяснялось значение майского праздника и выработывался приблизительный план его осуществления. На собрании участвовало около 120 человек. Накануне первого мая, в железно-дорожных мастерских о праздновании говорили уже открыто. Здесь формировался главный штаб первомайской армии. Но силы были распределены неравномерно: большая часть их была сосредоточена, именно, в жел.-дор. мастерских, на других же заводах сил было гораздо меньше, имелись только отдельные рабочие кружки, а на некоторых заводах — лишь единичные связанные с организацией рабочие. Поэтому, главным образом, и не удалось осуществить принятого на рабочем собрании (22 апр.) плана соединения всех рабочих на Конной площади и все движение разбилось на отдельные ручьи.

Власти тоже не дремали. Были заранее заготовлены и распределены поблизости от всех крупных пром. заведений отряды солдат, казаков и жандармов. Были приняты меры, чтобы помешать осуществлению плана соединения всех рабочих на Конной площади, ставшего, повидимому, известным властям.

Первого мая 1900 года (ст. ст.) в Харькове забастовали почти все фабрики, заводы, жел.-дор. мастерские и много ремесленных заведений, в общем — около 10000 человек одних только рабочих механических мастерских. Рабочие жел.-дор. мастерских, бросив работу, с утра всей массой собрались на Ващенковской леваде и здесь устроили открытый митинг, на котором ораторами выступали члены нашей центральной жел.-дор. группы. Были выкинута импровизированные красные знамена. С криками: „Да здравствует первое мая“, „Да здравствует восьмичасовой рабочий день“ рабочие двинулись навстречу забастовавшим рабочим Паровозостроительного и др. заводов, находившимся на другом конце города и также вышедшим на улицу с красными флагами, но, окруженная подоспевшими войсками, толпа принуждена была рассыпаться по садам и огородам. Сто тридцать семь ¹⁾ человек из толпы были оцеплены казаками и отведены в пересыльную тюрьму.

Здесь собралась громадная толпа любопытных, сочувствие которых было целиком на стороне рабочих. Была сделана даже попытка освободить заключенных, полетели камни в окна тюрьмы. Казаки

¹⁾ Насчет цифры арестованных имеются различные показания. Ред.

пустили в ход нагайки и действовали даже шашками наголо. Только наступившая ночь рассеяла толпу. Второго мая рабочие явились в мастерские, но не приступали к работам, требуя освобождения арестованных товарищей. По предложению губернатора, рабочими была выбрана для переговоров депутация из шести человек, которая потребовала немедленно освобождения всех взятых 1-го мая. Губернатору пришлось уступить. Тут же был отдан приказ об освобождении заключенных, встреченный бурным ликованием толпы. Тем временем рабочими был выработан ряд других требований, предъявленных начальству. Среди 14 пунктов, гл. образом, мелких экономических требований, выставлены были также и общие требования — восьмичасового рабочего дня, гарантии неприкосновенности личности рабочих после майских событий, учреждения комиссии из рабочих и администрации для разбора всяких недоразумений. После освобождения арестованных товарищей и немедленного удовлетворения некоторых экономических требований (остальные пункты начальство обещало послать на рассмотрение министра путей сообщения) рабочие стали на работу.

Рабочие паровозостроительного завода, где организация была гораздо слабее, проявили меньше солидарности; здесь против забастовки сильно агитировали мастера, но все же к десяти с половиной часам утра весь завод стал. Часть рабочих вышла на улицу, двинулась к бельгийскому и другим соседним заводам, приостановив и здесь работу. Число манифестантов достигло 2000 человек. Под красным знаменем манифестанты направились к казенному виноочистительному складу и к заводу Гельферих-Саде с намерением остановить работу и двинуться на Конную площадь на соединение с жел.-дор. рабочими. Но здесь толпа была рассеяна солдатами и казаками, занявшими все улицы и переулки по пути на Конную. Человек 30 рабочих¹⁾ было оцеплено казаками и отведено в пересыльную тюрьму.

2-го мая брожение продолжалось. После обеда у ворот образовалась огромная толпа. Произошли ожесточенные стычки с казаками, во время которых рабочие действовали камнями, а казаки пустили в ход пик и нагайки. Несколько раненных рабочих были немедленно отправлены в больницу. Во все эти дни настроение повсюду было боевое, революционное. Так, в стычках с войсками рабочим паровозостр. зав. удалось даже отбить у казаков несколько пик. Брожение на заводах продолжалось еще 3 и 4 мая, рабочими были выставлены экономические требования. Приблизительно такой же характер носило движение и на др. заводах — Бельгийском, Гельферих-Саде, Бельке, Пильстрема и др.

¹⁾ По жанд. данным было захвачено на демонстрации 80 паровозников (см. ст. Руднева). Ред.

„Результаты движения громадны“, писал по этому поводу один рабочий - корреспондент: „Рабочие не перестают говорить, положительно все, что это только начало, что будет буря — и поборемся мы с ней“¹⁾).

Героем майских дней, не только в этих выступлениях, но и в переговорах с прибывшим на место губернатором и другими властями, явилась наша центральная железнодорожная группа, во главе с Воейковым и Матросовым.

Впечатление от майских событий было колоссальное. Не надо забывать, что это была, можно сказать, первая в России политическая забастовка и открытая массовая демонстрация рабочих (до этого массовые политические забастовки и демонстрации имели место только на окраинах, главным образом, в Польше и Латвии, а также в районе Бунда). Русские же рабочие даже многими соц. - дем. считались неспособными к массовым политическим выступлениям, по крайней мере — в данный момент, и это-то и создавало почву для идей эконо-мизма, рабочемыслительства и пр. Поэтому общероссийское политическое значение первомайского праздника 1900 года в Харькове несомненно.

Харьковское рабочее движение, считавшееся многими отсталым и до тех пор не проявлявшееся широкими массовыми выступлениями, одним ударом стало в уровень с самыми передовыми центрами рабочего движения. Нечего и говорить, какое оживление неожиданный и для нас успех майской агитации внес в среду нашей организации. Жандармы сначала опешили, повидимому, у них в руках не было нитей организации. Выждав некоторого успокоения рабочей массы, они недели через 2, в ночь на 17 и на 24 мая, арестовали 51 человека руководителей майского движения, гл. образом — жел. - дорожников, выдвинувшихся в майские дни, в том числе, конечно, Воейкова, Матросова, и, после 3 1/2 месячной тюремной отсидки, в административном порядке выслали 33 человек из них в Вятскую и др. губернии²⁾. За исключением этого — организация пока что оставалась нетронутой. Очевидно, жандармы решили хорошенько выследить Комитет и затем ликвидировать организацию целиком, вырвав зло с корнем.

Во главе этого розыска стоял известный Герасимов, в то время лишь провинциальный жандармский ротмистр, впоследствии известный начальник Петербургского охранного отделения.

¹⁾ См. брошюру „Майские дни в Харькове“, изд. „Искры“, с предисловием редакции „Искры“ (1901 г.).

²⁾ Были высланы рабочие: Зверев, Засс, Новиков, Матросов, Бибик, Черный, Малахов, Барановский, Коломойцев, Годынский и Будаковский — в Вятскую губ. на 3 года (11 чел.); в др. губ.: бр. Лелюк В. и А., Гончаров, Буровский, Середа, Гречка, Есин, Винниченко, Погребецкий, Новохацкий, Молчанов, Кнышевский, Трунов, Ключинский, Павлов, Коробченко, Квитко, Усов, Соколов и Куприянов.

Слежка за организацией длилась до поздней осени, и лишь в ночь на 28 октября жандармам удалось ее разгромить, захватив почти целиком не только Харьковский Комитет, но и значительную часть рабочей организации, т. е. более молодую ее часть, уцелевшую после майских арестов, а также интеллигентскую периферию¹⁾. Организация была захвачена как раз в ночь распределения по районам отпечатанного уже агитационного листка Харьковского Комитета по поводу ссылки 33 рабочих за организацию майской забастовки - демонстрации²⁾, а некоторые члены организации были захвачены вместе с листками (например: рабочий Борисенко, Саша Горвиц и др.). Эти и некоторые другие обстоятельства приводят к заключению, что октябрьский провал Комитета явился результатом не только усиленной 6—9-месячной слежки за нами, но и деятельности агентов-provokаторов. Первые достоверные сведения были доставлены жандармам некоторыми неустойчивыми молодыми рабочими, фамилии которых, впрочем, до сих пор установить не удалось (жандармы называли, например, одного из бр. Никитиных, также — рабочего бельгийского завода Желабина, но так и осталось неизвестным, не оклеветали ли их жандармы в своих целях). Эти молодые малодушные рабочие были, однако, мало осведомлены о работе Комитета, и потому первое время жандармы не могли предъявить многим из членов Комитета никаких конкретных обвинений. Мне, например, на первом допросе подполковник Бутович предъявил лишь общее и чисто формальное обвинение в принадлежности к Харьковскому Комитету Р.С. - Д.Р.П. и к политическому Красному Кресту. После этого жандармы долгое время оставляли меня совершенно в покое.

IV

Помню своеобразное чувство, которое охватило меня, когда после грубого, но безрезультатного обыска меня отвезли на извозчике в харьковскую губернскую тюрьму и за мной с визгом закрылись железные ворота и щелкнул засов. Меня посадили почему-то в общий корпус тюрьмы для уголовных. Утомленный бессонной ночью я все

¹⁾ Всего было произведено более 120 обысков, арестовано 30 интеллигентов и около 50 рабочих.

Интеллигенты: Попов, Кожевников, Радзевич, Е. Левин, Шумов, Щепеленко, Дрыбина, Шестакова, Бельке, Яхоц, Ал. Гсрвиц, Дудаский, Фейнберг Л., Марков В., Линицкая, Н. Иванов, Николаева, В. Бобровский, С. Алексеев, Крумзе, Ц. Зеликсон, Е. Шкловский, Котлярова, Бабков, Шполянский, Захаров, Прибытков, Раскина, Казарновская, Подкуйко, Яковлев, Чайченко, Харужинская, Шустова.

Рабочие: Желабин, Скрипников, Марков, Сушильников, Корбут, Гомолько, Матросов, бр. Каменевы, Шейко, Алпухов, Трезин, Новиков, бр. Никитины, Борисенко, Трегубов, Мамонтов (список неполный, требует проверки).

²⁾ См. этот листок в приложении (отд. документов). Ред.

же долго не мог заснуть. С удовлетворением вспоминалась 7-летняя нелегальная работа в Харькове и, особенно, лихорадочная работа последних месяцев (за время майской агитации и следующих за ней месяцев все мы выбились из сил). Было ясно, что арест мой — не случайный, что в тюрьму я попал „надолго и всерьез“. Да и было за что — после 6 — 7 лет нелегальной работы пора было, как будто, и честь знать. Отрадно было к тому же сознание, что силы потрачены не даром. Тем не менее, жандармерия на первых порах все же не могла предъявить нам конкретного обвинительного материала.

После первого формального допроса я просидел в полной неизвестности более 6 недель в общем (уголовном) корпусе харьковской тюрьмы. Из политических здесь содержался, кроме одного — двух неизвестных мне рабочих, лишь Нестор Иванов. Под конец нам удалось войти в переписку с ним, но и он, повидимому, знал не больше меня. Наконец я был переведен в секретный корпус (для политических). Здесь я сразу почувствовал биение напряженной тюремной жизни, увидел оживленные сношения заключенных путем перестукивания и переписки (через общую уборную). Но мои соседи по камере оказались людьми непонятливыми, и я продолжал оставаться в неизвестности. Скоро меня в моей камере посетил жандармский ротмистр Нордберг, перенявший ведение следствия по нашему делу. Нордберг был человек довольно хитрый: целью посещений им тюремных камер было нащупать моменты минутной слабости у заключенных, вырвать у них случайное признание чтобы овладеть ими в своих гнусных целях. Особенно он мучил заключенных женщин, нередко с неуравновешенной нервной системой, посещая их чуть не ежедневно и выбирая позднее время. Заглянул он, как сказано, и ко мне в камеру. Когда я задал ему вопрос, почему меня держат в заключении, даже не допрашивая и не предъявляя определенных обвинений, он ответил: „Зачем? ведь вы же нам все равно ничего не скажете“. Я позволил себе заметить, что, кроме допрашивающих, несколько заинтересованным в этом деле лицом, как будто, являюсь и я, и что, насколько мне известны российские законы, обвиняемому должна быть предоставлена возможность, путем предъявления обвинения в конкретной форме, снять с себя таковые, либо подтвердить их.

„О-о, да вам бы не врачом быть, а юристом“, — последовал ответ — „впрочем, вам же предъявлено обвинение в принадлежности к Харьковскому Комитету, чего же вы еще хотите?“. Догадываясь уже о предательстве, я хотел выведать, что знают о нас жандармы и поставил вопрос о конкретном обвинительном материале. Тут очередь злорадства дошла до Нордберга и, приоткрывая край завесы, он стал выкладывать мне кой-какие факты, оказавшиеся, к сожалению, мне хорошо знакомыми. „А помните, как вы на мостике в Университетском саду передавали литературу Воейкову? А помните то-то и то-то?“.

Некоторые факты были переданы неточно, но большинство соответствовало действительности.

После этого разговора с Нордбергом мне стало ясно, что в нашей среде появились предатели. В этом особенно убедил тот меня факт, что жандармам стало известно об одном случае получения нами транспорта нелегальной литературы. Однажды, в летнее каникулярное время к нам приехал из Киева (или из Черкасс) покойный товарищ Урицкий и передал Н. Иванову багажную квитанцию на нелегальную литературу с предупреждением, что багаж долго странствовал, и, поэтому, его нужно получить с особыми предосторожностями. Мы наняли посыльного из артели и, послав его за багажом, велели везти по вымышленному адресу. Двое приятелей-студентов должны были следить за посыльным и известить нас, если заметят что-либо подозрительное. Дождавшись извозчика с посыльным на дороге, я остановил его и, отпустив посыльного, отвез литературу в назначенную квартиру, откуда она немедленно была унесена, куда следует. Корзина оказалась действительно, заметно поврежденной; тем не менее наша хитрость удалась, и литература была спасена. Следившие за посыльным приятели наши — студенты видели, как он, вернулся на вокзал и, почуяв что-то неладное, рассказал о случае жандармам. Старший из них ударил себя по лямкам и стремительно кинулся по направлению, по которому был увезен багаж, но нас, конечно, и след простыл. И вот об этом факте я теперь услышал из уст Нордберга: „Ай, ай! как можно было довериться красной шапке?“ с укором говорил он мне. Меня не очень задели укоры Нордберга в неконспиративности, но откуда могли жандармы узнать о нашей причастности к получению багажа? Очевидно, только от предателя из наших рядов. Кто бы это мог быть? в недоумении ломал я себе голову. Скоро мое недоумение разъяснилось и, притом, самым неожиданным и печальным образом. Помню, как однажды вечером двери соседней камеры звякнули и, вместо молодого рабочего Шейко, незнакомого даже с тюремной азбукой, моим соседом оказался глава местной группы „Раб. Знамени“, впоследствии пепеэсовец, П. И. Шумов. У нас немедленно завязались с ним оживленные сношения, и тут из одной случайно оброненной им, т.-е. выбитой пальцем (через стену) фразы, я узнал о предательстве Воейкова. Это известие было для меня столь неожиданным, в мой мозг настолько не могла вместиться мысль о том, что вождь жел.-дор. рабочих, герой майских дней, Воейков мог оказаться предателем, что, придя несколько в себя, я задал Шумову вопрос, что это за Воейков, знаю ли я его. „Да как же вы можете его не знать, когда он выдал и вас в числе других“, последовал ответ. Известие о предательстве Воейкова произвело ошеломляющее впечатление на всех нас. Важен был, конечно, не столько тот уличительный материал против нас, который он мог дать в руки

жандармов, сколько неизбежно связанное с предательством передовых борцов, крушение взаимного доверия в революционных рядах. Мы долго ходили, как ошалелые, будучи не в состоянии переварить факт предательства одного из немногих рабочих — членов Комитета.

Я объяснил его себе, наконец, следующим образом: Воейков был человек самолюбивый, нервный и притом — стихийный. В пылу борьбы он мог увлечься своей ролью вождя рабочих масс, и в майские дни мы видели его упоенным славой и успехом своих агитаторских выступлений. Но вот он вырывается из рабочей среды, попадает в вятскую ссылку, начинается тяжелая и скучная проза повседневности. Не успел он прибыть на место ссылки, как в Харькове произошли грандиозные аресты, кое-кто из неустойчивой рабочей молодежи пустился в откровенности и выдал его, Матросова и др., как членов Комитета. Воейкова снова арестовывают и везут обратно в Харьков. Опять длинное и тяжелое следование под конвоем, тюрьмы. И человек массы, оторванный от родной стихии и тем самым лишенный своей устойчивости, под угрозами жандармов, что теперь не прежнее дело, что за выяснившееся участие в Комитете ему грозит тюрьма и каторга, Воейков решается на предательство. „Не хочу быть навозом истории“ — таков был, очевидно, мотив его предательства, как многих из слабых сих. Так печально кончилась революционная карьера одного из героев первомайских дней.

Не успел я несколько утолить свою жажду общения, хотя бы суррогатным путем перестукивания, с умным, энергичным и экспансивным П. И. Шумовым, как в один из поздних зимних вечеров дверь моей камеры приоткрылась, и мне велели одеться и собрать свои вещи. В тюремной конторе я встретился, если не ошибаюсь, с Вас. Ив. Марковым. Отсюда, в сопровождении жандармов, нас повели на вокзал и, затем, поездом отправили в Богодухов. Мы жадной грудью ловили свежий морозный воздух и после тюремного одиночества с наслаждением провели несколько ночных часов в дружеской беседе в вагоне. С вокзала нас повезли за несколько верст в тюрьму на лошадях. Новое и последнее упоительное удовольствие — катание на саниах в лунную зимнюю ночь, и за нами снова захлопнулись тюремные двери.

Богодуховская тюрьма почти вся была заполнена политическими, арестованными по нашему делу рабочими и интеллигентами. Здесь жилось гораздо вольготнее. Прибывали все новые арестованные, и от них мы узнавали о разгоравшейся за стенами тюрьмы революционной борьбе. Наш Комитет продолжал напряженную работу, о чем он заявил в выпущенной прокламации. От нашего ареста уцелел неизвестный Воейкову член Комитета О. Ерманский, принимавший до тех пор малое участие в практической работе. К нему присоединился выпущенный из московской тюрьмы родоначальник нашей организа-

ции — Ф. А. Липкин, студент Ак. Ак. Поддубный, также бывший до тех пор в резерве комитетских сил, кончивший университет В. Л. Львов-Рогачевский, молодой студент Семен Лаз. Вайнштейн¹⁾, и работа Комитета закипела. С Поддубным и Львовым-Рогачевским нас скоро объединили гостеприимные стены харьковской тюрьмы. Вообще аресты в ту зиму не прекращались. Борьба рабочих и студентов, все более принимала характер массовых политических выступлений. „Народная пословица“ (лозунг — „долгой самодержавие!“) уже открыто раздавалась на улицах и площадях русских городов (в частности — в Харькове произошла уличная демонстрация рабочих и студентов 19 февраля 1901 г.), и власти оказывались уже бессильными подавить революционный под'ем обычными арестами и высылками. Ясно чувствовалось приближение революционной бури.

В Богодухове мы хотя и содержались в строгом одиночном заключении, однако, жили одной общей жизнью. Перестукивания не прекращались весь день до поздней ночи, обменивались разговорами, книгами и записками через окна. Начальство все это видело, злилось, но до поры до времени сдерживалось. Наконец, мы приступили к изданию тюремного журнала. Портфель редакции помещался в потаенном месте... в убогой, единственном месте, через которое мы, заключенные, могли общаться. Помнится, мне пришлось написать для журнала две статьи: одну ко дню 18 Марта — о годовщине Парижской Коммуны, другую: об уличных политических демонстрациях, в которой я пытался объяснить с марксистской точки зрения выступление на арену политической борьбы новых слоев учащейся и служащей интеллигенции. В. Львов-Рогачевский украшал наш журнал также и своими стихотворными произведениями, которыми он в те времена грешил. На третьем номере мы были пойманы тюремным начальством, оно испугалось и решило покончить с нашими вольностями. Отношения стали обостряться, атмосфера сгущалась. Скоро мы узнали, что один из заключенных (Вас. Л.-Рогачевский) уже 6 дней голодает, требуя пред'явления обвинения или освобождения. Он начал голодовку один, никому не сказав, чтобы не вовлекать в голодовку и нас. Мы решили присоединиться, не выставляя определенных требований. На 4-й день нашей общей голодовки приехал Нордберг и-обещаниями склонил большинство к прекращению голодовки. Львов-Рогачевский, действительно, был в ту же ночь увезен в Харьков и скоро выпущен на свободу. На нас же скоро обрушились тюремные скорпионы. Известия с воли держали наши нервы в напряженном состоянии, голодовка усилила это напряжение, и когда смотритель тюрьмы отказал

¹⁾ Впоследствии Вайнштейн был осужден по делу I Совета Раб. Деп. под фамилией Звездина, бежал из ссылки и, арестованный как нелегальный, в Баку, приговорен по суду за побег к каторге; отбывал ее до 1917 г. и недавно скончался в Берлине.

в свидании родственникам одного из заключенных, имевшим на то разрешение, началась тюремная обструкция посредством оглушительного стука в двери камер. Смотритель собрал тюремную стражу и, вооружив ее с ног до головы, стал обходить камеры с целью расправы. „Чего вы стучите?“ крикнул он, ворвавшись со свитой в мою камеру. „Почему вы не даете свиданий?“ спросил я в свою очередь. Тут смотритель не мог более сдержать своего бешенства. Изогнувшись, как змея, готовая ринуться на свою добычу, он судорожно сжал кулаки и, повидимому, готов был броситься на меня. „Вы хотите меня бить? Что ж, бейте!“ ответил я и спокойно сложил руки на груди. Мое спокойствие, повидимому, привело смотрителя в себя. Разжав кулаки, он, чтобы спасти положение, крикнул диким голосом: „смирно - о!“ и, повернувшись, вышел из камеры в сопровождении своей свиты.

После подобного умирения восстания начальник тюрьмы распорядился рассадить нас поодиночке в разных этажах и концах тюрьмы, в шахматном порядке, так, чтобы мы не могли больше общаться друг с другом. Меня перевели в верхний этаж. Началось томительное полное одиночество; перестукиваться и переписываться стало невозможно, с окон сгоняли ружейным прицелом. Чувствовалось, что дело может кончиться трагическим столкновением. К счастью, голодовка вызвала волнение в обществе: она взбудоражила весь Харьков и ускорила окончание следствия. Через три дня я вместе с другими был переведен в харьковский арестный дом, а еще через пару дней, после краткого допроса, Нордберг объявил мне об освобождении меня под денежное поручительство с отдачей впредь до приговора под особый надзор полиции. Я выбрал местом жительства Баку. Так кончилась моя связь с Харьковом, мне не пришлось ее более восстанавливать.

В заключение остановлюсь на наших отношениях с группами „Искры“ и „Южного Рабочего“, с которыми весной 1900 г. у нас была установлена прочная связь. Связь с „Искрой“ мы завязали через Юл. Ос. Мартова, только что вернувшегося из туруханской ссылки и поселившегося в Полтаве. Юлий Осипович частенько конспиративно наезжал в Харьков. В Полтаве же жил член нашей организации покойная Е. Сысоева-Левина, часто бывал ее муж, Е. Я. Левин, наезжал (для сношений с Ю. О. Мартовым и членом редакции „Южного Рабочего“ С. К. Харченко) и автор этих строк и другие члены нашей организации. Ю. Мартов сообщил нам о планах группы „Искры“, а вскоре привез и печатный проспект „Искры“. Идею создания общеполитического органа для подготовки партийной среды в духе революционного марксизма, как необходимого предварительного условия создания идейно выдержанной и действительно единой партии, с которой выступила уже весной 1900 г. формирующаяся

группа „Искры“ харьковская организация встретила с громадным сочувствием, видя в ней отражение своих собственных политических воззрений и единственно правильный метод создания партии. Т. Зеликсон - Бобровская, хотя и не входившая в Харьковский Комитет, но стоявшая очень близко к нему и являвшаяся одной из наиболее деятельных его периферийных работников, свидетельствует, что в споре между экономистами - ревизионистами и ортодоксальными марксистами, сторонниками широкой политической борьбы, харьковская организация в подавляющем большинстве одобрила позицию группы „Искры“. Это совершенно справедливо, как равно и то, что колебались лишь отдельные работники, как из центра, так и из периферии (из-за чего на нелегальных собраниях верхов нашей организации иногда, все же, разгоралась полемика). Внутри Комитета против общей линии его ориентации боролся только один О. А. Ерманский („Genosse“), вступивший в организацию в 1899 г. Он только что прибыл из-за границы и, повидимому, не совсем еще отделался от взглядов заграничного Союза русских социал-демократов, членом коего он очень долго состоял. О. Ерманский упрекал нас в извращении марксова метода классовой борьбы, обвиняя в отказе от экономической борьбы и чистом политиканстве (в чем мы, конечно, были совершенно неповинны), и нам приходилось выдерживать с ним упорную борьбу¹⁾. Во всяком случае, общая ориентация Харьковского Комитета в 1900 г. была определенно ортодоксально-марксистская, и к экономизму мы всегда относились совершенно отрицательно. Связи с группой „Искры“ придали организации новую бодрость, дав ей надежду на скорую победу в рядах партии тех взглядов, которых она уже давно придерживалась. Мартов предложил нам сотрудничать в „Искре“. Помнится, в мае 1900 г. я предложил ему две готовые уже рукописи: составленную О. А. Ерманским на основании корреспонденций с заводов брошюру „Майские дни в Харькове“ и составленный мною по поручению организации доклад Харьковского Комитета Международному Социалистическому Конгрессу 1900 г.

Брошюру „Майские дни в Харькове“ мы решили сдать для печати „Искре“, которая и выпустила ее, вскоре, в свет с предисловием В. И. Ленина, а доклад Международному Социалистическому

¹⁾ Недавно в частном разговоре со мной он вспомнил, будто лично я, сильно перегибая палку в сторону, обратную от экономизма, объявлял экономическую борьбу саму по себе даже вредной, выдвигая единospасающую политическую борьбу. Полагаю, что это плод недоразумения, в доказательство чего могу сослаться на свою статью, напечатанную (в виде письма в редакцию) в одном из №№ „Искры“ за 1903 г., в которой я особенно подчеркивал необходимость неизменно связывать политические выступления против самодержавия с борьбой за экономические интересы рабочего класса.

Конгрессу — передать для издания Союзу русских соц.-дем., являвшемуся в то время еще единственным представителем Р. С.-Д. Р. П. за границей¹⁾. Вообще сношения с „Искрой“ были у нас частые и постоянные. Из этого периода припоминаю также выпуск прокламации по поводу приговора военно-полевого суда в Польше, осудившего 9 польских рабочих на смертную казнь за убийство шпионов. Харьковская организация как таковая, не принимала прямого участия в выпуске воззвания, написанного Ю. Мартовым, но отдельные члены ее принимали в этом деле деятельное участие: так, печатание происходило на дачной квартире С. А. Алексеева и „гетмана“ (вечного студента Шепеленко); среди нас живо дебатировался вопрос, вправе ли отдельная партийная группа издавать воззвание от имени Ц. К. партии (в то время фактически не существовавшего). Юл. Ос. находил, что для такого исключительного случая (со времени гибели „Народной Воли“ и польской партии „Пролетариат“ это был первый случай смертного приговора военно-полевого суда над рабочими-социалистами) формальными соображениями можно, пожалуй, и пренебречь. Листок все же вышел без подписи Ц. К.

О выходе № 1 „Искры“ мы узнали уже в тюрьме. Мне лично пришлось стать сотрудником „Искры“ в качестве постоянного ее корреспондента лишь после выхода из харьковской тюрьмы и переезда (в конце 1901 г.) в Баку (под особый надзор полиции) и оставаться таковым вплоть до ареста и высылки из Баку в 1904 г.

Связи Харьковского Комитета с группой „Южный Рабочий“ в значительной мере уже освещены в воспоминаниях главного техника и организатора группы Абр. Моис. Гинзбурга. Харьковский Комитет относился сочувственно к общей политической физиономии „Южного Рабочего“ и весьма охотно распространял все издания группы с самого начала. Более тесные отношения с группой у нас были установлены после провала ее типографии в Кременчуге при печатании 2-го номера газеты²⁾ и, в особенности, после провала Екатеринославского

¹⁾ Доклад Харьков. Комитета был издан „Рабочим Делом“ под названием „Рабочее движение в Харькове“. Женева, сентябрь 1900 г.

²⁾ Помню, как юный и бурно-стремительный т. Андрей решил во что бы то ни стало немедленно же переиздать второй номер, а так как рукописи все погибли в типографии, то он немедленно же засел за стол, стараясь восстановить по памяти погибшие статьи и заметки. Разумеется, номер вышел не совсем удачный: т. Андрей был в то время еще неопытным журналистом, солидным теоретическим багажом ему удалось заручиться лишь в тюрьме и в ссылке. Зато как практик-революционер он и тогда уже был человек совершенно незаменимый. Можно смело сказать, что после провала Екатеринославского Комитета он один выносил на своих плечах все дело „Южного Рабочего“. В своем лице он соединял и главного организатора и постановщика нелегальных типографий группы, и транспортировщика шрифта и литературы; он был и связь между южно-русскими соц.-дем. группами и организатором редакции органа, а подчас — и тогда уже литератором.

Комитета. Тогда из редакционной группы „Южный Рабочий“ уцелел лишь один С. К. Харченко, живший под надзором в Полтаве, и т. Андрей обратился в Харьковский Комитет с предложением выделить людей для участия в редакции „Юж. Раб.“ Комитет охотно принял предложение, выделив для этой цели Е. Я. Левина и меня. К сожалению, мое участие в редактировании „Южного Рабочего“ продолжалось недолго: вскоре после составления № 3 газеты я был арестован и после отсидки выслан на Кавказ, и связь моя с „Южным Рабочим“, таким образом, оборвалась. В редактировании № 3 принимали, таким образом, участие С. К. Харченко, Е. Левин и я, не считая т. Андрея¹⁾.

После редактирования № 3²⁾ я был командирован Комитетом в Смоленск, где помещалась типография „Южного Рабочего“, для проверки солидности и конспиративности постановки дела. Я посетил типографию и вынес самое положительное впечатление.

С моим арестом, как сказано, лично моя связь с „Южным Рабочим“ порвалась, но редакция „Южного Рабочего“, кажется, окончательно переместилась в Харьков: в нее пошли вместо нас и арестованного вскоре С. Харченко — член Харьк. Ком. О. А. Ерманский, а затем и освобожденный вскоре из тюрьмы Е. Левин. Но об этом пусть расскажут более осведомленные товарищи: с моим харьковским арестом кончилась моя связь с рабочим движением Украины, заменившись, после переезда в Баку, связью с кавказским движением.

Л. ФЕЙНБЕРГ

Отличаясь неукротимой энергией и обладая большой физической силой, он, казалось, не нуждался в отдыхе. После бессонной ночи, проведенной на редакционном собрании, он лег на пол, подставив под себя свой плащ; никакими силами нельзя было уговорить его воспользоваться кроватью; а на другой день рано утром он уже мчался на вокзал с редакционным портфелем — в типографию; чтобы легче ускользнуть от шпигов, он соскакивал за несколько верст от станции и пешком направлялся на явочные квартиры или к своим приятелям, обремененный нередко, кек веригами, парой пудов типографского шрифта или нелегальной литературы (он предпочитал перевозить их не в корзинках, которые могли бы броситься в глаза, а прямо на своем теле). Только исключительная физическая сила, молодость, да беззаветная преданность делу, давали ему возможность вести годами такой образ жизни.

¹⁾ Кроме моей статьи (кажется, о безработице, охватившей тоже весь Юг России) и статьи А. Гинзбурга о национальном и классовом антагонизме в рабочем движении, в номер вошли: общеполитическая передовая статья С. Харченко (по поводу смертного приговора над польскими рабочими), статья Е. Левина о съезде горнопромышленников Юга России, рассказ Е. Сысоевой - Левиной „Мститель“ и пр.

²⁾ „Искра“ в № 2 дает об этом № „Юж. Раб.“ следующий отзыв: „№ 3 „Южного Рабочего“ производит особенно хорошее впечатление тем революционным духом, тем широким пониманием задач соц.-дем., которое обнаруживает редакция“.

Майские события 1900 г. в г. Харькове

(По неизданным материалам Хар. Губ. Жанд. Упр.¹⁾)

Празднование 1-го мая 1900 г. в гор. Харькове, которому исполнилось в настоящем году 25 лет, имеет исключительное значение в истории первомайского рабочего движения в России и, особенно, в истории местного харьковского рабочего движения. В этот день произошла первая в истории русского рабочего движения открытая массовая демонстрация, которая развилась стихийно, но прошла так организовано, как того не ожидали, ни сами непосредственные участники ее, ни Комитет социал-демократической организации, ни, тем более, власти.

ПРАЗДНОВАНИЕ 1-го МАЯ В ХАРЬКОВЕ ДО 1900 ГОДА

В годы, непосредственно предшествовавшие 1900-му г., в Харькове не было таких выступлений. Празднование 1-го мая носило такой же характер, как и повсюду в России, характер кружковый, проходя в виде массовок и сходок за городом. Как известно, впервые Харьков примкнул к празднованию 1-го мая в 1898 г. В этом году за городом было устроено несколько собраний, на которых присутствовало по несколько десятков человек на каждом. Но майских листов еще не было, хотя к этому времени прокламации уже появлялись в Харькове. Из железнодорожных рабочих собралось на сходку всего 16 чел. наиболее близких и надежных. Дали себе обещание широко отпраздновать 1-е мая в 1899 г. Этот год, поскольку нам известно, ничем особенным в области местного рабочего движения не отмечен. Студенческое движение, происшедшее в начале года, всколыхнуло своим широким размахом общество, но в рабочей среде вызвало только попытки к манифестации. Более интересно прошло в этом году празднование 1-го мая. Майские листки были распространены почти во всех промышленных заведениях, 1-го мая местности, прилегающие к заводам, были заняты войсками, а за городом в это

¹⁾ В наст. статье использованы след. дела из архива жанд. упр. и охранного отделения: 1. Дело Харьк. Губ. Жанд. Упр. за 1911 г. № 149 т. 8, 9, 10 и 13-й. 2. Дело Харьк. Охр. Отд. за 1902 г. № 25. 3. Дело Окружн. Фабр. Инспектора Харьков. Окр. на 1900 г. Хранятся в Центр. Архиве Революции в Харькове.

время происходили собрания, на которых присутствовало 150 человек. Пелись революционные песни, произнесены были речи и обсуждались технические вопросы, о кассах, библиотеках, кружковой пропаганде и массовой агитации. Была распространена „майская картина“ изд. „Рабочее Дело“ и имела большой успех (она изображала рабочего со знаменем, который пришел в кузницу и зовет товарищей бросить работу).

ПОДГОТОВКА ПРАЗДНОВАНИЯ 1-го МАЯ В 1900 ГОДУ

В течение апреля 1900 года Харьковский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии проявил усиленную деятельность по подготовке празднования 1-го мая. Была отпечатана прокламация — воззвание „Первое мая“ в типографии „Южного рабочего“ в Екатеринославе и в количестве до 2.000 экземпляров доставлена в Харьков. Кроме того, была отпечатана брошюра „Что такое первое мая“. Эта литература через посредство рабочих членов с.-д. организации и активных членов рабочих кружков (А. Воейков, В. Матросов, Бирик и др.) была 26—27 апреля распространена в громадном количестве по всем заводам г. Харькова¹⁾. Хотя в прокламации стоит заголовок „Первое мая—18 апреля“, но празднование приурочено было к 1-му мая по старому стилю, так как, по мнению Комитета, „не все рабочие ознакомились с исчислением нового стиля“²⁾. Воззвание это читалось по мастерским „прилежно“, как отмечает жандармская агентура. 22 и 29-го апреля были устроены сходки, на которых произносились речи о необходимости и значении предстоящего празднования, было постановлено 1-го мая не работать и устроить манифестации. При этом рабочие „сохраняли полное наружное спокойствие, не устраивая никаких собраний в мастерских и тщательно маскируя место своих сходок“³⁾. Рабочие ж.-д. мастерских и паровозостроительного завода находились в постоянных сношениях

¹⁾ Практиковался, между прочим, и такой способ распространения воззваний. По окончании работ, вечером, при выходе рабочих из завода ставились надежные мальчики с пачками воззваний. Эти мальчики, известные под названием „аравов“, быстро раздавали проходившим рабочим листки, сами скрывались и никто не обращал на это внимания, принимая листки за обыкновенные объявления от магазинов и торговцев.

²⁾ См. прокламацию в отд. документов — Редакция.

³⁾ Первая сходка была за Ивановкой вблизи пивного завода Игнатищева. В ней приняли участие около 180 рабочих разных харьковских заводов, на ней произносились и читались речи и воззвания. Воейков произнес речь о революционном движении в России, Григорьев — о значении майского праздника, а Гавр. Беланов прочитал составленную Бириком речь о значении для рабочих праздника 1-го мая. Вторая сходка — 29 апреля — была на Лысой горе около Харькова под руководством Матросова, Бирика и Андрона Беланова. Эта сходка была малочисленная, всего человек 40. На ней окончательно было решено прекратить 1-го мая работу на всех заводах и устроить праздник „демонстративного характера“.

между собою, готовясь к единодушному выступлению 1-го мая. Член Комитета Л. Фейнберг все время виделся с Матросовым и Воейковым, наставляя их, как руководить движением 1-го мая. Накануне 1-го мая в жандармском управлении „были получены сведения, что рабочие ж.-д. мастерских и паровозостроительного завода порешили 1-мая явиться на работу и, забастовав, отправиться в город на Соборную площадь, куда пригласив губернатора, заявить ему о правонарушениях и незаконных действиях администрации завода и мастерских“.

ПРАЗДНОВАНИЕ 1-го МАЯ

Самое празднование 1-го мая, которое, по задуманному плану руководителей, должно было пройти в виде дружной однодневной забастовки Харьковских заводов с манифестацией на улицах, превратилось в стачку, с предъявлением разного рода требований, которые должны были поддерживаться забастовкой до удовлетворения их. Движение началось с паровозных мастерских, где инициатором его явилась знаменитая „чортова бригада“ — механический цех Михаила Зоткина.

Утром 1-го мая около пяти часов утра к воротам паровозных мастерских у Кузинского моста явились слесаря — механического цеха паровозных мастерских Михаил Зоткин и паровозосборного — Николай Зверев. Они встречали всех проходивших рабочих и что-то им шопотом сообщали, после чего рабочие, не входя в ворота мастерских, оставались на улице. Затем к ним присоединились токари и слесаря того же механического цеха — Василий Матросов, Алексей Библик, Сергей Барановский, Петр Засс, Александр Воейков, Павел Павлов, Ключинский, Новохатский, из граверного цеха — Петр Кнышевский и все вместе стоваривались с прибывавшими рабочими о порядке дальнейших действий. По третьему гудку рабочие вошли во двор паровозных мастерских, часть отправилась по своим цехам на работу. Вскоре указанные рабочие, а также присоединившийся к ним бандажист механического цеха Алексей Бутовский, во главе целой толпы следовавших за ними рабочих с призывом — „Да здравствует 1-е мая, да здравствует 8-часовой рабочий труд, бросайте работу“ — направились прежде всего в механический цех, а затем прошли и по другим цехам, везде призывая присоединиться к забастовке, а трусов понуждая делать то же. По сообщению жандармского рапорта из 1300 чел. наличного состава рабочих паровозных мастерских 1-го мая стали на работу 1016 чел., „которые были изгнаны толпою неработавших, в состав коей вошел весь механический цех численностью в 350 человек“. Потом, остановившись на время перед конторой с теми же возгласами, все рабочие паровозных мастерских вышли на улицу через Кузинский мост с криками: „Айда, ребята, в вагонные мастерские“.

Рабочие вагонных мастерских К.-Х.-С. ж.-д. прекратили работу одновременно с рабочими паровозных мастерских. Забастовка здесь не имела того „бурного оттенка“, как это было на паровозных мастерских. Здесь были свои руководители и агитаторы: токари — Дм. Бурдыковский, Анд. Чернов и слесарь — Александр Малахов. При наличном составе 700 рабочих, на работу стали 133 чел. Когда зав. 1-м мех. цехом инж. Юнквист уговаривал рабочих, не желавших стать на работу, то Бурдыковский, Чернов и Малахов заявили ему: „не станем на работу, не хотим теперь работать“ и „с вызывающим видом“ ушли из мастерской во главе забастовавших, а вслед за ними ушли и малодушные, ставшие было на работу.

По дороге рабочие паровозных мастерских пытались сломать ворота и проникнуть в кафельный завод Бергенгейма, находящийся на Кузинской ул. по другую сторону Кузинского моста, но были оттеснены прибывшими казаками 1-го Оренбургского полка. Однако, казаки были не в силах преградить дальнейший путь рабочим, направившимся по Большой Панасовской улице, в конце которой к ним присоединились оставившие работу рабочие вагонных мастерских и все отправились на Ващенковскую леваду. Здесь хором запели „Дубинушку“, и на шесте подняли красный флаг. Затем, под руководством Матросова, Бибика, Зайкина и Воейкова, все двинулись обратно по Большой Панасовке, направляясь к Паровозостроительному заводу, но на углу Кузинской ул. движение было остановлено войсками, и по распоряжению прибывшего сюда вице-губернатора было задержано 108 чел. рабочих, которых отправили в харьковскую пересыльную тюрьму, в том числе были: Матросов, Бибик, Зайкин и другие.

Оставшиеся рабочие отдельными группами и в одиночку пытались проникнуть в центр города, чтобы соединиться, как было намечено, с рабочими остальных заводов, но на Лопанском и Купеческом мостах встретили преграду и, распылившись, должны были пробираться в центр окольными путями. Аресты и разгон вооруженной силой не запугали бастующих, а наоборот — разгорячили к борьбе и сопротивлению.

В это время на паровозостроительном заводе события развивались своим чередом. Здесь рабочие перед 1 мая сохраняли полное спокойствие, по крайней мере, наружное. 1-го мая все явились в обычное время утром на работу, но после перерыва для завтрака около 9-ти часов утра машиностроительный цех в полном составе (250 человек) прекратил работу и вышел из мастерской. Этот цех в глазах жандармерии имел „репутацию самого беспокойного на заводе“. Его примеру последовали и другие. Из 3400 заводских рабочих не менее одной трети, по мнению жандармов, „желали продолжать работу, но из страха перед товарищами — забастовщиками оставили

мастерские". Узнав, что рабочие завода Бельгийского О-ва стали на работу, рабочие паровозостроительного завода организованно и спокойно направились к заводу и потребовали прекращения работ. Администрация Бельгийского завода, напуганная движением, распорядилась прекратить работы и закрыть завод. Выходившие из завода рабочие были встречены криками „ура“ и присоединились к бастующим. Отсюда демонстрация, в которой участвовало более 3.000 рабочих по „скромному“ вычислению официального источника, отправилась на Конную площадь и, остановившись около завода Гельферих-Саде, потребовала прекращения работ на заводе. Но „администрация завода предупредила их требования, прекратив работы и распустив рабочих“. Дальнейшее движение демонстрирующих было остановлено войсками, которые разогнали рабочих, арестовав на Конной площади 84 человека. По сигналу больших заводов присоединились к забастовке и рабочие мелких заводов, хозяева которых „во избежание беспорядков“ спешили прекратить работы. Владельцы небольших и мелких заводов были сильно испуганы и смущены стихийно разрастающейся забастовкой. Но движение, по заключению таких официальных наблюдателей, как фабричная инспекция, развивалось „спокойно и без насилий даже в момент сильного возбуждения“.

Вследствие арестов и усиленной охраны города войсками, всем бастующим не удалось собраться в центре города. Отдельным группам удалось устроить сходку в Университетском саду, но полиция не дала этой сходке превратиться в митинг. Однако, движение не прекратилось, и стремление рабочих масс выступить организованно задавить не удалось.

В этот же день около 5 час. вечера рабочие, возбужденные массовыми арестами, начали собираться возле тюрьмы. Собралось более 3.000 чел. Толпа требовала освобождения арестованных. Некоторые из выступавших были задержаны, остальные были оттеснены охранявшими тюрьму войсками и стали расходиться по домам.

2-Е МАЯ И ПОСЛЕДУЮЩИЕ ДНИ

Движение не ограничилось одним днем 1-го мая. Прекратились только попытки к общей демонстрации на улицах. Забастовочное же движение только начиналось и с перерывами продолжалось еще около двух недель, на разных заводах по разному.

В ж.-д. мастерских дальнейшее движение проходило в таком порядке: 2-го мая рабочие паровозных мастерских явились утром в мастерские в урочное время, но за работу не принялись и заявили (здесь руководителями были А. Воейков, Ник. Зверев и Пав. Павлов), что приступят к работам только в случае освобождения из тюрьмы

арестованных накануне товарищей. Это требование было поддержано другими цехами ж.-д. мастерских и по обсуждении вопроса на сходках к губернатору была отправлена депутация, результатом переговоров которой было освобождение в тот же день всех арестованных накануне. 2-го же мая на сходках были выработаны требования об улучшении положения рабочих. Эти требования депутацией рабочих были вручены начальнику харьк. отд. жанд. полиц. упр. жел.-дор. подп. Ковалинскому. Содержание этих требований, как и многих других требований, пред'явленных на всех заводах, по переписке жанд. упр. установить не удалось. По заявлению фабр. инспектуры, они не были „очень настойчивы и серьезны“ и касались, главным образом, улучшения быта и изменения некоторых условий найма и расчета. 3-го мая работы в ж.-д. мастерских возобновились. Однако, на этом движение в ж.-д. мастерских не закончилось, волнение не утихало. 8-го мая рабочие (паровозных и вагонных мастерских) обратились к прибывшему в ж.-д. мастерские начальнику дороги Ренкул с заявлением о разрешении накануне праздников оканчивать работы так же, как под воскресные дни, т. е., проработав часы, положенные для обеда, заканчивать работы в 2½ ч. дня. Начальник дороги не дал на это разрешения. Тогда рабочие по гудку на обед не вышли из мастерских, а продолжали работать и, проработав до 2½ часов дня, „самовольно“ вышли из мастерских и разошлись по домам, не нарушая порядка“. С 10-го мая работы шли обычным порядком, но волнения не прекратились. В этот день среди рабочих ж.-д. мастерских началась агитация с целью устроить стачку на праздник Троицы и пред'явить разные требования, касающиеся распорядка в мастерских, а также требование об увольнении от службы некоторых начальствующих лиц в мастерских. Для поддержания требований предположено было командировать рабочих В. Матросова и А. Бирика в другие мастерские Курско-Харьково-Севаст. ж.-д. Но осуществить эту стачку не удалось: в ночь с 15-го на 16-е мая было арестовано 35 наиболее активных рабочих ж.-д. мастерских. 16 мая рабочие ж.-д. мастерских узнав об аресте товарищей, прекратили работу и потребовали, чтобы арестованные были освобождены, мотивируя тем, что задержанные 1 мая были губернатором освобождены с гарантией не арестовывать их вновь, но, несмотря на безрезультатность пред'явленного требования, после обеда все рабочие стали на работу, арестованные же не были выпущены, за исключением 17 человек, которые были освобождены 30 мая.

На паровозостроительном заводе 2 мая работы начались в обычное время, но около 9 час. утра рабочие: Павел Годопкий, Ян Михайловский, Александр Володин, Федор Середа и Михаил Развалинов в присутствии директора стали призывать по цехам бросать работу. Агитаторы по распоряжению директора „немедленно были

удалены с завода“. Работы продолжались до 12 час. дня, но затем после обеденного перерыва снова прекратились, т. к. рабочие не пришли на завод. 3 мая рабочие явились в обычное время и приступили к работам, но вскоре машиностроительный цех, который вообще был инициатором всякого движения на заводе, увидав прибывшего на завод старш. фабр. инспектора Быкова, в полном составе вышел из мастерской во двор завода и попросил инспектора выслушать их заявление о том, что им желательно изменить некоторые заводские правила и уменьшить количество рабочих часов. Инспектор согласился принять эти заявления только от депутатов всех цехов, которых вызвал в контору и обещал, что „заявленные ими желания будут удовлетворены“. 4-го мая работы продолжались с утра до полудня, но, не получив к этому сроку ни от директора завода, ни от инспектора обещанного удовлетворения требований, рабочие завода прекратили работу и сгруппировались на Петинской улице подле завода, „не нарушая, впрочем, порядка“. „Для успокоения“ рабочих на завод прибыли полицеймейстер и начальник жанд. управления. В качестве „депутата от толпы“ выступил токарь паровозосборного цеха, Артемий Нехорошев, который „с грубой развязностью“ заявил, что рабочие требуют установления восьмичасового рабочего дня и других порядков для рабочих завода, подобно существующим за границей. На это „успокоители“ предложили Нехорошеву „немедленно удалиться“ а директор завода объявил, что нежелающие работать будут рассчитаны. 5-го мая работы возобновились с утра и рабочие уже не проявляли волнения „несмотря на попытки вызвать таковые некоторыми агитаторами“. Среди агитаторов наибольшей активностью отличались: Есин, Середа, Георгий Горохов, Александр Трунов, Годоцкий, Михайловский, Володин, Развалинов, Усов, Никанор Куприянов, Петр Бобкин, Михаил Малов, Константин Марченко, Иван Винниченко и др. Все они, вместе с упомянутыми выше рабочими железнодорожных мастерских, были привлечены в качестве обвиняемых.

На других заводах тоже происходило движение в эти дни. На заводе Гельферих-Саде 3 мая рабочие прекратили работу. Прибывшему фабричному инспектору они заявили претензию, касающуюся внутреннего распорядка завода. Но 4 мая работа на заводе возобновилась.

Рабочие механического завода Бельгийского Общества 4 мая, явившись на завод, не захотели стать на работу и „заявили прибывшему на завод фабричному инспектору следующие требования: 1) об уменьшении рабочего дня перед праздниками, 2) чтобы расценки были вывешены в заводах, 3) чтобы в столовых для рабочих были вывешены иконы и чтобы было установлено два местных праздника — в дни перенесения местной чудотворной иконы из г. Харькова в находящийся в 7 верстах от Харькова Куряжский монастырь и обратно, эти дни празднуются в г. Харькове всеми правительственными и об-

ществленными учреждениями“. Выслушав заявления рабочих, фабричный инспектор предложил рабочим того числа к 2 часам дня стать на работу, а нежелающим работать предложил явиться 5-го мая в завод для получения расчета. Об этом было затем вывешено в заводе объявление. Но рабочие не сдавались. 5-го мая все рабочие завода были уволены, и обратный прием был назначен 10-го мая. 6-го и 7-го мая часть рабочих, около 50 человек, была выслана к месту приписки на родину. Может быть, подействовала на рабочих эта жестокая расправа, но 10-го 250 человек из числа бастовавших стали на работу, а в следующие дни приступили к работам и остальные.

ЛИКВИДАЦИЯ МАЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Движение, начавшееся 1-го мая, улеглось только после 10-го. Власти вначале растерялись и были, можно сказать, подавлены грандиозностью развернувшегося совершенно неожиданно массового рабочего движения, носившего определенный политический характер. Харьковский генерал-губернатор, кн. Гагарин, во всеподданнейшем докладе по поводу этого движения пришел к такому выводу: „рабочие в данном случае уже отнюдь не явились слепым орудием в руках злонамеренных лиц, многие из них сознательно выяснили себе преследуемые ими цели, твердо усвоили определенную программу действий и проявили в осуществлении этой программы выдержку и дисциплину — в этом, как я смею полагать, и заключается опасный симптом“. Понятно, что вначале власти держались уступчивой политики и под давлением рабочих согласились освободить всех задержанных 1 мая. Но жандармерия очень скоро оправилась от растерянности и страха — и начались репрессии. В ночь на 16 мая были арестованы 35 человек, в том числе наиболее активные рабочие (Воейков, Матросов), руководившие движением. Рабочие оказались уже не в силах добиться их освобождения. 12 человек из арестованных были высланы в административном порядке в Вятскую губернию на 3 года, остальные разосланы по разным городам под надзор полиции. По этому поводу С.-Д. К.-ом была выпущена прокламация „Ко всем харьковским рабочим“ с призывом бороться до конца для отвоевания политических прав из рук стоящего за спиной капиталистов правительства. Но эти аресты были только началом репрессий. Дружность первомайской демонстрации, ее широта, массовый характер и организованность движения заставили жандармское управление прийти к заключению, что движение — результат работы сильной подпольной организации. Поэтому было начато усиленное расследование и отыскание лиц, причастных к организации. Некоторые из допрошенных активных участников майского движения дали нить для вскрытия работавшей тогда в Харькове и очень законспирированной социал-демократической орга-

низации. Основываясь на их показаниях, жандармское управление начало строить грандиозное дело о преступной организации. Некоторые, сосланные в Вятскую губернию, были для ведения дознания возвращены из ссылки в Харьков. Произошли новые обыски и аресты. 28 октября были арестованы все руководители майского движения, принимавшие скрытое организационное или непосредственное участие в демонстрациях и забастовках. Началось дознание о Харьковском Комитете Российской Социал-Демократической Рабочей Партии¹⁾, которое продолжалось с 7 ноября 1900 года до середины октября 1901 года и было представлено прокурору в семи больших томах.

Всего было привлечено к этому дознанию 111 человек, в число которых вошли и участники майского движения и члены организации, тем или иным способом соприкасавшиеся с ним в период подготовки движения или в период его ликвидации¹⁾.

¹⁾ Приводим полный список привлеченных по делу 1-го мая 1900 г.: Алексеев С. А. б. студент Х. У., Бобков В. Е. студ., Бельке Ю. А. студ., Бобровский В. С. врач, Ботарев Н. С. студ., Боровко Р. А. рабочий, Божко М. Д. рабочий, Беланов А. Т. рабочий, Бондаренко С. Н. рабочий, Борисенко Н. К. рабочий, Богданов Н. Д. рабочий, Бунякин И. И. рабочий, Бирик А. П. рабочий, Беланов Г. Т. рабочий, Бурдин Г. А. рабочий, Булыгин А. Н. обойщик, Булатников А. С. рабочий, Воейков А. П. рабочий, Гамолко А. М. рабочий, Гамолко В. М. рабочий, Геращенко Д. Г. рабочий, Гайденок С. Д. рабочий, Григорьев Н. В. рабочий, Гречка П. А. рабочий, Горовиц И. И. студент, Гольдберг Г. В. сын купца, Геш М. В. рабочий, Гершанович Т. А. наборщик, Дрыбина Г. Ф. врач, Дудавский В. И. мещанин, Десяти-Сильный А. С. рабочий, Давыдов В. И. рабочий, Желабин О. И. рабочий, Желабин Л. И. мещанин, Зеликсон Ц. Ш. акушерка, Захаров Ф. Г. студент, Завьялова А. М. учитель, Засс. П. Я. рабочий, Зоткин М. Ф. рабочий, Золотарева М. И. учительн., Золотарев А. И. рабочий, Золотарев А. И. студент, Иванов Н. И. земск. врач, Казарновская Х. Ш. мещанка, Крумзе Н. Н. мещанин, Котлярова А. А. учительн., Кожеников В. А. сын купца, Корбут К. М. дворянин, Курилка Д. И. рабочий, Кондратьев П. В. рабочий, Каштанов Н. Д. рабочий, Каменев С. К. рабочий, Кулинин П. В. рабочий, Кривоконь А. А. рабочий, Кривоконь И. А. рабочий, Колесников В. Н. рабочий, Китаенко А. А. рабочий, Клименко А. В. рабочий, Кравченко Я. Г. врач, Левио Е. Я. рабочий, Лобойченко А. Е. техн., Лобойченко М. Е. мещанин, Маковский В. Н., инженер, Марков В. Н. студент, Матросов С. Е. рабочий, Мамонтов И. В. рабочий, Максимов А. П. рабочий, Матросов В. С. рабочий, Николаева Н. А. жена ст. сов., Никольский Г. П. рабочий, Никитин И. Г. рабочий, Никитин А. Г. рабочий, Новиков А. И. рабочий, Прибыткин А. А. студент, Попов К. А. кандидат прав, Поддубный А. А. студент, Починков Я. Г. рабоч., Павлов П. С. рабоч., Поляков Н. М. раб., Перегубов В. А. раб., Попов Н. Ф. рабочий, Радевич Ш. М. фельдшерица, Реутов В. Л. рабочий, Рогачевский В. Л. пом. прис. пов., Рудяк Н. И. рабочий, Селиверстов А. Н. инженер, Серебряков М. В. студент, Скрыпник И. Я. рабочий, Сушильников П. Я. рабочий, Семенов Д. А. рабочий, Степаненко С. П. рабочий, Трезин Т. И. рабочий, Толстоперстов И. Н. рабочий, Тризна В. Е. рабочий, Фейберг Л. Б. врач, Харужинская Э. В. дворянка, Хаботкин И. Х. столяр, Харченко С. К. сын подполковн., Харченко Р. Ф. жена дворянина, Чайченко М. М. гор учитель, Чайкель С. Е. мещанин, Чеботарев А. П. рабочий, Шкловский Е. Б. студент, Шестакова Е. Ф. дочь купца, Шепеленко И. Ф. студент, Шумов П. И. студент, Шейкин В. М. рабочий, Яходс А. Д. студент, Яткаленко В. С. рабочий, Денистровская Э. Д. акушерка.

Подавляющее большинство привлеченных были рабочие ж.-д. мастерских, паровозостроительного завода и пр.

Пока велось дознание, все были заключены под стражу в харьковской тюрьме, где пробыли с 28 октября 1900 г. до февраля — мая 1901 г.

Дело было разрешено в административном порядке и для руководителей закончилось высылкой на 3 г. под надзор полиции, большинству же заключенных было „вменено в наказание“ содержание под стражей.

РОЛЬ СОЦ.-ДЕМ. ОРГАНИЗАЦИИ В ДВИЖЕНИИ

Так закончились бурные майские события в Харькове. Своим последствием они имели прежде всего рост политического и классового сознания харьковского пролетариата. Цель, которую выступление преследовало вначале, была проста — выступить организованной массой и провести демонстрацию по намеченному плану, т.-е., собравшись в определенном пункте города с революционными флагами и песнями, устроить митинг и, таким образом, сплотить харьковский пролетариат. Но план этот не удался. Харьковская социал-демократическая организация того времени, во главе которой стоял Комитет из трех-четырех лиц (Фейнберг, Марков, Иванов), была не настолько сильна, чтобы овладеть движением, которое с первого же дня стало развиваться стихийно. Из показаний привлеченных к дознанию видно, что с Комитетом работала довольно значительная группа членов организации — более 20-ти человек (Зеликсон, Шестакова, Алексеев и др.). Эта группа, при посредстве целого ряда выдающихся своими организаторскими способностями рабочих (А. Воейков, В. Матросов, Бибик, Бунякин, Зоткин, О. Желабин, В. Гамолка, Н. Борисенко, Божко, А. Никитин и другие), из которых некоторые были членами организации, имела постоянные связи с рабочими массами, при чем работа среди рабочих велась преимущественно пропагандистская, кружковая. Агитация, подготовка рабочих к самостоятельным организованным выступлениям — это вошло в план работ организации, можно сказать, лишь накануне майских событий. Полагая, что рабочие массы еще слишком незрелы в политическом отношении, Комитет не сумел своевременно учесть тот быстрый рост рабочей массы, который так неожиданно обнаружился в процессе майского движения. Сам Комитет был удивлен успехом движения, который стал ясен к концу первого дня. Но радоваться было еще преждевременно — последующие дни показали, как мало было у Комитета организационных связей с рабочими массами и насколько недостаточно его руководство.

Харьковский пролетариат показал себя в эти дни вполне способным к массовым организованным выступлениям, показал себя стоящим на высоте того развития, которое только можно было предъявить российскому пролетариату той эпохи. Комитет же и организация в целом показала себя еще недорослыми до той ступени развития, на которой организация является вождем массового движения.

Этот год (1900) является поэтому, как поворотный момент, чрезвычайно важным для истории харьковской организации.

В. РУДНЕВ

Первомайская демонстрация 1900 г.

(Из воспоминаний)

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Еще задолго до 1-го мая 1900 года, — сначала в наших кружках „самообразования“, а затем в кружках „изучения экономии“, где мы штудировали „Эрфуртскую программу“, „8-часовой рабочий день“ и „Капитал“ К. Маркса в популярном изложении К. Каутского, — вопрос о праздновании 1-го мая „поднимался“, но даже не обсуждался, так как все это казалось нам далекой мечтой. О праздновании 1-го мая рабочими Европы, особенно рабочими Германии, мы знали частью по рассказам наших „интеллигентов“, из брошюры „1-е мая“, а также по корреспонденциям в „Русских ведомостях“ впоследствии убитого черносотенцами Иолоса — из Германии и Дионео — из Англии, но самим праздновать 1-е мая было для нас отдаленной мечтой, на которой мы долго не могли останавливаться, так как повседневной работы было у нас, что называется, по горло.

Считая невозможным в ближайшем будущем политическое выступление „против царя“, мы втягивались сами и втягивали рабочих в борьбу по различным мелким поводам: за воду, за расценки, за умывальники, за сроки полочки и т. п.

К этому времени (1890—1900 г. г.) харьковские паровозные мастерские Южных железных дорог, хотя уже и просуществовавшие, кажется, 25 лет, представляли собой непочатый край для работы политической и профессиональной и были в смысле революционности на плохом счету, так как в них относительно „хорошо“ жилось рабочим и порядки в них долго были патриархальными (до 1890 г. даже не было забора вокруг мастерских, о номерах же, расчетных книжках, проходных будках — и помину не было).

Будучи мальчиком (8-10 лет), я носил отцу, слесарю, обед в мастерские и хорошо помню, что железнодорожные мастерские состояли тогда из цехов: механического, кузнечного с котельным, литейного и сборного; за сборным цехом начиналось болото, все заросшее осиной и вербами; за ним — склон Холодной горы с оврагами,

заросшими кустами диких вишен и дерном... Паровозы ремонтировались во дворе мастерских, в канавах валялись всегда медные блестящие буксовые подшипники и золотники и никто их не трогал. Вскоре, в 1889-90 г.г., все это было изменено: был возведен забор, сначала по Кладбищенской ул., затем со стороны вокзала Южных и Николаевских железных дорог; болото не отгораживалось до постройки нового котельного цеха. Но до забора доступ на территорию и в мастерские был совершенно свободен для всех. Правда, у дверей цехов были сторожа, но эти „хранители“ всегда (даже долго и после того, как я поступил в мастерские) пребывали в дремотном состоянии и неохотно покидали свои уютные уголки.

Основной кадр рабочих — квалифицированные, по нынешней терминологии, слесаря, токаря, котельщики — жили во „всю губу“: заработок колебался от 80 к. до 1 р. 50 к. и даже до 2-х руб. в день, что, при тогдашней дешевой жизни, было большим окладом; кадры чернорабочих набирались из крестьян соседних деревень, которые работали за 30 — 40 — 50 к. в день; вечером они разбредались по соседним селам. Этим рабочим, которых звали „муриками“, было не до забастовок и политики, и они являлись, вследствие своей разобщенности, серьезной помехой квалифицированным рабочим: при малейшей „заварке“ они бросали лопаты, метлы, ломы и тому подобное и бежали „до дому“, чтобы на другой день ранним утром, задолго до гудка, явиться со своими котомками к воротам цеха (позднее — проходной будке) и смиренно „канючить“ работы; между тем, вся тяжесть „расхлебывания каши“ ложилась на плечи квалифицированных рабочих. Но и эти „заварки“ тоже были большой редкостью и подтолкнуть на них рабочих ж.-д. мастерских было очень трудно, ибо, как я уже выше сказал, основному кадру рабочих жилось хорошо, а мастерские, сами нуждаясь в квалифицированной силе (да и в чернорабочей), предоставляли рабочему относительно, — наряду с мальцевскими, например, заводами, — сносные условия, достаточные, чтобы „отогреть и приютить“ попавшего в них нужного человека — токаря или же слесаря.

Я нарочно остановился на этом вопросе, чтобы хотя в кратких чертах дать понять, почему в дальнейшем мы, т. - е. революционная или „сознательная“ часть рабочих, долго „экономизировали“ и старались втянуть в дело „протестов“, „ходатайств“, хождений (группами) к цеховым мастерам, начальнику мастерских и т. д. „видных“ представителей, ибо только квалифицированные рабочие пользовались авторитетом и к ним прислушивались как товарищи, так и администрация.

Такими авторитетными лицами к моменту празднования 1 мая 1900 года были: токарь Давыдов (умер), слесарь Зоткин, токарь Павлов, токарь Григорьев, токарь Давыденко, токарь Конограй,

слесарь Бали, слесарь Толстоперстов, токарь Семенов и многие другие (фамилии всех, к сожалению, не могу вспомнить).

Как я уже сказал, „серьезно“ думать о массовом праздновании 1 - го мая мы в кружках не могли, так как понимали, что без „стариков“, т. - е. без взрослых опытных рабочих, проработавших в мастерских несколько лет, тут не обойтись, а последние очень туго шли на протесты и в деле чисто политического выступления, нам казалось, на них рассчитывать нельзя было, так как это означало в их глазах — итти „против царя“. Все же, несмотря на все наши сомнения, мы энергично готовились к празднику и забастовке. Были распространены прокламации, брошюра „Первое мая“ усиленно читалась и передавалась из цеха в цех.

Но, как сейчас помню, со всех сторон раздавались сомнения, что „нас не поймут“. Говорили, что нужно было приготовить к 1 мая забастовку экономического характера (для чего поводов было — хоть отбавляй!), а к ней уже прилепить лозунг: „Да здравствует первое мая“. Однако, поднятый около этого вопроса шум втянул в спор и рядовых рабочих, так что накануне 1 - го мая уже определенно говорилось, что будет первомайская забастовка.

Молодежь мастерских на нас смотрела с готовностью. Но был еще признак, который доказывал, что носившимися слухами взволнованы и взрослые рабочие: „мурики“ определенно заявили, что раз'едутся по домам до 1 - го мая.

Так, с внешней стороны, судя по тем слухам и по тому настроению, о котором передавали нам товарищи с заводов Гельферих-Саде и паровозного, казалось, что стоит только дать тревожный гудок — и все станет. Чтобы еще больше укрепить себя и поднять „дух“, решено было провести несколько массовок.

МАССОВКИ

Первая массовка, в количестве до 12 - 15 чел., состоялась в Малой Даниловке, в начале апреля, на лугу, принадлежавшем пивному заводу б. Игнатищева. Был праздник, мы пили пиво, пели песни, как это тогда обыкновенно проделывалось на этом заводе жителями Лысой горы, Ивановки и др. пригородов. И здесь же, „подсчитав свои силы“, решили устроить вторую большую массовку, на какую позвать всех „стариков“ и пригласить представителей заводов Гельферих-Саде и паровозного.

Эта вторая массовка состоялась дня за два — три до празднования 1 - го мая, вечером, в лесу, против сахарного рафинадного завода (за Ивановкой), за маленьким даниловским кладбищем.

Товарищи одиночками или по - двое, с видом гуляющих, направлялись в лесок, где их уже ожидали. „Пикеты“ начинались от ке-

росинового склада б. бр. Нобель и вели с большими интервалами до места массовки.

Началась массовка чтением письма о значении 1-го мая. Письмо это было написано мною и тов. Бибином. Затем говорили Воейков, я и „старики“, которые повествовали нам о тяжелых мытарствах „нашего брата“ по отечественным заводам и фабрикам. Всех фамилий участников этой массовки я, к великому огорчению, не помню. Но многие из них, я знаю, живы.

После речей мы запели „Укажи мне такую обитель“...

Этой сцены я никогда не забуду. Последующие, можно сказать, исторические события, не дали нам, тогда юнцам, такого импульса к будущей работе, как те слезы, что текли из глаз „стариков“ во время этого пения. Да, тогда нам стало ясно, что „первый май“ будет, — если не завтра, то через год, но обязательно будет, — так как рабочие к принятию его давно готовы и нужны только преданные вожаки, которые повели бы к нему рабочие массы...

Разошлись, порешив праздновать 1-ое мая в „чистом виде“ и никаких забастовочных „экономических“ требований не выставлять, за исключением одного, неразрывно связанного с 1-м маем — „Да здравствует 8-часовой рабочий день“. В таком именно духе проэктировалось выпустить и „свежую“ прокламацию, дополнительную к уже распространенным.

Эту прокламацию я и токарь Семенов должны были получить на конспиративке, по улице Чайковского, представлявшей тогда заросший диким кустарником пустырь, в одиноко стоящем домике. Всю ночь мы прождали в условленном месте; однако, по неизвестным причинам, мы листовку не получили.

Между тем, несмотря на твердое решение праздновать 1-е мая и общее повышенное настроение, тогда, на массовке, было решено, а затем подтверждено по кружкам, принять и некоторые „принудительные“ меры. Решили, что целый ряд товарищей должны „чуть свет“ явиться к воротам мастерских, дабы своим влиянием воздействовать на малодушных, не допустить их в мастерские и, таким образом, обеспечить единодушие первомайского выступления.

И еще одно было решено — забастовку закончить к 8-ми часам утра, т. - е. показать начальству нашу готовность к борьбе за празднование и за 8-часовой рабочий день, но не начинать самой борьбы. Правда, это компромиссное решение было потом забыто товарищами, так как последующие события изменили эту „программу“.

1-е МАЯ

Как было решено, так и сделано.

Еще задолго до гудка, т. - е. до половины шестого утра, около ворот на Кузинском мосту, на Рудаковском переулке (там тогда были

вторые ворота), у проходной будки вагонных мастерских, на переезде, (спуск с Ольховского переулка, ныне упраздненного), на стыке б. Панасовской и Сахарозаводской ул. стояли товарищи и задерживали желавших прорваться „до гудка“ в мастерские. Главным же сборным местом были главные ворота паровозных мастерских.

Приблизительно в 4^{1/2} часа утра назначенные товарищи были на месте. Но в паровозные мастерские кое-кто уже успел пройти. Входить же туда нам не полагалось, чтобы не задерживаться и не быть задержанными. Особых мер администрация мастерских не принимала, но и обычного спокойствия не было. Вскоре за тем стали появляться одиночки и группы рабочих. Их мы не пропускали в мастерские. В результате к первому гудку (5^{1/2} час. утра) набралась уже изрядная группа, которую мы направили на Кузинский мост.

Между тем, с каждой минутой после первого гудка рабочие стекались все больше; некоторые вошли в мастерские. Настроение было приподнятое, но еще чувствовалась некоторая неуверенность.

К третьему гудку (6 час. утра) весь Кузинский мост был заполнен рабочими. Настроение поднялось. Пошли смех, шутки; покрикивали на тех, кто прятался и „огибался“ у соседних домов. Будет или нет маевка, мы не знали, но что работать не будут — уже было ясно.

Третий гудок... Толпа на улице...

— Выгнать из мастерских тех, кто попрятался, — слышались крики прямо из толпы.

Часть рабочих, особенно молодежь, бросилась в мастерские, кое-кто пошел из наших, т. - е. организованных. Шум, свист... Появившийся начальник мастерских, Ринглянд, хитро улыбаясь, стоял у выходной будки и приговаривал вслед уходящим:

— Идите, идите...

Еще несколько минут... От ворот мастерских потянулась черная лента.

— На леваду (Ващенковскую)...

— В город...

Так как было условлено устроить сначала на Ващенковской леваде митинг, а уже после этого идти в город на соединение для демонстрации с рабочими других заводов, то все тихо, без песен, потянулись то кучками, то одиночками на леваду.

На мосту был поднят вопрос:

— Выкидывать ли знамя?

— Обождем: рано.

Дойдя до Керамического завода б. Бергенгейма, мы решили снять и отсюда рабочих с работы. Но ворота оказались закрытыми. Пока мы вели переговоры о „добровольном“ впуске нас на завод, поднялся шум — работы стали, и рабочие начали быстро стекаться во двор.

Еще несколько мгновений — и послышалось пение „Дубинушки“. Ворота растворились и бергенгеймовцы, в большинстве девушки, шумно влились в общую массу.

— „Дубинушку“, „Дубинушку“!..

Запели „Дубинушку“ и живо прошли на Ващенковскую леваду, где и выстроились в полукруг.

Скоро прибыли товарищи — делегаты с паровозного завода. Один из них, тов. Чайченко, был поднят на руки и начал речь.

В это время и было поднято наше первое красное знамя. Кажется, поднял его тов. Толстоперстов.

Красное знамя... Правда, оно не было похоже на те гордые знамена, какие осеняют сейчас рабочие демонстрации. Но это, все-таки, было красное знамя, хотя с первого взгляда оно казалось лишь убогим скомканным красным платком, прикрепленным к „дрючку“ — длинной палке.

Знамя вызвало у нас громкие и восторженные крики:

— Да здравствует 1-е мая!... 8-часовой рабочий день!

— Долой царя!

Все стихло на мгновенье... Так необычайно, так даже жутко прозвучал этот лозунг, какой мы „постановили“ не произносить из-за опасения спугнуть многих и многих...

Полились краткие, но энергичные речи...

Говорили, кроме Чайченко, я, Воейков, Каменев и многие другие. Говорилось о значении праздника рабочей солидарности, упоминался также лозунг: „Долой царя!“.

С города доходили слухи, что к нам идут рабочие с заводов...

После речей — песни. В кружках нас учили петь „Марсельезу“. Кто ее знал — затягивал, но больше пели „Дубинушку“, „Заповіт“ Шевченка.

В ожидании товарищей из города, разбились по кучкам. Наконец кто-то принес тревожную весть, что товарищей с паровозного завода и Гельферих-Саде разогнали казаки (это потом подтвердилось).

Все встревожились:

— Что делать?

— Итти в город на выручку, навстречу, итти группами, попарно... — раздались голоса.

С левады потянулись на Б. Панасовскую ул.

АРЕСТ

Я был еще в начале Б. Панасовки, как у начала Кузинской ул. показались солдаты.

Они не предпринимали как будто ничего, только подвигались гуськом, вдоль улицы, навстречу нам.

Ясно было — нас берут в цепь. Многие рабочие бросились назад, в соседние дворы... Солдаты сначала не препятствовали укрываться по дворам. Затем стали смыкаться и штыками делать преградительные барьеры.

Но вдруг крики:

— Казаки!

Со стороны Ващенковской левады, откуда мы начали движение на город, появились казаки. Вскоре они оказались впереди нас и позади дворов.

В несколько минут мы были окружены двойным кольцом — солдатами и казаками. Кольцо стало сжиматься. На нас молча напирали лошадьми. Впереди оказалась сомкнутая рота солдат. У передних рядов их штыки были взяты на перевес. На нас так нажимали с „тылу“, что наши передние ряды оказались прижатыми вплотную к приподнятым штыкам.

К сжатой группе стали присоединяться товарищи из соседних дворов — их выгоняли казаки.

Мы оказались, таким образом, в окружении. Ясно было, что мы арестованы.

„Скверное“ молчание царило с обеих сторон...

С час нас держали в таком положении. А всего нас было человек 150, — остальные успели разбежаться.

Пошли шутки, попытки завязать разговор с солдатами.

Наконец:

— Смирно! Стройся! Ружья — на плечо! Шагом марш!

Нас повели во двор быв. конвойной команды, на углу Тюремной и Кацарской ул. Здесь переписали...

Ко двору стекались жены арестованных, товарищи, сестры, дети: толпа образовалась куда большая, чем толпа арестованных.

Вскоре — опять команда. Нас вывели на улицу и повели на Холодную гору, в каторжную тюрьму.

По дороге толпа росла.

Настроение царило возбужденное. Мы запели „Заповіт“.

Солдаты сочувственно улыбались...

Сопровождавшая нас толпа подхватила наше пение и так, с песнями, мы подошли к каторжной тюрьме, около которой собралось уже несколько сот человек.

Тут мы узнали, что в эту же тюрьму приведены рабочие, взятые в городе, т. е. те товарищи, которые рвались к нам и к соединению с которыми стремились мы сами.

Толпа сгрудилась у ворот тюрьмы и не только не хотела нас пропустить, но требовала освобождения ранее арестованных. Конвоировавшие нас солдаты вынужденны были сплотиться и прокладывать себе и нам дорогу в тюрьму силой и угрозами.

В ТЮРЬМЕ

С „Дубинушкой“ вошли мы во двор каторжной тюрьмы. Там нам быстро сделали переключку и повели в камеры.

Поднимаясь по лестнице, мы шумели, а ранее арестованные стали откликаться на наши возгласы. Общие крики „ура“, попытки запеть песни...

Наше возбуждение передалось каторжанам. И вот загремели кандалы, загрохотали двери.

Нас быстро втолкнули в большую общую камеру.

Успокоившись, мы прислушались. Слышен был топот, лязг цепей, громыханье дверей. Сердитые окрики. Отдельные выкрики... Оказалось, что каторжников переводили из камер, смежных с нами, во внутренние. Когда этот шум стих, со стороны улицы, „воли“, стал доноситься глухой рокот. У тюрьмы, по словам наших оставшихся на свободе товарищей, происходило приблизительно следующее:

Арестованных рабочих с разных концов города все приводили и приводили. Толпа росла и выросла до нескольких тысяч, запрудив все пространство и улицу около тюрьмы.

Все это были рабочие, их и наши жены, и просто обыватели.

Для Харькова это событие было необычайным.

Часам к 4-м к тюрьме стали подходить солдаты и оттеснять наевших на ворота.

Толпа не уступала. Кричала:

— Мы требуем освобождения арестованных!

Свалки не было, но препирательств, криков, взаимных „напираний“ было много.

Вдруг крик:

— Казаки!

Все притихло.

Действительно, показавшиеся из-за тюрьмы с Екатеринославской улицы казаки стали напирать на толпу. Их встретили свистом и криками.

В них бросали камни...

— Бьют! — пронесся крик, и толпа бросилась от тюрьмы.

Казаки тоже рассыпались и, смешавшись с толпой, — стегали нагайками направо и налево.

Так мне передавали очевидцы.

Ночь на 2-е мая мы провели в тюрьме и с утра стали требовать прокурора или губернатора. Кто-то приезжал, но с нами не разговаривали. В то же время в тюрьму проник слух о том, что паровозные мастерские забастовали.

Мы в этом были уверены.

Вскоре это подтвердилось, так как в тюрьму пришли за нами делегаты от рабочих паровозных мастерских.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Нам просто, без формальностей, открыли дверь и мы выбежали во двор, где уже стояли товарищи, пришедшие за нами. Очень сожалею, что не помню всех их фамилий.

За воротами нас ждали другие товарищи и наши жены.

Велика была наша радость, но не потому, что нас освободили из тюрьмы, а потому, что вызволили нас товарищи, — а мы знали, как это трудно было тогда и опасно для многих.

Но еще большая радость была, когда мы вошли в сопровождении делегатов во двор паровозных мастерских.

Мастерские не работали. Все рабочие были во дворе. Молча мы приближались к ним. И вот — один общий крик:

— Ура, наша взяла!

Крики, качанье освобожденных на руках. Поцелуи, бесконечные пожатия рук, сияющие лица...

Началась „деловая“ часть забастовки: к требованию нашего освобождения „разошедшиеся“ товарищи „примазали“ целый ряд других — экономического порядка. После долгих переговоров с начальником мастерских и данного им обещания „все уладить“, — было даже обещано, что отпустят наших делегатов, которые говорили с губернатором о нашем освобождении (Воейков, ныне покойный Зверев и др.), а также меня и Бибика, которых не хотели освобождать (мол, потом не удастся поймать), — рабочие разошлись по домам. Таким образом, день 2 мая рабочие тоже не работали.

Нас не арестовали ни в тот день, ни на другой, хотя мы, причастные к подпольным организациям, не ночевали в эти дни дома. Но аресты все же разразились — в ночь на 16-е мая. Арестовано было свыше ста человек. Затем многих освободили. Человек 37 просидели до августа месяца, после чего часть была отдана под надзор местной полиции, часть выслана на родину (тов. Павлов), часть — в ближайшие губернии, по собственному выбору арестованных (тов. Гречко, кажется — Винников), а 12 человек (Матросов, Воейков, Бирик, Зоткин, Зас, Зверев и проч.) были направлены в ссылку на три года в уезды Вятской губернии.

Вот, что было 1-го мая 1900 года.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Считаю нужным сказать несколько слов по существу события.

Первомайская стачка харьковских рабочих 1900 г. была первой организованной попыткой российского пролетариата выступить на фронте политической борьбы в широком, государственном масштабе.

Она доказала, что, — несмотря на весь гнет, на полное духовное порабощение трудящихся, на все усилия отстранить трудящихся от политики, озлобить их против „социалистов“ и „студентов“, — они неудержимо шли к этому делу и были готовы, даже бессознательно для многих, к участию в политическом строительстве своей страны.

До этого дня возможны были споры — можно ли и нужно ли втягивать пролетариат в политическую борьбу, но после этого дня стало ясным для всех, что — можно, должно и нужно. Вскоре 1905 год окончательно утвердил нас в политической зрелости рабочего класса.

Я считаю, что первомайское выступление харьковских рабочих в 1900 г. не было делом рук отдельных вожakov и даже усилий тогдашних подпольных организаций, — оно было результатом коллективной работы, ясно выявившей могучий рост пролетарского сознания и давшей огромный толчок к последующим выступлениям рабочего класса.

В. МАТРОСОВ

Памяти товарища

(Материалы к биографии Юрия Лутовинова)

Для того, чтобы понять, что представлял собою Юрий Лутовинов как революционер и как последовательно мыслящий коммунист, вышедший из самых глубоких недр рабочего класса, необходимо хотя бы кратко отметить основные моменты в борьбе рабочего класса в ту эпоху и в том месте, где Лутовинов политически родился.

Луганская организация РСДРП, в которую впервые вступил Лутовинов, была основана в 1903 году в сравнительно небольшом городке (120 т. жителей), расположенном в районе богатых залежей угля и руды и обладавшем, поэтому, чрезвычайно развитой промышленностью.

Быстрый рост промышленности вызывал здесь приток все новых и новых рабочих из крупных промышленных центров. Сюда перекочевали после репрессий целые группы рабочих, главным образом, металлистов, которые заносили с собою революционные идеи, охватившие в первую очередь молодежь. Японская война, на которую угнали из заводов несколько тысяч молодых, здоровых рабочих, связанных и родственно и профессионально с рабочим классом, тоже сильно содействовала развитию революционной сознательности, так как благодаря войне рабочие приучились читать газеты. Проходя по цехам того или иного завода во время обеденного перерыва, можно было наблюдать группы человек в 30—50, слушающих чтеца газетных новостей.

Разумеется, от интереса к войне рабочие очень быстро переходили к обмену мнениями по поводу политических событий, выявляя еще туманно и ощупью свое классовое к ним отношение.

До начала 1905 г. луганская организация развивалась довольно слабо. Но вот в феврале (1905 г.) вспыхнула забастовка на заводе Гартмана. Забастовавшими были предъявлены преимущественно экономические требования, за исключением пункта о 8- часовом рабочем дне, который считался тогда политическим. Забастовка эта продолжалась 5 дней и несмотря на то, что она была первой, с самого начала существования завода, рабочие держались все время очень

дружно. В результате все требования были удовлетворены: некоторые частично, а некоторые полностью, напр., рабочий день был сокращен с 12 до 9 часов.

После описанной забастовки, луганская организация РСДРП стала расти очень быстро. Образовались кружки, подпольный профессиональный союз, часто стали проводиться массовки, на которых иногда собиралось до 1.000 чел. и даже более. Стали приобретать оружие, которое присылали из-за границы; вслед за этим были организованы боевые дружины, которые начали проводить занятия, готовясь к вооруженному выступлению.

Но тут наступила реакция. Под ее влиянием и при содействии эс-эровской и анархистской идеологии боевые дружины стали выродиться в экспроприаторские группы, действовавшие под самыми разнообразными лозунгами: „В борьбе обретешь ты право свое“, „Анархия — мать порядка“, „Дух разрушения несет дух созидания“ и т. п.

Тиски реакции, главным образом, сжимались над рабочими кварталами. К тому же усилилась и безработица. И очень многие молодые малосознательные рабочие видели для себя единственный выход не в накоплении сознательных сил и их организационном укреплении для грядущих боев, а в немедленных выступлениях с оружием в руках, вылившихся скоро в беспринципные экспроприации.

В таком же состоянии оказался в это время и Юрий. Полный кипучей революционной энергии, но не находя выхода ей в эту черную пору реакции, он искал в группах эс-эров-боевиков, применения своим силам и своему нетерпеливому желанию активной борьбы против ненавистой буржуазии.

Этим, по моему, и объясняется принадлежность Юрия к эс-эрам в период 1907 — 1910 г. г.

Когда Юрий Лутовинов был арестован в первый раз, точно не помню, по моему, это произошло осенью 1907 г. Просидел он месяца полтора, был затем выпущен при условии немедленного выезда из города и сразу уехал. Больше я его не видал до 1915 г.¹⁾

В 1915 г. Юрий снова появился в Луганске. Я немедленно принял меры к тому, чтобы встретиться с ним. Спустя несколько дней я отыскал его квартиру и явился в указанное мне время. При входе мне представилась такая картина: в комнате находился Юрий и еще 5—6 молодых рабочих, его, очевидно, совершенно не знавших, которые окружили его, требуя у него явку; Юрий отвечал, что явки у него не может быть, ибо Луганск не связан с центром и никто даже не знает о существовании луганской организации. Очутившись среди споривших, я вмешался в разговор и задал пару вопросов, чтобы

¹⁾ Тов. Лутовинов стал большевиком в 1910 году (прим. ред.).

выяснить, чем объясняется такая придирчивость к Юрию. Из ответов на предложенные мною вопросы не трудно было установить, что недоверие к Юрию явилось следствием провокационной агитации эс-эров, стремившихся сорвать возложенную на Юрия работу. Обнаружив это обстоятельство перед молодыми рабочими и выяснив недоумение, мы тут все совместно приступили к работе и тут же набросали план объединения районных групп, ранее существовавших раздельно и не имевших единого центра (до этого времени существовали три отдельные группы: Гартманская, жел.-дорожная и объединенной промышленности, которые организационно не были связаны между собой).

В ближайшие же дни был созван актив, избравший при участии Юрия „Исполнилку“, которая принялась немедленно за работу. Не забыты были и эс-эры. Решено было пригрозить им расправой, если они не дадут исчерпывающего объяснения по поводу распространяемых ими о Юрии слухов.

Скоро Юрий начал проводить кружковые собрания, на которых обсуждался, главным образом, текущий момент, связанный с империалистической войной. Разрабатывался также план по восстановлению сети организаций от Харькова до Оренбурга. Кроме того, шла речь о том, чтобы в 1917 г., в мае месяце, организовать вооруженную демонстрацию рабочих.

В 1916 г. в городе почти на всех крупных заводах произошла забастовка. Многие были арестованы, и работа на несколько месяцев приостановилась. Но рабочие настолько раскачались, что с.-д. группа возникла опять и к Февральской революции луганская организация насчитывала около 200 человек. В конце 1916 г. Юрия начала преследовать полиция, он выехал из города и я с ним опять потерял связь на несколько месяцев, вплоть до Февральской революции 1917 г.

Когда, после Февральской революции, в марте 1917 г., Юрий снова приехал в Луганск, у власти там стояла местная мелкобуржуазная интеллигенция во главе с меньшевиками... Чтобы собрать сочувствующих нам революционно настроенных рабочих и в дальнейшем создать условия, благоприятные для борьбы с меньшевиками и их господством в Советах, мы решили провести переучет и регистрацию всех тех рабочих, которые с 1905 г. по 1916 г., так или иначе, примыкали к нам.

У местных меньшевиков никакой подпольной организации не было, так как в период империалистической войны они проповедывали легализацию борьбы рабочего класса. Но, как только совершился переворот, они поняли, что для удержания позиции и для политического руководства в дальнейшем нужна организация, и объявили общее собрание всех социал-демократов, а также сочувствующих. На этом

собрании присутствовало около 50 чел., главным образом, местные врачи, юристы, литераторы и пар пять меньшевиков — выходцев из рабочей среды, за которыми вся остальная братия ухаживала, как за красавицей.

Когда разговор дошел до избрания комитета, наши ребята задали вопрос: „Под каким же лозунгом пойдет создаваемая организация?“ Ответ последовал очень короткий: „Зачем выдвигать острые моменты на первом организационном собрании — оформимся, а потом видно будет“.

Через неделю мы созвали общее собрание, на котором отчитывался подпольный Комитет Луганской организации РСДРП большевиков. На это собрание явился человек 700 — 800 рабочих, исключительно из крупных заводов. Юрий Лутовинов, как уполномоченный ЦК большевиков, делал доклад о текущем моменте. Меньшевики пытались ворваться в зал, чтобы сорвать собрание, но один из товарищей, видя, что уговоры не помогают, отступив пару шагов назад, направил на бунтующую группу чел. в 15 револьвер и заявил, что он не намерен ради их каприза изменять партдисциплине. Угроза подействовала, и с криком: „Жандармов понаставили“, меньшевики бросились вон.

На собрании был избран новый партийный комитет, в который вошел и т. Лутовинов. Новый комитет сейчас же повел усиленную работу на заводах: начали устраиваться митинги, на которых популяризировалась партия с.-д. большевиков, и в короткое время заводы стали полностью большевистскими. В первые же два месяца луганская организация перешагнула за 4.000 членов; что же касается меньшевиков, то они имели максимум 300 чел. и то, главным образом, как уже сказано выше, горожан - разночинцев, а не заводских пролетариев.

Работая в парторганизации, Юрий взялся одновременно и за организацию союза металлистов, которых в Луганске насчитывалось от 30 до 40 тысяч. И в результате его неустанной, кипучей работы союз металлистов стал неприступной большевистской крепостью и постоянным живым резервом партии большевиков. Неустанно выступал Юрий также на митингах, где он, как лев, набрасывался на меньшевиков, эс-эров и прочих лжедрузей рабочего класса, растирая в порошок своих противников.

В мае был переизбран Совет. Большинство завоевали большевики. Даже при выборах в городскую думу наша организация получила на один голос больше, нежели так называемый, „правый блок“, в который входили: меньшевики, эс-эры, серповцы, бундовцы, поалей-цион, вплоть до кадетов, так что и дума оказалась в наших руках. Таким образом, главенство представителей правительства Керенского кончилось: оставался только комиссар, меньшевик Нестеров,

который, будучи подперт со всех сторон помощниками — большевиками, оказался в полном окружении, сохранив за собой единственную административную прерогативу — выдачу населению разрешений на получение спиртных напитков — все остальное было фактически захвачено большевиками.

Борьба развивалась неимоверно быстро. 3 — 5 июля большевистская организация устроила вооруженную демонстрацию. Были выведены казаки. Момент был чрезвычайно напряженный — ежеминутно можно было ожидать схватки, но все кончилось благополучно. На громадном митинге были приняты резолюции с лозунгами: „Долой десять министров - капиталистов“, „Вся власть Советам“ и т. п.

Как - то незаметно в Луганск прибыл 25 - ый (если не ошибаюсь) украинский полк. Появились и деятели в духе Украинской Центральной Рады с претензией на „владу“. Началась борьба. Я помню, как Юрий, выступая в борьбе с украинцами, доказывал несвоевременность украинизации, так как это могло распылить силы пролетариата. Он говорил: „Наша национальная политика должна итти под лозунгом — „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“¹⁾.

В этот момент наша организация стала вооружать рабочих, чем только было возможно, и организовывала из них боевые части. Скоро работа организации вышла из пределов Луганского уезда: наши организаторы - агитаторы выезжали очень часто в такие отдаленные города, как Мариуполь, Таганрог, Бахмут, Старобельск, не говоря уже о крупных промышленных центрах, как Макеевка, Юзовка, Петровск, Алчевск и др. Объясняется это тем, что губернский центр — Екатеринослав — настолько был занят самим собой, что не в состоянии был обслуживать свои уезды.

Юрий за это время исходил весь Донбасс. Я вспоминаю такой случай. Когда я возвращался со с'езда Екатеринославской жел. дороги, мне пришлось ожидать 2 — 3 часа поезда на Ясиноватой. Вышел с вокзала в поле. Смотрю: идет Юрий. Увидел — очень обрадовался, с увлечением рассказывал, что он за неделю обошел все шахты, начиная с Юзовки. Везде настроение хорошее: скорей бы собрались наши в Питере покончить с Керенским.

Нужно сказать, что Юрий был всегда независим от своего служебного положения. Он всегда оставался Юрием - рабочим, с которым всякий, мало - мальски знающий его, чувствовал себя, как со своим товарищем.

В начале сентября, в момент выступления Корнилова, в Луганске был создан Революционный Комитет (не в пример другим городам, которые создавали тогда коалиционные комитеты спасения

¹⁾ Недооценка национального момента. была в тот период обычной для большевиков, в особенности, левобережной Украины. Ред.

революции). Революционный Комитет в течение 5 дней арестовал все местное офицерство, переформировал имевшиеся в городе части, всюду поставил надежных командиров и стал готовиться к возможному наступлению со стороны донских казаков, территория которых окружает Луганск с трех сторон. С этого момента вся власть окончательно перешла в руки Совета Рабочих Депутатов, и последний комиссар Временного Правительства так искусно сбежал из города, что не удалось отыскать и следов его.

В октябре был созван крестьянский съезд, на котором был избран Исполком. Когда мы стали перед наличием двух Исполнительных Комитетов—Совета и Съезда, то, во избежание двоевластия, решено было выделить из обоих Исполкомов Совнарком, которому была вручена вся административная власть в городе и уезде. Юрий был избран председателем этого Совнаркома, одновременно оставаясь Наркомтрудом.

Скоро начались боевые схватки с контр-революционными бандами. Наши отряды получили первое боевое крещение. Убыль в командирах потребовала их замещения новыми лицами. Выдвигались, конечно, наиболее способные, боевые, вообще выдающиеся, благодаря своим индивидуальным качествам, товарищи. Но, вследствие этого, индивидуализм достиг максимальных размеров. Юрий, со всем свойственным ему пылом, резко поставил вопрос о подчинении дисциплине всех командиров, о наложении партвызысканий за неисполнение партийных приказов и проч. Тут сказался во всей полноте Юрий, коллективист до мозга костей, партиец,—словом, твердокаменный большевик.

С весны началось наступление немцев. Одновременно донская контр-революция настолько окрепла, что белогвардейское офицерство стало делать налеты на рабочие поселки, расправляясь самым беспощадным образом с рабочим населением, не щадя даже детей.

Мы тогда рассчитывали, что немцы, как это значилось в Брестском договоре, не пойдут за Северный Донец, и поэтому старались туда перебросить наиболее ценные грузы, а также организовали за Донцом переформирование отрядов, которые к этому времени представляли собой мало организованные, недисциплинированные партизанские группы.

Но не тут-то было. Немцы перешли Донец и стали двигаться дальше. Тогда со станции Миллерово была послана делегация в Митякинскую станицу (с которой пошел и Юрий), с расчетом перетянуть на нашу сторону казаков и не дать немцам продвинуться дальше. Но эта миссия не удалась.

После занятия немцами станции Чертково, нам больше ничего не оставалось, как направиться в сторону Лихой, с расчетом повести отступление к Царицыну.

Мне вспоминается случай, когда наш отряд должен был сбить с позиции казаков, обстреливавших железную дорогу, по которой продвигались наши грузы и эшелоны, а у нас было 70 с лишним составов и шли они гуськом, один за другим, нагруженные людьми, хлебом и сахаром. Среди выступавших на фронт я вдруг увидел Юрия. Был он в шапке-бескозырке, в какой-то странной шинели и весело разговаривал с окружающими товарищами. Увидев меня, он крикнул: „Пойдем с нами“ — брось, дескать, возиться с эшелонами.

Казаков мы сбили, но тут быстро подошли немцы, которые легко смяли наш, ничего не смысливший в военном деле, отряд. И я помню, как после этого Юрий проклинал нашу неорганизованность и неумение.

Когда мы дошли до Царицына, Юрий уехал в Москву на с'езд (не помню, какой) и больше в Царицын не возвращался.

После этого я снова встретил Юрия в Луганске лишь в 1919 г. Белогвардейские части в это время с ожесточением атаковали Луганск. Последний защищался вышедшими из заводов рабочими, которые несколько раз отбрасывали белогвардейцев, нанося им не малый урон. Это был момент, когда Луганский пролетариат кровью вписывал свое имя в историю борьбы рабочего класса — и Юрий был одним из вдохновителей его борьбы.

В том же 1919 г., когда Юденич был под самым Петроградом, я опять встретился с Юрием. Он уезжал в это время в Питер с поручением от Ц. К. партии. Тут необходимо отметить, что Юрий был чрезвычайно опытным подпольщиком — даже царской полиции, при всем ее искусстве, редко удавалось подстеречь его; тем более он был неуловим для белогвардейцев.

В 1920 г. Юрий приехал в Луганск в качестве предгубисполкома. В это время в Донбассе разворачивалась работа по организации промышленности. Несмотря на то, что промышленности Донбасса придавалось огромное значение, как экономической базе революции, за ее организацию брались неумело.

Донбасская угольная промышленность по своей природе такова, что за ней нужен постоянный бдительный уход. Я помню, что в первые годы революции нам неоднократно приходилось собирать контрибуцию, чтобы поддержать шахты, охранить их от затопления и сохранить их в пригодном состоянии до того момента, пока главки соберутся с духом и смогут их принять на свое попечение.

До 1920 г. местные партийцы, знающие эту промышленность, обычно втягивались в работу, и дело шло, более или менее, гладко.

Не то было в 1920 году. В это время Главное Управление каменно-угольной промышленности еще не было создано, организационную работу вели уполномоченные Москвы и Харькова, но между ними происходили частые столкновения, которые нередко влекли за собой ущерб Донецкой промышленности (вплоть до затопления шахт).

Много можно было бы рассказать курьезов из этого организационного периода. Но об этом в другом месте.

Сознание ненормальности создавшегося положения быстро проникало в среду рабочего класса, главным образом, партийной его части, и создавало тяжелое настроение, на основе которого развивалась и оппозиция. Оппозиционные настроения питались организационными неувязками и неудачными мероприятиями руководителей Донбасса и Донецкой промышленности. К тому же система уполномоченных, этот продукт старой армейской практики, перенесенный в область советской, а иногда и партийной работы, также вызывала осуждение в партийной среде. Не менее отрицательно влияла и частая смена руководителей губернии (напр., за первое полугодие 1920 г. в Донецкой губ. сменилось 4 предгубисполкома). Прибывший новый предгубисполкома — Юрий естественно столкнулся вплотную с этими настроениями и скоро сделался их выразителем.

В организации несколько раз обсуждались эти болезненные вопросы, делались различные выводы, но удовлетворительного ответа в это время получить не удалось. И только X Съезд РКП разрешил волновавшие организацию вопросы в положительном смысле.

Через полтора месяца Юрий был отозван в Москву, где он уже до конца своих дней все время работал в профессиональных органах.

И там Юрия не всегда удовлетворяла общая политика, особенно на поворотах, когда рабочему классу угрожала та или иная опасность. Юрий, например, отчаянно боролся против спецомании, когда дело доходило до представления административных прав в промышленности техническим руководителям, выступал он против общей линии и тогда, когда ему казалось, что грозит какой-либо ущерб гегемонии рабочего класса.

Во всей своей работе и жизни Юрий был рабочий-коллективист, готовый за рабочий класс на какие угодно личные жертвы, не имеющий личной жизни и неразрывно связанный с рабочим классом.

Он всегда был готов на подвиг и самоубийство осуждал, как трусость.

Его трагическая кончина, поэтому, непонятна даже близко знающим его с раннего детства.

Спи же дорогой Юрий. Рабочие кварталы, которым ты отдал двадцать лет лучшей жизни, доведут начатое тобою дело до конца.

И. НИКОЛАЕНКО

Ганна Хоперська

Ганна Хоперська... Хто в Харківських партійних колах, а зокрема в робітничих колах Петінського району не знав чи не чув про тов. Ганну? Проста, правдива, в той-же час непокійна вдача й зачаровувала, вабила всіх, хто ближче знайомився з нею в роботі й в житті. Вміла вона якось підходити до людей, бути душею того товариства, серед якого їй доводилось працювати.

Ганну по революційній роботі багато харківчан знало.

Хотілося-б додати кілька слів до характеристики Ганни.

Ганна родилась й виросла у провінції — в м. Вовчий, на Харківщині. Виховувалась вона під різними впливами. В родині своїй Ганна була дуже самотньою. Батько її, кравець, людина недалеко, з міщанськими поглядами нічого не міг доброго дати Ганні, — хіба тільки свою працьовитість. День й ніч працюючи, не розгинаючи спину, він свою нелюдимість й суворість переносив на всю сім'ю. Під його

деспотичним впливом була й мати Ганнина й разом батьки на неї дивились завжди тільки з утилітарного погляду: вона для них, перш за все, була „підсобним“ членом родини.

Ганна ніколи не ображалась на таке до себе відношення батьків, вона їх поважала, як трудівників, і любила. Але тільки завдяки природньому розумові своєму не піддалась вона впливові міщанського оточення і пішла вперед.

Почала розвиватись Ганна в школі. Серед інших учнів вона відрізнялась своєю чутливою, нервово-непокійною, поривчастою

вдачою. Всякі передові ідеї і прояви громадського життя знаходили в ній відгуки, ще й завдяки її буйній фантазії.

В 5 кл. гімназії Ганна напівсвідомо, проте живо, бере участь в одній з демонстрацій, що широкою хвилею розкочувались по всій б. Росії, після 1905 року. За це її разом з іншою шкільною молоддю арештовують і, побувавши в тюрмі, Ганна вже не може бути байдужою до політичного руху.

В гімназії Ганна зацікавлюється гуртками української інтелігенції, яка, відчувши на собі весь гніт національний, перейнята була національно-демократичними ідеями.

Під впливом цих ідей Ганна ставить собі метою їхати на село на національну роботу.

По закінченні гімназії (в 1911 р.) вона одержує посаду вчительки в сільській школі (Б. Колодязь, на Харківщині).

Українське село, пригноблене тоді царатом двічі — соціально й національно, зробило на Ганну тяжке вражіння. Вона близько знайомиться з найбіднішими верствами села, з його болячками, з нужденним життям селянина. Ганна живе в селянській хаті, їй нічим не хочеться відрізнити себе від селянина, вона ділить його горе, болить його болем.

Але небагато Ганна може зробити на селі. Зрусифікована школа, де Ганні не можна розгорнути своєї вчительської праці, яку хотілося-б, а ще більше — неможливість вести якусь роботу серед селянства, бо у влади Ганна була на підозрінні, як „неблагонадійний“ елемент — все це жене Ганну з села. Крім того й політично Ганна не почуває під собою твердого ґрунту, після того, як практично познайомилась з соціальними протиріччями села.

Не залишаючи, поки-що, сільської школи, Ганна (в 1912 р.) їде в найближчий культурний центр (40 верст) — Харків. Тут вона вступає, перш за все, на вищі жіночі курси — історико-філологічний відділ. Ганна почуває потребу знаннів, та потребу самоосвіти.

В Харкові-ж вона, почасти, звязується з громадським життям — входить в українсько-соціалістичні студентські гуртки, але робота й напрям цих організацій її не задовольняє. Вона шукає людей і, головне, „правдивих“ людей, це проміж иншим, було дуже характерно для тодішньої Ганни. Багатьох виводила вона тоді на чисту воду, не терпіла ні в чому фальші.

Тоді-ж Ганна вперше знайомиться з більшовиками (Базанов, М. Скобєєва), з їхньою програмою, але тоді ще вона мало знайома була з марксизмом, і ці перші знайомства не зробили на неї рішучого впливу.

З сільської школи Ганна згодом переїздить зовсім в Харків. Тут, видержавши конкурс на найкращу вчительку міської школи, вона одержує посаду на Петінці, в Робітничому Домі.

Взагалі, Ганна була не аби-яка вчителька, а тут, в цій робітничій школі на Петінці, з цими обшарпаними пролетарськими дітьми Ганна просто ідеальна. Скільки ніжності, скільки м'якого товариського чуття вкладала вона в своє відношення до учнів, які знаходили в її школі часто те, чого їм бракувало вдома: розвиток, ласку, розвагу.

На Ганниних уроках не почувалось різниці між вчителькою й учнями: все носило форму товариських розмов і діти за це Ганну дуже любили.

Ганна збуджувала в дітях солідарність й самодіяльність: за її приводом і керуванням діти організували в себе дитячу касу взаємодопомоги, дитячу виборчу Раду і т. и.

Вчителювання в Робітничому Домі мало для Ганниної політичної свідомости велике значіння. Через дітей Ганна знайомилась з робітничим побутом, з щоденним злиденним життям робітництва, з його конкретними потребами й психологією. Симпатії Ганни до робітництва ростуть і зміцнюються.

Праця в школі, на курсах, а до того й хвороба (сухота) відбирають в Ганни майже всі сили, й Ганна починає з сумом задумуватись над своєю будучиною.

Проте передреволюційний настрій (1916 — 1917 р.р.) збуджує до життя Ганну. Революціонерка по натурі, Ганна чує, що насувається буря, й запалюється вогнем. Пригадується, як зараз, одна студентська сходка в січні 1917 р. Ганна стоїть біля стінки і напружено слухає запалні слова промовця проти війни. Очі в Ганни горять, вся її постать рветься вперед. Здавалось, от-от скочить й своїм поривом захопить всю масу...

Одначе стрималась.— Не вмію сказати,— жалілась потім.

Після лютневої революції Ганна заговорила—в неї відкрився дар слова. В цей час Ганна приєднується до УСДРП. Проте активної участі в роботі партії не бере. Політично вона все ще не знайшла себе; почуває себе якось непевно.

Влітку 1917 року Ганна їде на село спочити і тут на волі докладно знайомиться і студіює Леніна й „Капітал“ Маркса. Вона як-слід перевіряє себе, робить „переоцінку цінностей“ і в кінці літа приїздить в Харків вже більшовичкою.

Тоді вона казала дуже прості слова:— Я остаточно вияснила, що я так само думаю, як більшовики. Значить, мені треба йти до них.

Напередодні Жовтневої Революції Ганна вже була в партії більшовиків.

Жовтнева Революція дивні зміни сотворила з Ганною. Твердість, певність позиції, а разом з тим і душевна ясність переродили Ганну навіть фізично: вона одужала від своєї давньої хвороби—сухот, вернувся її навіть голос, який було втратила.

Політично — Ганна стає активним членом партії, працює в підпіллі, підчас денікінщини одважно переправляється через кордон з РСФСР на Україну.

Проте найбільше віддає своєї енергії робітництву Петінського району, де вона працює по позашкільній освіті й по партійній лінії. Тут її найбільше знають, тут вона користується найбільшою популярністю.

Ганна почуває себе в своїй стихії.

Однаке несподівана смерть 1-го травня 1920 року забрала її і не дала розцвісти всім її не аби-яким силам.

З. С.

Редкий документ времен коммуны

Волынским Истпартом случайно, чуть ли не среди оберточной бумаги в мелочной лавке, найден любопытный документ, рисующий отражение событий 1871 г. в Париже в умах российского самодержца и его правительства.

Могло же Александру II „Благословенному“ притти в голову, что борцы коммуны будут искать защиты от своих остервенелых пала-чей — французской буржуазии — под крылом российского царизма!

Волынской губернии
Житомирского
Полицейместера
Июля 6 дня 1871 г.
№ 374
г. Житомир

Копия с копии¹⁾
Секретно

Г. Приставу 3 части

Имея в виду, что с подавлением восстания в Париже многие из зачинщиков и участников совершенных там преступлений будут стараться спастись бегством от заслуженного наказания, а также, что и в других странах недавние Парижские события вероятно побудят правительство к более или менее стеснительным мерам против тех беглецов, которые, по совершении на родине политических или других преступлений, находили гостеприимный приют за пределами отечества и избрали самым решительным (?) возбуждать повсюду смуты, Государю Императору благоугодно было повелеть, чтобы по корпусу жандармов немедленно были приняты самые действительные меры к непуску в наши пределы подобных личностей, какой бы они национальности не принадлежали, и к задержанию тех из них, которые пытались бы тайно проникнуть на территорию Империи. Согласно с этой Высочайшею Волею начальникам жандармских управлений во всех пограничных и пр..... губерниях даны надле-жащие инструкции, коими они уполномочиваются произвести по

¹⁾ Орфография документа изменена, вследствие отсутствия в шрифте соответствующих букв. Ред.

своему усмотрению перемещение нижних чинов вверенных им дополнительного штата и Уездных команд из одних уездов в другие и им предписывается о всех лицах, которые ими задержаны будут, не передавая этих лиц в ведение местной полиции, тотчас уведомлять по телеграфу 3 - е Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии для дальнейших распоряжений.

Довел знать (?) об изложенном Вашему Благородию предписываю оказывать офицерам корпуса жандармов, в случае требования их, возможное содействие по означенному делу.

Полицийместер Маиор (подпись).

Из материалов социал-демократического союза горнозаводских рабочих

(Приложение)

КО ВСЕМ РОССИЙСКИМ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ
ОРГАНИЗАЦИЯМ¹⁾.

Товарищи! Условия политической борьбы чрезвычайно осложнились. Местные организации часто не в силах справиться с задачами, пред'являемыми ходом событий. Объединение всех революционных социал-демократических организаций в единую централизованную Партию — насущнейшая задача настоящего момента. „Организационный Комитет Р. С.-Д. Р. П. в России и за границей“ взял на себя инициативу этого объединения. Общепартийный съезд — дело не особенно отдаленного момента. В виду этого важно, чтобы все революционные соц.-дем. группы выяснили свои взгляды на программу и задачи Партии, определили свое отношение к существующим в революционной среде течениям. Социал-Демократический Союз Горнозаводских Рабочих, с своей стороны, полагает, что за последние два года направление, представленное „Искрой“ (и „Зарею“), по праву завоевало себе в соц.-дем. кругах доминирующее положение. Из всех революционных соц.-дем. органов „Искра“ наиболее полно и ярко сформулировала главные задачи Российской Социал-Демократии и ее программу; „Искра“ наиболее удачно наметила основные принципы и план партийной организации. Ее настойчивое подчеркивание важности всесторонней политической агитации, ее резкое осуждение так называемого „экономизма“ навсегда покончили с периодом идейного разброда. Особенно плодотворна борьба этого органа со всякими попытками затемнить основные принципы социал-демократии, его неустанное подчеркивание классового и в то же время общенационального характера рабочего движения, его энергичный протест против попыток внести в наше движение буржуазные элементы. Если мы находимся в настоящее время накануне действительного, а не фиктивного объединения Партии,

¹⁾ „Искра“ № 40, 15 мая 1903 г.

то главнейшая заслуга в этом принадлежит „Искре“. И это создало „Искре“ фактическое положение руководящего органа Партии.

Товарищи! Поскольку все мы принципиально солидарны с „Искрой“, мы обязаны в интересах дела и нашей Партии признать за нею формально то положение, которое создалось фактически. Пора признать „Искру“ нашим руководящим органом.

Сознавая всю важность скорейшего объединения местных организаций вокруг центрального органа Партии, „Социал-Демократический Союз Горнозаводских Рабочих“, отказываясь впредь до созыва Съезда от обсуждения некоторых частных разногласий своих с „Искрой“, воздерживается от критики тех или иных ее недостатков и, приветствуя заявление большинства Комитетов, присоединившихся к „Искре“, объявляет ее своим руководящим органом.

18 апреля 1903 г.

Комитет Соц.-Демократ. Союза Горнозаводских Раб. (Юга России)

РЕЗОЛЮЦИЯ СОЮЗА ГОРНОЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ ¹⁾.

Выслушав доклад делегата, Комитет Союза Горнозаводских Рабочих принял следующую резолюцию:

Принимая во внимание: 1) что резкие разногласия по организационным вопросам и раскол в редакции „Искры“ не только не содействовали объединению и усилению партии, но разрушили все ранее сделанное „Искрой“ и О. К., 2) что создававшаяся в это время атмосфера политиканства и недоверия грозит единству и цельности партии, 3) что, благодаря всему происходящему, центральные учреждения осуждены на умаление их авторитета в партии, К. С. Д. Г. З. Р. просит эти центральные учреждения принять все меры к улажению происходивших разногласий и к восстановлению посредством кооптации выбывших членов редакции в ее прежнем составе.

Редакция Ц. О., получив эту резолюцию, послала в С. Г. Р. следующее письмо:

Товарищи! Получили Вашу резолюцию и просим ответить нам на следующие вопросы. Обсудите их, пожалуйста, в полном собрании всех членов комитета (или перешлите всем членам, если они не вместе), как запрос от редакции Ц. О. партии.

1) Выслушал ли комитет доклад представителя большинства на съезде партии?

2) Находит ли комитет нормальным постановлять резолюцию с оценкой действий и решений съезда раньше, чем вышли протоколы, и даже раньше, чем комитет запросил о том, что ему неясно, Ц. К. или членов большинства?

¹⁾ Н. Шахов. „Борьба за съезд“ (сборник материалов). Женева, 1904 г.

россiйская социалдемократическая рабочая партiя

ГОРНОЗАВОДСКАЯ СОЮЗЪ ГОРНОЗАВОДСКИХЪ РАБОЧИХЪ.

Къ заводскимъ и рудничнымъ рабочимъ.

ГОДАРИКИ-РАБОЧЕ! Вы создаете богатство и изобилiе, а сами терпите нужду и бдiность. Вы добываете цвѣтъ цвѣта для добрыхъ людямъ тепло и довольство, а сами выживаете вѣщай холоду и бдiность. Вы слагаете грѣхъ блестящихъ силъ, вы обогащаете страну чугуномъ и желѣзомъ, а сами живете въ грязныхъ и тѣсныхъ казармахъ, "пробой" же изо дни въ день, не зная ни праздничности, ни радости. Какъ широко наша нужда и бдiность, наша бдiность! Мы живемъ въ казармахъ — острогахъ и въ сырыхъ "подвѣблѣхъ". Кого бы обогащаете вы? Нашей многострадальной недовольной жизни? Мы создаемъ миллионы, которые падаютъ въ "карманы Южн. Маріоновъхъ, Аурбоховъхъ и цвѣтой станъ прокукъ, кровопийцевъ капиталистовъ. Эти эксплуататоры-попугаи подкапываютъ васъ, чего не съчили. Откажитесь на свою жизнь, — и вы можете, что жизнь наша и многихъ тысячъ другихъ рабочихъ пошла на то, чтобы капиталисты могли жить въ удовольствiи и наслажденiи. Что такое трудъ нашихъ жей? (Хѣбей нулець, только для того чтобы-вы-эксплуататоры могли бездѣлничать. Въ то время, когда вы работаете, они предаются кутежамъ и распутству; перѣдо, развращаясь на зарѣ съ рабамъ и "држж" отъ холода въ сырыхъ "примокъ" шель, платя въ "пѣрвѣнцѣхъ", когда они, "изнашившись въ экипажѣ, возвращаются съ кутежа, гдѣ развратничали, бить можетъ, съ винными дочерьми кочегаровъ они сами довели до побѣды. Быстрые ешьте передъ жилищными шапками — они явны бдѣдѣтели, они дѣлать нашу работу, когда вы въ труду приносите имъ барыши, и высыпаются на улицу когда вы имъ не нужны. Жестоки вы! Вѣчно трудитесь, не разбивая спины для своихъ же "притѣснителей". Явно слышать лишь окрики и издѣвательство. Чуждо терпѣньи униженіе отъ своихъ "хозяевъ и надсмотрщиковъ". Кто же ихъ держитъ? — скажете капиталисты. И даю имъ работу, и имъ "дѣлать" годѣть, а вы, если они бы погибли. Они свободны и могутъ уйти."

Да, товарищи, мы — не раба капиталиста. Мы свободны — свободны умереть отъ голода. Но вы, для жизни: нужна деньги, а нужда и голодъ-жестокіи по велитъ ель и мы рабы выдаютъ, у кого есть деньги. Вы нужны, капиталисту для приведенiя въ дѣйствіе мертвыхъ машинъ и орудій, для наслажденiй барышей. Мертвая капиталъ — заводы и шахты — должны быть оборудованы нашими трудомъ: только тогда получаютъ акціонеры Южескаго, Каменскаго или Ервскаго заводу получать по 50 к. или даже по рублю, барыша на "загнанный" рубль. Довольно 2-3 рубля чинсго "тяжкого труда, чтобы всѣ затраты нашихъ "хозяевъ были покрыты и перѣдъ, когда бы вы и жегла сократили, вы не чужды хозяевамъ. Наступила же-стокая безработица. Наши хозяева въ годъ торжища изгребали золото долатами, теперь они миллионы и не боятъ заминны. Для всякаго безработца-сибиря такъ какъ "прохвѣ" пары "возвѣстияхъ", "рука" у насъ въ "пѣт" чужды. В "рука" ставъ или увѣче сдѣлать, всѣхъ изгнаны въ разбѣ, да въ "выбросать на ули-

цу. Нырасны будутъ, всѣ, вѣщъ жальбы, судитесь у насъ не чужды силы...

Надежность минуты, когда вѣтъ моя: должно терпѣть... Да южныхъ заводахъ и шахтахъ не разъ ходило дѣло до открытаго возмущенiя, до безпорядковъ... 10 лѣтъ тому назадъ, въ Южнѣ чаша терпѣнія переполнилась и шахтеры встали... въ при-смерію они тогда не понимали еще хорошо, гдѣ настояще враги рабочаго класса и, подстрекаемо полиціей, бросались на евреевъ; они не понимали, что еврейскіе бдѣдники-ваши братья, а христiанскіе богачи не менѣе достойны нашей ненависти, чѣмъ съ-рейскіе... И все таки начальство не дремало: явились казаки и страшно избили рабочихъ; съ той поры въ Южнѣ казаковъ 2 сотни, городовыхъ также около 200... Прошла 7 лѣтъ и вотъ дѣломъ 1899 г. про-казали памятные всѣмъ безпорядки въ Маріоновѣ. Не стало терпѣнья у Привидавосковскихъ, къ нимъ при-соединились и Никопольцы: забастовали. Но это ока-залося, что кромѣ кровопийцевъ капиталистовъ, еще у рабочихъ еще новый врагъ — царское правительство. Оно не дозволило заводскимъ рабочимъ дѣлаться, увеличенiю своей участи посредствомъ стачки: всѣ по-жалки были изъяснительно арестованы, а когда ихъ хотѣли осудить, въ рабочихъ стали стрѣлять.

Тоже повторилось вскорѣ въ Макѣевѣ на Прохо-ровскихъ рудникахъ: благодаря жалости "хозяевъ" рудники были валуцены въ шахтъ производя расча-стiе, погибло около сотни народу — начались бунты среди шахтеровъ. И тутъ правительство поспѣшило на помощь со своими казакками. Чѣмъ объяснитъ-ати неудачу? почему рабочимъ не удалось у насъ заставить капиталистовъ повысить плату, сократить рабочее время? Если вы хотите понять это, посмо-трите, какъ живутъ рабочіе за-границей. Тамъ они свободны когда и какъ угодно устроить стачку: ста-чка не составляетъ тамъ преступленiя, побѣда не-пріобрѣтъ права разгонять стачечниковъ. Успокоившись, вѣчать стачку, рабочіе бросаютъ работу и жили-вать хозяйку у своихъ "требовавшихъ". Для того, что-бы быть въ состоянiи выдержать стачку, рабочіе объединяются въ союзы, избираютъ свои комитеты, изъ кото-рыхъ оказываютъ помощь нуждающимся товарищамъ. Поэтому за-границей стачки очень часты и они при-носятся имъ почти всегда въ пользу рабочихъ. Чего дѣло у насъ. Правительству дорожи интересами капи-талистовъ, а не рабочихъ, капиталисты могутъ свое-бодно соединиться во всякія компании и общества, рабочимъ это запрещено. Устройству союзовъ, комитетовъ, у насъ, составляетъ преступленіе, которое наказывается тюрьмой точно — кража или убійство. Еще хуже: воронъ и убійцу судить, и въ дѣлѣ возможности оправдываться, а рабочихъ, возмущающихъ, увеличивать свое положеніе, хватаютъ безъ суда въ тюрьму, ссылаютъ въ Сибирь. Правительство пона-скало на заводы урядниковъ, городовыхъ, инспекто-въ, казаковъ. Всѣ эти гады — добро смотреть на рабочихъ, не даютъ имъ пропустить и увидѣть, что враги и угнетатели народа.

Товарищи! просмотрите въ нашей жизни, глумя-

Образецъ листовки соц. - дем. союза горнозаводскихъ рабочихъ

тотъ хорошій въ свое положеніе! Отчего вамъ жалко плохо въ то время, какъ наши хозяева наживаютъ миллионы? Кто виновникъ нашей нищеты и пороковъ? Гдѣ выходъ изъ этого положенія? Какъ бороться за лучшую долю?

Отбросьте, каждому, кто прочелъ этотъ душокъ, Рабочіе бездуютъ, потому что хозяева пользуются беззаконнымъ положеніемъ пролетарія и выисываютъ его толку; рабочіе бездуютъ, потому что царь и министры держатъ ихъ въ неувѣжествіи и работѣ, не позволяя учиться, читать умныя книги, ружьями и нагайками усмирять бѣдоченниковъ.

Кто главные враги рабочаго класса? Первый врагъ—это хозяева—капиталисты, Второй врагъ—это вѣрные союзники капиталистовъ—царь и министры. Противъ этого грабительскаго союза—горюзоводскіе рабочіе должны выставить свой союзъ, должны объединиться въ рабочій союзъ, подобно тѣмъ, которые су-

ществуютъ заграничій. Протѣвъ союзъ тысячъ рабочихъ дружно добивающихся лучшаго заработка и сподобны беззаконны будутъ хозяева въ правительствѣ. Вотъ гдѣ выходъ! Сила рабочихъ—въ дружномъ союзѣ! Социалдемократическій Союзъ Горюзоводскихъ Рабочихъ и составилъ себѣ тѣло объединить въ заводскихъ рабочихъ и шахтеровъ Юга Россіи. Товарищи естуйте въ ряды нашего Союза, читайте и распространяйте всѣ наши листки и возванія, союшайте намъ сносныя продѣлки нашихъ хозяевъ, собирайте деньги въ пользу Союза! Только тогда Союзъ нашъ станетъ силой, предѣлъ которой не устоятъ ни наши хозяева, ни правительство.

Долой хозяевъ—капиталистовъ!
Долой царское правительство!
Да здравствуетъ свобода!

ПРОЛЕТАРІЙ.

Кто золотомъ добывалъ для царской короны?

Кто стады для солдатскихъ питомцевъ отточилъ?

Тяжелъ бирхатъ и шеекъ на богатыхъ троихъ,

Чѣмъ пеняется и холоде за плуги въ хозяйствахъ?

Кто далъ богатства и вино и шенину

И горько тоскаетъ въ нудѣ безвыходной?

Не ты-ль, пролетарій, рабочій голодный?

Кто съ раннего утра до поздней ночи

Стоналъ, надрываясь подъ грохотъ машинъ,

Бесшумнымъ трудомъ обдѣлывалъ себѣ очи,

Чтобы въ роскоши жила фабрикантъ—господинъ?

Кто можно вѣрить кошель мировомъ

И... гибнетъ безправнымъ, какъ червь непригодный?

Не ты-ль пролетарій, рабочій голодный

Кто гиетъ насильемъ, какъ раба, подчинился,

Царямъ немощнымъ вѣна прослужилъ,

За нихъ, какъ холопа, беззастѣнчивъ сражался

И въ вѣнчикъ ую жертвенно вѣнчалъ?

О, бѣдная родинъ! Жалкое плечо!

Обманъ печальный сжималъ тебѣ очи.

Проснись, пролетарій, проснись, рабочій!

Проснись! Сбейте дружиною съ любовью!

Подъ знаменемъ краснымъ—клянитесь—кто смѣлъ—

Клянитесь, клянитесь, что купите кровью

Свободу равенство и лучшій уделъ!

Клянитесь, что царство тираническое погибнетъ,

Что блистаетъ вѣкъ справедливый, свободный!

Къ борьбѣ пролетарій! Къ оружію телодный!

Въ рукахъ вашихъ сила—бессмертнаго знанья,

Всюду дружной силой жрыпоки союзъ.

Дружице, какъ братья, подправьте старанья

Разбить произволъ деспотическихъ уст!

Пусть царь васъ осмыслитъ солдатскою картечью,

Побѣда за вами, за оной народной...

Побѣда близка, пролетарій голодный!

ВОСЕМЬ ЧАСОВ.

Братья, нѣтъ силъ для терпѣнья! мы слишкомъ устали

Вѣчно бороться за жизнь, эту жизнь нищеты и печали!

Хочется воздуха, краснаго солнца, простора, душевныхъ

Цѣлѣвъ...

Да, это богу угодно... Мы требуемъ: „Восемь часовъ!“

Всюду на фабрикахъ, въ докахъ, въ толпахъ возмашайте народныхъ!

„Восемь часовъ для труда, восемь для сна, восемь—

свободныхъ!“

Наши воли, что пасутся, покончивши трудъ,

Птицы небесныя, заври счастливей живутъ.

О, если такъ, для чего же душа въ насъ живая?

Славимся, братья, сожнемся! Всюду отъ края до края!

Если молчать будеть голосъ нужды и труда,

Какая нѣмыя за насъ возмашаютъ тогда.

Вѣрите, не темная сила—духъ правды и свѣта

Насъ призываетъ стоять, не страшась передъ богамъ

отбѣтъ!

Тому, кому образъ свой вѣчный съ любовью оны могъ

даровать,

Въ прахъ, какъ червь беззастѣнчивъ, не долженъ ле-

жать!

Пусть же звучитъ и въ долахъ, и въ собраніяхъ на-

родныхъ;

„Восемь часовъ для труда, восемь для сна, восемь—

свободныхъ!“

3) Как эти разногласия по организационным вопросам могли разрушить все ранее сделанное „Искрой“ и О. К.? В чем разрушение проявилось? Что именно разрушено? Нам это совершенно неясно, а между тем, если Вы хотите предостеречь Ц. О. от какой-либо ошибки то Ваш долг разъяснить нам, в чем Вы видите нашу ошибку. Изложите дело с полной обстоятельностью и мы внимательно обсудим Ваше мнение.

4) Каковы именно „резкие“ разногласия по организационным вопросам? Мы не знаем. (Мы просили Мартова и бывших членов редакции „Искры“ изложить эти разногласия на страницах редактируемых нами изданий, но наша просьба пока не уважена).

5) В чем выражается атмосфера политиканства и недоверия? С чьей стороны? Говорите яснее. (Если бы мы не доверяли Мартову, то мы не приглашали бы его работать в „Искре“).

6) Если действительно есть „резкие разногласия по организационным вопросам“ между нами и бывшими редакторами, то как же можно нам двоим кооптировать их четверых? Ведь это значит — сделать господствующим их оттенок. Но съезд высказался за нас. Таким образом, Вы хотите, чтобы решение съезда было теперь перерешено на основании частного соглашения.

7) Считаете ли Вы нормальным, чтобы должностных лиц партии (ред. Ц. О. и Ц. К.) угрозами раскола, бойкота и т. п. хотели заставить делать не то, что эти центры считают полезным в интересах партии?

8) Считаете ли Вы нормальным и допустимым, чтобы оставшиеся в меньшинстве члены партии отстранялись от работы в Ц. О., от поддержки Ц. К. и повиновения ему, от поддержки партии денежными средствами и так далее?

ОТВЕТ ГОРНОЗАВОДСКОГО СОЮЗА РАБОЧИХ

Товарищи! Вы ответили на нашу резолюцию целым рядом вопросов и выразили пожелание, чтобы все наши товарищи были ознакомлены и чтобы ответ был ответом всего коллектива. Такой именно ответ Вы и получите в нижеследующих строках.

Хотя в Ваших многих пунктах сквозит слишком ясно плохо прикрытый полемический задор и желание скромпрометировать „меньшинство“, бросив ему мимоходом упрек в том, что из-за каких-то несущественных разногласий оно отказывается „от поддержки партии“ (в. 8), тем не менее, мы не оставим без ответа ни один из Ваших пунктов, принимая все Ваши недоразумения с полным доверием.

Вам интересно знать, выслушали ли представителя „большинства“, и Вы выразили удивление, как это мы считаем нормальным

принятие резолюции о с'езде, не выдав его протоколов. Представьте себе, мы считаем не только нормальным и возможным принятие резолюции, но даже обязательным для себя и вот почему. Мы не хотим быть только комитетчиками, подчиняющимися на основании такого-то и такого-то параграфа известным учреждениям партии, мы хотим быть членами партии, для которых судьбы ее небезразличны.

Из отчета нашего делегата мы убедились (а доверие к отчету своего делегата мы считаем совсем нормальным явлением), что в партии произошли разногласия, в результате которых целый ряд партийных работников должен был отказаться от той работы, которую он исполнял раньше.

И если устранение от работы таких сил, которыми являются Ваши прежние товарищи по редакции, само по себе есть очень печальное событие, то оно имеет еще большее моральное значение.

Раскол в группе „Освобождение Труда“, которая 20 лет работала без малейших разногласий, и в группе „Искра“, на которую все привыкли смотреть, как на образец солидарности, не может не произвести удручающего впечатления на всех, кто в этих группах видел вождей партии.

Мы с нетерпением ждали с'езда в надежде, что он положит конец всяким разногласиям, всякой борьбе внутри партии, но он посеял новый разлад, который не может не вызывать борьбы, разногласий, тем более печальный, что он проник в самый центр до сих пор единого направления.

С'езд разрушил то идейное единство, которое до с'езда казалось таким полным и неизбежным в гр. „Искра“ и примыкающих к ней организациях. Такое положение дел грозит, по нашему мнению, может быть ошибочному, но во всяком случае искреннему, чрезвычайно тяжелым осложнением в жизни партии, и мы считаем обязательным для себя не закрывать глаза на происшедшее, но, наоборот, дать себе ясный отчет в нем и содействовать разрешению кризиса в том направлении, которое мы считаем желательным. Это было не только наше право, но, смеем думать, и наша обязанность. Правда, мы не дождались протоколов с'езда, но не будьте же так наивны, товарищи, и согласитесь, что мы вправе были предполагать, что легко может случиться, — ваша типография будет занята другими более спешными работами, и протоколы попадут в наше захолустье тогда, когда наше вмешательство в происшедшее потеряет всякий смысл.

Правда, мы не дождались и представителя Ц. К. (повторяем, мы доверяем своему делегату), но теперь, выслушав Ц. К., мы можем сказать, что мы не изменили отношения ни к докладу своего делегата ни к происшедшему на с'езде.

Партия пять лет ждала с'езда, на этот с'езд возлагались самые

розовые надежды, может быть, даже слишком розовые. Мы все думали, что с'езд окончательно ликвидирует период „кустарничества“ и создаст сильную организацию, которая излечит все раны движения. Мы ждали Ц.К., который будет действительно объединять и вести вперед все организации партии, пролагая новые пути для ее работы. Создание сильного Ц.К. — такова была, по нашему скромному мнению, последняя цель ликвидации. Вы вместе с большинством, вероятно, думали то же самое, но поставили перед Ц.К. такую задачу, задачу искоренения не своих элементов, исполняя которую Ц.К. не может остаться Ц.К. - ом, а должен будет превратиться в К. доверенных агентов редакции, предназначенный быть ее „кулаком“. И вы внесли в устав ряд §§, которые должны были сделать Ц.К. учреждением, подчиненным Ц.О. Мы не стоим вовсе за то, чтобы отрицать всякую возможность Ц.О. влиять на дела правильного руководства партией, но мы думаем, что задача централизации не решена, пока в России не будет создана группа практиков, не отделенных границами государства, и достаточно сильная для того, чтобы быть руководителем партии. А такая группа не может развиваться из Ц.К., которому ставится специальная задача „поддерживать осадное положение“ в партии, а в остальном рекомендуется направлять свое внимание в сторону преимущественно технических предприятий. Этого не написано в уставе, но в этом смысле высказался на с'езде тов. Ленин, слова которого мы можем рассматривать как программу „большинства“, программу, от которой, повидимому, Ц.К. не намерен отступить. Мы не были противниками широких полномочий Ц.К., но мы полагаем, Ц.К., если только он не преследует целей усиленной охраны или осадного положения, совсем ненужно для обеспечения своего влияния иметь неограниченное и безапелляционное право распоряжаться даже наличным составом целых комитетов. Но такое право стало положительно опасным в руках Ц. К., имеющего ограниченные цели поддержать осадное положение.

Мы называли это право безапелляционным, не забывая при этом о §, по которому каждый член партии имеет право доводить свое мнение до сведения высшего учреждения партии.

Это, конечно, не право апелляции и даже не право жалобы, а, если употребить юридический термин, право доноса.

Мы считаем также совсем излишним, как контроль Ц.О. над Ц.К., какое бы то ни было наблюдение со стороны редакции над личным составом комитета, а при существовании того же „осадного положения“ считаем этот § положительно вредным. Мы вообще опасаемся, что психология осадного положения приведет лишь к тому, что функция распределения партийных сил обратится в функцию устранения этих сил от работы, что подтверждает хотя бы инцидент с редакцией.

Здесь мы подошли к тому моменту занятий с'езда, на которых несомненно видны следы политиканства. Вы хотите, чтобы мы поставили точку над *i*, и мы исполним ваше желание. Политиканством мы называем поступок большинства, когда оно отказывалось утвердить прежнюю редакцию, не пожелав ее выслушать и не приводя никаких сколько-нибудь серьезных оснований, таким же поступком является постановление „большинства“, произведшего выборы в Ц.К. тайной подачей голосов, не огласив списки, после чего все большинство голосовало, как один человек: речи о конспирации со стороны большинства были, конечно, политиканством, и такие приемы не могли не породить атмосферы недоверия, о которой мы говорили в резолюции. Эти же обстоятельства, сопровождавшие выборы, лишили их того морального авторитета, который вообще необходим для высшего учреждения партии. Если же вы прибавили бы к этому еще и то, что большинство было только юридическое, фактическое же большинство было на стороне „меньшинства“, а в последний день с'езда и юридическое большинство уже не было за вами, то вы не должны были бы удивляться, что мы предлагали вам отказаться от своей полемики, не смущаясь тем, что ее одобрило большинство. Вы сами, несмотря на исключительную энергию, едва-едва создали это большинство, а теперь спрашиваете нас, как мы можем советовать вам кооптировать весь состав редакции, как мы хотим „сделать господствующим оттенок, тогда как с'езд высказался за ваш“ (п. в). Товарищи, вы в этом случае уподобляетесь фетишу, ибо вы поклоняетесь тому идолу, который сами сделали. За нами еще ответ на ту серию вопросов, которыми хотят упрекнуть „меньшинство“ в разного рода преступлениях: „меньшинство“ бойкотирует Ц.О. и Ц.К. и будто бы отказывает в денежной поддержке партии. Последнее, очевидно, ляпсус: вы хотели, вероятно, сказать, что некоторые товарищи из „меньшинства“ отказались посылать деньги в „Искру“ и дали им другое направление, но отсюда до отказа поддержки денежными средствами партии вообще еще очень далеко. Если же „меньшинство“ не участвует в Ц.О. и Ц.К., то нам кажется, иначе быть не может, после того, как само большинство позаботилось об этом. Меньшинство своим отказом от работы в Ц.О. и Ц.К., как видно из ваших вопросов, ставит эти учреждения в затруднительное положение, и вы негодуете на него за это. Мы же находим вполне нормальным, что люди содействуют проведению только той политики, которую разделяют, и борются против той, которую считают вредной. Это их право, и никто не может их в том упрекнуть, пока они борются честными средствами ¹⁾.

¹⁾ Этот ответ С. Г. Р. получен был от Мартова после происшедшей 26 ноября 1903 г. кооптации его в редакцию.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия

Социал-Демократический Союз Горнозаводских Рабочих

№ 4

Кто наши враги?

Товарищи! Мы работаем изо дня в день, всю жизнь, до последнего издыхания, и каждый день, всю жизнь мы чувствуем недостаток везде и во всем. Мы едим всякую гниль, которую нам продают на заводских базарах и заводских лавках; мы живем в сырых и холодных конурах, где дети наши с первых дней становятся хилыми и слабыми; изувеченных машиной, нас выбрасывают на улицу, обрекая семьи наши на голодную смерть; ежедневно над нами издеваются хозяева, мастера и всякого рода начальство. После долгих лет беспроектной работы и каторжной жизни мы на старость остаемся нищими и умираем, завещая нашим детям печальную долю бесконечного труда и тяжелой неволи. Почему это? Почему, в то время, как много других людей живут в роскоши, мы, рабочие, лишены самого необходимого и не знаем ничего другого, кроме суровой нужды и вечного труда?

Товарищи! Посмотрим кругом, задумаемся в то, что нас ежедневно окружает, и мы поймем, где причина тяжелой рабочей жизни, кто враги наши и с кем мы должны бороться. У рабочего нет ничего, кроме мозолистых рук и простой силы; для того, чтобы не умереть с голоду, он должен продать свою силу кому-нибудь, найти себе работу. У фабриканта или заводчика, напротив, есть деньги, на которые он выстроил завод, поставил машины, накупил сырье; ему нужны только рабочие. И капиталист нанимает нас, предлагает нам условия, какие хочет, и мы должны на них согласиться, потому что у нас нет другого исхода. Капиталист пользуется своей силой и на нашей нужде возводит здание своего богатства и роскоши. Он заставляет нас работать сверх силы, приставляет к нам мастеров и надсмотрщиков, которые распоряжаются нами, как животными, он налагает на нас штрафы, делает вычеты из заработной платы, отказывается платить нам в случаях смерти или увечья. В заботах о нашем благополучии капиталист устраивает шахты так хорошо, что взрывы и пожары уничтожают в них тысячи народу, отводит для нас казармы, которые скорее походят на тюрьмы, чем на жилища свободных людей. Рабочий для капиталиста такое же бездушное существо, как машина; как человека, так и машину он покупает для того, чтобы выжать из них все, что возможно. Старая машина продается на слом, негодный, истомившийся тяжелым трудом рабочий выбрасывается на улицу... В конце года в своих роскошных палатах капиталист подсчитывает звонкую монету, свою чистую прибыль — эту кровь нашего сердца,

соки наших жен и детей. А мы, заканчивая один год, уныло вступаем в другой; в такой же нужде, как и раньше, только все с меньшим остатком здоровой силы. И все капиталисты сшиты по одной мерке. Пусть уйдет рабочий с одного завода, где плохо живется, и он попадает на другой, где живется так же плохо или еще хуже.

Можно ли бороться с капиталистами? Конечно, можно: ведь, он один, а рабочих на каждом заводе или руднике тысячи, — стоит им бросить работу, поставить свои условия, и капиталист должен будет на них согласиться; без рабочих всем его машинам и рудникам — грош цена. И мы давно добились бы большей платы, меньшего рабочего дня, лучших условий работы, если бы у нас был только один враг — капиталист. Но в том-то и дело, что наши законы воспрепятствуют стачки, не позволяют рабочим бороться с капиталистами. Если, изнемогая под гнетом нищенской платы, мы вздумаем потребовать ее увеличения, если, надломленные несменным трудом, мы потребуем сокращения рабочего дня, мы заявим громко свое недовольство, и капиталист нагло откажется исполнить наши требования, предложит тем из нас, кто не согласен работать на установленных им условиях, убраться вон. Капиталист знает, что за ним стоит другая сила, которая всеми средствами будет охранять его интересы. Эта сила — другой наш враг: царское правительство. Оно на каждом шагу давит рабочих и мирволит капиталистам. В городах, на заводах или рудниках стоят казаки и солдаты, урядники и городовые, жандармы и шпионы; все они охраняют интересы капиталиста, все они пригнаны сюда для того, чтобы держать рабочих в страхе и заставлять их безропотно сносить гнет и унижение. Жандармы и шпионы выслеживают более дельных и сознательных рабочих, чтобы, при первом удобном случае, засадить их в тюрьму или сослать их в Сибирь; казаки всегда наготове, чтобы прекратить оружием стачку или другие рабочие беспорядки. Почти ни одна стачка не проходит у нас без того, чтобы не вмешались войска и не было нескольких раненых или убитых. Так было недавно в Ростове во время стачки железнодорожных рабочих, так было и в Мариуполе, и в Макеевке, и в Юзовке, и в других местах, где рабочие боролись с капиталистами. Царь и его министры не жалеют ни солдат своих, ни рабочих, раз дело идет о капиталах фабриканта или заводчика, потому что их сердцу близки интересы капиталиста. Горнопромышленники свободно собираются каждый год в Харькове на с'езды, где они обсуждают свои нужды. Малейшее желание их царское правительство исполняет беспрекословно; нужно ли провести железную дорогу, воспретить ввоз заграничных товаров (чтобы наши русские продавались дороже), увеличить число войск, на рудниках и заводах (чтобы рабочие не бунтовались) — сделайте одолжение: получайте и железную дорогу, и войско, и все, что вам угодно. А на требования рабочих правительство

отвечает выстрелами и нагайками, жандармами и шпионами, фабричными инспекторами, городскими и прочей сволочью, которая цепью сковала рабочих и отдала их на поругание капиталистам.

Вот кто враги наши, товарищи: капиталисты, которые высасывают из труда нашего свои богатства, и царское правительство, которое помогает капиталистам грабить нас. Если мы желаем улучшить нашу жизнь, мы не должны надеяться на помощь капиталистов или царя — мы должны сами ковать свое счастье, сами бороться за свое освобождение. За границей рабочим жилось так же плохо, как и нам. Но дружными усилиями, общей борьбой рабочие добились там свободы. Стачки за границей не запрещены законом и не составляют преступления, как у нас. Для того, чтобы лучше провести стачку, рабочие там свободно устраивают кассы, в которых собирают на случай нужды деньги; объединяются в союзы, чтобы лучше держаться друг друга. Когда захотят, рабочие могут там на собраниях свободно обсуждать свое положение. И ни полиции, ни начальству там нет дела до рабочих союзов, собраний и касс, потому что и союзы, и собрания, и кассы разрешены законом и составляют такое же право каждого, как у нас право выйти на улицу и закурить папиросу. Если капиталисты — враги рабочих, то за границей есть у рабочих свобода и потому возможность бороться с этим врагом. Добьемся и мы свободы, если поймем, кто наши враги, и употребим все силы на борьбу с нашими угнетателями. Пред натиском рабочего народа разлетится в прах грабительский союз капиталистов и правительства.

В единении сила наша!

Да здравствует свобода!

Типография Союза 24 февраля 1903 г.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия

Социал-Демократический Союз Горнозаводских Рабочих

№ 7

Как до сих пор шахтеры и заводские боролись с хозяевами и как действовать теперь?

Бунт или стачка — вот наиболее могучее средство в руках рабочего люда в борьбе его с хозяевами — капиталистами. Но чем же отличается бунт от стачки, спросите вы. А вот чем.

Когда рабочие еще плохо понимают свое положение, не знают хорошенько кто виною их нищеты и порабощения, не умеют действовать дружно, — тогда они способны только на бурные кратковременные беспорядки, громят машины и хозяйское имущество, бьют ненавистных мастеров, поджигают строения и вымещают свою злобу на евреях и иностранцах. Такие неожиданно вспыхивающие беспорядки, соединенные с буйством, и принято называть бунтом.

Другое дело — стачка. На стачку способны только более развитые и сознающие общность своего дела рабочие, среди которых сильно развивается чувство товарищества (солидарность). Когда рабочие уже подготовились, поняли что вся сила рабочих в дружном союзе и единении и сразу все, как один человек, выступают против хозяина, бросят работу, когда они способны так продержаться хоть несколько дней, — они совершают стачку и в большинстве случаев добиваются своих требований.

Но в России и это средство становится трудным, так как на сторону хозяев всегда становится царь с его министрами, отдавая приказ стрелять в стачечников и бить их нагайками. Все это станет до очевидности ясно, когда мы вкратце напомним историю рабочих беспорядков на нашем юге.

Первыми поднялись в 1892 г. юзовские. Слух о холерных беспорядках взволновал юзовских рабочих и достаточно было мелкого повода, чтобы злоба, накипевшая в груди тысяч рабочих, вылилась в страшный бунт. Толпа чернорабочих в день 2 августа собралась на базаре и стала громить лавки и магазины. Затем начались поджоги. Сотня казаков была бессильна. После 2 залпов она была с позором обращена в бегство. К вечеру весь город пылал. Полиции удалось арестовать около 100. Узнав об этом, заводские утром 3 августа тревожным гудком созвали еще большие массы народу. Толпа достигала 30 тысяч. Заводские потребовали освобождения арестованных и стали разгонять грабителей. К вечеру все утихло. Только тогда явился известный своей жестокостью губернатор Шувалов с 2 батальонами. Началась страшная порка. Сгорело около 200 строений, убито около 50 человек, ранено более 100. Сто человек отдано под военный суд, из них главный Мосин умер до суда, 4 казнили, а 8 отправили на каторгу. Так кончился известный бунт. Чему же он нас учит? На этом примере мы видим, как мало тогда понимали рабочее дело юзовцы. Они совершенно не сознавали, что главный корень зла не в еврейх-торговцах, обчитывающих рабочих и дерущих лихвенные проценты, а в самих хозяевах, которые, как пауки из мух, высасывают из нас кровь, которые жиреют нашим потом. Они совсем не знали, что улучшить свое положение можно не пожарами и разгромом машин и магазинов, а хорошо выдержанной стачкой, для которой и время нужно подобрать подходящее, когда хозяин завален заказами, а не свирепствует безработица. Юзовский бунт показал, с другой стороны, какую огромную силу представляют рабочие, когда они действуют дружно, целою массою: город 2 дня был в руках рабочих. И еще одному учат нас эти беспорядки: вместо того, чтобы заняться искоренением причин, так страшно озлобивших юзовских рабочих, и улучшить их положение — царское правительство со страшной жестокостью мстило рабочим, отдавши приказ пере-

пороть сотни неповинного народа и 4 казнить. Тут царское правительство ясно показало, кто ближе его сердцу — рабочие или капиталисты.

И потом не раз разгорались бунты на Прохоровских и Голубовских рудниках, в Горловке и Макеевке, в Волинцеве и Константинове, в Сулине и Таганроге. Везде повторялось одно и то же: рабочие громили машины, строения, потребительские магазины и питейные лавки, а казаки штыками и ружьями умирляли бунтовавших. Совсем другой характер носили рабочие беспорядки в Мариуполе летом 1899 года и осенью прошлого 1902 г. в Ростове.

Начнем с мариупольцев. 9 июня 1899 г. рабочие литейного отделения завода Никополь-Мариупольского Общества выслали к директору Лауде 7 выборных с просьбою изменить исчисление заработной платы с поденной на сдельную, а чернорабочим увеличить заработную плату. На другой день механические потребовали увеличения платы на 50%, а токаря и муфторезы потребовали вместо 1 р. — 1 р. 30 к. и заявили жалобу, что муфты часто бракуются и все-таки завод ими пользуется. Так как контора отклонила эти требования, то никопольцы объявили забастовку. Когда 80 из них были арестованы и проведены мимо „Провиданса“, — беспорядки вспыхнули и там. Все забастовали и потребовали: 1) увеличения заработной платы, 2) уменьшения рабочего дня на $\frac{1}{2}$ часа, 3) улучшения питьевой воды, 4) заменить в механическом отделении поденную плату сдельной, 5) не платить мастерам-иностранцам высшей платы, чем русским, 6) удалить монтеров Шиманского, Сидорова и Прового. И здесь требования рабочих отвергнуты и вспыхнула стачка. 14-го 7 арестовали. Толпа освободила их из под конвоя, при чем конвой убил одного рабочего Бокренко. В 4 часа собралась толпа у конторы „Никоп“, требуя освобождения 80 арестованных. Вдруг солдаты изменнически напали на толпу и, после 2 залпов, Демушкин и Холод оказались убитыми наповал, а Бубликов ранен. 15-го прибыли казаки, а 16-го работы возобновились. Чему нас учит Мариупольская стачка? Во-первых, мы видим, что впервые здесь были выставлены рабочими определенные требования через своих выборных и были дружно поддержаны всеми рабочими обоих заводов. Во-вторых, здесь опять убедились рабочие под градом солдатских пуль, что, кроме непосредственного врага — капиталиста, у них на шее сидит еще более опасный враг — правительство, которое ни за что не позволяет рабочим бороться за улучшение своего существования.

Последнее, наконец, чему учит нас Мариупольская стачка, — это то, что нельзя начинать стачку без серьезной подготовки, без организации союза, без денежных запасов. Будь у мариупольцев все это, они вероятно продержались бы гораздо дольше и выиграли бы стачку.

Но самой поучительной является осенняя стачка в 1902 г. в Ростове. Мастерские Владикавказской ж. д. потребовали сокращения раб. дня до 9 ч., увеличения платы, удаления нек. монтеров — в общем было 28 требований. Управление отказало. Забастовали. Ежедневно за Темерником в балке стачечники устраивали собрания, на которые являлись десятки тысяч других рабочих и публики. Полиция и казаки не в силах были справиться с 20 тыс. толпой. Ораторы ежедневно говорили речи о бедственном положении рабочих, о борьбе с хозяевами и правительством, воодушевляли стачечников.

Так продолжалось 7 дней, на 8-й казаки изменнически стали стрелять в толпу и убили 7 человек. После этого собрания прекратились, но стачка продолжалась. Управление дороги понесло от 3-недельной упорной стачки огромные убытки и готово было на все уступки. Но правительство строжайше запретило ему уступать рабочим. Чему учит нас эта стачка? Во-первых, она убеждает нас, что, хотя по русским законам рабочие собрания воспрещены, — они все-таки возможны, раз в них участвует огромная масса народу. Во-вторых она ярко показала, что мирно добиваться теперь улучшения своего благосостояния рабочему невозможно. Испытанное средство рабочей борьбы — стачка — в самодержавной России становится поэтому весьма трудным, в особенности в нашем районе, где свирепствует теперь безработица; стачки были бы только на руку хозяевам, которые рады сократить производство и выкидывают рабочих на улицу тысячами. Что же остается нам делать теперь, раз бунты бесполезны и даже вредны, а стачки столь трудны? Выждать более подходящего времени, когда прекратится безработица, когда шахты и заводы пойдут полным ходом, когда хозяев легче будет принудить к уступкам.

А теперь нам нужно добиваться того, чтобы стачки были дозволены законом и в России, чтобы мы могли свободно бороться за лучшую жизнь. А чтобы достичь этого нам нужно:

1) увеличивать число своих единомышленников, — нужно и живым словом и книгой убеждать товарищей в необходимости борьбы с хозяевами и правительством;

2) для этого необходимо распространять повсюду наши издания, брошюры и прокламации, нужно устраивать собрания и говорить на них о страданиях, причиняемых рабочим безработицей, о причинах такого положения рабочих, о жестоком обращении правительства с рабочими, которые добиваются лучшей доли;

3) устраивать из наших единомышленников кружки и союзы для сбора денег на общее дело, для чтения и покупки книг, для поддержки арестованных товарищей.

4) производить от времени до времени смотр своим силам путем открытых собраний и хождений по улицам с красными знаменами.

Это так называемые демонстрации, так как посредством них мы показываем (демонстрируем) правительству нашу силу, чтобы принудить его дать народу свободу. Поводами могут служить похороны товарища, поминки по убитым за общее дело товарищам, арест и высылка товарищей, наконец, всем известный праздник 1 мая, который торжественно празднуется рабочими всего мира.

(Например, на днях, 2 марта, ростовские рабочие, убедившись на своей шкуре, что осенняя стачка железно-дорожных рабочих проиграна, благодаря вмешательству правительства, двинулись на главную улицу города в количестве нескольких тысяч человек, с красными знаменами, на которых были вышиты надписи: „Да здравствует политическая свобода!“, „Да здравствует восьмичасовой день!“ — и прошли по всему городу, громко требуя свободы и распевая рабочие песни. Полиция и казаки не могли справиться с такой массой и шествие кончилось очень удачно. То же происходило недавно в Киеве и Тифлисе).

Товарищи! Читайте и распространяйте наши издания, просвещайте своих товарищей, образуйте кружки, кассы и библиотеки, вступайте в наш Союз Горнозаводских Рабочих. А когда вы окрепнете, вы громко заявите хозяевам и правительству путем собраний и демонстраций свои требования.

Вы будете требовать:

- 1) права свободно собираться для обсуждения своих дел,
- 2) права свободно устраивать рабочие кассы, союзы, библиотеки,
- 3) права свободно печатать свои рабочие газеты и книги,
- 4) права свободно устраивать стачки, чтобы добиваться от хозяев лучшей платы и сокращения рабочего дня,
- 5) чтобы жандармы не арестовывали и не ссылали без суда за стачки и за принадлежность к рабочим союзам, чтобы личность была неприкосновенна,

6) права участвовать в управлении государством — раньше потребуйте низвержения царя с его министрами, а потом созыва всех выборных от рабочих и крестьян для управления страной.

Вперед же, товарищи, за рабочее дело!

Да здравствует наш Союз!

Да здравствует свобода!

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь тяжелый труд,
Но день настанет неизбежный
Неумолимо грозный суд!
Лейся вдаль, наш напев! мчись

кругом!

Долой тиранов! прочь оковы,
Не нужно старых рабских пут!
Мы путь земле укажем новый,
Владыкой мира будет труд!

Припев:

Лейся вдаль, наш напев! и т. д.

Над миром наше знамя веет	Дружно, товарищи, в ногу,
И несет клич борьбы, мести гром,	Духом окрепнув в борьбе,
Семя грядущего сеет.	В царство свободы дорогу
Оно горит и ярко рдеет,	Грудью пробьем мы себе!
То наша кровь горит на нем,	Долго в цепях нас держали,
То кровь работников на нем!	Долго нас голод томил,
Пусть слуги тьмы хотят насильно	Черные дни миновали,
Связать разорванную сеть,	Час искупленья пробил!
Слепое зло падет бессильно,	Время за дело приняться,
Добро не может умереть.	В бой поспешить поскорей,—

Припев:

Лейся вдаль, наш напев! и т. д.	Призрачной силы царей!
Бездушный гнет, тупой, холодный,	Все, чем держались их троны,
Готов погибнуть, наконец,	Дело рабочей руки,
Нам будет счастьем труд свобод-	Сами набьем мы патроны,
ный	К ружьям привинтим штыки.
И братство даст ему венец.	С верой святой в наше дело,

Припев:

Лейся вдаль, наш напев! и т. д.	В битву мы выступим смело
Скорей друзья! Идем все вместе,	С игом проклятой нужды!
Рука с рукой и мысль одна!	Сломим могучей рукою
Кто скажет буре: стой на месте?	Гнет роковой навсегда,
Чья власть на свете так сильна?	И водрузим над землею

Припев:

Лейся вдаль, наш напев! и т. д.	Братское знамя труда.
---------------------------------	-----------------------

Комитет Союза Горнозаводских Рабочих.

По прочтении товарищам передавайте.

В контору и полицию не отдавайте.

Типография Союза март 1903 г.

Печать: „С. - Д. Союз Горнозаводских рабочих“.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия

Социал-Демократический Союз Горнозаводских Рабочих

Как праздновать первое мая?

Товарищи! Грозным ураганом пронеслись нынешней весной рабочие демонстрации. От Днепра до Урала, на Дону и далеком Кавказе промчался, как вихрь, клич рабочих: „Долой самодержавие, да здравствует политическая свобода и 8-мичасовой рабочий день“. Много товарищей погибло в кровавом бою с царскими войсками и жандармами, много товарищей томится по тюрьмам и в ссылке, но наше дело, дело всего народа, дело свободы и правды, не задушить царю и его холопам.

Товарищи! Приближается 1-ое Мая и мы, горнозаводские, не должны отставать от наших русских и заграничных товарищей. Мы должны в этот день бросить работу, соединиться всем в одну могучую семью и показать нашим угнетателям, что мы сильны и умеем умирать за свободу.

Товарищи! Готовьтесь к бою, к борьбе за святое дело! Заучите рабочие песни, напечатанные в наших листках, вооружитесь кирками и камнями, кто чем может, чтобы отбить казаков и полицию, чтобы спасти наших товарищей и красное знамя, знамя нашей борьбы за свободу. Товарищи! Ждите послов от Комитета, куда идти и что делать. Но ради святости нашего дела ничего не ломайте, не жгите, не бейте беззащитных евреев, не разрушайте заводских и рудничных машин и зданий, магазинов и лавок, одним словом, не делайте „бунта“. Не бунтовать надо, а громко и дружно заявить свои требования капиталистам и правительству, нужно устроить демонстрацию: открыто на улицах и площадях вы потребуйте от ваших хозяев-капиталистов вместе с рабочими всего мира—8-мичасового рабочего дня, от правительства вы потребуете политической свободы!

Русский календарь не схож с заграничным: у нас 18 апреля, а у них уже 1-е мая, поэтому мы должны праздновать 1-е мая 18-го апреля, чтобы 1-е мая вышло всемирным праздником, но, чтобы застать казаков и полицию врасплох, вы ждите послов, которые скажут вам, когда выходить на демонстрацию.

Товарищи! Если у нас не станет силы устроить демонстрацию, заявить свои требования посредством сходов на улицах с песнями и знаменами, то во всяком случае бросайте 18 апреля работу: вы отпразднуете, этот великий день однодневной забастовкой!

Собирайтесь же праздновать Первое Мая!

Долой царское самовластие!

Да здравствует политическая свобода!

Да здравствует 8-мичасовой рабочий день!

Да здравствует всемирный рабочий праздник—
Первое Мая!

Типография Союза 18 апреля (по русск.) 1 мая (по загранич. календарю) 1903 г.

Печать: „С.-Д. Союза Горнозаводских рабочих“.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем

Долгие годы ты, прибитый и приниженный люд рабочий, дремал под свист пуль солдатских и нагаек казацких.

Долгие годы ты смиренно влачил тяжелую долю свою, понукаемый кулаками полицейскими, грабежом хозяйским и помещичьим.

Долгие годы ты только безнадежно стонал и стонал, не смея и жаловаться на свою долю проклятую.

И пользуясь твоей безропотностью и покорностью, царь со своей опричиной заковал в цепи невыносимые всю Русь огромную.

И царствовала в России тьма кремешная; все было тихо, и слышны были только торжествующие крики развратников царских, грабителей народных.

Но „сомнения прочь“ — говорили лучшие люди того времени — „не всегда ж будет ночь, свет мелькнет и над нашей могилой“.

И этот свет над их могилой, наконец, мелькнул. Вспыхнула звезда рабочего движения.

Оживает все придавленное, подымает голову все забитое. Ночь пред светом расступается.

Воспряла духом и ты, русская интеллигенция.

Столько лет ты жаждала народного пробуждения; оно, наконец, перед тобой. Повсюду люд рабочий, дотоль покорный, заговорил смелым языком гражданина. Повсюду раздаются грозные клики проснувшегося пролетариата:

„Долой самодержавие, гнет его нам, рабочим, невыносим. Долой царя, довольно на своих плечах выносили ярмо царское. Мы хотим свободной жизни и мы ее добьемся. Мы царский трон до тла разрушим и на развалинах его построим Российскую республику. Мы смело и свободно тогда понесем повсюду проповедь социализма, проповедь братства, равенства и свободы. И да здравствует социализм, потому что порядки капиталистические, гнет хозяйский невыносим нам стал“.

Мужайтесь все угнетенные, всех нас под свое спасительное крыло зовет русская социал-демократия.

Мужайся все спасения ищущее, буря рабочего движения растет и растет. С великой радостью все встречайте каждый шаг на победоносном пути социал-демократии. Радуйтесь и вы с нами, социал-демократами, открытому выступлению товарищей таганрожцев на путь борьбы с царизмом и буржуазией. Приветствуйте демонстрацию, устроенную Союзом Горнозаводских рабочих в 7 час. вечера 9-го ноября в Таганроге. Опишем это событие.

Толпа рабочих, в 7 ч. вечера, собравшись на Петровской улице с пением революционных песен и с красным знаменем социализма в руках, прошла по улице к театру, привлекая огромную толпу народа. Полиция почти отсутствовала, захваченная врасплох. Какой-то околоточный пытался вырвать знамя и, при криках „на защиту знамени“, был отброшен далеко назад. Была произнесена товарищем речь о значении этой демонстрации, в память ростовских товарищей, павших в прошлогодней бойне; он говорил о борьбе с самодержавием и буржуазией. Были разбросаны тут же, в толпе, прокламации „Союза“

„Ко всем“. И, пропев несколько раз павшим товарищам Варшавянку и Марсельезу, демонстранты разошлись до прибытия казаков. Прибывшая же полиция арестовывала из толпы любопытных. Весь город взбудоражен. Повсюду в доселе тихом Таганроге слышишь рассказы о „бунте“, о самодержавии, о социализме.

Товарищи! Мы объявили войну всем угнетателям и в первую голову царизму. Мы ведем борьбу с деспотизмом, сея повсюду семена ненависти к нему. Посев этот даст обильную жатву; он даст ту сильную сознательную армию пролетариев, которая в решительную минуту вступит в открытый бой с самодержавием: этот решительный момент — революция. К ней, товарищи, мы готовимся, ради нее мы устраиваем демонстрации, т. - е. открыто заявляем протест против существующего зла. На демонстрациях мы приобретаем союзников, воочию убеждая всех, веривших басням врагов наших, что мы не „разбойники“, а друзья народа, единственные друзья его. На демонстрациях мы приучаемся к решительному бою, закаляемся для русской революции.

А враг наш, охваченный ужасом, мечется, удваивая жестокости. Но ими не остановить рабочего движения, ими его не задавить. „Кто скажет буре, — стой на месте! чья власть на свете так сильна?“ пели наши товарищи в Таганроге. И вместе с ним мы скажем, что нет той силы, которая затушила бы пожар народного движения. От жестокости врага нашего мы только крепче духом становимся, мы веруем: за нами победа.

За нами победа, п. ч. за нами весь народ; мы были маленькой кучкой и разрослись в огромную „Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию“.

Идите же все недовольные в ряды наши, в ряды социал-демократии!

Вы же их всех дармоедов и грабителей народных, ненавидьте; бросьте же боязнь пред ними. Гнет и грабеж только вашей покорностью и держится.

Примыкайте к революционерам, помогайте им в их трудной борьбе, чем можете. Их дело ведь для вас, для счастья народного.

Вперед за рабочее дело, за народное освобождение!

Да здравствует социал-демократия!

Союз Горнозаводских Рабочих.

Прочитав, передайте товарищам.

Типография Союза.

Ноябрь 1903 г.

Печать: „С. - Д. Союза Горнозаводских рабочих“.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К рабочим механического отдела завода Гартмана.

Товарищи! С тех пор как на заводе появился Тауссон, начальник Паровозно-Механического и Сборного Отделов, на головы рабочих посыпались всевозможные ограничения. Перво-наперво, начальник Тауссон увеличил рабочий день на 10 минут, уничтожив то предобеденное время, которое рабочие употребляли на мытье рук. Правда, 15 минут не большое время, однако, для нас оно очень дорого: всякий старается в 1½-часовой перерыв и сходить домой, и пообедать и отдохнуть минуту-другую. Однако, Тауссон нашел, что рабочий такой уж скот, что и отдыху ему-де совсем не полагается. Побывав в мешке, оплеванный, осмеянный и уничтоженный, он, тем не менее, продолжает своевольничать допрежнему. Он рассчитал безвинно 12 человек рабочих и с помощью полиции засадил их в тюрьму — без всякого суда и без следствия. Некоторые рабочие, как Вогессор, Поплавский и др., отсидели по месяцу, а за что? По какому праву? Неизвестно. Теперь он через мастеров передал новый план своих будущих действий, как то: уменьшение расценок, полное уничтожение раскладок, введение новой системы штрафов, выдачу получек по субботам вместо 2, как это делается теперь, в 6 часов вечера. Составил список 97 предназначенных к расчету рабочих, на место коих будут приниматься им известные лица из среды негодяев, которые будут играть в его дудку и за это пользоваться его благорасположением. После первого же урока, данного ему храбрецами-товарищами, он напустил целые стаи полицейских, окружил нас шпионами и сыщиками — Асташевыми, Брыжевскими и Зимонинскими, чтобы не дать нам возможности говорить о чем-либо. Сам он ходит под охраной полиции, возле квартиры его устроены посты для городских. Зачем все это? Подумайте, товарищи, ведь если он прав и совесть его чиста, то чего бы ему бояться? Вероятно, чувствует он, что, угнетая, притесняя рабочих, нельзя ожидать от них за это благодарности. Да и можно ли безнаказанно отнимать у рабочего последние крохи, рассчитывать их только за то, что они начинают понимать, что их грабят, уменьшать произвольно и без того невысокие расценки. Это грабеж, товарищи! Это наглое обирательство рабочего под прикрытием воровской полиции и правил заводских. Это гнусное насилие над нами, переносить которое далее мы не можем. Можно ли ожидать от таких порядков и такого негодяя-начальника чего-нибудь хорошего. Нет, нельзя, товарищи, потому что вся их политика направлена исключительно на выжимание у нас соков, и все это делается безнаказанно. Когда

у нас крадут, похищают, мы имеем право ловить вора и отдавать под суд, здесь же нас грабят открыто, нас насилуют, а полиция, усердная помощница всяких насилий, сажает в тюрьмы рабочих, решающих бороться против этого грабежа и насилия. Где же нам искать защиты? Не у правительства же, которое потакает всем капиталистам и чиновникам, устраивая кровавые боины, как это было недавно в Ростове. Понятно, что нам самим нужно бороться с врагами—капиталистами и правительством. Терпением здесь ничего не поможешь, так как, чем больше мы будем терпеть, тем больше они будут угнетать и притеснять нас.

Товарищи! Соберемся все вместе и будем требовать немедленного удаления Тауссона. Надо покончить с ним раз навсегда. Выберем нового начальника, какого-нам надо. Долой этого негодяя, долой всех сыщиков и полицию, которая превратила мастерские в тюрьмы, а нас в каких-то кандалников. Помните, товарищи, что мы не рабы, а свободные, честные труженики, и опека полиции и шпионов для нас позорна.

Долой Тауссона, долой сыщиков, долой полицию!

Февраля 1903 года.

Луганск. Комитет. Р. С. - Д. Р. П.

Прочитай и другому дай.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ Летучий листок 4

Товарищи! Плохо живется рабочему люду, но когда он начинает вдумываться в свое положение и когда начинает разбираться в цели своего существования, то для него становится ясным, откуда исходят к нему на шею бедствия. С раннего утра и до вечера он работает на заводе или в мастерской за весьма мизерную плату, приходит домой, утомленный, измученный, успевает только умыться, поужинать да улечься спать.

Завтра опять на работу итти и так ежедневно, а чего - чего только не натерпится рабочий на работе: тут и издевательство, тут и ругань, брань самая площадная, да мало ли надругиваются над рабочим людом, а он терпи, ибо знает, что если ответит хоть одно слово, то его выбросят на улицу, на голод и холод. Все рабочие одинаково терпят это везде: у Гартмана Тауссон понижает расценки, Смыслов грубит и обращается с рабочими, как со скотиной. На Патронном пользуются за весьма дешевую цену трудом женщин: за 8—9 руб. в месяц. У ремесленников еще хуже, они перед праздником

работают по 18 — 20 час. в сутки (напр., портные), хотя они и сдельные и могли бы сколько угодно работать, но это кажется только на первый взгляд—от них требуют работу как можно скорее. Одним словом, все рабочие терпят одинаково нужду, гнет и обязанность подчиняться всякому тунеядцу. А капиталисты в это время „благоденствуют“, к ним в карман попадает все богатство, которое руками рабочих было произведено. Рабочие тратят свою силу, свою энергию и на кого все это? — на капиталистов-хозяев, которые со спокойной совестью кладут в карман трудовые денежки рабочих. Ему, капиталисту, нет дела до того, что рабочему не хватает той заработной платы на свои нужды; ему нет дела до того, что рабочий тратит свою силу на него, ему нет дела до того, что рассчитанные рабочие умирают с голоду, лишь бы ему хорошо было. Товарищи! Давно уже так грабят рабочий люд, но недавно они поняли, что можно улучшить это горестное положение рабочих. Поняли это некоторые из рабочих и стали раз'яснять всем своим товарищам-рабочим об этом, стали соединять в кружки, где мы раз'ясняли, кто виноват в том, что рабочему так скверно живется. Устроили кассу взаимопомощи. Постепенно эти кружки стали разрастаться и теперь уже превратились в большую партию под названием: „Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия“. Эта партия распространила свою организацию по всей России и теперь уже в каждом городе есть свой комитет, который организывает в кружки рабочих и руководит их развитием.

Луганск. Ком. Р. С. - Д. Р. П. задался также целью организовать луганских рабочих и присоединиться в одну великую партию: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“. Рабочие всего мира, соединяйтесь в одну большую семью и тогда лишь только мы можем надеяться на улучшение положения рабочего люда. Не спит также и правительство: оно мечется со стороны в сторону, как муха по осени, чувствуя приближение своего конца. Оно отдает приказания за приказаниями арестовать таких-то и таких-то, но и тут ему неудача. Бедное правительство! Желая вырвать крамолу (борцов за улучшение положения рабочего люда) с корнем, оно арестовывает людей, к делу совершенно не причастных, и этим только озлобляет против себя и этим только увеличивает ряды борцов. Итак, Луганск. Ком. приглашает всех рабочих и работниц помочь ему в работе. Соединяйтесь в кружки и развивайтесь. И пусть нас не страшит ни тюрьма, ни Сибирь, ибо Иисус Христос пролил кровь за ближних и за блага людей и велел нам также пролить нашу кровь за блага людей.

Апрель 1903 г.

Луган. Ком. Р. С. - Д. Р. П.

Сам читай и другому давай.

БИБЛИОГРАФИЯ ИЗДАНИЙ СОЮЗА

Прокламации „Соц.-Дем. Союза Горнозаводск. Рабочих“ •

за 1903 год

	Дата	Тираж
1. „К организованным товарищам“	Октябрь 1902 г.	500
2. „Пауки и мухи“	20 февраля 1903 г.	18000
3. „Кто наши враги“	24 февраля	6000
4. „О безработице“	4 марта	6000
5. „Как до сих пор шахтеры и заводские боролись с хозяевами и как действовать теперь“	март	4000
6. „Ко всем ремесленникам горнозаводск. района“	март	1000
7. „Ко всем заводским и рудничным рабочим“	апрель	2000
8. „Как праздновать 1 Мая“	18 апреля	1500
9. „1-е Мая“	„	7600
10. „Кто нас придушил“	июнь	. . .
11. „Предательское освобождение“	„	. . .
12. „Чего хотят социал-демократы“	июль	3000
13. „О годовщине Мариупольской стачки 14 июля 1899 г.“	„	4000
14. „Ко всем рабочим заводов и шахт Донецкого бассейна“ (по поводу понижения расценок)	сентябрь	3000
15. „По поводу летних стачек на юге“	август	гектог.
16. „К рабочим завода Вильде“	сентябрь	200
17. „Чего мы требуем“ (популяризация программы)	октябрь	3000
18. „Ко всем“ (призыв к демонстрации в Таганроге)	ноябрь	3000
19. „Описание сходки 10-го ноября 1902 г. в Ростове“ (к годовщине стачки)	„	2000
20. „Памяти убитых 11-го ноября 1902 года в Ростове“	„	2000
21. „Ко всем“ (после таганрогской демонстрации)	„	3000

	Дата	Тираж
22. „Ко всем ремесленникам Мариуполя и Юзовки“	ноябрь	гектогр.
23. „Ко всем ремесленникам Донбасса“	?	500
24. „Ко всем рабочим таганрогск. зав.“	?	500
25. „Речи защитник. в таганрогск. процессе“	?	100
26. „К шахтерам карповских рудников“	?	600

ПРОКЛАМАЦИИ МЕСТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СОЮЗА ЗА 1903 Г.

I. Луганский Комитет Союза

	Дата	Тираж
1. „Бюллетень (о ходе забастовки в ростовских мастерских Влад. ж. д.)“	декабрь 1902 г.	гектогр.
2. „Ко всем луганским рабочим и работницам (ростовск. события 4 — 26 ноября 1902 г.) № 2“ .	февраль 1903 г.	„
3. „К рабочим механич. отделения зав. Гартмана“	„	„
4. „Летучий листок № 1“ .	март	„
5. „Летучий листок № 2“ .	„	„
6. „Летучий листок № 3“ .	апрель	„
7. „Летучий листок № 4“ .	„	„

II. Юзовский Комитет Союза

1. „Ко всем рабочим металлургическ. завода Юзовки (призыв к стачке)“	сентябрь	600
2. „Ко всем рабочим Юзовск. завода“ (по поводу стачки коксов. и доменного цеха)	„	600

III. Бахмутский Комитет Союза

1. „Товарищи! До каких пор мы будем терпеть...“	июнь	гектогр.
---	------	----------

IV. Мариупольский Комитет Союза

1. „Ко всем рабочим г. Мариуполя (предостережение)“	?	300
---	---	-----

ПРОКЛАМАЦИИ ДОНЕЦКОГО СОЮЗА ЗА 1904 Г.

	Дата	Тираж
1. „Для чего должен умирать русский народ“	февраль	(Ред. „Искры“)
2. „К рабочим Донецкого бассейна“	март	
3. „Международный жандарм“	„	(Ред. „Искры“)
4. „Ко всему рабочему народу“	апрель	„ „
5. „Жертвуйте русские люди“	„	„ „
6. „1-е Мая“	май	„ „
7. „Кому быть самодержцем всероссийским“	„	„ „
8. „Война против войны“	„	„ „
9. „Ко всем запасным рядовым“	август	гектогр.
10. „Пора“	сентябрь	(Ред. „Искры“)
11. „К солдатам“	„	„ „
12. „Уроки войны“	„	„ „
13. „Кризис, безработица, война“	„	„ „

ПРОКЛАМАЦИИ МЕСТНЫХ ОРГАНИЗ. СОЮЗА

за 1904 г.

I. Луганский Комитет

1. „1 Мая (к рабочим Луганска)“	май	гектогр.
2. „К обществу“	„	„

II. Юзовская группа Союза

1. „Ко всем рабочим Юзовки о войне“	1 июня	гектогр.
2. „Ко всем юзовским товарищам“	ноябрь	„

III. Мариупольская группа Союза

1. „К заводским рабочим Мариуполя“	апрель	„
--	--------	---

К событиям 1-го мая 1900 г. в Харькове

(листовки Харьковской организации Р.С. - Д.Р.П.)

Российская Социал - Демократическая Рабочая Партия

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

П Е Р В О Е М А Я

(18 апреля 1900 г.)

ВСЕМИРНЫЙ РАБОЧИЙ ПРАЗДНИК

Т о в а р и щ и !

Во вторник 18 апреля наступает праздник 1 мая, великий праздник рабочего люда всех стран. Только 11 лет существует этот праздник: он был впервые установлен в 1889 году в Париже, на съезде представителей рабочих различных стран. Его не празднуют ни богачи, ни попы. В этот день не звонят колокола, не видно на улицах флагов, а богатые люди прячутся подальше в дома. Отчего это? Оттого, что это праздник всех трудящихся, всех тех, кто своим потом и кровью создает все богатства мира, всех тех обделенных судьбой, кто ничего в этой жизни не знает, кроме нищеты да работы. Оттого, что в этот день сознательные рабочие всех стран, без различия веры и племени, братски протягивают друг другу руки и все, как один человек, открыто и громко протестуют против насилия и неправды, против существования богачей, эксплуататоров и угнетателей. Громко разносится по миру клич: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“. Гордо развевается Красное Знамя социал - демократической рабочей партии и страстная ненависть к эксплуататорам и готовность борьбы до конца охватывают сердца рабочего люда. Подсчитываются ряды сознательных борцов, сравниваются успехи за пройденный год, намечаются дальнейшие требования.

Как весело празднуют этот день рабочие за границей. Устраиваются на страх всем эксплуататорам и их прихлебателям огромные уличные шествия, демонстрации с развевающимися знаменами под звуки песен и музыки; созываются сотни собраний, на которых раз-

витые рабочие произносят подходящие речи; многие заводы и фабрики останавливают работы: не хотят рабочие в этот великий день работать в угоду капиталистам. А у нас? Где уж там демонстрации, мы даже со своими собраниями должны прятаться в леса, подальше от взоров людских. Почему же это так? Да потому, что наши рабочие не имеют никаких решительно прав, а над всеми царит дикий произвол царского правительства, потому что законы у нас издают только царь да министры, которые держат руку одних только богачей. Собрания наши разгоняются силой, а руководителей их заключают в тюрьмы; на стачечников посылаются войска и казаки; наши союзы преследуются всеми способами; наши кассы забираются; наши типографии и газеты арестуются. Вспомните, товарищи, сколько арестует правительство ежегодно борцов за рабочее дело, сколько гниет их в тюрьмах и острогах России, сколько погребено их в снегах далекой Сибири; вспомните Домбровское, Палевское, Мариупольское, Сормовское дела и много-много других славных дел царского правительства и вы поймете, почему мы не можем праздновать 1-го мая подобно нашим заграничным товарищам, почему мы должны прятать свои собрания и сходки. Да, тяжело наше положение, но не будем унывать, товарищи. Было время, когда и заграничным рабочим жилось не лучше нашего, когда дикая эксплуатация хозяев тоже не знала границ, а правительства всячески преследовали рабочие союзы. И там ручьями лилась рабочая кровь, и там стонали в тюрьмах сотни бескорыстных борцов за рабочее дело. И только упорной борьбой, постоянным отстаиванием своих интересов изо дня в день добились рабочие лучшей доли.

И мы, русские рабочие, тоже не впервые выступаем на борьбу с нашими угнетателями, хозяевами и правительством. И у нас было много стачек, волнений, беспорядков. Наша сила растет с каждым днем, плотнее смыкаются наши ряды и все более и более грозными становимся мы и правительству и хозяевам. Правительство растерялось в борьбе с нами, оно делает нам уступку за уступкой, но мы не удовлетворимся грошевыми подачками. Нам нужно полное освобождение рабочего класса от ига капиталистов.

Но, чтобы наша борьба была плодотворна, чтобы мы даром сил не растрачивали, нам надо ясно понимать, чего следует добиваться раньше и чего после. Присоединимся, товарищи, к требованию 8-час. рабочего дня, которое в день 1 мая выставляют рабочие других стран и много других русских городов.

Но в то время, как заграничные рабочие могут отстаивать свое требование и в законодательных собраниях, могут свободно устраивать и стачки и демонстрации, мы, русские рабочие, лишены всяких прав, мы законов не издаем, нам запрещают устраивать стачки, союзы и кассы, сходиться на собраниях, издавать свои рабочие газеты,

А ведь стачки и союзы, товарищи, наше единственное орудие в борьбе с нашими эксплуататорами. И вот в этот торжественный день, в тот великий праздник труда, когда все отдельные голоса недовольных рабочих сливаются в один могучий клич, заставляющий трепетать сердца капиталистов и их защитников, когда забывается рознь и все рабочие проникаются чувством единения и братства, мы, все русские, польские и еврейские рабочие, фабричные, заводские и ремесленные, все, как один человек, дружно заявляем, что

мы требуем:

1. Свободы союзов, стачек, собраний, слова, печати, неприкосновенности личности и участия в издании законов;
2. Установления законом 8-час. рабочего дня для всех рабочих без исключения;
3. Отмены сверхурочных работ;
4. Восстановления праздников, уничтоженных законом 2-го июня 1897 года;
5. Распространения фабричных законов и инспекций на казенные и ремесленные мастерские;
6. Обязательного государственного страхования рабочих и ответственности хозяев за несчастные случаи.

Итак, товарищи, вперед за нашу свободу, за наши права, за лучшую жизнь! Пусть беснуется наше правительство, пусть грозит нам штыками, пусть бросает в тюрьмы, ссылает нас в Сибирь, мы не остановимся перед этим. Мы заявим себя членами той великой рабочей семьи, которая искоренит на свете неправду и зло, воцарит на земле братство, равенство и свободу.

Мы не будем работать в этот день, мы посвятим его собраниям и сходкам, нашему общему делу.

Да здравствует 1-ое Мая!

Да здравствует международная социал-демократия!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!

Товарищи, полиция, чтобы иметь повод послать на нас войска, постарается вызвать нас на беспорядки. Но мы не поддадимся на удочку, мы мирно и спокойно, без буйств и насилия, отпразднуем день 1-го мая.

Харьковский Комитет Российской
социал-демократической рабочей партии

Российская Социал-Демократическая Партия

Ко всем харьковским рабочим

Месяц тому назад вышел приговор 33 нашим товарищам, арестованным по делу 1 мая. 12 из них постигло суровое наказание — 3 года ссылки в Вятскую губ., остальные разосланы по разным городам, под гласный надзор полиции. Не обычным судом, а административным произволом, по приказу министра внутренних дел, наши товарищи разосланы по разным глухим местам, где, под зорким оком полиции, им придется вместе с семьей и детьми влачить полуголодное существование. За что же пострадали наши товарищи? Они пострадали за то, что принимали живое участие в движении 1 мая, охватившем рабочее население всего Харькова. 1 мая мы громко и решительно заявили пред лицом всей России, всего мира, что у нас одно общее знамя с рабочими всего света, что вместе с ними мы боремся за 8-часовой рабочий день, за уничтожение гнета эксплуатации, за то светлое будущее, когда не будет ни рабочих, ни капиталистов. Мы хотели достойно отпраздновать день 1 мая, зарю нашего светлого будущего. Мы восстали не для того, чтобы произвести бунт или беспорядки, мы хотели только заявить о наших правах, засвидетельствовать нашу решимость бороться за них. Но в своем увлечении мы на минуту забыли, что живем в России, где царит произвол полиции и жандармерии. Казацкие нагайки, ружейные приклады да тюрьма скоро напомнили нам об этом. Мы не отступили перед грубой силой штыков и нагаек. Мы ответили на нее требованием освобождения наших товарищей, решимостью не братья за работу, пока не исполнят нашего требования. И победа временно осталась за нами. К сожалению только временно, товарищи. Страх перед всеобщей забастовкой вынудил временную уступку со стороны полиции и жандармов. Они освободили наших товарищей, но затем, через несколько дней, когда возбуждение утихло, они ночью, тайком, словно воры, ворвались к ним и заточили их в тюрьму. Вспомним еще раз, товарищи, что требовали мы в день 1 мая. Мы требовали прежде всего 8-часового рабочего дня. Вы знаете, товарищи, какое значение имеет для нас 8-часовой рабочий день? Без него мы осуждены влачить существование выючного животного. Вся жизнь наша проходит за работой на хозяев: все для них и ничего для себя. Нам некогда даже побыть в своей семье среди близких. Мы обречены весь свой век тянуть лямку подневольного труда, вечно гнуть спину свою и... голодать... 1 мая внесло светлый луч надежды в гнетущую нас тьму, 8 часов сна, 8 часов отдыха, 8 часов свободы. Этот клич, охвативший весь мир, означает начало конца нашего рабства. Он означает здоровое тело, свободную душу. При 8-часовом рабочем дне мы хоть отчасти превра-

тимся в свободных людей и будем жить широкой жизнью человеческих интересов, интересов знания и мысли. Наконец, 8-часовой рабочий день, а, следовательно, высокий заработок, означает уменьшение армии безработных. Вот почему так дорог нам день 1 мая, залог нашей победы. События 1 мая и последующих дней показали нам, что за спиной капиталистов стоит еще больший наш враг — самодержавное правительство, готовое штыками подавить нашу попытку к улучшению своего положения. Нам мешали 1 мая собраться вместе, чтоб обсудить наше положение и сообща выработать общее требование. Нам не дали сговориться, как вести борьбу с нашими врагами. Где только ни собиралась группа рабочих, тотчас появлялась вооруженная сила и разгоняла их. Нагайки и ружейные приклады были пущены в ход, чтобы расстроить наше единство. Наконец, наши передовые бойцы, наша гордость и слава, были заточены в тюрьму и подвергнуты лишениям. Правительство грубо, резко дало знать нам, что мы и наши интересы для него ничто, что для него дороги только интересы капиталистов, что для защиты их оно не остановится перед самым грубым произволом и насилием. Оно объявило нас вне закона и расправляется с нами не лучше, чем английские генералы с бурами. Капиталисты захватили в свои руки все богатство, всю землю, весь труд наш. Но этого им мало: они захватили и войско, и суд, и закон, и самое государство. „Вы, миллионы труженников — ничто“ — говорит нам дерзко и нахально буржуазия и ее прихвостень — царское правительство: „Государство это мы, мы одни. Вы преступаете против наших интересов и поэтому вы, борющиеся с нами, — государственные преступники“. Извлечем же урок из майских событий, поймем, что не минутной вспышкой добьемся мы победы, а долгой и упорной борьбой. Потребуем и себе долю участия в государстве, поборемся за то, чтобы нас не считали пасынками нашей родины, облитой нашим потом и кровью, не считали нас преступниками за то, что мы стремимся улучшить свое положение. Мы не можем добиться ни 8-ми часового раб. дня, ни вообще сколько-нибудь серьезного улучшения своей участи, пока мы лишены тех естественных человеческих прав, которыми давно уже пользуются наши заграничные товарищи. Мы не имеем права, подобно им, собираться в союзы для борьбы с капиталистами, не имеем права вместе обсуждать наши общие дела, не имеем права издавать свою рабочую газету, которая изо дня в день защищала бы наши интересы, не имеем вообще никаких человеческих прав, так как каждый из нас, без суда и следствия, по одному, только произволу полиции и жандармов, может в любую минуту быть схвачен, оторван от семьи и друзей, посажен в тюрьму, подвергнут всяческим лишениям.

Но добиться этих прав и удержать их в своих руках мы можем только тогда, когда от нас, от выбранных нами представителей, будет зависеть издание законов, а не от произвола царских министров или

выживших из ума старичков, заседающих в государственном совете. Будем же настойчиво, энергично добиваться своих прав, сплотимся в этой борьбе, употребим все усилия для того, чтобы подготовить достойное празднование нового 1-го мая и показать нашему правительству, что оно бессильно разрушить единство наше и что страдание наших товарищей, отправившихся в ссылку, внушает нам не чувство страха, а чувство возмущения и негодования и только укрепляет нашу решимость, во что бы то ни стало, проложить дорогу к лучшему будущему.

Харьковский социал - демократический комитет

Всеукраинское Совецание Истпартов

(Продолжение)

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ ИСТПАРТА ЦККП(б)У ¹⁾

Гарин (Одесса). Я хочу сказать несколько слов относительно линии нашего Центрального Истпарта, и той линии, которой держатся Истпарты у нас на местах. Дело в том, что между тем и другим имеются расхождения, касающиеся постановки вопроса о задачах Истпарта. Центр. Истпарт придерживается того взгляда, что Истпарты должны быть исключительно лабораторными учреждениями и исследовательскими кабинетами и только. Места же практически идут против этой основной линии и стремятся превратить Истпарты в организации, которые явились бы не чисто лабораторными кабинетами исследователей, но задачей которых являлось бы возбуждать интерес широких рабочих и партийных масс к вопросам истории партии и революции и служить вспомогательным учреждением в смысле партийного воспитания масс.

В этом смысле большую роль играет работа музея, против чего выступает Центральный Истпарт. Практика показала и мы должны это признать, что мы не можем отказаться от работы в музее. Об отказе от этой работы можно было бы говорить только в том случае, если бы мы были уверены, что музей попадет в надежные руки и если в музеях будут проводить работу, подобную той, которую мы сами в них проводили. Только в том случае можно говорить и о передаче музея.

Но практика показала, что этого на местах добиться нельзя, ибо если здесь, в Харькове, при достаточном числе работников - коммунистов, вопрос с музеями стоит остро, то тем острее он на местах, и только в том случае, если музей будет находиться при Истпарте, мы сумеем удержать его на достаточно высоком уровне.

Необходимо также коснуться взаимоотношений центра с местами в отношении издательской работы и журнала „Летопись Революции“.

¹⁾ Прения изложены по сокращенной и переработанной стенограмме.

Здесь прежде всего следовало бы проработать план издания „Летописи Революции“, дать местным Истпартам задания о том, какой материал и в каком количестве необходимо каждый раз давать журналу, а также усилить приток материала в журнал. Но, параллельно с этим, не следует мешать и местам развивать свою издательскую деятельность, по крайней мере, в отношении тех материалов, которые можно издавать на местах. Те материалы, которые интересуют широкие рабочие массы, и те, которые центр не сумеет опубликовать, будут опубликованы нами. В этом отношении не следует мешать инициативе мест.

Теперь о структуре Истпарта. Необходимо договориться об установлении единообразной структуры Истпартов. Существует определенная структура всех прочих отделов ЦК, в которых имеются или коллегии или заведывающие; такая же структура должна быть установлена и в Истпарте. Относительно работы мест необходимо сказать, что она не всюду удовлетворительна, при чем не по вине тех или иных работников Истпарта, а по объективным причинам — вследствие отсутствия работников. Надо поставить вопрос перед ЦК и добиться представления работников и средств.

Еще об архивах. Я говорил уже, товарищи, и повторяю опять: мы не должны быть организационно оторваны друг от друга. И с материальной точки зрения будет целесообразнее, если мы установим более тесную связь между Истпартами и архивами, так как в архивах больше материальных возможностей.

Сашин. Несколько слов о целях Истпарта. Это, во-первых, воспитательная работа, ознакомление широких масс с историей революционного движения, во-вторых, — агитационно-пропагандистская работа, устройство музеев и т. п., что дает возможность поднять авторитет Истпарта и получить новые материалы от тех работников, которые раньше принимали активное участие в ревдвижении, но ныне отстали.

Товарищи здесь говорили, что все заведывающие Истпартами имеют тенденцию к выпуску самостоятельных изданий.

Тенденция эта, однако, берется не от нас, а от местных губкомов и от отдельных товарищей, которые приходят к нам с материалами и спрашивают, что с ними будет, не попадут ли они в архив или в корзину редакции. Тенденция эта питается также тем, что те материалы, которые нами посылаются в центр для печати, долго задерживаются.

Что же касается мер к поднятию работы Истпартов на местах, то, прежде всего, нужно сказать о средствах. Конечно, неверно, что для Истпартов нет средств; если имеются средства для других учреждений, то можно при содействии Истпарта ЦККП(б)У воздействовать на секретариат или бюро Губкома для того, чтобы средства добыть и выделить для Истпарта определенные суммы и тем дать возможность поднять работу. Если на местах нет нужных работников и журналистов, то необходимо их туда дать.

Только таким образом мы сумеем поднять работу местных Истпартов.

Дальше я хотел бы коснуться историко-революционного архива. Имеется тенденция отдать его в ведение Истпарта. И это правильно. Архив должен находиться непосредственно под нашим влиянием; политическое руководство должно быть делом Истпарта, кроме того, надо, чтобы там сидели наши товарищи.

В отношении воспоминаний, необходимо сказать, что они должны сделаться предметом заботы каждого из членов партии. Нужно принять решительные меры к тому, чтобы побудить каждого товарища писать свои воспоминания.

Щербakov (Чернигов). Если в работе Истпарта обнаружилась недружность, то в этом виноваты не местные Истпарты, а Центральный. Линия Центрального Истпарта не всегда была тверда, не носила направляющего, руководящего характера. При тех условиях, при которых находятся бюджеты местных Истпартов, эта руководящая работа, в виде посылки работников, должна была особенно выявиться. Между тем, ЦК, считая нас частью партаппарата, не делает из этого материальных выводов. Неправильно также направление Истпарта ЦК в отношении распределения штатов: вы имеете по смете 17 человек, но вы распределяете их между Одессой, Киевом, Екатеринославом и т. д. Правда, эти Истпарты имеют под собой гораздо более твердую базу в смысле работы, но они же имеют и более твердую материальную базу. Я считаю, что этих работников следовало бы распределить, если не равномерно, то во всяком случае так, чтобы хотя по одному человеку пришлось на каждую губернию.

Теперь в отношении самой работы Истпартов. Я считаю, что местные Истпарты слишком разбрасываются. Я слушал доклады Одессы, Екатеринослава и т. д., в которых было отмечено, что там принялись за изучение Пугачевщины, движения 70 годов и т. д., в то время, как наша основная задача это — изучение местной истории рабочего революционного движения.

Отсюда и расплывчатость в вопросе о работе архива. Одно дело — поставить во главе отделов коммуниста, другое — собирать материалы, самим сидеть над этой работой и в ней зарываться. Я считаю, что это не есть задача Истпарта, во всяком случае не прямая его задача на сегодняшний день.

В отношении издательского дела товарищи с мест также претендуют на очень многое: они требуют разрешить им неограниченно заниматься издательством и организацией кружков, всяких комиссий и т. д., и т. п. Я считаю, что если так поставить вопрос, то получится то, что было с газетами в 1920 г., когда каждый район выпускал свою газету. У Центрального Истпарта в этом отношении более жесткая линия. Нельзя сейчас категорически запрещать работу,

но нужен некоторый план. Если Одесса хочет издать свой сборник и это входит в план ее работы, то он может быть издан, но вопрос все-таки должен быть согласован с Центральным Истпартом.

Еще пару слов об этой согласованности в работе и неопределенности взаимоотношений. Истпарт сносится по вопросу о статьях не только с нами, но и с заведующим Губархом и др., что совершенно не дает возможности внести в это дело какой-либо порядок. Тут имеется несогласованность, которую следует совершенно изжить.

Манилов (Киев). Мне кажется, товарищи, что в работе ЦК одним из основных недостатков было отсутствие достаточного руководства работой местных Истпартов. Превалировал элемент, мягко выражаясь, администрирования, требовали присылки тех или иных материалов, а в остальном — мы были предоставлены своим собственным силам. В отношении самого содержания истпартовской работы, как работы научно-исследовательской, мы никаких указаний не имели.

Места не имеют почти никаких директив губернии, не согласовывают своей текущей работы с центром. А ведь со стороны Центрального Истпарта могло бы быть уделено больше внимания в смысле определенного руководства и указаний, как направить работу, на что обратить больше внимания и т. д. и т. п. Необходим был бы целый ряд анкет о плане разработки материалов по отдельным периодам.

Вопрос о методах собирания материалов, в этом отношении мы тоже не имеем никаких определенных директив. Возьмем, например, период революции 1917 года и гражданской войны, документально эта эпоха менее всего зафиксирована; документы в архиве не сконцентрированы и часто находятся на руках у бывших контр-революционных деятелей, которые их, порой переправляют за границу.

Необходимо, поэтому, выработать совершенно новые своеобразные методы работы. Вопрос о методе собирания воспоминаний, об их проверке и обработке приобретает первостепенное значение. В связи с этим возникает вопрос и о том, чтобы через ЦК принять серьезные меры воздействия в отношении т.т., участвовавших в восстаниях, подпольной работе, гражданской войне, указав при этом, что некоторые периоды мы совершенно не сможем осветить, если т.т. не дадут своего материала. С этим делом необходимо поспешить.

Вся работа, которую мы ведем, есть не только работа по изложению истории Украины, а в первую очередь — по собиранию материалов и по их черновой обработке. Спор об издательской работе мог бы, поэтому, быть разрешен в таком виде: те Истпарты, которые имеют возможность издавать материалы у себя на местах, должны присылать тот же материал и в центральный журнал уже в более обработанном, обобщенном виде. Тогда „Летопись Революции“ приобрела бы для мест значение необходимого подспорья.

„Летопись Революции“, по сравнению с целым рядом других журналов, выходит достаточно регулярно. Вообще мне кажется, что если перенести несколько центр тяжести на освещение периода гражданской войны на Украине, то здесь можно будет получить такое неисчерпаемое количество материала, не только в каждой губернии, но и в каждом округе, что можно будет заполнить не один журнал, а несколько.

Не прав поэтому т. Иванов, утверждая, что на Украине больше одного журнала иметь не следует и что местные издания нужно прекратить.

В отношении музея я целиком согласен с точкой зрения тов. Гарина. Отказаться от этой работы значит — подвергнуть себя опасности превращения в заглушенные учреждения, не связанные с партийной жизнью. Это, несомненно, отразится на падении нашего авторитета. Будут знать, что Истпарт разрабатывает статьи и материалы для журнала. Но, что даст это массам? И не лучше ли назвать тогда Истпарт корреспондентским бюро?

Создание музея революции, как совершенно новой формы пропагандистской работы в области изучения истории партии, надо поставить на твердую плановую почву. Вопрос о создании плана в области работы музеев революции надо поставить в общереспубликанском масштабе или, по крайней мере, в масштабе УССР.

Руководящую роль в музейной работе должен будет играть музей Истпарта ЦК. Тов. Иванов почти обошел вопрос о выставках. А эту работу бросать сейчас нельзя, даже если считать, что выставочная работа должна потом от нас отойти.

Об архивах. Особенно глубоко вдаваться в этот вопрос мы не можем. Необходимо только закрепить за историко-революционными отделами архивов работающих в них коммунистов и в дальнейшем стремиться окоммунизировать архивы на все 100%, а также поднять вопрос о сохранности архивов, так как они скверно обеспечены.

Вопрос о привлечении беспартийной профессуры. В этом отношении совещанию нужно принять какое-нибудь конкретное постановление, так как есть много научных сил, которые можно было бы использовать для работы в Истпарте. Затем надо зафиксировать вопрос о создании вокруг Истпарта некоторой общественности, например, кружков подпольщиков и т. д.

Эпштейн (Донбас). Я прежде всего остановлюсь на издательской работе. Один из выступавших товарищей был совершенно прав, когда говорил, что мы должны разграничить издательскую работу так, чтобы предоставить возможность издавать и местным Истпартам. Но так как на местах не всегда имеются литературные работники, необходимо материалы пересылать для лучшей обработки в центр. Таким образом, мы создали бы систему, которая охватила бы всю работу,

проводящуюся на местах. Необходимо, однако, при обработке материалов избежать извращения их содержания, дабы не получилось то, что было с товарищем Г., который, не проверив на местах те факты и даты, о которых писал, поместил их в свою статью, вызвав этим страшное возмущение со стороны местных работников. Необходимо поэтому при обработке материалов предварительно проверять их на местах. Для этого первый материал должен издаваться сразу же на местах и потом лишь перепечатываться „Летописью Революции“. Этим мы дадим возможность проверить этот материал на месте, а затем подвергнуть его проверке и во всеукраинском масштабе.

Теперь насчет воспоминаний. Некоторые т.т. придают громадное значение воспоминаниям. Но это не совсем правильно. Воспоминания имеют значение, когда они пишутся грамотным человеком или литератором или ответственным работником; если же воспоминания пишутся рядовыми работниками, да еще малограмотными, то в них обычно можно встретить извращение фактов.

Когда приходится проверять такие воспоминания, то они никогда не совпадают одно с другим, в рассказах отсутствует партийная организация и т. п.

Большое внимание мы должны обратить на выставки. Организация выставок нам поможет создать вокруг Истпарта определенное общественное мнение. Эти выставки должны быть под непосредственным руководством и влиянием Истпарта.

Еще о взаимоотношениях с Губархом. Я считаю, что Губарх должен находиться все-таки при Истпарте. При таком положении мы убиваем сразу двух зайцев: с одной стороны, используется аппарат Губарха, а с другой — устанавливается влияние на содержание архива и на материалы, что для нас особенно важно.

Когда Истпарт и Губарх находятся отдельно, этого сделать нельзя. Нам необходимо также войти в соглашение с Истпрофом и Истмолем, у которых имеется масса материалов, подлежащих разработке партийных организаций.

Скворчевский (Екатеринослав). Мне неясно, должны ли существовать музеи при Истпарте или мы должны их отдать под контроль Агитпропа. Если остановиться на первом решении, т. е. что музей остается у нас, то работа Истпарта совершенно меняет свою физиономию: мы должны будем заниматься широкой политпросветительной работой и отбивать кусок хлеба у Агитпропа и Мопра. Нужно решить этот вопрос, и, по-моему, Центральный Истпарт должен тут сказать свое слово.

Следующий вопрос — это вопрос о ячейках содействия и комиссиях, которые всюду еще в зачаточном состоянии. В этом отношении Истпарт должен нам разъяснить, кого следует вовлекать в ячейки содействия: должны ли участвовать там КСМ, старые большевики,

политкаторжане, специалисты, профессора и т. д. и т. п. Взять хотя бы Киев; последний вел себя расточительно, создавая тысячами комиссии и подкомиссии. То же делала и Одесса со своими красногвардейцами. Все это показывает, что Истпарт ЦК недостаточно нами руководил.

Теперь в отношении издательства. У нас имеется пропасть материалов и если Истпарт не разрешит нам их издавать, то мы превратимся лишь в лабораторные, корреспондентские ячейки. Правда, у нас отсутствует техника, но ее нет, по-моему, и у Центрального Истпарта. „Летопись Революции“ является руководящим органом, но в нем то же самое, что и у нас. Я просматривал один номер: там только материалы, а выводов, анализа нет. В чем же дело? Мы представляем такие же материалы, как вы, воспоминания у вас точно такие же, наши выводы также тождественны, технической же постановки журнала нет ни у нас, ни у вас — одним словом, у нас одинаковый процесс работы, исключая разве одно то, что вы находитесь в центре.

Другой вопрос: Истпарт нуждается в поднятии авторитета. Но почему он сейчас у нас авторитетом не пользуется? Из кого состоит его коллегия? Как она подбирается? Когда вопрос об Истпарте был поставлен в той плоскости, что во главе Истпарта должны стоять члены ЦК и ГК (по совместительству), то все мы почувствовали, что только таким образом мы сразу могли бы поднять работу. Если вопрос разрешится именно в таком виде, то ясно, что Истпарты приобретут сразу авторитет, что нам не нужно будет заниматься агитационной работой и что мы разовьем нашу основную, исследовательскую, научную работу.

Мы требуем, чтобы нами руководили, нам нужны твердые указания, твердая линия — без этого мы не можем проводить нашу работу.

А д а м о в и ч (ЦК Истпарт). Товарищи, у меня сложилось такое впечатление, что вы все себе противоречите. С одной стороны, вы предъявляете центру слишком большие требования, а, с другой стороны, вы говорите, что его нужно урезать. Но всем, ведь, известно, что средств мы не имеем и не будем иметь, что здесь дело в общих условиях, — как же вы можете ожидать, что центр даст средства? Вы прекрасно знаете, что штаты ЦК утверждают в ЦК РКП. Вы гораздо больше можете сделать у себя на местах, чем мы здесь. Мы, кроме штата, никаких средств на оперативные расходы не имеем. Если бы Истпарт имел больший вес и во главе его стоял бы ЦК, говорите Вы, то было бы дело другое. Но надо смотреть реально, и тогда станет ясно, что пока на это надеяться нельзя.

Прежде всего вопрос об отношении центра и мест. Необходим некоторый общий план, который центр, совместно с местами, должен выработать и которым нужно руководствоваться. Товарищи очень

разбрасываются: один считает своим делом выставки, другой изучает одну эпоху, третий другую; ясно, что так работа идти не может: и 70-е гг. и 90-е гг. и 1905 г. — все это хорошо, все это нужно, но нужна же и увязка. Вы жалуетесь, что нет руководства. Но вот по 1905 г. мы дали руководство, как работать, но Одесса не хотела этому подчиниться; начали писать статьи, а сырой материал для „хроники“ задержали. Что, это срывает работу центрального плана или нет? В каждом городе можно найти такие примеры. Основной задачей нашего совещания является именно увязать работу центра и мест; принцип реальности должен быть положен в основу; мы должны выработать такой план, который осуществим. Конечно, все исторические эпохи интересны, но надо решить, что мы можем осуществить в первую очередь, и по этому общему плану все должны работать.

Вот задача центра именно и заключается в том, чтобы дать директивы, а задача мест — укладываться в эти рамки и не слишком разбрасываться. Нельзя сказать, что вы ничего не сделали и не должны делать самостоятельно, но этот план должен быть центральной работой, а если сверх него делать, что возможно. Теперь насчет изданий; это будет особый вопрос, мы тогда подробно поговорим, но все-таки ясно, что мы не в состоянии при наших силах и средствах издавать несколько журналов; значительно более достижимая и более правильная задача поставить один центральный орган общими усилиями.

Говорят, что не было достаточного руководства и связи. В этом виноват не только центр — в этом виноваты и места. Почему же места свои вопросы не ставили? Откуда мы могли знать, что у вас возникают на практике те или иные недоумения? Ведь, истпартовская работа — это совершенно новая область, и детального руководства центр не может дать. Центр не может давать указаний; если вы сами не будете ставить свои вопросы в порядок дня. Такие взаимоотношения вполне естественны и необходимы. Но мы делали, что могли, посылали инструкции и об'езжали губернии.

Теперь об изданиях. Опять-таки здесь можно найти определенный выход; никто не говорил, что не нужно издавать на местах, но в данный момент важно поставить хорошо хотя бы один орган. Недостаток губернских сборников в том, что они дальше губернии не идут. Если вы бы сказали, что на местах надо дать популярный очерк, доступный рабочим, и вы такой представите — я бы согласилась с вами.

Издайте такой популярный сборник на основании материалов, присланных нам, — это будет правильно. Издавайте сборники по истории местной организации — это ваша работа. Мы не против местных изданий, но указываем, что надо увязать места с общим планом, чтобы места выполняли наши задания и не срывали нашей работы.

Теперь насчет выставок. Я вовсе не сторонница отделения выставок от Истпарта; руководство выставкой всегда должно остаться за Истпартом, но я не согласна, что выставка должна занять в работе Истпарта центральное место. Работа центра отличается от губернской; в губернской — выставки важнее, чем здесь, но не должно случиться, чтобы Истпарт превратился в музей, как в некоторых Губистпартах до сих пор бывает. Собираание материалов, организация ячеек содействия — это тоже истпартовская работа, а о ней ничего не слышно почти.

Мы писали и говорилось определенно о создании ячеек Истпарта на предприятиях, в уездах и т. д. Мы должны в работу ячеек содействия втягивать и беспартийные массы.

Вопрос о штатах. 17 человек работников на всю Украину — это такое ничтожное количество, что не знаешь, как их распределить; но, товарищи, каждый из вас старается получить себе больше работников и не дать другой губернии — вот это совершенно недопустимая точка зрения своей колокольни.

Если же подойти с точки зрения общих интересов, то вопрос можно целесообразно разрешить. Раз малые штаты, невозможен обезд — надо чаще писать, ставить вопросы центру.

Мы на нашем совещании можем вынести коллективное решение и просить о пересмотре штатов.

Если вы говорите, что на местах три человека мало, то как вами будет руководить центр и давать вам детальные указания да еще выпускать „Летопись Революции“ тоже с тремя работниками?

Надо удивляться, что при таком штате мы все же много сделали: „Летопись Революции“ наладили, интересы к Истпарту подняли, добились укрепления Истпартов на местах, архивы упорядочили, наконец, созвали это совещание, которое будет иметь огромное значение.

Шрейбер (ред. „Летописи Революции“). Основное, что обращает на себя внимание в докладах с мест, это — пестрота работы. Эта пестрота имеет две основных причины: во-первых, отсутствие руководства из центра, — это одна причина, а другая — это та, что наши Истпарты находятся на разных стадиях развития. Киевский Истпарт, например, был года 2 назад в таком же положении, как Донецкий Истпарт сейчас. Меня, знающую киевские условия, особенно поразил доклад товарища Манилова; Киевский Истпарт теперь охватывает очень большую область работы — он внедрился в партийную жизнь и является, судя по докладу, необходимой частью киевской организации, он имеет людей вокруг себя, а между тем 2 года тому назад Киевский Истпарт не имел денег даже на кнопки и не имел никакой поддержки, никаких работников.

История Истпарта представляет настоящий крестный путь: чтобы выйти из первоначального тяжелого положения, нужно Истпарту

обязательно пробиться, нужно обратить на себя внимание, привлечь интерес, а за этим придут и люди и средства. Это переломный момент, самый роковой момент, который переживают Истпарты: Как же пробиться? Если товарищи будут предаваться пассивности, тогда они могут еще тысячу лет оставаться на первоначальной стадии своего развития.

Необходимо особое напряжение, чтобы, несмотря на все, как-нибудь себя проявить. Тов. Иванов говорил, что Истпарты увлекаются показательной работой, что эта работа агитпроповская, она не может иметь значения. Но как бы организации узнали об Истпарте, если бы он только сидел в архиве и копался? Он мог бы и десять лет так копаться.

Центральный Истпарт должен обратить серьезное внимание на те Истпарты, которые находятся в тяжелом положении, и дать им первый толчок.

Откуда же взять центру нужные силы для постановки работы?

В Одесском Истпарте имеется 12 человек, а у нас, в центре, 3 человека. Для охвата работы во всеукраинском масштабе такого штата хватить не может; тут не приходится упрекать центр в том, что он берет себе очень много, а другим дает очень мало. У нас по штату на всю Украину — 16 человек, а Одесса говорит, что из своей дюжины не может ни одного отдать. Как же быть с Черниговом, где нет ни одного платного работника? Ставится вопрос: взять этого работника с места или с центра? Мне кажется, что местные Истпарты должны отнестись к этому вопросу с большой осторожностью.

Второй вопрос, который меня особенно интересует, это вопрос об издательской работе, об издании журнала и о взаимоотношениях на этой почве между центром и местами. Этот вопрос является наиболее спорным. Здесь как будто сталкиваются интересы мест с интересами центра. Нужно выработать линию работы наших мест в издательстве. Я сейчас пожалела, что вопрос о „Летописи Революции“, который стоял отдельно, снят с повестки; из-за этого я не буду иметь возможности выяснить условия, в которых работает „Летопись Революции“, и тех путей, которыми мы можем прийти к осуществлению задач, стоящих перед „Летописью Революции“. Мне придется лишь коротко упомянуть об основных задачах этого журнала. Каковы же эти основные задачи? Освещение тех моментов в истории Украины, которые являются чем-то специфическим, освещение истории Украинской революции и гражданской войны. Эта эпоха не может быть освещена нигде и никем, кроме как Истпартом Украины. Поскольку наша основная задача — дать историю КП(б)У и гражданской войны, мы сталкиваемся с целым рядом затруднений. Архивы гражданской войны в ужасном состоянии, они разрознены, разбросаны, их нужно собрать, т. к. они могут затеряться. Прежде

чем приступить к планомерной работе, нужно привести в порядок архивы. Для обработки же архивов нужны постоянные сотрудники, а мы только сейчас начинаем приобретать более или менее постоянных сотрудников. До последнего времени „Летопись Революции“ жила исключительно случайными поступлениями с мест. Присылают воспоминания — хорошо; не присылают — нет у нас ничего. Не было определенных сотрудников, которым можно было давать задания. Это один момент. Другой момент, затрудняющий работу — необходимость участия в журнале участников революции: мы одним архивом обойтись не можем, во-первых, потому, что в нем слишком большие пробелы, и, во-вторых, на основании одних только документов, часто исходящих из враждебных нам кругов, можно притти к совершенно неправильным выводам. Нам нужно, чтобы материалы обрабатывались самими участниками движения.

Товарищ Манилов правильно говорит, что для Истпарта необходимо определенное общественное мнение; он стремится добиться создания этой общественности путем организации комиссий и кружков. Когда слушаешь товарища Манилова, то поражаешься количеством комиссий и кружков. Кажется невероятным, чтобы Истпарт мог столькими комиссиями руководить. Но сколько бы их не было — их никогда не будет слишком много. Этими комиссиями мы растаем в партийные массы, без них мы являлись бы бюрократическим органом, который ничего ценного, конечно, не мог бы дать. Вот этой общественности, которая имеется на местах, здесь в центре абсолютно нет; здесь ее труднее создать именно потому, что мы являемся центральным органом, поскольку у нас нет территориальной базы, и мы должны объединить работу всех украинских губерний. Поэтому, если вы обработку местного материала возьмете на себя, мы останемся совершенно без всякой почвы.

Нужно окончательно решить, что если мы хотим издавать журнал, который бы служил не только сборником занимательных историй, но и пособием по изучению истории КП(б)У и революции на Украине, то местам нужно кой-чем ради журнала поступиться.

Мы должны притти к соглашению с местами. По-моему нерациональны предложения т.т. обрабатывать в центре тот материал, который уже издан местами, — это будет конспект, а не исследовательская работа. Те моменты, которые имеют всеукраинское значение, мы должны в основном освещать в нашем журнале; на местах должны заниматься историей местной организации в более узком смысле и зато с большими подробностями.

Другой вопрос — можно ли получать материал помимо Губистпартов? Что же делать, если сами Истпарты не дают ни одной статьи и не оказывают даже никакого содействия в этом отношении (возьмем Киевский или Екатеринославский). Приходится прибегать к посто-

ронным услугам, так сказать, частным образом добывать материал. Может быть, это и ненормально, но это можно будет устранить тогда только, когда по нашему требованию местные Истпарты будут необходимые нам материалы давать. Теперь по поводу тех материалов, которые дают Губистпарты. Нужно знать, за все ли они присылаемые ими материалы отвечают, в каждом отдельном случае нужно указывать проверен данный материал или нет.

После мелких вторичных выступлений представителей мест по отдельным вопросам, прения закрываются и слово представляется т. Иванову.

Заключительное слово докладчика

Иванов (ЦК Истпарта). Т. т., все эти разговоры, которые здесь пришлось слышать, чрезвычайно ценны, в том отношении, что они позволяют легче наметить более или менее реальную, правильную линию в дальнейшей работе.

Тут указывали, что в работе истпартовских отделов замечается крайняя пестрота и что Истпарт ЦК недостаточно был тверд в направлении этой пестроты. Правильно, что центр слабо руководил во многих случаях, что у центра не было подчас твердой линии, что центр не давал определенных методических указаний по работе. Это действительно крупный дефект, но это скорее не вина, а беда, которая объясняется, как уже указывали т. Адамович и т. Шрейбер, недостаточностью сил, а отчасти сепаратизмом мест. Если бы мы действительно поставили себе задачу поставить работу на местах и с методической стороны и со стороны общего руководства достаточно хорошо, мы должны были бы увеличить тогда штат, по крайней мере, вдвое. При тех силах, которыми мы располагаем, мы эту работу не смогли выполнить, и получилось впечатление, что мы вообще не выполнили своей миссии.

Особенно много разговоров вызвал вопрос об издательской работе. Тут даже т. т. говорили о столкновении интересов мест и центра. Вопрос этот вызвал особенно много разговоров, очевидно, потому, что я в своем докладе не остановился на этом, как следует. Я только мельком заметил, что часть материалов определенного свойства должна обязательно помещаться в наш центральный журнал, а другая часть, имеющая более местное значение, должна издаваться на местах. Из этого указания можно было понять, что мы вовсе не выступаем такими держимордами в смысле издательского дела на местах; некоторый нажим был сделан по отношению к 1905 году, и то не в такой острой форме, как это представляется товарищам.

Со стороны т. т. мы не слышали возражений против посылки материалов для „Летописи Революции“. Это говорит за то, что „Лето-

письм Революции“ признается общеевропейским журналом. Следовательно, при горячем и близком участии всех Истпартов, мы действительно сумеем поставить его на надлежащую высоту, ибо хорошая его постановка и зависит от должной поддержки со стороны мест.

Второй вопрос, о котором особенно много говорили, — это вопрос о музеях. Тут дело представляется таким образом, что, если отнять музей от Истпарта, тогда не нужен и сам Истпарт. Я подхожу к вопросу о музеях иначе.

Я говорил уже, что одно время необходимо было заниматься архивами; своим авторитетным вмешательством в это дело мы принесли громадную пользу, мы проделали громадную работу; но наступил момент, когда мы можем и должны от этого дела освободиться. Это не значит, что с завтрашнего дня мы бросаем архив, а это значит, что мы должны направить свои усилия к тому, чтобы добиться в архивах твердого коммунистического влияния, чтобы с политической стороны мы были за них спокойны, и тогда мы оставим за собой лишь общее руководство, общий контроль.

То же самое и относительно выставки. Допустим, что действительно благодаря выставке увеличатся авторитет и популярность Истпарта. Пусть будет так, но если музеи революции вы передаете в соответствующие учреждения, оставляя за собой общее руководство, то это не значит, что с этого момента массы теряют к вам уважение и отдают его только новым владельцам. Это неправильный подход к делу. Музей остается музеем. То, что приобрел Истпарт через музей, он это сохранит. Но тут дело не в этом: Истпарты имеют чрезвычайно ограниченные штаты, а потому и цепляются за музеи и за архивы, т. к. оттуда можно потянуть работников. Это возможно и при тех условиях, о которых я говорил, но тогда и вопрос можно ставить прямо. А о музее надо говорить, как о музее, и думаю, что плох был бы Истпарт, если бы он терял вес с закрытием или переходом музея: это показывало бы только, что авторитетом пользовался не Истпарт, а музей. И, когда мы указывали на необходимость разграничения функций, мы говорили то же, что Истпарт ЦКРКП, как видно из его письма Одесскому Истпарту.

Теперь об общих средствах, о которых я не говорил, но о которых нужно говорить. Коль скоро у нас оказалось недостаточно сил внутри Истпарта, необходимо их найти извне. И в этом направлении большую работу провел Киевский Истпарт: он создал громадное количество всякого рода комиссий. Но мало того, что у нас недостаточно сил, у нас плохо обстоит дело и с материалами. Материалы по 17 году далеко не собраны, очень существенных еще нет, их надо собрать от живых участников. Это без привлечения общественных сил, без тесной связи с активными участниками революционной борьбы сделать нельзя. Но тут нужно также сохранить чувство меры и не увле-

каться особенно всякого рода комиссиями да организациями красногвардейцев, ибо тут тоже легко утонуть и ничего для Истпарта не сделать.

Теперь насчет штатов. Тов. Гарин говорит: помилуйте, если бы у нас был центральный Истпарт получше, он бы сумел прийти в ЦК и сказал бы: даешь штаты — и дали бы штаты. Товарищи, дело обстоит сложнее. Мы вопрос о штатах поднимали, но штаты не здесь устанавливаются. Штаты общепартийного аппарата были урезаны в этом году, а в связи с этим урезаны и штаты Истпарта. В текущей партийной работе роль Истпарта занимает второстепенное место, и ей отводится меньше финансовых возможностей. Вопрос о штатах разбирался не у нас, а в ЦК РКП. Мы написали смету, в которой были выставлены, по нашему мнению, все доводы за увеличение штатов, мы указывали, что Украина имеет много особенностей в истории ревборьбы и этим нужно заняться; но при рассмотрении сметы, вероятно, были более веские обстоятельства, которые и привели к сокращению, так что с этой стороны достигнуть многого трудно было.

Вопрос о коллегиях. Мне кажется, что такое положение, какое сейчас имеется в Киеве и в Чернигове, когда есть заведующий Истпартом и председатель Истпарта, не совсем-то правильное. В прошлом году говорилось о том, что нужно создать коллегия, в которой бы заведующий Истпартом являлся в то же время и председателем. А когда заведующий — особая статья, а председатель коллегии тоже особая статья, то это не особенно полезно для работы.

С руководством дело обстояло не совсем хорошо. Несмотря на усиленную переписку, мы все-таки получили не все 100% выполнения задания, так что большие задания увеличили бы процент невыполнения.

(Окончание следует)

Вокруг работы Истпарта

Работа Истпарта на Украине идет попрежнему неравномерно, всюду задерживается отсутствием средств и штатов. Только Одесский и Киевский Губистпарты добились некоторых средств из Губкомов и Губисполкомов, остальные перебиваются кое-как.

Яркую картину работы совершенно без средств и без всякого штата дает отчет Запорожского Истпарта, приводимый ниже. Это новый тип окружного Истпарта, основанного на коллективной работе самих низов. Но не только в губернских городах, а и в окружных кое-где самостоятно возникают свои Истпарты и музеи революции (Луганск, Сталино, Зиновьевск, Николаев), но они большей частью быстро увядают, не находя поддержки. Не лучше положение официально существующих Истпартов, не имеющих тем не менее ни штатов ни ассигновок при наличии богатых архивов. Таковы Полтава и Чернигов, имеющие товарищей, способных работать, но никаких средств. Местный бюджет так слаб, что на него нет надежды. Можно только удивляться, что и при таких условиях они все же работают, иногда даже не плохо.

Перейдем теперь к краткому описанию работы отдельных Истпартов.

ПОЛТАВСКИЙ ИСТПАРТ

В Полтавском Истпартотделе, как видно из полученного годового отчета, условия работы начинают улучшаться: Истпарту отведено более пригодное помещение (близ архива). Ассигновано Губкомом 100 рублей (!!). Поручено фракции ГИК'а обсудить вопрос об ассигнованиях Музею Революции. Как на достижение надо указать на назначение коммунистов в Губарх и его революционный отдел. Выполнена работа по хронике 1905 г., по архивным и газетным данным. Начата серьезная подготовка к созданию Музея Революции. Было создано особое совещание из представителей Истпарта, Агитпропа, Политпросвета, Пролетарского музея и архива для разработки плана Музея революции. Поручено ряду лиц ознакомиться с музейным делом и разработать проект плана музея об условиях Полтавщины; собираются материалы.

ЧЕРНИГОВСКИЙ ИСПАРТ

Несмотря на отсутствие платных работников и ассигнований (кроме 200 рублей от Истпарта ЦК на работу по хронике 1905 г.), Черниговский Истпарт, в лице бесплатно работавшей коллегии, провел некоторую работу. Заседания коллегии рассматривали 20 вопросов: 6 о работе по 1905 г.¹⁾ Работа по руководству и упорядочению революционного архива до сих пор составляет значительную часть работы Истпарта и отчет перечисляет архивные фонды, их ремонт, хлопоты с помещением и т. п.

Работа по подготовке хроники 1905 г., отчасти 1906 г. проделана значительная. В Истпарт ЦК прислан архивный материал по крестьянскому движению. Разысканы участники движения, которые пишут свои воспоминания (еще в центр не поступили). Округа, где имеются рабочие центры, Конотоп и Шостка, не могли быть посещены за неимением средств и сил, так что о них получено только то, что было в жандармском архиве.

ПОДОЛЬСКИЙ ИСПАРТ

Также нет платного работника и средств. Работа почти не ведется. По 1905 г. составлены два больших обзора по аграрному движению и, после инструктирования представителя центра, выбраны материалы для хроники. Предполагается создать выставку по 1905 г. (таковая была развернута в 1923 г.). Воспоминания участников революционной борьбы и статьи Истпарта помещались в журнале Губкома „Кузница“.

КИЕВСКИЙ ИСПАРТ

Киев развивает значительную деятельность. Он намечает массу комиссий, кружков, планов. Киевский Истпарт имеет наиболее правильную конструкцию, работает наиболее планомерно.

Кроме заведывающего отделом, имеется Бюро Истпарта из 7 человек, собирающееся довольно регулярно. Протоколы присылаются в центр. Принят план структуры Истпарта²⁾.

¹⁾ Правильная работа коллегии в других более крупных Истпартах не везде налажена.

²⁾ Приводим этот план для ознакомления другим Истпартам: 1) Истпартотдел существует, как самостоятельный Отдел при Бюро Губкома; 2) во главе Отдела стоит заведывающий — член Губернского Комитета Партии; 3) при Истпарте организуется широкая коллегия, в которую входят: уполномоченные районов по работе Истпарта, представители ячеек содействия Истпарту на крупных предприятиях, представители Музея Революции, Общества старых большевиков, кружка подпольщиков, научные сотрудники Истпарта, Агитпропа, Отдела Печати, Истпрофа, Истомола; 4) из состава широкой коллегии выдвигается узкая коллегия, в которую входят: заведывающий Истпартом, Завистпрофа, Исторический Революционный

Намечен обширный, едва ли выполнимый план работы на 1925 г., в который, кроме окончания работ по хронике 1905 — 1906 г.г. на Киевщине (по заданию Центра), входит: составление подробной хроники революции 1917 года на Киевщине, издание ее с приложением важнейших документов и вступительной статьей, подготовка и издание сборника „Октябрьская Революция на Киевщине“ (включая Октябрьское и Январское восстания и первый период соввласти), подготовка к печати юбилейного сборника 1905 г., сборника с.-д. прокламаций, выпущенных на Киевщине в 1905 г., с комментирующей статьей.

Издание, совместно с Истпрофом, сборника материалов и воспоминаний по истории Киевской организации, эпохи революции 1917 г. и подготовка сборника „Памяти погибших членов Киевск. организации“.

К декабрю предполагается развернуть юбилейную выставку 1905 года, что возможно благодаря специально-музейному помещению, полученному Истпартом для выставок.

Предполагается развернуть работу научного кабинета по истории партии и ленинизма, а также издать юбилейный иллюстрированный альбом по 1905 г.

Архив революции отделен от Истпарта, но все же доставляет ему много хлопот. Истпартом организуется Общество старых большевиков, установлена связь с Обществом бывших политкаторжан для координации работ и участия их в литературно-издательской деятельности Истпарта.

Создан кружок подпольщиков, избраны окружные и районные уполномоченные, на крупных предприятиях создаются группы содействия Истпарту. Намечен план созыва Губсовещания по работе Истпарта. Музей Революции поставлен на твердую базу, так как Истпарт добился ассигнования для постановки его в 8.000 рублей.

ОДЕССКИЙ ИСТПАРТ

Несмотря на большое количество работников, работа за последнее время ослабела. Одесский Истпарт, несмотря на все требования и указания, продолжает осуществлять „личную унию“, т.-е. совместительство зам. завистпартом с завед. Губарха, уделяя слишком много

Архив, представитель Истомола, секретарь Истпарта, два члена партии с подпольным дореволюционным стажем, персонально введенные; 5) из членов широкой коллегии Истпарта выделяется постоянная Редакционно-Издательская комиссия для руководства всеми изданиями и ответственный редактор; 6) в районах и округах существуют уполномоченные Истпарта, подчиненные Губотделу; 7) на крупных предприятиях выделяются комиссии ячеек содействия Истпарту; 8) общее руководство работой Истпрофа оставляется за Истпартом Губкомом; 9) штаты Истпарт-отдела необходимо расширить, доведя их до следующего состава: заведывающий, один научный сотрудник, секретарь, машинистка - технический работник.

времени архивным делам, что неблагоприятно отражается на работе Истпарта, тем более, что и завистпартом работает по совместительству.

Также много внимания уделяется Музею Революции, но штат его оплачивается из местных средств.

Слабо обстоит дело со связью (в Зиновьевске Истпарт возник самостоятельно) с округами, нет указаний на связь с заводами и создание на них института уполномоченных и ячеек Истпарта. Конструкция Коллегии не вполне установилась, она иногда называется „правлением“ и т. д. Слишком много сил и времени занимает добывание средств (путем устройства вечеров и проч.), на что указывалось не раз, но без результатов.

НИКОЛАЕВСКИЙ ИСТПАРТ

Независимо от Одесского Истпарта возник и работает Николаевский Истпарт (Одесской губ.), с которым, наконец, удалось установить более регулярную связь и получить годовой отчет за 1924 год.

Главная работа его — также в Музее Революции, политико-просветительная. Музей посетило 6.600 чел., большей частью учащихся, экскурсии сопровождаются пояснениями работников Истпарта. Проведено 2 цикла лекций: РКП и роль Ленина в ней (13 лекций) и ряд лекций, связанных с революционными праздниками. Имеется библиотека-читальня, средняя посещаемость 15 чел. в день, главным образом, учащиеся и учащие трудовых и политических школ.

Чисто истпартовская (исследовательская) работа ведется в порядке совместительства очень перегруженными товарищами.

Студентами местного ИНО под руководством завистпартом тов. Фидровского и тов. Загрецкого обработаны материалы по истории 1917 — 1919 г.г. в Николаеве ¹⁾. Приступлено к собиранию и обработке материалов по истории революции 1905 г. в Николаеве. Особой комиссии поручено заняться подготовкой к изданию сборника 1905 г. в Николаеве. Ком'ячейкам и райпаркомам, профсоюзам и сельбудам разосланы циркулярные письма с просьбой о собирании материалов и воспоминаний.

Составлена хроника событий, написан экономический очерк состояния завода „Наваль“ в 1905 г., собран ряд воспоминаний активных работников 1905 г., проведено 5 собраний (по 15 — 20 чел.) участников революции 1905 г., собраны фотографии, производятся выборки из газет и архивных материалов по 1905 г.

Истомолом руководит член Бюро Истпарта. Подготавливается сборник по истории юношеского движения в Николаеве.

¹⁾ Обращаем внимание тов. на этот способ работы, дающий подходящие силы для исследовательско-истпартовской работы на местах.

В Николаеве находятся значительные революционные архивы, работа с которыми также ложится на Истпарт. Материальное положение Истпарта очень тяжелое. Платных 2 чел.: зав. революционным музеем, он же и секретарь Истпарта, и сторож - уборщик. Смета Окружкомом не была утверждена за отсутствием средств.

За весь год Истпартом получено от Агитпропа 43 рубля, от Политпросвета 8 руб. (!!), из Исполкома 117 пуд. топлива. Так живет и самоотверженно работает Истпарт крупного рабочего центра...

ДОНЕЦКИЙ ИСТПАРТ

В виду предстоящего районирования, Губком решил Губистпарта не создавать (т. - е. упразднить существующий!!), а предложить всем Окружкомам выделить работников для Истпарта.

Так как эти работники будут, повидимому, бесплатными, занятыми на другой основной работе, и средства также, даже на канцелярские расходы и разъезды, им отпускаться не будут, то надежды на постановку истпартовской работы в Донбассе мало. Разве только на месте найдется товарищ, подобный Запорожскому завистпартом, который самостоятельно возьмется за дело и сумеет сплотить вокруг себя работников ревдвижения.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИЙ ИСТПАРТ

Раньше других начавшаяся здесь работа Истпарта за последний год совершенно остановилась. За последние месяцы меняется уже 3 - й заведующий.

Главной и единственной работой за год можно считать выпуск 2 - го сборника материалов истории РСДРП в 1905 — 1906 г. г., который сильно уступает первому сборнику.

Сборник был издан с ненужной и вредной поспешностью.

Основная работа состояла в проведении экскурсий на выставку.

Архив революции, несмотря на назначение зав. Губархом коммуниста, до сих пор находится в ведении Истпарта и никакого разграничения функций не проведено. Екатеринослав также отстал от других центров (несмотря на гораздо большие возможности и средства), и в смысле связи с низами: организации сети уполномоченных Истпарта по округам и крупным рабочим центрам, а также создания групп содействия Истпарту и подпольных кружков.

Надо надеяться, что назначение нового заведывающего сдвинет дело с мертвой точки.

Присланный план работ слишком обширен: охватывает все периоды от 1907 по 1179 — 21 г. г., следовательно, явно нереален. Кроме того,

он не совпадает с планом, выработанным на Советании Истпартов Украины. Центром работы снова выдвигается работа выставки по истории партии.

ВОЛЫНСКИЙ ИСТПАРТ

Работа по собиранию материалов и воспоминаний продолжается, заходя даже за область работы Истпарта. Так, разрабатывается история Польского восстания 1863 г. Организована группа подпольных работников, стремящихся даже к созданию общества по типу о-ва бывш. политкаторжан.

Политпросветительная работа истпартовского типа, в виду отсутствия музея, идет по линии докладов и выступлений во время революционных праздников и юбилеев, издания диапозитивов и т. п. С округами, профсоюзами и проч. завязываются связи.

Отношения с Губархом до сих пор не урегулированы, несмотря на все указания и то, что во главе его стоит коммунист.

Е. А.

Работа Запорожского Истпарта¹⁾

Собирание материала пока идет хорошо. Собран материал с 1886 года о стачке в южных мастерских, но пока не разработан. Восстановлен коллектив РСДРП города Александровска с 1903 года. Имеются и разрабатываются материалы с 1900 г. Установлены имена и фамилии работников г. Александровска, выступление на массах, места конспиративных квартир, места печатания прокламаций, собраны фотографии участников как подготовки вооруженного восстания, так и стачечных боевых комитетов. Имеется обвинительный акт по делу вооруженного восстания 1905 года, защитники по этому процессу, фотографии смертников по этому делу, имеются фотографии местных заправил и вдохновителей погрома и душителей восстания. Имеется материал о первой стачке в городе Александровске в 1905 г. по поводу 9 января. Ожидается материал об июльской 1905 г. стачке. Пишутся воспоминания участников работы по подготовке вооруженного восстания и самого восстания. Разысканы работники 1902 — 03 г. г. в других городах, получено согласие поделиться воспоминаниями. Есть материалы, но еще не обработанные, ученических организаций 1905 г. Готовится участником материал об октябрьской стачке 1905 г. Добыт материал к статье (уже пишется) о еврейском погроме 19 — 21 октября 1905 г. Материалы эти показывают число убитых, раненых, характер ранений и убийств и количество разгромленных домов и лавок; сохранились подлинники врачебного осмотра, т. е. опросные листы потерпевших. Найдено в земле несколько пик — оружие того времени. Обещают дать и находящиеся на руках кое у кого, как память, пики и бульдожки (револьверы); бомбы поручают

¹⁾ В Запорожьи Истпарта не полагается, хотя это значительный рабочий центр (бывш. Александровск), железнодорожный узел, где в 1905 г. было „вооруженное восстание“, за которое погибли сотни и пошли на каторгу десятки товарищей.

Екатеринославский Губистпарт, несмотря на все просьбы от Запорожья и наши указания, с ним не связался. Один из александровских каторжан, т. Минаев, взялся за истпартовскую работу (бесплатно, конечно). Окрупком не мог оказать материальной помощи, не имея соответствующих ассигнований. Поэтому все, что сделано в Запорожьи — плод самоотверженного труда, нашедшего поддержку и содействие в рабочих массах.

чено восстановить одному из участников. Из старых работников нашлись: Криворучко, Писяньские, Ермола, Швец, Бондарь, Михайловский, Ветвицкий, Разнотовский, Еременко, Крят, пропагандистка 1904 года Гордон. Старые товарищи постепенно втягиваются в работу как по сборнику 1905 г., так и по музею революции. При Истпарте уже организован уголок каторги и ссылки.

Кроме того, создана комиссия под председательством зав. Истпартом Минаева по увековечению памяти погибших 14-го декабря 1905 г. в бою с казаками, черной сотней и полицией. Решено поставить обелиск, выразив идею неравной борьбы. К этой работе привлечены художники и архитекторы, которые взяли представить план и смету к 15 мая. Памятник - обойдется около 20.000 рублей, какие мы рассчитываем собрать среди рабочих и вообще местного населения. Выпущено небольшое обращение, призывающее к собиранию средств¹⁾.

¹⁾ Опускаем конец отчета, который сводится к просьбе о материальной помощи, ибо без нее нельзя развернуть работу, которая начата на собранные у товарищей и занятые у МОПР'а деньги.

Вот каково положение Истпартов. Возможность работы видна на ярком примере работы Запорожского Истпарта. Необходимо парторганам выкроить хоть небольшие средства для Истпарта.

Деятельность Харьков'ского Губистпарта

За прошедший с последнего отчета период работа Истпарта выразилась в следующем:

1) 1905 год: а) почти закончено (на 90%) собрание воспоминаний для сборника „1905 год в Харькове“; б) приступлено к собиранию материалов: фотографии руководителей, видных участников из рабочих, снимки заводов, отличившихся в революцию 1905 года, и проч. для альбома; в) подбираются наиболее характерные жандармские документы, прокламации для вышеуказанного сборника; г) организована комиссия, согласно положения ЦИК'а СССР, по празднованию юбилея Революции 1905 года.

2) По случаю 25 -летия первой крупной первомайской демонстрации в г. Харькове (1900 г.) Истпартом был организован кружок участников этого периода. Собраны воспоминания, которые помещены частично в майском номере „Летописи Революции“ и частично в местных газетах. Сняты фотографии с участников 1900 г. для помещения в газетах. Организуются вечера воспоминаний в рабочих клубах.

Работа по 1900 г. этим не ограничивается. Решено продолжать ее более углубленно, и в этом направлении кое-что уже предпринято: заказаны статьи о работе комитета и др., предприняты меры для получения наиболее интересных документов из архива департамента полиции.

3) Продолжается работа по собиранию материалов и воспоминаний за период гражданской войны (гетманщина, петлюровщина, денкинщина). Параллельно с этим обращено внимание и на собирание биографий и снимков погибших за этот период.

4) В связи с приближением 10-летнего юбилея Октябрьской Революции, объявлена регистрация активных ее участников по Харьковской губернии; уполномоченным предложено сосредоточить внимание на собирании газет и документов периода 1917 года (в Сумах газеты собраны уже полностью).

5) Связь с округами медленно, но налаживается. Губистпарт, по насущной потребности и по постановлению Центрального Истпарта Украины, наметил об'езд округов с целью инструктирования и обсле-

дования работы уполномоченных. До сих пор удалось это выполнить только по отношению к Сумам, как наиболее крупному и в прошлом интересному округу. В результате поездки работа уполномоченного оживилась, что выразилось в поступлении материалов. По предложению Губистпарта, на заводах Сумского округа организованы ячейки содействия, работающие по положениям и инструкциям, разработанным Губистпартом. Что же касается других округов, то с ними решено устроить совещание во время Губс'езда Советов (все уполномоченные будут в Харькове).

6) В городе, в целях привлечения рядового революционера, получения материалов и популяризации работы Истпарта, организованы на крупных производствах при ком'ячейках ячейки содействия Истпарту.

Письмо в редакцию

РЕДАКТОРУ „ЛЕТОПИСИ РЕВОЛЮЦИИ“

Уважаемый товарищ!

Прочтя в № 2 Вашего журнала мою статью, посвященную памяти т. Е. Бош, я, помимо многочисленных пропусков, значительно меняющих текст, принужден констатировать одно чрезвычайно грубое искажение. Я, к сожалению, не сохранил копии своей рукописи, но категорически утверждаю, и товарищи, которым я показывал рукопись до отсылки в редакцию — т. т. О. и М. Бош, Ю. Коцюбинский, — могут это подтвердить, что фразы: „страдала болезнью, которая ныне известна под именем великодержавного уклона“ или какой-нибудь иной фразы, хотя бы отдаленно похожей на нее, в рукописи не содержалось. Это противоречит хотя бы дальнейшему тексту, где я определяю старую позицию Е. Бош как „близкую к Люксембургской, совершенно не желавшей считаться с национальным фактором“. Этим я как бы бросаю обвинение в нигилизме в области национального вопроса, но обвинять тогдашнюю позицию левых коммунистов (1915 года) в „великодержавности“ мне никогда и в голову не приходило. Прошу Вас, уважаемый товарищ, разыскать мою рукопись, убедиться в правильности моих заявлений, письмо же мое поместить в ближайшем номере Вашего журнала.

С коммунистическим приветом В. Ауссем

ОТВЕТ РЕДАКЦИИ

Редакция „Летописи Революции“ не отрицает, что в статье тов. Ауссема о Е. Б. Бош был произведен ряд изменений и поправок. Но мы считаем, тем не менее, недовольство тов. Ауссема совершенно необоснованным. Редакционная переработка статьи была произведена не только с разрешения, но и по просьбе тов. Ауссема, изложенной в его письме редактору „Летописи Революции“. В этом письме тов. Ауссем сообщал, что статья, посвященная Е. Б. Бош, написана им наспех и совершенно не обработана, и потому просил подвергнуть

статью „самой дружеской редакции и по части стиля, а также и в смысле порядка изложения“. Естественно, что в процессе переработки приходилось прибегать к сокращениям и, порою, даже к изменению текста. Но редакция утверждает, что ни одно такое изменение не вызвало „искажения“ смысла, в чем нас упрекает тов. Ауссем.

В частности, о „великодержавном уклоне“. Эти слова были, действительно, вставлены редакцией, но с единственной целью уточнения чрезвычайно неясной фразы, имевшейся в рукописи. Фраза эта была составлена следующим образом: „... тов. Бош принадлежала к той группе, которая не разделяла позиции ЦК во главе с Владимиром Ильичем и которая вкратце определялась данным им лозунгом: право нации на самоопределение“. Редакция считала, что в этом месте необходимо дать краткую характеристику взглядов Е. Б., вызывавших ее расхождение с Лениным по национальному вопросу. И выражением „страдала болезнью, которая ныне известна под именем великодержавного уклона“, мы только резюмировали предыдущий абзац статьи, принадлежавший самому автору, в котором Ауссем определенно указывает, что взгляды, которые он в своем письме в редакцию деликатно называет „нигилизмом в области национального вопроса“, были посеяны в умах некоторой части членов партии политикой российского великодержавия (см. „Лет. Рев.“ № 2, стр. V, абзац, начинающийся словами: „в настоящее время многим молодым товарищам непонятно“ и т. д.). Поэтому редакция никак не могла предположить, что употребление термина „великодержавный уклон“ вызовет со стороны т. Ауссема протест.

По существу же вопроса редакция считает, что национальный нигилизм эпохи империалистической войны, перенесенный в условия диктатуры пролетариата, дает то направление, которое с легкой руки тов. Ленина получило название „великодержавного уклона“. Тов. Ленин, уделявший немало внимания борьбе с ошибками левых в национальном вопросе, уже в эпоху империалистической войны употреблял по отношению к ним выражение „шовинизм“. Так, например, в статье „Экономический империализм“, направленной против единомышленника тов. Бош — П. Киевского (Ю. Пятакова), он в (1916 г.) писал:

„П. Киевский обошел в своей статье главный вопрос..., как мы уничтожаем национальный гнет? П. Киевский отделался фразами... по существу же осталось одно: социалистическая революция все разрешит. Или, как говорят иногда сторонники взглядов П. Киевского: самоопределение при капитализме невозможно, при социализме излишне. Это теоретически - вздорный, практически - политически - шовинистский (курсив наш — ред.) взгляд. Этот взгляд

есть непонимание значения демократии“. И дальше: „надо провести национальное равноправие... С этим все согласны, кроме разве одного П. Киевского. Но тут - то и встает вопрос, который обходят: отрицание права на свое национальное государство не есть ли отрицание равноправия? Конечно, есть“.

Итак, Ленин находил, что нигилизм в национальном вопросе приводит к отрицанию равноправия наций. Это ли не „великодержавный уклон“?

Таким образом, выражая глубокое сожаление по поводу происшедшего недоразумения, редакция никак не может считать себя виновной в какой-либо ошибке и искажении по существу.

ОТ РЕДАКЦИИ

В № 2 „Лет. Рев.“ в ст. тов. Ауссема по недосмотру редакции вкралась досадная ошибка. В прим. на странице IV сказано: „ушел (из КП(б)У) в 1919 г. в момент наиболее острой гражданской войны на Украине В. Шахрай (член Полтавского Комитета). В действительности же В. Шахрай не ушел из партии, а был исключен Ц.К.К.П.(б)У за брошюру „До хвилі“. Несмотря на это, он остался в революционных рядах во время деникинщины, работал подпольно на Украине, затем на Кубани, где и погиб от рук белогвардейцев, как большевик. Исключение тов. В. Шахрая, несомненно, было бы отменено, как такое же наказание, постигшее второго автора брошюры „До хвилі“. (Этот тов. возбудил вопрос перед ЦК РКП, который решил считать его попрежнему членом Р.К.П.). Таким образом, обвинение Шахрая в том, что он оставил партию в тяжелый для нее момент, было, очевидно, вызвано, недостаточным знакомством т. Ауссема с его биографией.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

В протоколе Всеукраинского Сопещения Истпартов, помещенном в № 2 (II) „Летописи Революции“, вкратце некоторые ошибки, происшедшие при расшифровке стенограммы. В докладе завчерниговским Истпартом Щербак ова имела фраза, из которой можно было заключить, что Черниговский архив „растаскивался“ оттого, что во главе его стоял беспартийный работник. В действительности в речи товарища Щербак ова эти два утверждения (что во главе архива стоял беспартийный — с одной стороны, и что архивные материалы не находились в должной сохранности — с другой) ничем между собой связаны не были.

Редакция

ОПЕЧАТКА

В докладе тов. Гарина (№ 2 — 10 „Лет. Рев.“, стр. 223) допущена опечатка, искажающая фамилии так: завед. музеем назван Агроновским, действительная же его фамилия — Мартыновский, научный сотрудник назван Миревич, действительная его фамилия — Меерорич.

Редакция

Ответственный редактор С. Шрейбер

Торгово-Промышленный Банк СССР

„ПРОМБАНК“

Основной капитал 40.000.000 руб.

Правление в Москве — Карунинская (б. Биржевая)
пл. 2/7. Телеф. Управл. Делами — 1-78-68, Ком-
мутатор: 1-15-96, 3-41-12, 1-61-27.

80 ФИЛИАЛОВ

в разных городах СССР

КОРРЕСПОНДЕНТЫ

во всех городах СССР

Иностранные корреспонденты Промбанка :

банки во всех крупных центрах Европы,
С.-А. Соедин. Штатах, Азии и все банков-
ские отделы торгпредств НКВТ за границей.

Промбанк производит все банков-
ские операции:

переводные операции в иностранной и
русской валюте с С.-А. Соед. Штатами,
Канадой и др. странами.

КРАМАТОРСКИЙ Государственный Машиностроительный и Metallургический Завод

при ст. Краматорская, Донецкой жел. дор.

Телеграфный адрес: КРАМАТОРСКАЯ, ДОМНА.

УПРАВЛЕНИЕ: Харьков, площадь Тевелева, 28.

ПРЕДЛАГАЕТ:

чугун литейный и переделный, железо сортовое, шинное, обручное, швеллера, балки, проволоку катаную, рельсы рудничные, накладки, подкладки, заклепки и костыли.

•

ПРИНИМАЕТ ЗАКАЗЫ НА:

прокатные станы, под'емные краны, шаржерные машины, паровые молота, паровые машины, бензиновозы, электровозы, врубовые машины, станки вальцетокарные, сверлильные, дыропробивные прессы, ножницы, чугунное, стальное и из цветных металлов литье, железные конструкции и пр.

ПОКУПАЕТ:

лом чугунный и железный, стальную и железную стружку, олово, свинец, цинк и проч. металлы, необходимые для производства.

УПРАВЛЕНИЕ

ДЕРЖАВНЕ ВИДАВНИЦТВО УКРАЇНИ
ГОЛОВНА КОНТОРА ПЕРІОДИКА
— Харків, площа Р. Люксембург, Ч. 23. —
ЖУРНАЛИ, ЗБІРНИКИ, ГАЗЕТИ.
Докладний проспект висилається безплатно.

ПЕРВОЕ УКРАИНСКОЕ ПАЕВое ТОВАРИЩЕСТВО

„ПОГРУЗКА“

(Устав утвержден УЭС 7-го апреля 1924 г. Основной капитал 250.000 руб).

ПРАВЛЕНИЕ: Харьков, Дворец Труда, кв. 110. Тел. 25 — 09.

ОТДЕЛЕНИЯ: в Крыму и в Одессе.

АГЕНТСТВА:

в Артемовске, Балте, Вознесенске, Виннице, Екатеринославе, Евпатории, Житомире, Зинovieвске, Запорожске, Кременчуге, Кривом Роге, Луганске, Мелитополе, Мариуполе, Николаеве, Первомайске, Полтаве, Севастополе, Симферополе, Сталине, Тирасполе, Феодосии, Херсоне, Харькове, Чернигове и Ялте.

Уполномоченные пунктов на станциях железных дорог, пристанях реки Днепра и в портах Черного и Азовского морей.

Товарищество производит погрузо-разгрузочные операции на станциях железных дорог, в портах, пристанях, складах, мельницах и т. п., а также все артельные работы по разгрузке, погрузке, приему, подготовке к досмотру, клеймению, хранению и выпуску всех экспортных и импортных грузов, проходящих через Харьковскую и Одесскую таможни.

**ХАРЬКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ПРАВЛЕНИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ
КОСТРОМСКИХ И ЯРОСЛАВСКИХ ЛЬНЯНЫХ ФАБРИК**

„ЛЬНОПРАВЛЕНИЕ“

ОПТОВЫЙ МАГАЗИН:

Сергиевская пл, Московск. ряд №13-16

РОЗНИЧНЫЙ МАГАЗИН:

ул. Своб. Академии, № 80 (б. Универс.)

ОБЪЕДИНЯЕТ: льняные фабрики Костромского и Ярославского районов

ВЫРАБАТЫВАЕТ:

льняные полотна, суровые, бельевые, скатерти, салфетки, полотенца, парусину разную, равентухи террасные, брезенты, мешки, пряжу, нитки, пожарные рукава, фитиль ламповый и прочее.

**НА СКЛАДЕ ВСЕГДА ИМЕЕТСЯ ПОЛНЫЙ АССОРТИМЕНТ ТОВАРОВ.
ГОСОРГАНАМ и КООПЕРАЦИИ ЛЬГОТНЫЕ УСЛОВИЯ.**

Кооперативное Издательство „ПРОЛЕТАРИЙ“ — Вышли из печати:

МИРОНОВ — Хрестоматия по детскому движению. КИЛЬКОЛЫХ — Лагерь - Коммуна. МИРОШЕВСКИЙ — История КИМ'а. ЛУГОВСКОЙ — Летние работы в клубах. Программа и устав РКП. КОЛЕСНИКОВ — Рабочее и профессиональное движение. КРУПСКАЯ — Моя жизнь. ЕЛЬНИЦКИЙ — История рабочего движения. ПОЛЬ ЛУИ — Закат буржуазного общества. МОНОСОВ — Два восстания лионских раб. БАСКИН и ЧУДНОВСКИЙ — Систематич хрестоматия по марксизму. СЖИГАНОВ — На борьбу с вредителями огородов. БАУЭР — История Австрийской Революции. Правление и Базисный Склад: г. Харьков, ул. Своб. Академии, 5, тел. 10-07. Центральн. книжный и нотный магазин: г. Харьков, ул. 1 мая, 18, тел. 16-31. Московское Отделение: г. Москва, Петровские линии № 1/20, тел. 3-01-99.

Правление Об'единенных Костромских и Ярославских Лняных Фабрик

„ЛННОПРАВЛЕНИЕ“

ВЫРАБАТЫВАЕТ:

■ **Т** всевозможные льняные ткани: полотно белое, полубелое, суровое, равендух, подкладку, коломенок, рогожку костюмную, брезентное, рукава пожарные, фитиль ламповый, готовые брезенты, плащи, нитку льняную, мешки, всевозможный штучный товар, скатерти, салфетки, полотенца, простыни, платки носовые, летние дамские плательные полотна белые, суровые, полубелые и цветные.

Принимает заказы на выработку:

СТОЛОВОГО БЕЛЬЯ С МОНОГРАММАМИ
для домов отдыха,
гостиниц, ресторанов и проч.

ПРАВЛЕНИЕ: Москва, Никольская, 10

Тел. Правл. 1-39-19, Торг. Отд. 2-19-69, Бухгалтерии 2-36-12

МОСКОВСКИЕ ОТДЕЛЕНИЯ:

Оптовое — Ильинка, 5, тел. 1-68-07

Розничные:

Розничное № 1 — Петровка, пассаж,
бывш. Солодовникова,
тел. 4-96-40

„ № 2 — Арбат, 28,
тел. 5-81-70

Оптово-Розничн. № 3 — Сретенка, 32,
тел. 3-95-58

ИНОГОРОДНИЕ ОТДЕЛЕНИЯ:

- 1) в Ленинграде — Гост. двор, 13,
тел. 5-77-57
- 2) в Харькове — Москов. ряд 13-16,
тел. 593
- 3) в Ростове н/Д — ул. Энгельса, 47,
тел. 16-19
- 4) в Тифлисе — Ватный ряд, 2,
тел. 10-23
- 5) в Одессе — ул. Зиновьева, 45,
тел. 14-51
- 6) в Ново-Николаевске — Красный
проспект, 30, тел. 3-68

Продажа за наличные и в кредит госорганам, кооперативным учреждениям и частным лицам.

При крупных покупках госорганы пользуются льготными условиями.

Телеграфный адрес Правления и Отделений: „Льноправление“

УКРАИНСКАЯ
КОНТОРА

КИШПРОМТОРГА

ПОКУПАЕТ И ПРОДАЕТ **КИШЕК** РОГАТОГО СКОТА
И ВСЕ ВИДЫ И И БАРАНОВ

ОТДЕЛЕНИЯ ИМЕЮТСЯ ВО ВСЕХ ГУБЕРНСКИХ ЦЕНТРАХ У. С. С. Р.
УКРАИНСКАЯ КОНТОРА — Харьков, пл. Тевелева, 27

Акционерное Общество „РУДМЕТАЛТОРГ“

ПРАВЛЕНИЕ — МОСКВА, Никольская, 7.

УКРАИНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ — Харьков, Пушкинская, 1. Тел. 32-11 и 24-75.

Для снабжения металлургических заводов

ПОКУПАЕТ: лом железа, стали, чугуна и цветных металлов, обрезки кровельного железа и стружку черных металлов.

ПРОИЗВОДИТ: разборку, разделку негодных паровозов, вагонов, судов, мостовых ферм, котлов и др. крупных предметов и мартеновский лом.

ПРОДАЕТ: разные подделочные и строительные материалы от разборки старых судов, паровозов и пр. на льготных условиях и по доступным ценам; лом чугуна и цветных металлов.

КИЇВСЬКА РАЙОННА ТОРГОВЕЛЬНА КОНТОРА

„САХТРЕСТА“

Київ, вулиця Короленка, Ч. 19.

ПРОДАЄ:

ЦУКОР ПІСОК — ЦУКОР РАФИНАД

МАЄ СВОЇ ОПТОВІ СКЛАДИ:

В Київі, на Подолі, Чер-
вона площа, Ч. 8

В Чернигові

» Глухові

» Нежині

» Ромнах

В Прилуках

» Кременчуку

» Зинов'євську

» Черкасах

» Білій - Церкві

РУССКО-АВСТРИЙСКОЕ ТОРГОВО-
ПРОМЫШЛЕННОЕ АКЦИОНЕРНОЕ О-ВО

УКРАИНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ:

Харьков, ул. К. Либкнехта, 64. Тел. № 4-61

Текущ. Счета в Промбанке № 364

в Банке для Вн. Торг. СССР. № 24

„РУСАВСТОРГ“

ПРАВЛЕНИЕ: МОСКВА, Старая площадь, 2.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И КОНТОРЫ

Ленинград, Киев, Баку,
Тифлис, Минск, Ростов.

ВЕРХНЕ-ДНЕПРОВСКОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕЧНОЕ ПАРОХОДСТВО

ПРАВЛЕНИЕ: г. Киев, ул. Революции, 36 (б. Александровская)

ТЕЛЕФОНЫ: 14 - 64, 3 - 44, 35 - 52, 18 - 22, 39 - 68, 38 - 55, 23 - 64

Пристань 20-11

АГЕНТСТВА: в г. г. Киеве, Черкассах, Кременчуге, Екатеринославе, Гомеле и Чернигове

ВЫПОЛНЯЕТ НИЖЕСЛЕДУЮЩИЕ ТРАНСПОРТНЫЕ и КОММЕРЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ:

1. Перевозка пассажиров и багажа по всем линиям Верхнего и Среднего Днепра и его притоков на вполне оборудованных пароходах (электрическое освещение, перво-классные буфеты, каюты с мягкими местами, нумерованные спальные места), по срочному пассажирскому расписанию.

2. Срочное транспортирование грузов грузовым и буксирным флотом во все пункты, расположенные по Днепровской системе выше порогов, с ответственностью за целостность и сохранность.

3. Прием грузов с наложенными платежами и хранение.

Грузы принимаются на всех пристанях по минимальным тарифам, перевозка грузов, представляемых значительными партиями, производится на особо льготных условиях. Заключаются договоры на перевозку различных грузов.

4. Выдача ссуд под грузы.

5. Торгово-комиссионные операции по транспорту.

В навигации 1925 года поддерживается срочное сообщение по следующим линиям:

Киев—Екатеринослав, Киев—Чернигов, Киев—Мозырь, Киев—Гомель, Киев—Ржищев, Екатеринослав—В.-Днепровск, Кременчуг—Градизск, Гомель—Пропойск, Гомель—Ветка, Чернигов—Н.-Северск.

ОТХОД ИЗ КИЕВА:

Киев—Екатеринослав	ежедневно в 20 час.
Киев—Чернигов	» в 17 »
Киев—Мозырь—Туров	» в 20 »
Киев—Ржищев	» в 12 »
Киев—Гомель	» в 15 »

О всех изменениях в расписании

движения печатается в газетах.

ХАРЬКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА

„МЕЛЬСТРОИ“

Харьков, ул. Свердлова, 31. Телеф. 6 — 89.

Полное оборудование мельниц
и маслобоен.

Искусственные жернова.

Мельничные поставы.

Маслобойные гарнитуры и дви-
гатели сельско - хоз. типа.

Первоклассные шестерни для
вальцевых станков.

Все принадлежности для мель-
ниц, маслобоен и проч. пред-
приятый пищевой промышлен-
ности.

СМЕТЫ И ПРОСПЕКТЫ БЕСПЛАТНО
КРЕДИТ ПО СОГЛАШЕНИЮ

РОСТОВО-НАХИЧЕВАНСКОЕ

ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ О-ВО

„Е П О“

ОБСЛУЖИВАЕТ РОСТОВ И
НАХИЧЕВАНЬ НА ДОНУ.

СОБСТВЕНН. КАПИТАЛ 1.500.000 р.

ОБОРОТ 1924/25 г. 32.000.000 р.

ЧЛЕНОВ ~ ПАЙЩИКОВ 41.400 чел.

===== ПРАВЛЕНИЕ: =====

РОСТОВ — ДОН, УЛ. ЭНГЕЛЬСА № 56 — 58.

===== ТЕЛЕФОН 11—78 ☐ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ 26—05. =====

ПОКУПАЕТ:

МАНУФАКТУРУ,
ГАЛАНТЕРЕЮ,
ОБУВЬ, ПОСУДУ,
БАКАЛЕЮ, КОН-
ДИТЕРСКИЕ ИЗДЕ-
ЛИЯ И ПИЩЕВЫЕ
ТОВАРЫ ВСЕХ
ВИДОВ.

С. С. С. Р.

ЮГО-ВОСТОЧНОЕ АКЦИОНЕРНОЕ КРАЕВОЕ ОБЩЕСТВО ТОРГОВЛИ

„ЮВАКТОРГ“

===== ХАРЬКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ =====

г. Харьков, Горяиновский пер., Дворец Труда, кв. 124.

ПРОДАЖА:

табачных изделий ДГТФ (б. Асмолова), листовых кавказских табаков,
цинка, свинца, серной и соляной кислоты, цемента, асбеста, этернита,
===== саломаса, мыла, олифы, краски, обуви, кожи и пр. =====

ПОКУПКА:

металлов, металлических изделий, технических материалов, бумаги,
===== стекла, фанеры, химвидов и пр. =====

РУССКО-ГЕРМАНСКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ТОРГОВОЕ

== ОБЩЕСТВО ==

„РУСГЕРТОРГ“

ПРАВЛЕНИЕ — БЕРЛИН

ГЛАВНАЯ КОНТОРА — МОСКВА

УКРАИНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ: ХАРЬКОВ, ПУШКИНСКАЯ, 21

ТЕЛЕФОНЫ: { Управляющего Отделением } 3 — 20
{ Управляющего делами }
Импорتن. и экспортн. отд. 3 — 03
Общий — 54

Телеграфный адрес: ХАРЬКОВ — „РУСГЕРТОРГ“

ОБОРУДОВАНИЕ:

заводов, фабрик, шахт, силовых станций, электро-
передач, топочных устройств и проч.

ИМПОРТ:

машин, станков, электрических приборов и устано-
вочных материалов, сельско-хозяйственных машин
и орудий, металлов, технических принадлежностей,
инструментов, измерительных приборов и разных
химических товаров.

ЭКСПОРТ:

хлебных продуктов, сельско-хозяйственного и дру-
гого сырья и фабрикатов союзной промышленности.

МЕХАНИЧЕСКИЙ И ЧУГУННО-ЛИТЕЙНЫЙ ЗАВОД ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ЧАСТИ

ХАРЬКОВСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

КАПЛАУНОВСКАЯ № 16 □ ТЕЛЕФОНЫ: Дирекции — 15 - 02, Конторы — 1 - 46

ПРОИЗВОДСТВО ВОДЯНЫХ ТУРБИН, НАПРАВЛЯЮЩИХ ДИСКОВ, ПАРОВЫХ ТУРБИН, ПОЛНЫЙ РЕМОНТ ДВИГАТЕЛЕЙ ВНУТРЕННЕГО СГОРАНИЯ, ПАРОВЫХ МАШИН С ИЗГОТОВЛЕНИЕМ НОВЫХ ГОЛОВОК ПОРШНЕЙ, ГИЛЬЗ И ПР. РАСТОЧКА ЦИЛИНДРОВ НА МЕСТЕ, ПРОИЗВОДСТВО ГИРЬ МЕТРИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ, ПЕРЕДЕЛКА ВЕСОВ НА МЕТРИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ.

ШЕЛКОТРЕСТ

Улица Свободной Академии, № 10 (б. Университетская)

ВСЕГДА ИМЕЕТСЯ ГРОМАДНЫЙ ВЫБОР:

модных шелковых и полуселковых тканей для платьев, подкладок и отделок, а также имеются шарфы испанские, лионские и другие. Большой ассортимент
головных платков и шелковых лент всех сортов и цветов

ЦЕНЫ ОБЩЕДОСТУПНЫЕ

У. С. С. Р. — В. С. Н. Х.

ВСЕУКРАИНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРОИТЕЛЬНАЯ КОНТОРА

„УКРГОССТРОЙ“

КИЕВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Золотоворотская № 2, тел. № 6 — 27,

ВЫПОЛНЯЕТ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

КИЕВСКИЙ „ПИЩЕТРЕСТ“

(Киев, ул. Воровского, № 10)

ПРЕДЛАГАЕТ

ПРОДУКЦИЮ СОБСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ:

ДРОЖЖИ высокого качества — марки „СЛОН“, ПИВО, КОНДИТЕРСКИЕ и КОЛБАСНЫЕ ИЗДЕЛИЯ, МЫЛО бельевое, туалетное, ОЛИФУ, ЖМЫХИ.

ПОКУПАЕТ:

ЯЧМЕНЬ, КУКУРУЗУ, МАСЛО-СЕМЕНА, КАКАО-МАСЛО.

ИНОГОРОДНИЕ КОНТОРЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА:

1. Москва — Б. Дорогомиловская, № 1.
2. Харьков — Суздальские ряды, № 78.
3. Житомир — Киевская, № 1.

КИЕВСКИЙ „МЕТАЛЛОТРЕСТ“

объединяющий группу машиностроительных и металлообрабатывающих заводов Киевщины (Большевик, Прогресс, Красные Пахари № 1 и № 2, завод ковкого чугуна, завод 1-го Мая, проволоочно-гвоздильный и плетеночный имени ПИСЬМЕННОГО)

ПРИНИМАЕТ ЗАКАЗЫ НА:

1) Оборудование, ремонт, составление проектов и смет элеваторов, сахарных заводов, кожевенных заводов, лесопильных заводов, мельниц и прочих. 2) Всевозможное чугунное, фасонно-стальное, бронзовое литье, а также литье из ковкого чугуна, запасные части для всех с.-х. машин и орудий, звенья цепей „Эверта“, головки „Акме“, муфты, тройники, пробки, футорки, и др. части для газо-паро-водокоммуникаций и т. п. 3) Жернова мельничные — изготовление новых и наливка. 4) Усовершенствованные нефтяные двигатели типа „Гека“ ст. 10 до 180 инд. л. с. 5) Лесопильные станки, специально приспособленные к русским условиям для прохождения кражей от 650 до 1000 мм. 6) Паровые котлы, паровые машины, экономайзеры и топки разных систем. 7) Насосы плунжерные, поршневые и центробежные. 8) Аппараты „Гейда“ для протравливания семян и конные опрыскиватели. 9) Универсальные, комбинированные, свекловичные и хлебные сеялки (патенты Веска и „Грузиера“ бывш. Фильдверт и Дедина). 10) Культиваторы, молотилки, соломорезки, веялки, конные привода, шоссейные катки и запасные части. 11) Штампованные сита (железные, оцинкованные и медные). Т Л А Н И: медные и железные для сельмашин, рудников, писчебумажной и сахарной промышленности. 12) Разные котельные, механические работы. 13) Гвозди провололочные. 14) Установка и монтаж.

ПРАВЛЕНИЕ „МЕТАЛЛОТРЕСТА“ помещается в г. Киеве, улица Воровского (б. Крещатик) № 10.

Телефоны: Правления — 10-76, Коммерч. части — 11-28.

„УКРАИНЛЕС“

УКРАИНСКОЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОЕ Т-ВО НА ПАЯХ

ПРАВЛЕНИЕ:

в Киеве, по бульвару Шевченка, № 34, тел. № 20—89

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА и КОНТОРЫ:

в г. г. Москве, Харькове, Екатеринославе, Черкассах, Кременчуге, Симферополе, Херсоне, Житомире, Чернигове, Н.-Северске, в Славуте, на ст.ст. Тетерев и Коростень (Юго-Западных ж. д.), Пироговка—М.-К.-Вор. ж. д. и др.

Телеграфный адрес всюду: „УКРАИНЛЕС“

МЕРЕФЯНСКИЙ ГОССТЕКЛОЗАВОД

ИМЕНИ Г. И. ПЕТРОВСКОГО

□ □ □

ВЫРАБАТЫВАЕТ: 1) Стекло оконное одинарное и двойное. 2) Разную стеклянную посуду, материальную, химическую и хозяйственную. 3) Аптекарскую и чернильную. 4) Бутылки винные и монопольные.

ПОКУПАЕТ: бой стеклянный белый в неограниченном количестве.

Требуйте везде и всюду наши таба-
ки, папиросы и трубочные табаки.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТАБАЧНЫЙ ТРЕСТ

ПРАВЛЕНИЕ:

ЛЕНИНГРАД, ПРОСПЕКТ ВОЛОДАРСКОГО, 51.

ХАРЬКОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ:

СУЗДАЛЬСКИЙ РЯД, № № 12, 13, 14.

○ ○ ○

ГОСУЧРЕЖДЕНИЯМ И КООПЕРАЦИИ

ПРИБЛИЖИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И КРЕДИТ.

○ ○ ○

ЗАКАЗЫ ВЫПОЛНЯЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Требуйте везде и всюду наши таба-
ки, папиросы и трубочные табаки.

Требуйте везде и всюду наши таба-
ки, папиросы и трубочные табаки.

Требуйте везде и всюду наши таба-
ки, папиросы и трубочные табаки.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

„АЗНЕФТЬ“

ДЛЯ СНАБЖЕНИЯ СВОЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (г. БАКУ)
ПОКУПАЕТ РАЗЛИЧНЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ И
ПРОДОВОЛЬСТВИЕ.

ЗАКУПОЧНЫЕ КОНТОРЫ: в ХАРЬКОВЕ, МОСКВЕ, ЛЕНИНГРАДЕ, РОСТОВЕ,
ЗАГРАНИЦЕЙ: в ЛОНДОНЕ, БЕРЛИНЕ, ПАРИЖЕ.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО АЗНЕФТИ НА УКРАИНЕ:

г. ХАРЬКОВ, КУПЕЧЕСКИЙ СПУСК № 2. ТЕЛ. 18 - 25.

Всеукраїнська Кооперативна Спілка (ВУКОПСШЛАКА) об'єднує 44 Райсоюзовів, 381 Робоче-Городського П. О., 6047 сільських споживчих Т-в.

ВУКОПСШЛАКА об'єднує 1.500.000 душ кооперованого населення.

ВУКОПСШЛАКА має свої філії в Києві, Одесі, та представництва в Москві, Ленінграді, Ростові, Баку й закордоном.

ВУКОПСШЛАКА має свої гуртові склади в Харкові й інших містах.

ВУКОПСШЛАКА має свої промислові підприємства.

ВУКОПСШЛАКА продала крупу за 1924-й рік на суму 31.800.000 карб.

ВУКОПСШЛАКА заготовила сільсько-господарських продуктів за 1924-й рік 4.500.000 пудів (7 мільйонів карб.).

ВУКОПСШЛАКА продала за 1924-й рік закордон хліба 600.000 пудів (4 мільйона карб.).

ВУКОПСШЛАКА ставить своїм завданням скооперувати поголовно все населення України.

Поспішайте-ж всі записатися в члени місцевих кооперативних організацій.

Ні копійки приватній торгівлі! Всі в кооперацію!

В. С. Н. Х. — У. С. С. Р.

УКРМАХОРОТРЕСТ

УПРАВЛЕНИЕ — КИЕВ, ул. ЭНГЕЛЬСА, 2

ТРЕБУЙТЕ

□ □ □

ТРЕБУЙТЕ

МАХОРКУ УКРМАХОРОТРЕСТА С НОВЫМ ЭТИКЕТОМ

ПАЧКА 50 ГРАММ
|| 6 КОПЕЕК ||

Постановлением Комвнупорта
СССР гос. коопер. учрежд.
и частные лица, торгующие
дороже этой цены, отвечают
о по ст. 141 Ул. Кодекса о

УКРАИНО-КРЫМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАРТОЧНОЙ МОНОПОЛИИ

Харьков, ул. К. ЛИБКНЕХТА, № 14

ПРЕДЛАГАЕТ
ИГРАЛЬНЫЕ

КАРТЫ

||||||| ВСЕХ СОРТОВ |||||

ОПТОВЫМ ПОКУПАТ ЛЯМ ЛЬГОТНЫЕ УСЛОВИЯ

У. С. С. Р.

УКРАИНСКО-ВОСТОЧНАЯ ТОРГОВАЯ ПАЛАТА

УЛ. КАРЛА ЛИБКНЕХТА, № 64. ТЕЛЕФОН № 36-94.

СОДЕЙСТВУЕТ

ЭКОНОМИЧЕСКОМУ СБЛИЖЕНИЮ
С ВОСТОЧНЫМИ СТРАНАМИ,
РАЗРАБАТЫВАЯ ВОПРОСЫ,
СВЯЗАННЫЕ С ТОРГОВЛЕЙ УКРАИНЫ
С ВОСТОКОМ

■ ■ ■

РАЗРАБАТЫВАЕТ
и РАСПРОСТРАНЯЕТ

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ,
КАСАЮЩИЕСЯ ТОРГОВЛИ
УКРАИНЫ С ВОСТОКОМ,
ЗАКОНОВ, ТОРГОВЫХ
ОБЫЧАЕВ ВОСТОЧНЫХ
СТРАН, СОСТОЯНИЯ
РЫНКОВ, ЦЕН и пр.

■ ■ ■

ЗАПИСЬ В ЧЛЕНЫ ПАЛАТЫ ПРИНИМАЕТСЯ

ОТ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ,
ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ,
ФИНАНСОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ УКРАИНЫ
И СТРАН ВОСТОКА, А ТАКЖЕ ВОСТОЧНОГО КУПЕЧЕСТВА

MCHX

„ТЕХНОТКАНЬ”

SERGIYEVSKAYA PLOSHCHAD

☐ ☐ ☐

РУКАВА ПОЖАРНЫЕ
::: ВСЕХ РАЗМЕРОВ :::

РЕМНИ ПРИВОДНЫЕ ВЕРБЛЮЖЬИ ::: И ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫЕ :::

БРЕЗЕНТЫ, КЛЕЕНКА СТОЛОВАЯ
И МЕБЕЛЬНАЯ, ДАРМАНТИН,
::: ФИЛЬТРО-ПРЕСНЫЕ ТКАНИ :::

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЦУКРОВЫЙ ТРЕСТ

ХАРКІВСЬКА ФІЛІЯ ЦУКОТРЕСТУ:

Харків, ул. К. Лібкнехта Ч. 17/19, тел. 5 - 39

ОБ'ЄДНУЄ:

Цукроварень — 43
Рафінарень — 3
Винокурень — 9

ПРОДАЄ:

**Цукор пісок,
Цукор рафінад.**

АРТЕМОВСКАЯ ТОВАРНАЯ БИРЖА

ТЕЛЕФОНЫ : Секретариат — № 250

Маклериат — № 205

ТЕКУЩИЕ СЧЕТА : Госбанк — № 148

Промбанк — № 247

-
- 1. Реализация спроса и предложения**
 - 2. Регистрационное Бюро**
 - 3. Консультационное Бюро**
 - 4. Издание Бюллетеня**
 - 5. Выдача справок о ценах на товары
местного и иногородних рынков**
 - 6. Ежедневные (от 12—14 час.) бир-
жевые собрания**
 - 7. Арбитражная Комиссия**

Южно-Химический Трест

„ХИМУГОЛЬ“

Правление: Харьков, Рымарская ул. № 22.

ВЫРАБАТЫВАЕТ НА СВОИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ
= В ДОНЕЦКОМ БАССЕЙНЕ и ПРОДАЕТ: =

Соду: каустическую, кальцинированную и бикарбонат (двууглекислую)

Нашатырь: прессованный и в порошке. Нашатырный спирт 25%, хлорную известь

Кислоты: серную, соляную, азотную и аккумуляторную

Купорос: медный и железный

Сурик железный

Силикат одинарный, двойной и в порошке

Хлористый цинк: в растворе и твердый

Сульфат безводный

Сернистый натр

Краски сернистые: черные и цветные

Гипосульфит

Стекло оконное: бемское и полубемское

Стекло зеркальное (витражи)

Зеркала разных фасонов

Бутылки: пивные, винные и фасонные

Банки для варенья и элементные

Склянки аптекарские и материальные

Карандаши: черные, химические и цветные

Уголь марки „Д“ (длиннопламенный)

Мел: кусковой и в порошке

Трест имеет свои торговые отделения:

Москва, Мясницкая ул., 8 (б. Златоустинская).

Ростов н/Д, Средний Проспект, 42.

Харьков, пл. Розы Люксембург, гостин. „Спартак“.

Киев, ул. Энгельса № 1, кв. 16.

Одесса, ул. Карла Маркса, № 24.

Екатеринослав, уг. проспекта Карла Маркса и сквера Раковского.

Самара, Кооперативная, 70.

А ТАКЖЕ ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ

во всех крупных пунктах СССР.

**УКРАИНСКОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТРЕСТИРОВАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
БУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ**

УПРАВЛЕНИЕ: **РОЗНИЧНЫЙ МАГАЗИН**
КИЕВ, пл. Спартакa, 4 ул. Воровского, 29

ОТДЕЛЕНИЯ:

МОСКВА, Рождественка, 2 РОСТОВ, Николаев. пер., 38
ХАРЬКОВ, Дворец Труда ГОМЕЛЬ

ПРОИЗВОДИТ И ПРОДАЕТ
ПИСЧУЮ, КУРИТЕЛЬНУЮ „ВЕРЖЕ“
ПАПИРОСНУЮ „ФИЛИГРАН“,
ПАПИРОСНЫЕ БОБИНЫ, КОПИРОВАЛЬНУЮ
===== В ЛИСТАХ И РУЛОНАХ, =====
КАРТОН СОЛОМЕННЫЙ и ТОЛЕВЫЙ,
ОБЕРТКУ СОЛОМЕННУЮ, ТРЯПИЧНУЮ и ПОЛУ-
СОЛОМЕННУЮ, А ТАКЖЕ ДР. СОРТА

ПОКУПАЕТ ДЛЯ НУЖД ПРОИЗВОДСТВА
СЫРЬЕ, КАК ТО: ТРЯПЬЕ, СОЛОМА, БУЗБРАК,
ЦЕЛЛЮЛОЗА И ДР., А ТАКЖЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ И ХИМИЧЕСКИЕ ПРОДУКТЫ

ВСЕМ ПОКУПАТЕЛЯМ И ПОТРЕБИТЕЛЯМ
ПРОДУКЦИИ БУМАЖНЫХ ФАБРИК
■■■■■■■■ РЕКОМЕНДУЕТСЯ ■■■■■■■■
ПРИ ПОКУПКАХ ТРЕБОВАТЬ
НЕПРЕМЕННОГО ПРЕД'ЯВЛЕНИЯ ПРЕЙС-КУРАНТОВ
== ГОСУДАРСТВЕННЫХ БУМАЖНЫХ ТРЕСТОВ ==

АРТЕМОВСКИЙ ОКРУЖНОЙ ОТДЕЛ МЕСТНОГО ХОЗЯЙСТВА

Отдел Местной Промышленности
ИМЕЕТ В СВОЕМ ВЕДЕНИИ:

1. **Центральную гостиницу** в центре города, заново отремонтированную и обставленную.
2. **Чугунно - литейный и механический заводы в Славянске и Артемовске**
Заводы исполняют всякого рода ремонты паровых машин, нефтяных и маслобоекных оборудований, ремонт ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ МАШИН И ОРУДИЙ, ПРОИЗВОДИТ ЧУГУННОЕ И МЕДНОЕ ЛИТЬЕ.
3. **Паровые мукомольные мельницы с маслозаводами** В КОЛОНИИ НИКОЛАЕВКЕ И КОНДРАТЬЕВКЕ.
Перемол зерна на муку; высокий и крестьянский помол.
4. **Каменноугольную шахту** при станции Кривой Торец.
5. **Алебастровый завод в Артемовске бывш. Фарке** производит жжено-молотый алебастр.

СДАЮТСЯ В АРЕНДУ

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ:

стекольные, кирпично - черепичные, кожевенные
и другие.

С ЗАПРОСАМИ ОБРАЩАТЬСЯ:

Артемовск — Окрмествхоз („Артокрмествхоз“).

ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОЕ и ТОПЛИВНОЕ ПАЕВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

== ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ ==

„УКРЛЕСТОП“

□ □ □

УЧРЕДИТЕЛИ:

ВСНХ УССР, ХАРЬКОВСКИЙ, ДОНЕЦКИЙ

== и ПОЛТАВСКИЙ ГУБИСПОЛКОМЫ ==

ПРАВЛЕНИЕ:

ХАРЬКОВ, ДОМ ТРЕСТОВ. Тел. 13-76 и 7-38

□ □ □

ЛЕСОРАЗРАБОТКИ и ЛЕСОЗАВОДЫ

**В ПРЕДЕЛАХ ХАРЬКОВСК., ПОЛТАВСКОЙ,
ДОНЕЦКОЙ и ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ**

□ □ □

≡ ФАБРИКА ≡

МАССИВНЫХ ПАРКЕТОВ

СТАНЦИЯ СМОРОДИНО, ЮЖНЫХ ЖЕЛЕЗН. ДОРОГ

□ □ □

ПРОДАЖА и ПРИЕМ ЗАКАЗОВ

== НА ==

ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ЛЕСОМАТЕРИАЛЫ

**СОСНОВЫЕ, ДУБОВЫЕ, ЯСЕНЕВЫЕ
и ПРОЧИХ ТВЕРДОЛИСТВЕННЫХ ПОРОД**

□ □ □

СПЕЦИАЛЬНО ДУБ, ЯСЕНЬ

□ □ □

ТОРГОВЫЕ СКЛАДЫ:

ХАРЬКОВ, СУМЫ, ПОЛТАВА,

ЛУГАНСК, АРТЕМОВСК, ГРИШИНО

Высший Совет Народного Хозяйства Украины

Государственный Трест
Крупной Текстильной Промышленности
„УКРТЕКСТИЛЬТРЕСТ“

ХАРЬКОВ,

Рымарская улица, № 22, кв.: 50, 51, 52 и 56.

ТЕЛЕФОНЫ №№ 10-95, 507, 20-59.

Адрес для телеграмм :

ХАРЬКОВ — „УКРТЕКСТИЛЬТРЕСТ“.

УКРТЕКСТИЛЬТРЕСТ ИМЕЕТ ОТДЕЛЕНИЯ И СКЛАДЫ:

В МОСКВЕ, БАКУ, РОСТОВЕ-на-ДОНУ,
ХАРЬКОВЕ—Рождественская ул., № 23,
тел. 12-83; ул. Свободной Академии
(б. Университетская), 39.

**ВЫРАБАТЫВАЕТ
и ПРОДАЕТ:**

МЕШКИ провиантские, сахарные, рисовые, кишмишевые,
КАНАТЫ провололочные, пеньковые, бельные, смольные, манильские и приводные,
ХОЛСТ разный,
ПАССЫ пеньковые, элеваторные, верблюжьи,
СУКНО прессовое,
БИЧЕВА, ШПАГАТ, ОТБОЙКА, ОБОРОТЫ, ПОСТРОМКИ, ТЕСЬМА и ГВОЗДИ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТОРГОВАЯ ИМПОРТНО-ЭКСПОРТНАЯ КОНТОРА „ГОСТОРГ“ РСФСР

ГОСТОРГ является крупнейшей организацией внешней торговли всего Союза Советских Социалистических Республик: Его основной капитал равен в настоящее время 600 миллионов франков.

ГОСТОРГ производит закупку за границей всякого рода импортных товаров, а также вывозит за границу экспортные товары Советского Союза как за свой счет, так и на комиссионных началах по поручению государственных органов, кооперативных организаций, частных лиц и предприятий.

Заведывание всеми операциями ГОСТОРГА лежит на его Правлении (Москва, Ильинка, 14), которое объединяет специальные и местные органы: Главные Конторы, специализировавшиеся на отдельных отраслях импорта и экспорта, Областные Отделения и Губернские Конторы, объединяющие работу филиалов по крупным административным районам, и, наконец, те Отделения, Агентства и фактории, которые ведут непосредственную техническую работу по заготовке экспортных товаров и по сбыту импортных товаров.

Главных Контор ГОСТОРГА — девять. Из них три: Торговая, Техническая и Химико - фармацевтическая импортируют из - за границы товары, потребные для русского рынка. Остальные шесть: Хлебная, Пушно - сырьевая, Кишечная, Льняная, Масло - экспортная и Контора по экспорту лесоматериалов заготавливают и вывозят за границу товары российского происхождения.

Громадный торговый аппарат ГОСТОРГА раскинут по всей территории РСФСР, Триста Отделений и их более мелкие филиалы идут далеко вглубь страны, организуя заготовку экспортных товаров по уездам и селам.

ГОСТОРГ ввозит: хлопок, шерсть, джут, пряжу, южно - американскую тяжелую кожу, выделанную легкую кожу, сырье для галантереи, целлулоид, бумагу: газетную и иную, технические и колониальные товары (рис, какао, кофе в бобах, перец, гвоздику, корицу, чай и сахар), химические и фармацевтические товары, краски, гарпиус, дубители, галантерею, канцелярские принадлежности, металлы, металлические полуфабрикаты, инструменты и принадлежности промышленного оборудования, машины и машинные части, электроматериалы всякого рода, автомобили, автобусы, тракторы и сельско - хозяйственные орудия, оборудование для нужд коммунального хозяйства и т. п.

ГОСТОРГ вывозит: хлеб, кормовые зерна, лен, пеньку и кудель, табак, лекарственные травы, вино, фрукты свежие и сушеные, жмыхи и растительные масла, масло сливочное и яйца, рыбу и рыбные продукты, дичь, коконы шелковичных червей, пушнину, кожевенное сырье, шетину, конский волос и конские хвосты, рога и копыта, шерсть (грубые сорта), лесоматериалы, в частности ценные породы леса, фанеру и дубовую французскую клепку.

ВСЕУКРАИНСКАЯ КОНТОРА
АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА
„ХЛЕБОПРОДУКТ“

ПОКУПАЕТ
ЗЕРНО И МУКУ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО У КРЕСТЬЯН
ЗА НАЛИЧНЫЙ РАСЧЕТ

■

ИМЕЕТСЯ
ДО 200 ЗАКУПОЧНЫХ ПУНКТОВ
ВО ВСЕХ КРУПНЫХ СЕЛАХ,
ПРИ СТАНЦИЯХ ЖЕЛ. ДОРОГ,
РЕЧНЫХ И МОРСКИХ
ПРИСТАНЯХ

■

КОНТОРЫ:
В ХАРЬКОВЕ, ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ, АРТЕМОВСКЕ,
ПОЛТАВЕ, КИЕВЕ, ВИННИЦЕ, ОДЕССЕ

АДРЕС КОНТОРЫ:
ХАРЬКОВ, ДВОРЕЦ ТРУДА, КВ. 45, ТЕЛЕФОН № 2 — 37

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАВОД „СВЕТ ШАХТЕРА“

В ГОР. ХАРЬКОВЕ ИЗГОТОВЛЯЕТ:

Рудничные лампы системы
„Вольф“, „Шено“, „Марк-
шейдерские“ дворовые 3-х,
фитильные —————

Продувные аппараты для
испытания ламп „Вольф“ —

Аппараты для наполнения
ламп „Вольф“ —————

Перфораторы системы „Рач-
чет“ и „Эллион“ —————

Бетономешалки —————

Подъемные лебедки —————

Буровой инструмент —————

Метрические гири —————

Печные приборы (колосники,
плиты, дверки, задвижки)

КОНТОРА ЗАВОДА: —————

Харьков, улица „Свет Шахтера“, № 4

————— Телефон 22-02

Н. К. З.

У. С. С. Р.

Всеукраинское Центральное Управление Лесами

„В У П Л“

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ЧАСТЬ

Харьков, улица К. Либкнехта, № 82

ФИЛИАЛЫ—Производственные части Губернских
Лесных Управлений

в г.г. Харькове, Екатеринославе, Киеве,
Полтаве, Одессе, Житомире, Виннице,
Чернигове и Бахмуте и при всех лесни-
..... чествах

□□□□□□□□

ЗАГОТОВЛЯЕТ и ПРОДАЕТ

ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА:

Госучреждениям, Госпредприятиям, Кооперативным
Организациям и проч. потребителям:

ЛЕСОМАТЕРИАЛЫ твердых (дуб, ясень), мягких лиственных
и хвойных пород.

ПИЛОМАТЕРИАЛЫ: доски, брусья, шпалы и проч.

КРЕСТЬЯНСКИЕ МАТЕРИАЛЫ: щепные и строительные.

ПРОДУКТЫ СУХОЙ ПЕРЕГОНКИ ДЕРЕВА: скипидар, кани-
фоль, смолы.

ДЛЯ ЭКСПОРТА:

дубовые и сосновые экспортные матэриалы,
как - то : рунда, ванчесы, плансоны, швели и
вайхи, клепка мемельская и французская,
биндергольц, доски, слипнера и англо - брусья.

ЩОМІСЯЧНИЙ ЖУРНАЛ ЦККП(б)У „БІЛЬШОВИК“

ПРИСВЯЧЕНИЙ ПИТАННЯМ ТЕОРІЇ Й
ПРАКТИКИ МАРКСИЗМУ Й ЛЕНІНІЗМУ

:- В російській і українській мовах :-

ПІД РЕДАКЦІЄЮ Квірніга А., Лебеда, Д., Попова, Н.,
Равича-Черкаського, Н., Шумського, А.

«БІЛЬШОВИК» подає статті з основних питань теорії марксизму й лєнінізму, а також теоретичних питань в галузі економіки.

«БІЛЬШОВИК» містить статті з основних питань внутрішнього партійного життя, міжнародної політики та статті в зв'язку з партійними і радянськ. кампаніями більшого масштабу.

«БІЛЬШОВИК» освітлює спірні питання світової радянської економіки.

«БІЛЬШОВИК» уділює відповідне місце досягненням в галузі національного будівництва на Україні та освітленню становища сусідніх з Україною держав, а також питанням культурного будівництва на Україні.

«БІЛЬШОВИК» має бібліографічний відділ з рецензіями на найбільш важні книжки та журнали, здебільшого на ті, що видаються на Україні.

УМОВИ ПЕРЕДПЛАТИ:

На 12 місяців	4	крб.	—	коп.
» 6	2	»	25	»
» 3	1	»	15	»

Окреме число — 40 коп.

ПЕРЕДПЛАТУ ПРИЙМАЄ ГОЛОВНА КОНТОРА ПЕРІОДИЧНИХ ВИДАНЬ

Харків, площа Рози Люксембург, 23.

А ТАКОЖ ВСІ ФІЛІЇ, ТОРГКОНТОРИ І АГЕНТСТВА ДВУ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ДВУХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ИСПАРТА ЦККП(б)У

„ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ“

Задачей «ЛЕТОПИСИ РЕВОЛЮЦИИ» является восстановление героического прошлого партии пролетариата и выявление тех путей, которыми рабочие и крестьянские массы Украины пришли к освобождению от экономического, политического и национального порабощения.

«ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ» освещает историю КП(б)У и РСДРП(б), историю массового революционного движения и вооруженной борьбы с царизмом, историю Украинской Революции и гражданской войны на Украине.

«ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ» имеет исследовательские статьи по истории партии и революционного движения, написанные на основании архивных материалов.

«ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ» помещает воспоминания участников революционного движения, работников царского подполья и подполья белогвардейской оккупации, тех, кто проложил путь прол. революции.

«ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ» стремится воскресить в памяти старого революционного актива уроки прошлой борьбы, а партийному и комсомольскому молодяку дать понимание того процесса освободительной борьбы русских и украинских рабочих-крестьянских масс, который они призваны довести до последнего победного конца.

«ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ» дает биографический материал о героях революции, павших в борьбе.

«ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ» помещает исторические революционные документы, отражающие ушедшую эпоху.

«ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ» имеет хронику, освещающую деятельность испартов на Украине.

«ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ» будущим историкам революции и партии готовит богатый фактический материал, а партийной массе помогает в серьезном и углубленном усвоении истории партии Октября.

В ближайшие номера «ЛЕТОПИСИ РЕВОЛЮЦИИ» вводится отдел методологии, где будут помещаться статьи по методике испартовской работы и отдел библиографический, в котором будут помещаться отзывы о новых изданиях по истории партии, революционного движения и гражданской войны.

Метод «ЛЕТОПИСИ РЕВОЛЮЦИИ» — это метод наглядного обучения, путем примеров, путем живых картин героического прошлого.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на 1 год—8 руб., на полгода—4 руб. Опд. номер 1 р. 50 к. Парторган. и членам партии—20% скидки.

ПОДПИСКУ ПРИНИМАЕТ
ГЛАВНАЯ КОНТОРА ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Харьков, пл. Розы Люксембург, № 23,
а также все Отделения, Торгконторы и Агентства ДВУ

